

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Россия (СССР) и Македония:
история, политика, культура
1944–1991 гг.

Москва 2013

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

**Россия (СССР) и Македония:
история, политика, культура
1944–1991 гг.**

Москва 2013

Редакционная коллегия:

д.и.н. К.В. Никифоров (ответственный редактор)
к.ф.н. Е.С. Узенева
к.ф.н. М.Б. Проскурнина
Т.С. Ганенкова

Рецензенты:

д.и.н. С.И. Данченко
д.ф.н. А.Г. Шешкен

Россия (СССР) и Македония: история, политика, культура.
1944–1991 гг. – М.: Институт славяноведения РАН, 2013. – 340 с.

Предлагаемый вниманию читателей труд подготовлен по итогам одноименной совместной российско-македонской конференции, состоявшейся в Институте славяноведения РАН в июне 2011 г. В сборнике представлены статьи ученых из Москвы и Скопье, а также из Перми, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и Варшавы. Рассматриваются политические, этнические, конфессиональные, лингвистические, литературоведческие и многие другие вопросы, связанные с македонской тематикой в этот важнейший для страны период с точки зрения развития македонской нации, македонского литературного языка, национального самосознания. Большое внимание уделено также отношениям, которые складывались в послевоенный период между советской Россией и югославской Македонией.

ISBN-10 5-7576-0276-7
ISBN-13 978-5-7576-0276-9

© Институт славяноведения РАН, 2013
© Авторы, 2013

Вместо предисловия

Российско-македонское сотрудничество в гуманитарно-научной сфере было затруднено по многим причинам. Долгое время оно было размыто в рамках советско-югославского сотрудничества, где на долю Македонии выпадало не так уж много места. Но, главное, само слово «Македония» и производные от него, как известно, долгое время были в СССР табуированы¹.

Однако сотрудничество все же развивалось. Ее центром в СССР был московский академический Институт славяноведения, а первым зримым результатом – издание в 1963 г. македонско-русского словаря².

Позже советские и македонские ученые работали в межакадемической двусторонней Комиссии историков СССР и СФРЮ, которая возникла в 1974 г. С советской стороны комиссия формировалась на базе Института славяноведения АН СССР. Югославская же часть Комиссии постоянно обновлялась по принципу ротации. Однако сопредседателем Комиссии с югославской стороны долгое время (с 1978 г.) был президент Македонской академии наук и искусств (МАНИ) академик Михайло Апостолский. В 1989 г. его на этом посту заменил Александр Христов, также академик МАНИ³.

В тяжелые 1990-е годы сотрудничество несколько ослабло⁴, чтобы возродиться с новой силой уже в 2000-е годы. И вновь инициаторами этого процесса были Институт славяноведения РАН и МАНИ, прежде всего – академик Блаже Ристовский. Сотрудничество ученых двух стран было формализовано в проекте «Россия (СССР) и Македония: история, политика, культура», который подразумевал проведение совместных конференций и публикацию прослушанных докладов в виде сборников трудов.

¹ Подробнее см. статью Е.Л. Валеовой и О.Н. Исаевой в этом сборнике.

² Толовски Д., Илич-Свитыч В.М. Македонско-русский словарь. М., 1963.

³ Подробнее о работе советско-югославской Комиссии историков см.: Никифоров К. Предисловие // Россия и Сербия глазами историков двух стран. СПб., 2010. С. 5–9.

⁴ Все же выходили отдельные работы, особенно в конце 1990-х годов. См., например: Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997; Македонско-русски речник. Македонско-русский словарь / Ред. Р. Усикова. Сост. Р.П. Усикова, З.К. Шанова, М.А. Поварницина, Е.В. Верижникова. Скопје, 1997, т. I–III; Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999; Ристовский Б. Димитрий Чуповский и македонское национальное сознание. М., 1999.

Так, в 2004 г. в Охриде состоялась конференция «Македония и российская политика на Балканах от Берлинского конгресса до Первой мировой войны». На другой год в Москве в стенах Института славяноведения состоялась конференция «Россия и Македония: от прошлого к будущему. К 100-летию журнала “Вардар” (1905)». Эти конференции и вышедшие в 2008 г. по их итогам сборники статей⁵ положили начало более систематическому сотрудничеству македонистов (историков, филологов, культурологов, этнографов, политологов) двух стран. Очередная конференция вновь прошла в Охриде в 2008 г. По ее результатам увидел свет сборник «Македония и Россия (СССР): история, политика, культура. От Первой мировой войны до формирования современного македонского государства. 1914–1944»⁶.

В 2010 г. был опубликован еще один труд по итогам совместной конференции, состоявшейся в Македонии. Конференция явилась частью другого совместного проекта, который реализовывается между Институтом славяноведения РАН и Институтом национальной истории при Университете им. свв. Кирилла и Мефодия в Скопье. И проект, и сборник назывались одинаково – «Балканы и Россия: общее и специфическое в историческом и культурном развитии»⁷.

Двумя отмеченными совместными проектами сотрудничество Института славяноведения РАН с македонскими коллегами отнюдь не исчерпывалось. Только с Македонской академией наук и искусств у Института реализуется семь совместных проектов – с Отделением лингвистики и литературоведения, Центром стратегических исследований, Лексикографическим центром, Центром ареальной лингвистики. Кроме этого, заключены прямые соглашения о сотрудничестве с Университетом им. свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (с Институтом македонской литературы, Институтом национальной истории, Институтом этнологии и антропологии и Филологическим факультетом им. Блаже Конеского). Подписано также соглашение о сотрудничестве с Университетом им. Гоце Делчева в Штипе.

С течением времени македонистика в России все больше превращалась в отдельное направление исследований. Так, в 2004 г. в Институте

⁵ Македонија и руската политика на Балканот од Берлинскиот конгрес до Првата светска војна. Скопје, 2008; Россия и Македония: от прошлого к будущему. К 100-летию журнала «Вардар» (1905). М. 2008.

⁶ Македонија и Русија/СССР: историја – политика – култура: од Првата светска војна до формирањето на современата македонска државност (1914–1944). Скопје, 2011.

⁷ Балканот и Русија: општо и специфично во историскиот културниот развиток. Скопје, 2010.

славяноведения РАН состоялась защита кандидатской диссертации М.Л. Ямбаевым на тему «Македония и Россия. 1897–1903». Эта была первая в Институте защита исторической диссертации на чисто македонскую тему. Позже, в 2012 г. кандидатскую диссертацию на тему «Внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001 гг.)» защитил в Московском государственном университете Е.А. Колосков. В Институте славяноведения на тему диссертации им была подготовлена и опубликована монография⁸.

Упомянем также две литературоведческие кандидатские диссертации, защищенные в 2000 г. в МГУ М.Б. Проскурниной («Македонский роман 1980-х – 1990-х гг. в югославском литературном контексте: основные тенденции, типология жанра») и в 2004 г. в Институте славяноведения А.Е. Евстратовой («Жанровое своеобразие македонского романа 1960-х годов»). В целом история зарождения, становления и развития македонской литературы с 1880-х по 1990-е годы получила освещение в монографии А.Г. Шешкен⁹.

Македонская тематика, естественно, находила свое место и среди работ сотрудников Института славяноведения РАН, посвященных более общим проблемам. Назовем в качестве примера только две последние: «История Югославии в XX веке. Очерки политической истории»¹⁰ и «Лексикон южнославянских литератур»¹¹.

Сборник статей, который держит в руках читатель, также возник в результате российско-македонской конференции, уже пятой за последние годы. Она называлась «Россия (СССР) и Македония: история, политика, культура. 1944–1991 гг.» и состоялась в Институте славяноведения РАН в июне 2011 г. Авторы сборника представляют разные города и страны, весьма широк и его тематический охват. В сборнике представлены статьи ученых из Москвы и Скопье, а также из Перми, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова и даже из Киева и Варшавы. Затрагиваются в основном три больших блока проблем: история Македонии и российско-македонских связей, развитие македонской культуры и функционирование македонского языка.

Причем проблематика сборника оказалась даже несколько шире обозначенного в заглавии периода – 1944–1991 гг. Так, читатель может

⁸ См.: Колосков Е.А. Страна без названия: внешнеполитический аспект становления македонского государства (1991–2001 гг.). М., 2013.

⁹ Шешкен А.Г. Формиране и развојот на македонската литература. Скопје, 2012.

¹⁰ История Югославии в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011.

¹¹ Лексикон южнославянских литератур. М., 2012.

познакомиться с советской историографией такого важнейшего для региона события, как Балканские войны; проследить, как происходило изучение Македонии в СССР; узнать, как видятся из России и Украины первые годы существования независимой Республики Македония. За указанные в названии хронологические рамки выходят и некоторые статьи сборника, посвященные более общим вопросам македонской культуры и языка.

Тем не менее, основное внимание авторы сборника все же уделили именно послевоенной истории Македонии и отношениям, которые складывались между советской Россией и югославской Македонией от возникновения македонской государственности в годы освободительной войны против оккупантов и до обретения независимости. Этот важнейший с точки зрения образования и развития македонской нации и македонского литературного языка период получил в сборнике наиболее полное освещение. На протяжении всего этого периода рассматриваются политические, этнические, конфессиональные, лингвистические, литературоведческие и многие другие вопросы, связанные с македонской тематикой.

Следующим шагом в российско-македонском сотрудничестве станет шестая научная конференция, намеченная на конец июня в Скопье. Ее тема: «Бухарестский мирный договор (1913 г.) и его долгосрочные последствия для Македонии и всей Юго-Восточной Европы». Тем самым будет отмечено столетие со дня окончаний Балканских войн, разделивших освобожденную от турецкого ига Македонию на три части – Эгейскую Македонию (Греция), Вардарскую Македонию (Сербия, современная Республика Македония) и Пиринский край (Болгария).

Таким образом, российско-македонское сотрудничество развивается. Сейчас оно вышло в основном на биенальный принцип – раз в два года проводятся совместные конференции, попеременно в России и Македонии. Примерно по такому же принципу построено сотрудничество российских ученых и с другими иностранными коллегами. Остается в силе и даже усиливается комплексный подход к проблемам македонистики: в двустороннем сотрудничестве принимают участие специалисты самого разного гуманитарного профиля. В последние годы в этом сотрудничестве участвует все больше молодых российских специалистов, а также специалистов не только из столичных, но и из региональных научных центров. Это показывает, что, несмотря на все сложности, македонистика в России постепенно развивается вглубь и вширь и у нее есть хорошие перспективы.

Россия/СССР и Македония от АСНОМ до независимости (1944–1991)

Предложенная тема затрагивает период от создания македонского государства на Первом заседании Антифашистского собрания народного освобождения Македонии (АСНОМ, 2 августа 1944 г.) до общенародного утверждения самостоятельной Македонии на референдуме (8 сентября 1991 г.). Этот процесс все еще не получил полной исторической оценки и строгой научной верификации. Именно поэтому еще не издан VI том «Истории македонского народа», а последний V том заканчивается третьим (и последним) заседанием АСНОМ (14–16 апреля 1945 г.), когда АСНОМ трансформируется в Народное собрание и когда формируется первое Правительство Демократической Федеративной Македонии в рамках Демократической Федеративной Югославии. Даже краткая новая «История македонского народа», изданная Институтом национальной истории (2008), о развитии македонского государства в 1945–1991 гг. без объяснений лишь перечисляет основные события и акты, разделяя период на три части: административно-централистский период (1945–1953), «самоуправленческий» социализм (1953–1970) и период политического либерализма, делегатской системы и договорной экономики (1971–1991). Это время динамичной и драматичной жизни и развития Республики Македонии в рамках федеративного югославского государства, но одновременно и период первых современных межгосударственных отношений, контактов Македонии и СССР/России. Параллельно с внутренними общественно-политическими изменениями в стране и республике развивались и советско/российско-югославские, а следовательно, и российско-македонские институциональные связи в области просвещения, науки и культуры, в основном посредством отношений между Белградом и Москвой.

1.

Самыми давними в указанный период являются идейно-политические отношения с СССР. И до, и во время Второй мировой войны, в основном по линии Коминтерна, через ВМРО(Об), КПЮ и БКП, эти связи были и прямыми, и косвенными, развивались то последовательно, то с перерывами, имели разное качество и интенсивность. Так как Народно-освободительная борьба (НОБ) в Македонии велась под руководством Коммунистической партии, советский строй был системным идеалом национально-освободительной борьбы. Для нас он являлся примером и основной целью борьбы – окончательного решения македонского национального вопроса. Поэтому и Россия (Советский Союз) была поднята на пьедестал мечты. Македонские борцы писали македонские и пели русские песни о Сталине и Красной армии, а на их шапках и на знамени адели пятиконечные звезды Октябрьской революции.

И все же в военное время в Македонии активно действовали только английская и американская военные миссии, советской военной миссии не было. Практически единственным (хотя и выборочным) прямым контактом было Московское радио. В Москве по-прежнему легально работал аккредитованный посол королевского югославского правительства. Представитель македонского народа Димитар Влахов практически неофициально, со множеством драматических перипетий, выступал перед общественностью еще на первом Всеславянском митинге в Москве в 1941 г., а также 14 декабря 1943 г.

Советское правительство решило отправить военную миссию в Югославию, 23 февраля следующего года миссия под руководством генерал-лейтенанта Н.В. Корнилова прибыла в Верховный штаб Й. Броз Тито. Информацию о борьбе в Македонии Москва получала только из своей миссии при Главном штабе Сербии. До Второго заседания Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) 29 ноября 1943 г. югославские представители Московского радио, а также в журнале «Славяне» говорили только об антифашистской борьбе сербов, хорватов и словенцев, хотя в то же время Димитар Влахов говорил и писал об объединенной Македонии в рамках федерации балканских народов.

С июня 1944 г. с советской военной базы в Бари (Италия) отправляли советскую помощь в виде оружия и военного снаряжения, но опять

же только для партизан из других районов Югославии. Позже, после проведения первого заседания АСНОМ, после договора Тито, подписанного в конце сентября 1944 г. в Москве, когда почти вся Македония уже была освобождена и создавала новую общественно-политическую и государственную систему, в октябре 1944 г. появилось и первое советское оружие с сопровождающими его инструкторами для подготовки нашего участия в боях против фашистских сил на Сремском фронте.

Между тем, нужно заметить, что хотя на первом заседании АСНОМ не было советского представителя, фотография Сталина висела вместе с фотографиями Рузвельта и Черчилля (в рамках антифашистской коалиции), а в приветственной телеграмме генералиссимусу И.В. Сталину от Собрания посылался «пламенный привет бойцам Красной армии и героическим народам сильного советского государства». И первые непосредственные контакты македонских представителей с начальником штаба Третьего Украинского фронта в Софии генералом С.С. Бирюзовым состоялись 13 октября 1944 г. в связи с обсуждением условий участия болгарских войск против германских частей и времени вывода болгарских войск из Сербии и Македонии. Позже представитель Советской военной миссии майор Инков приехал в Македонию и даже выступил с речью на Втором заседании АСНОМ в Скопье, которая была опубликована (с фотографией) в газете «Новая Македония» 31 декабря 1944 г.

2.

Нужно отметить еще один важный, но все еще мало изученный эпизод. Известно, что в течение всей народно-освободительной борьбы периодически поднимался вопрос объединения всех частей Македонии в едином македонском государстве. Когда Македонская народно-освободительная армия готовилась влиться в единую Югославскую народно-освободительную армию и отправить XV корпус на Сремский фронт, когда в Доме офицеров проводился II конгресс Антифашистской молодежи Македонии 7 января 1945 г., македонская артиллерийская бригада в Скопье и бригады Македонской армии в Штипе подняли бунт под девизом «На Солунь!» и были готовы отправиться на юг вместо того, чтобы направиться на север. Совместными усилиями бунт был жестоко подавлен.

Впрочем, известно, что Тито мечтал об объединении большей части Балкан под его руководством. По этому плану шла подготовка

к созданию Балканской федерации, намечались конкретные действия по включению Пиринской, а также Эгейской части Македонии в македонское федеральное государство, о чем очевидно знало и высшее руководство СССР. Предполагалось даже включение Албании в это новое государство. Между тем, до сих пор остается не изученными как вопрос о Балканском штабе Темпо, так и эпизод с десантированием советских парашютистов именно в это время в юго-восточную часть Эгейской Македонии, когда военно-политическая ситуация не стабилизировалась, статус Салоников (Солуни) еще не был определен, а македонские бригады готовились отправиться в поход именно на Солунь. Из некоторых документов следует, что об этих намерениях узнал греческий представитель в Белграде и сразу же известил Черчилля, в связи с чем британский премьер срочно прилетел в Москву к Сталину. Разгадка этого загадочно-го эпизода является будущей задачей историков.

3.

Сразу после освобождения Демократической Федеративной Македонии были заложены основы ее государственного устройства по политическому и идеологическому образцу Советского Союза. Македонско-русские отношения начали интенсивно и разносторонне развиваться вплоть до 1948 г. включительно. Многих молодых македонских интеллектуалов отправляли на обучение в советские военные и другие высшие учебные заведения, а в Македонии еще в 1945 г. было сформировано Общество по культурному сотрудничеству с СССР, массово распространялась разнообразная литература на русском языке, русские книги переводились на македонский язык.

Советское влияние отразилось и на развитии литературного и художественного творчества в духе социалистического реализма, а Македонский народный театр в Скопье начал свою регулярную работу в 1945 г. с постановки советской драмы, срежиссированной в духе школы Станиславского. В новых открытых македонских школах в качестве обязательного предмета стал изучаться и русский язык, а по радио и на частных массовых манифестациях регулярно исполнялись русские песни.

Впрочем, еще во время войны радио «Москва» открыло македонскую редакцию, в качестве ведущего в СССР был отправлен актер Илия Джувалековский. Позже в Институте славяноведения Академии наук СССР была открыта специализация по македонскому языку (1960), была

защищена первая кандидатская диссертация по македонскому языку. В Московском государственном университете появился македонский язык, который начала преподавать и до сих пор преподают проф. Рина Усикова. Со временем на кафедре славянской филологии появилась отдельная учебная группа по изучению македонского языка. В Институте славяноведения проф. С.Б. Бернштейн, ученик известного слависта-македониста проф. А.М. Селищева, вернулся к изучению македонистики, подготовил монографию о македонском языке и македонской грамматике, опубликовал размышления о «Вардаре» Мисиркова.

Так были созданы общие политические и научные условия для особого интереса к македонистике: Юлия Беляева профессионально изучала македонскую литературу, В.М. Иллич-Свитыч составил первый «Краткий грамматический справочник» македонского литературного языка, при помощи ведущего македонских программ на Московском радио Диме Толовского был издан и первый «Македонско-русский словарь» (1963) под редакцией выдающегося слависта Никиты Ильича Толстого. В то время историки Ксения Струкова и Ирина Сенкевич исследовали македонское прошлое, а Юрий Смирнов проявлял научный интерес к македонскому фольклору, этнографии и культуре.

В этот период первый полный университетский курс по македонской истории начал читать казанский профессор А.С. Шофман, который в 1960 г. опубликовал первый в Советском Союзе двухтомный учебник под названием «Очерки по истории Македонии и македонского народа». В то же время советские историки начали готовить двухтомную «Историю Югославии», рукопись которой по просьбе Института славяноведения АН СССР обсуждалась и в Белграде в декабре 1961 г. Она была издана в Москве в 1963 г. Это было первое официальное издание советской исторической науки, где в рамках истории народов Югославии получила равноправное освещение и македонская история, хотя и с заметным влиянием времени и обстоятельств на представление о македонском народе и его национальной культуре, распятых между сербской и болгарской наукой и политикой. Шесть лет спустя появилось знаменитое новое издание Московского университета «История южных и западных славян» (1969) – в качестве учебника для студентов исторических факультетов университетов, в которой образцово (в связи с обстоятельствами) в качестве субъекта исследования выступили также история и культура Македонии. 15 февраля 1970 г. член редколлегии проф. В.Г. Карасев дал нам первый отпечатанный экземпляр, но

после рецензии московского журналиста в «Новой Македонии» уже в том же месяце специальная болгарская партийно-государственная делегация прилетела в Москву с протестом, и учебник сразу же был изъят из обращения. Так заново воскрес «македонский вопрос» со всеми его последствиями.

В сущности, с начала 1970 г. мы лично следили за амплитудами балканской и македонской политики Института славяноведения. В долгих многократных дискуссиях с прежним директором института Д.Ф. Марковым, посвященных македонской истории и развитию македонского культурно-национального самосознания, можно было проследить 20-летнее варьирование представлений об этих исторических процессах и явлениях. Первоначальная позиция исходила из того, что македонское национальное сознание проявилось после Берлинского конгресса (1878); потом граница этого явления отодвинулась на два-три десятилетия, и стали говорить, что македонское национальное сознание сформировалось только после Илинденского восстания (1903). Через несколько лет политика обусловила появление мнения, согласно которому македонская нация сформировалась только после Второй мировой войны (1945). Эти позиции были официально представлены и на международных славистических, балканистических и других конгрессах и научных съездах, и в соответствующих советских публикациях. Дошло до того, что в новейшее время неправомочно делались исправления в текстах о Македонии уже покойных российских авторов, как это произошло с совместным изданием Института славяноведения и Македонской академии наук и искусств работы К.Л. Струковой.

В юбилейном выступлении директора В.К. Волкова по поводу 50-летия Института славяноведения и балканистики (1996), кроме прочего, было сказано: «В истории славян мы уже знаем один печальный случай такой исторической тяжбы, вызванной македонскими историками после Второй мировой войны. Она не раз приводила к острым вспышкам их горячей полемики в первую очередь с болгарскими историками, а сейчас также и с греческими, и ничего, кроме компрометации своей страны, не принесла». То же было повторено и во время презентации совместного издания документов «Македония. Путь к самостоятельности» (1997) и нашло отражение во вступительной статье к публикации Института славяноведения «Македония», подготовленной специально к российско-македонской научной конференции в Москве в 1999 г., где македонская историография снова обвинялась в «искусственных попытках удревнить свою историю».

Очевидно, что подобные нынешней научные встречи необходимы для лучшего взаимного знакомства и аргументированных разговоров по некоторым ключевым вопросам, которые десятилетиями усложняют взаимопонимание. Договор о научном сотрудничестве между Македонской и Российской академиями от 1 января 1993 г. и наши периодические научные встречи, кроме всего прочего, ставят перед собой эту же задачу.

4.

Кроме того, нужно иметь в виду, что в период после Второй мировой войны российско-македонские связи и отношения всегда зависели от югославско-советских государственно-политических отношений, а они до «перестройки» развивались весьма скачкообразно. Для российско-македонских научных связей во многом решающим было сильное и традиционное влияние болгарской научной политики. Некоторые более масштабные события также напрямую отражались на этих отношениях. Так, например, неожиданно для общественности 28 июня 1948 г. была опубликована Резолюция Информбюро, Федеративная Народная Республика Югославия была полностью изолирована от СССР и других стран советского блока. По примеру советских Гулагов и сталинских чисток начал заполняться имеющий дурную славу концлагерь на острове Голи-Оток. Из-за таких политических изменений подверглись угрозе и македонские национальные интересы. Это отразилось, например, на тенденциях создания Балканского союза, потому что пресекались и прекращались переговоры о создании федерации балканских стран и народов. Сразу же была отменена созданная культурно-национальная автономия пиринской части Македонии в рамках Народной Республики Болгарии, были изгнаны македонские учителя и уничтожены македонские публикации, закрыты македонские книжные магазины, театры и т.д., полностью был аннулирован договор, заключенный в Бледе между Тито и Димитровым (1947), начались масштабные и жестокие гонения на македонцев в НР Болгарии. Тогда и сама Демократическая Федеративная Македония была объявлена «творением Тито», македонский литературный язык – «сербизированным», а пиринская часть Македонии пропагандировалась в качестве центра объединения всех македонцев. Даже был создан болгаризованный язык для македонцев, в связи с чем была издана и отдельная македонская грамматика на этом «языке» – с болгарским официально принятым алфавитом. Все это жестоко отразилось и на

судьбе эгейской части Македонии, потому что руководимая извне «Гражданская война» в Греции, в которой (в процентном отношении) большинство участников были именно македонцы, в условиях конфронтации Атлантического и Варшавского пактов, потерпела поражение, а борющиеся македонцы претерпели масштабные гонения.

Таким образом, Резолюция Информбюро заморозила и македонско-российские отношения, а жестокий идейно-политический и военно-пропагандистский прессинг сталинизма против «банды Тито, Ранковича, Карделя и Джиласа», как мы это ежедневно слышали по радио «Москва», длился с неослабевающей силой вплоть до смерти Сталина (1953).

После антисталинской речи Никита Хрущев посетил Белград. Тогда возобновились югославско-советские отношения, а после Скопского землетрясения (1963) последовал совместный визит Хрущева и Тито в Скопье. В процессе обновления и застройки македонской столицы были присланы и советские военные части со значительной материальной и технической помощью для ликвидации разрушений и для строительства нового Скопья. Началась новая эра в отношениях между нашими странами.

Между тем, эти отношения были нарушены «Пражской весной» и событиями в Чехословакии. Сразу за бурным Съездом славистов в Праге (1968) войска Варшавского пакта с угрозами подошли к югославским границам. Прозападная ориентация Югославии и создание третьего блока – стран, неприсоединяющихся к западному и восточному блокам – поставили в достаточно деликатную ситуацию и югославско-советские связи.

5.

С началом демократических постперестроечных процессов в СССР, после разрушения Берлинской стены, распада Социалистической Федеративной Республики Югославии, после получения Македонией независимости открылась новая глава в истории прямых российско-македонских связей и отношений. После нескольких наших официальных и неофициальных визитов в должности вице-преьера правительства Республики Македонии и контактов с высшими органами Российской Федерации для признания самостоятельности македонского государства с сентября 1991 г. по конец мая 1992 г., мы постоянно получали информацию о препятствиях, которые создавала правительству Российской

Федерации Греция. После наших последних разговоров с авторитетным государственным советником Б.Н. Ельцина, членом-корреспондентом РАН Д.А. Волкогоновым и после приема у заместителя министра иностранных дел Б.Л. Колоколова, вечером 29 мая 1992 г. представитель МИДа известил нас по телефону (в московской гостинице «Россия»), чтобы мы вечером (в 23 часа) прослушали важное для нас сообщение. В новостях по телевизору было прочитано письмо, в котором министр иностранных дел А.В. Козырев (после его посещения Республики Македонии) официально уведомлял премьер-министра Греции Костаса Мицотакиса о том, что Россия признает Республику Македонию:

«Исходя из традиционных дружественных связей с Грецией, идя навстречу вашим пожеланиям, мы откладывали объявление об этом решении. К тому же мы хотели получить в Скопье из первых рук заверения об отсутствии территориальных претензий. Теперь мы их получили, и дальнейшая оттяжка с объявлением о признании теряет смысл». При этом Козырев «предложил Греции стать первым государством ЕС, сделавшим этот шаг».

Рано утром 30 мая 1992 г. председатель Российско-македонского общества дружбы и сотрудничества член-корреспондент РАН Виктор Куманев принес нам в гостиницу правительственную газету «Известия», где на первой странице была напечатана информация Правительства РФ под заголовком «Россия признает Македонию». Между тем, в тот же самый день ООН ввела санкции против СР Югославии при и так уже постоянной блокаде на греко-македонской границе. Ситуация на Балканах усложнилась, и официальное признание Македонии было отложено. В духе этого сообщения было и заявление Президента Б.Н. Ельцина на конференции для журналистов при посещении Софии 3 августа 1992 г., когда он только подтвердил признание, а на вопрос о названии страны заявил:

Мы призываем Европейское сообщество поддержать и признать Македонию. Мы будем опираться на болгарскую позицию по Македонии и будем ее поддерживать. Будет пролито намного меньше крови, если Македония будет признана. Македония сама должна решить, как она будет называться.

Два дня спустя, 5 августа 1992 г., заместитель министра иностранных дел РФ В.И. Чуркин при посещении Скопье официально передал Указ о признании и заявил:

Сегодня очень важный день в истории отношений между двумя государствами – Российской Федерацией и Республикой Македонией.

Я нахожусь здесь с приятной миссией – официально сообщить македонскому руководству о том, что Борис Ельцин подписал Указ о признании Республики Македонии как независимого и самостоятельного государства. Также я вручил руководству Македонии официальную ноту от имени правительства Российской Федерации о признании Македонии в качестве независимого и самостоятельного государства. Мы уверены, что этот наш политический акт послужит миру и стабильности на Балканах.

С этого момента наступила новая эра государственных отношений между Российской Федерацией и Республикой Македонией. Так, Россия стала первым постоянным членом Совета Безопасности ООН, который признал независимость Республики Македонии и открыл дорогу к суверенитету и мирному развитию нашего государства. К сожалению, несмотря на предложения российского правительства и на советы Президента Б.Н. Ельцина, Республика Греция все еще против нашего исторического и конституционного имени и препятствует приему Республики Македонии в Евросоюз.

Перевод Е. Обуховой

Македонцы и этнографическое знание в СССР (России)

Как справедливо полагают, научную основу российской македонистики заложил П.Д. Драганов (1857–1928), выступавший с тезисом о самостоятельной позиции языка славянского населения в Македонии¹.

После революционных событий 1917 г. начинается становление Советского государства. При этом в отношении советских ученых к македонской теме наблюдаются следующие этапы:

1. Продолжение дореволюционной традиции исследования Македонии в Советской России (1917 г. – первая половина 1930-х гг.)

Лучшие черты этой традиции – аполитичность и научная беспристрастность – связаны с именем А.М. Селищева (1886–1942), интересовавшегося преимущественно македонской диалектологией: «Очерки по македонской диалектологии» (Казань, 1918). К сожалению, Селищев побывал в Македонии всего однажды – летом 1914 г., а планируемая им на 1915 г. экспедиция не состоялась (в связи с началом Первой мировой войны)². Селищев вел споры с А. Беличем и его учениками, защищавшими сербские позиции в вопросе о македонском языке, однако при этом последовательно дистанцировался от политики. По воспоминаниям С.Б. Бернштейна, Селищев признавал, что формирование национального сознания – сложный процесс, в котором участвуют многие факторы: «...учесть их в Москве невозможно. Это дело политиков, а не ученых»³. Ученый неоднократно обвинялся в немарксистских позициях.

Следует отметить вкус Селищева к этнографическим наблюдениям. Особенно этнографична книга «Полог и его болгарское население» (София, 1929). Но и его «Македонские кодичи XVI–XVIII веков» имеют

¹ Подробнее см.: *Ристовски Б.* Македонистот Петар Драганов (1857–1928). Скопје, 2007.

² Подробнее см.: *Бернштейн С.Б.* А.М. Селищев – славист-балканист. М., 1987.

³ *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. Воспомяная. Дневниковые записи. М., 2002. С. 228.

подзаголовок «Очерки по исторической этнографии и диалектологии Македонии» (1933). Назовем еще статью «Семейная «служба» (курбан) в Болгарии и Македонии и сербская «слава»» (Македонски преглед. V. Кн. 2. 1929. С. 33–77) и др.

А.М. Селищев был знаком с работами Й. Цвиича и, вероятно, взял лучшее из них: комплексный анализ человеческого коллектива и окружающей среды. Позиция сербского ученого по македонской проблеме хорошо известна. На с. 10 русского издания брошюры Цвиича «Македонские славяне. Этнографические исследования» (Петроград, 1906) имеется следующее определение этих славян: «колеблющаяся народная масса, которая имеет этническое предрасположение стать сербами или болгарами». Знаменитый тезис, повторенный на нескольких европейских языках. Однако подчеркнем, что Й. Цвиич, вероятно, в силу сложности изучаемых им процессов и нехватки времени:

1) в полной мере не развил применительно к Македонии свою концепцию метанастасиса (миграционных движений балканского населения с XIV в.), что заставило бы его учесть колоссальное интеллектуальное влияние македонской диаспоры, совершенно не принятое им в расчет;

2) фактически перенес доступные ему наблюдения в отношении своеобразной «мимикрии» македонских мигрантов в Сербии *на всех славянских жителей Македонии*, хотя даваемое им же описание «психического типа» македонцев заставляет думать об устойчивости этих характеристик. Потому не выглядит убедительным мнение Цвиича о том, что «столь легкая восприимчивость, несомненно, приведет к быстрому изменению характера центрального типа»⁴.

2. Парадигма советской науки (вторая половина 1930-х гг.)

Российская революция 1917 г. принесла с собой определенную дезорганизацию нормальной работы дореволюционных учреждений и дух экспериментирования, в частности, в области высшего образования и науки. Так случилось, что три важных для нашей темы человека почти в одно и то же время учились на историко-этнологическом факультете Московского университета: этнограф С.А. Токарев (1899–1985) окончил его в 1925 г., будущий директор Института этнографии АН СССР, этноархеолог С.П. Толстов (1907–1976) в 1930 г. и, наконец, славист С.Б. Бернштейн (1911–1997) – в 1931 г.

⁴ Цвијић Ј. Балканско полуострво // Сабрана дела. Књ.2. Београд, 1987. С. 414.

Наставником получившего этнографическую подготовку Бернштейна стал Селищев. На протяжении всей жизни Бернштейн интересуется этнографическими сюжетами, всегда готовый к полемике: так, после прочтения в «Советской этнографии» статьи С.А. Токарева «К постановке проблем этногенеза» он собирается написать ответную статью: «Этногенез или глоттогенез?»⁵.

Научный подход, а не догматизм какого бы то ни было толка, делает Бернштейна в какой-то степени продолжателем названной нами дореволюционной традиции, но в изменившихся условиях. На творческое осмысление Бернштейном вклада Селищева в разработку македонской диалектологии, на эволюцию позиции самого Селищева оказывают несомненное влияние беспокойные 1930-е гг. – как внутри, так и вне страны. *Следовало сделать очень важный, качественный шаг в интерпретации сложившейся в Вардарской Македонии обстановки.* В 1934–1938 гг. Бернштейн заведует кафедрой болгарского языка и литературы в педагогическом институте в Одессе. Здесь им обнаружена корректура журнала «Вардар» Крсте Мисиркова. Здесь он находится в тесном контакте с болгарскими политэмигрантами. Позиция части их по македонскому вопросу совпадает с официальной позицией БКП: македонцы – самостоятельная нация⁶. По воспоминаниям Бернштейна, в 1938 г. вернувшийся из ссылки Селищев на своих лекциях в Институте философии, литературы и истории в списке южнославянских языков называет вслед за болгарским македонский язык⁷. В том же 1938 г. опубликована статья 27-летнего Бернштейна «Македонский язык» (Большая советская энциклопедия. 37 т.), прочитанная и одобренная Селищевым. В ней македонские славяне, говорящие на македонском языке, названы македонцами. В списке литературы немецкоязычные авторы, работы Селищева не указаны, хотя он уже был на свободе... Как вспоминал Бернштейн, редакция Большой советской энциклопедии заказала ему статью по рекомендации В. Коларова, деятеля Коминтерна, директора Международного аграрного института в Москве⁸.

⁵ Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. С. 142.

⁶ Там же. С. 185.

⁷ Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. С. 228.

⁸ Там же. С. 185.

3. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Как миллионы советских людей, С. Б. Бернштейн с энтузиазмом работает на победу страны, вдохновляясь, вероятно, помимо прочего, идеей поспособствовать исторической миссии России на Балканах.

В марте 1944 г. в Славянской комиссии АН СССР звучит доклад Д. Влахова «Македонский вопрос» («Македония для македонцев!»); Бернштейн берет слово о македонском литературном языке⁹. В начале сентября 1944 г. на докладе В. Коларова в Доме Союзов Д. Влахов просит Бернштейна изложить письменно все соображения о македонском литературном языке. Через неделю ученый передает ему «Несколько замечаний о македонском литературном языке», в которых подчеркивает, что «новый литературный язык должен существенно отличаться как от болгарского языка, так и от сербского»¹⁰. В начале октября 1944 г. Влахов уже в Македонии. В ноябре 1945 г. Бернштейн упоминает об обещании, данном Влахову: написать грамматику македонского языка¹¹.

В конце 1942 г. в Москве создается Институт этнографии, его директором становится С.П. Толстов (1942–1966), в Институт приходит работать С.А. Токарев. В период 1943–1945 гг. по заданию второго отдела Генштаба РККА идет подготовка этнографических карт и статистических данных в отношении стран, «интересных» с военной точки зрения. Были созданы три бригады: «германская» (М.О. Косвен), «дунайская» (С.А. Токарев), «турецкая» (С.П. Толстов). Подготавливаемые справки не подлежали печати. Особый интерес заказчика вызывали границы расселения народов. Так сложилась лаборатория этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР. В 1945 г. появился коллективный труд «Исследование этнического состава Центральной и Юго-Восточной Европы» (с крупномасштабными картами). Он не был опубликован, местонахождение его неизвестно. Работа имела две части: 1. Западные пределы СССР; 2. Народы Югославии (исполнители С.А. Токарев, И.Ф. Симоненко и др.), Чехии (С.А. Токарев), этнографический состав Германии (Н.Н. Чебоксаров), польско-чешское размежевание¹². Тогда Толстовым, Токаревым и др. была заложена основа

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ Там же. С. 54.

¹¹ Там же. С. 73.

¹² Алымов С.С. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М., 2006. С. 42–43, 139–140.

этнической статистики, оказавшейся в дальнейшем вне политической конъюнктуры именно в силу своего значения для интересов государства и очевидной объективности. Отсюда берет начало 18-томная серия «Народы мира», изданная Институтом этнографии АН СССР в 1954–1966 гг.

4. Период нормализации македонской этничности в СССР (1945 г. – конец 60-х гг.)

Этот период насыщен событиями, отражавшими борьбу СССР за влияние на Балканах. В 1946 г. Московский университет рекомендует С.Б. Бернштейна в международную комиссию по Балканам для уточнения границ, но его кандидатуру отклоняют. Вместо него едет С.А. Токарев. Бернштейн удивлен: Токарев никогда Балканами не занимался!¹³ Однако Токарев принимает участие в работе Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенному устройству. Зарубежные академические командировки начинаются позже. Так, С.Б. Бернштейн впервые посещает Болгарию в 1955 г. Этнографы, специализировавшиеся по европейским социалистическим странам, выезжают с того же времени.

К концу 1947 г. Бернштейн заканчивает книгу по грамматике македонского языка¹⁴, а в марте следующего года читает ее корректуру. После конфликта с Югославией набор рассыпают. Приоритет получает Х. Лант с его «Грамматикой македонского литературного языка», изданной в 1952 г. Свет увидела лишь статья Бернштейна «К вопросу о форме 3-го л. ед. ч. настоящего времени в македонском литературном языке» (Вестник Московского университета. 1948. № 2). Следует согласиться с Р.П. Усиковой: «Приходится лишь сожалеть о том, что некоторые современные исследователи истории славянских культур на Балканах не знают или не хотят знать того, о чем писал в этой статье С.Б. Бернштейн и что было известно уже в сороковые годы нашего века»¹⁵.

В статье «Македонцы» во втором издании Большой советской энциклопедии (т. 26, 1954) прослеживается еще традиция Селищева: в литературе к статье названы его работы «Полог» и «Македонские кодики», брошюра Цвиича «Македонские славяне» на русском языке и его же «Балканский полуостров» на французском.

¹³ Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. С. 245.

¹⁴ Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. С. 115.

¹⁵ Усикова Р.П. К пятидесятилетию выхода в свет первой научной статьи о македонском литературном языке // Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 323.

В 1964–1965 гг. Институт этнографии АН СССР в рамках большого проекта «Народы мира» выпускает 2 тома, посвященных народам зарубежной Европы. Обработка данных в отношении стран социализма, составивших первый том, проходит совместно с зарубежными коллегами. О македонцах пишут М.С. Кашуба, С.А. Токарев (этническая история), Н.Н. Велецкая (духовная культура), Л.В. Маркова (материальная культура)¹⁶. Данная публикация чрезвычайно авторитетна: так, в статье «Македонцы» в Советской исторической энциклопедии (т. 8, 1965) присутствует одна ссылка на «Народы зарубежной Европы», без указания другой литературы. Назовем также «Атлас народов мира», изданный в 1964 г. под редакцией С.И. Брука, в котором упомянуты македонцы.

В этот период наряду с нормализацией македонской этничности в СССР происходит дифференциация прежде единого историко-филологического подхода к македонской проблеме, что косвенным образом подтверждает отсутствие упоминания трудов Селищева по Македонии в «Народах зарубежной Европы». И если слависты-лингвисты и особенно диалектологи относительно беспрепятственно сосредотачиваются на жизни изучаемого языка, то этнографы-«зарубежники» нередко попадают в заложники политической ситуации, а их работы без интенсивной полевой практики тяготеют к компилятивности. Так, С.А. Токарев, возглавлявший сектор зарубежной Европы Института этнографии АН СССР, в трех своих статьях и одном учебном пособии без какой-либо вынужденной критики подчеркивает значение трудов Цвиича для дисциплины. Здесь возникает проблема – апология Цвиича заслуженная, но обойдена вниманием, в частности, его построения в отношении Македонии. Селищев, как мы помним, выступал здесь более энергично.

5. Период умалчивания (1970–1980-е гг.)

Принимая во внимание логику «холодной войны», СССР не может не учитывать официальную с 1968 г. позицию Болгарии по македонскому вопросу. Академическая наука реагирует по-разному, но в работах Института этнографии АН СССР македонцы представлены: статьи М.С. Кашубы в серии «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы» (1973, 1977, 1978), ее совместная с Ю.В. Бромлеем книга «Брак и семья у народов Югославии» (1982), ее же тексты в коллективных монографиях «Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы»

¹⁶ Народы зарубежной Европы. Т. 1. М., 1964. С. 389–391, 466–480.

(1988) и «Дети в обычаях и обрядах народов зарубежной Европы» (1995). В этностатистическом отношении «поддержку» македонцам оказывает работа С.И. Брука «Население мира. Этнодемографический справочник» (1981).

В 1975/1976 гг. на кафедре славянской филологии Московского университета открывается специализация по македонистике, связанная с именем Р.П. Усиковой. В университетском преподавании македонцы присутствуют в учебных пособиях: «Основы этнографии» (1968) под редакцией С.А. Токарева (он же автор текста по зарубежной Европе), «Этнография» (1982) под редакцией Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова и «Этнология» (1994) под редакцией Г.Е. Маркова и В.В. Пименова.

6. Независимая Македония (с 1990-х гг.)

Уже материалы советско-югославского совещания в Охриде 1–3 октября 1990 г., изданные в 1992 г. в Москве под названием «Современные этнические процессы в СССР и СФРЮ», показывают интерес к сюжетам политической антропологии. В отношении Македонии этот интерес получает развитие в изданиях Института этнологии и антропологии РАН: «Новая этнополитическая карта Балкан» (1995) М.С. Кашубы и М.Ю. Мартыновой, «Балканский кризис: народы и политика» (1998) М.Ю. Мартыновой и др.

Настоящий период открывает перед нами принципиально новые возможности. Нельзя не упомянуть здесь о том, что, помимо политических причин, плодотворной совместной работе македонских и советских этнографов мешала острая нехватка кадров по специальности этнография/этнология в Республике Македония с 1950-х по начало 1980-х гг. Известно, что в 1946 г. на философском факультете в Скопье открылась группа (отделение) этнологии. Единственным преподавателем был Б. Русич. Этнографические изыскания в Македонии проводил также Й. Трифуносский (продолжатель традиции Цвиича). Группа просуществовала до 1949 г. или 1953 г., затем Б. Русич преподавал этнологию географам в качестве факультатива. В 1984 г. специализация по этнологии была восстановлена. А в 2005 г. на базе университета в Скопье возник Институт этнологии и антропологии.

Рубеж 1990-х – 2000-х гг. – новый импульс в развитии македонской и балканской этнографии/антропологии в целом. Мы надеемся, в России они найдут свой отклик.

Литература

- Альмов С.С.* П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы. М., 2006.
- Бернштейн С.Б.* А. М. Селищев – славист-балканист. М., 1987.
- Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. М., 2002.
- Народы зарубежной Европы. Т. 1. М., 1964.
- Усикова Р.П.* К пятидесятилетию выхода в свет первой научной статьи о македонском литературном языке // Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 322–326.

Н.А. Учаева

*(Саратовский государственный
социально-экономический университет, Саратов)*

Советская историография о Балканских войнах 1912–1913 гг.

Балканские войны 1912–1913 гг. стали событиями мирового масштаба. Значение их определяется не только ликвидацией остатков османского владычества над народами Балкан, но и территориальным переделом полуострова, произведенным при минимальном вмешательстве европейских держав.

Предметом Балканского кризиса 1912–1913 гг. стала Македония. Под лозунгами ее освобождения от османского гнета осенью 1912 г. началась Первая Балканская война, когда Сербия, Болгария, Греция и Черногория, объединенные в союз, выступили против Турции. Однако именно отвоеванные македонские земли стали настоящим «яблоком раздора» между союзниками, что в конечном итоге привело в 1913 г. к возникновению в регионе нового вооруженного конфликта.

К сожалению, Балканский полуостров, давно уже обретший печальную славу «порохового погреба Европы», продолжает оставаться одним из наиболее нестабильных регионов мира, очагом этнополитических и межконфессиональных конфликтов. Истоки сложившейся ситуации и возможные пути ее решения отчасти следует искать в прошлом, в том числе, и в событиях, происходивших на Балканах в начале XX столетия.

Особую значимость при этом приобретает, прежде всего, изучение исторического опыта. В этой связи хотелось бы обратиться к рассмотрению историографии Балканских войн 1912–1913 гг. советского периода, так как именно тогда была заложена база для проведения исследований на современном этапе. И, соответственно, попытаться выяснить степень изученности данной темы, какие конкретно аспекты истории Балканских войн 1912–1913 гг. рассматривались, что оставалось за рамками внимания ученых, чем это было обусловлено и т.д.

В дореволюционной России работ, посвященных истории Балканских войн 1912–1913 гг. и, в частности, македонскому вопросу в данный период, по понятным причинам, было немного. Практически все они носят скорее публицистический, чем научный характер, так как авторами их стали современники событий, не имевшие возможности

оценить их беспристрастно и адекватно. В связи с тем, что интересующая нас проблематика в тот момент еще не могла стать объектом полноценного исторического исследования, представляется более целесообразным отнести данные публикации к источникам, которые могут помочь взглянуть на балканские события сквозь призму восприятия русской общественности.

В качестве исключения среди работ современников следует отметить ряд статей В.И. Ленина¹, посвященных событиям Балканского кризиса 1912 г. При этом необходимо указать, что сделанные Лениным оценки и выводы (о приоритете классового, политического и социально-экономического аспектов, о второстепенности национального фактора и др.) имели, прежде всего, методологическое значение, так как впоследствии в работах советских ученых они легли в основу марксистских интерпретаций Балканских войн 1912–1913 гг.

После октябрьских событий 1917 г. в нашей стране началась публикация документов из архивов царского и временного правительств, в которых раскрываются различные аспекты политики России на Балканах в начале XX столетия. Несмотря на то, что содержание документальных материалов интересовало исследователей, прежде всего, с точки зрения истории международных отношений, русского и международного революционного движения, опубликованные сборники документов можно считать важным вкладом в создание документальной базы для дальнейших исследований и по интересующей нас проблематике².

В 1920-е годы выходят также и две работы исследователя С.В. Сигриста, посвященные периоду Балканских войн 1912–1913 гг.

¹ Ленин В. И. Балканская война и буржуазный шовинизм // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5. М., 1973. Т. 23. С. 38; *его же*. Ко всем гражданам России // Там же. С. 135; *его же*. Новая глава всемирной истории // Там же. С. 155–156; *его же*. Социальное значение сербско-болгарских побед // Там же. С. 186–187.

² Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского российского министерства иностранных дел. М., 1922; Ключников Ю., Сабанин А. Международная политика новейшего времени (Сборник договоров с 1792 по 1914 г.). Ч. I. М., 1925; Красный архив. Исторический журнал Главного архивного управления НКВД СССР. М., 1922–1941: Доклады Сазонова 1910–1912 г. Т. 3. М.–Л., 1923; Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. Т. 8–9. М.–Л., 1925; Первая Балканская война. Т. 15–16. М.–Л., 1926; Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. Т. 1, 2. М.–Л., 1925; Первая балканская война. Т. 2,3. М.–Л., 1926; Эпизод из истории Балканской войны. Т. 6. М.–Л., 1927.

Так, в статье «Русская дипломатия и Балканский союз 1912–1913 годов»³, рассматриваются различные аспекты истории создания блока балканских государств в 1912 г. и предпринимается попытка определить роль России в этом процессе. В частности, автор прослеживает ход сербо-болгарских переговоров 1911–1912 гг. (отмечая наличие споров по ключевым вопросам территориального разграничения в Македонии), заключение сербо-болгарского договора весной 1912 г. и военной конвенции между ними, а также подписание греко-болгарского союзного договора и заключение устного болгаро-черногорского соглашения.

Анализируя степень вовлеченности русской дипломатии в процесс подготовки союза балканских государств, С.В. Сигрист приходит к общим выводам о том, что балканский блок сложился при «деятельной поддержке» России, которая, преследуя собственные цели, «фактически руководила союзниками», очень осторожно «направляя балканскую политику в русское русло»⁴.

Вторая работа С.В. Сигриста по данной тематике, вышедшая в 1924 г., – «У порога великой войны» – примечательна тем, что в ней уделяется серьезное внимание рассмотрению македонского фактора накануне и во время Балканских войн 1912–1913 гг. Автор подробно анализирует различные его составляющие (например, характер притязаний Болгарии, Сербии и Греции на македонскую территорию, этноконфессиональный аспект и т.д.)⁵.

Более основательно к проблематике Балканского кризиса начала XX в. советские историки обратились только в конце 30-х – начале 40-х годов, когда знание исторического опыта в условиях начавшейся Второй мировой войны стало особенно актуальным с политической точки зрения.

Необходимо отметить, что в это время было опубликовано несколько серий сборников документов из архивов царского и временного правительств за период 1878–1917 гг. под общим названием «Международные отношения в эпоху империализма».

Особый интерес в рамках рассматриваемой проблематики представляют входящие во вторую серию данного издания тома (XVIII–XX)⁶.

³ Сигрист С. Русская дипломатия и Балканский союз 1912–1913 годов // Русское прошлое. 1923. № 3.

⁴ Там же. С. 59, 68.

⁵ Сигрист С.В. У порога великой войны. Пг., 1924.

⁶ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства 1878–1917 г. Серия вторая (1900–1913 гг.): Т. XVIII. Ч. I.

В них содержатся документы, не только отражающие позицию российского МИД в балканской политике и, в частности, в македонском вопросе, но и материалы, которые позволяют делать выводы о намерениях балканских государств, о ситуации в Македонии. Необходимо отметить, что публикация документов этой серии обрывается на событиях начала октября 1912 г., не охватывая, таким образом, непосредственно период войн. Однако несмотря на это, а также на определенную политизированность и односторонность этого издания, вызванную позицией ее главного редактора М.Н. Покровского, оно и сегодня остается полезным и интересным для изучения событий на Балканах в начале XX в.

Заметным явлением в отечественной историографии конца 1930-х – начала 1940-х годов стал совместный труд А.А. Могилевича и М.Э. Айрапетяна «На путях к мировой войне. 1914–1918 гг.»⁷.

Авторы данной работы, освещая предпосылки и ход Балканских войн 1912–1913 гг. с позиций классового, марксистского подхода, уделяют наибольшее внимание рассмотрению политики великих европейских держав на Балканах и балканских государств по отношению к Македонии. Так, например, рассматривая сложный процесс подписания сербо-болгарского союзного договора 1912 г., исследователи отмечают, что переговоры протекали крайне сложно, главным образом, в силу наличия крупных разногласий из-за вопросов будущего территориального разграничения в Македонии. При этом стороны, обосновывая свои территориальные притязания, указывали и на этнический фактор⁸.

В 1940 г. вышла также и статья А.Я. Киктева⁹, посвященная процессу создания блока балканских государств.

Следующий этап изучения событий Балканского кризиса 1912–1913 гг. в нашей стране начался уже после Великой Отечественной войны, фактически с начала 1950-х гг. Необходимо отметить, что с этого времени и до начала 1990-х гг. различные аспекты истории Балканских

(14 мая 1911 г. – 13 сентября 1911 г.). М.–Л., 1938; Т. XVIII. Ч. II. (14 сентября 1911 г. – 13 ноября 1911 г.). М.–Л., 1939; Т. XIX. Ч. I. (14 ноября 1911 г. – 13 января 1912 г.). М.–Л., 1938; Т. XIX. Ч. II. (14 января 1912 г. – 13 мая 1912 г.). М.–Л., 1939; Т. XX. Ч. I. (14 мая – 13 августа 1912 г.). М.–Л., 1939; Т. XX. Ч. II. (14 августа – 17 октября 1912 г.). М.–Л., 1940.

⁷ Могилевич А. А. На путях к мировой войне. 1914–1918. М., 1940.

⁸ Там же. С. 103

⁹ Киктев А.Я. Из истории образования Балканского союза 1912 // Научные труды Киевского университета. 1940. Т.1.

войн в той или иной степени затрагивались многими советскими учеными. Работы, вышедшие в данный период времени, можно условно обобщить, выделив ряд направлений, над которыми работали исследователи.

Прежде всего, в этот период появились обобщающие коллективные работы, в которых была дана общая характеристика событий Балканских войн 1912–1913 гг. Так, в 1955 г. появилась двухтомная «История Болгарии»¹⁰, а в 1963 г. в свет вышла также двухтомная «История Югославии»¹¹.

Можно отметить, что в каждом из изданий периода Балканских войн 1912–1913 гг. посвящены отдельные главы, в которых рассматриваются причины, ход Первой и Второй балканских войн и их результаты. Несмотря на определенную специфику и разноплановость изложения материала, заданную изначально, во всех работах отмечаются сходные точки зрения по ключевым вопросам данной темы.

В частности, их авторы полагают, что Балканский союз 1912 г. был создан благодаря деятельной помощи русской дипломатии, которая поддерживала идею объединения балканских государств, рассчитывая использовать блок в случае агрессии со стороны Тройственного союза. Путем войны Сербия, Болгария и Греция стремились расширить собственные границы за счет земель, населенных балканскими народами. Важным объектом борьбы между ними стала Македония, перспектива захвата территории которой и стала решающим фактором в деле сближения. В итоге в ходе дипломатических переговоров между будущими союзниками был фактически намечен ее раздел, но наличие острых противоречий не позволило сторонам достичь четких договоренностей в вопросе о будущих границах. Это обстоятельство и привело союзников после блестящих побед над Турцией ко Второй балканской войне, в ходе которой территория Македонии оказалась фактически расчлененной.

Основные выводы в данных работах выдержаны в русле марксистско-ленинских трактовок. Так, например, отмечая «объективно прогрессивные» результаты Первой балканской войны, авторы, вслед за В.И. Лениным, подчеркивают, что «исторические задачи балканских народов были решены лишь частично и не путем революции, а путем войны, руководимой буржуазными и династическими интересами»¹².

¹⁰ История Болгарии. В 2 т. Т. 1–2. М., 1955.

¹¹ История Югославии. В 2 т. Т. 1–2. М., 1963.

¹² История Югославии. Т. 1. С. 641.

При оценке характера Второй балканской войны указывается, что она, вызванная «захватнической политикой буржуазно-шовинистических кругов, правивших в балканских странах, их экспансионистскими стремлениями, подогревавшимися интригами империалистической дипломатии великих держав», была «несправедливой с обеих сторон»¹³.

Можно отметить также, что соотнесение ключевых выводов по данной проблематике с ленинскими оценками и характеристиками в целом характерно для большинства работ советских исследователей.

Достаточно большая группа исследований советских ученых посвящена изучению политики великих европейских держав по отношению к балканским странам в период Балканских войн 1912–1913 гг. Над этой тематикой работали такие исследователи, как Г.М. Трухнов¹⁴, М.А. Бирман¹⁵, В.П. Жогов¹⁶ (Германия и Австро-Венгрия), А. Боев, В.И. Бовыкин¹⁷ (Франция и Россия), В.В. Зайцев¹⁸ (Англия и Германия), И.С. Галкин¹⁹, Ю.А. Писарев²⁰, В.Л. Глебов²¹ (аспекты, связанные с образованием Балканского союза 1912 г., и политика великих держав в целом) и др.

¹³ История Югославии. Т. 1. С. 656.

¹⁴ Трухнов Г.М. Германская политика провокаций в начале первой балканской войны // Ученые записки Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина. Вып. 10. Минск, 1950; *Его же*. Политика германо-австрийского империализма на Балканах в период первой Балканской войны // Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969.

¹⁵ Бирман М.А. Дипломатия Германии и Балканский союз в 1912 г. // Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

¹⁶ Жогов П.В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война. М., 1969.

¹⁷ Боев А. Политика Франции на Балканах накануне первой империалистической войны (1912–1913 гг.). Киев, 1958; Бовыкин В.И. Из истории возникновения первой мировой войны: отношения России и Франции в 1912–1914 гг. М., 1961.

¹⁸ Зайцев В.В. Провокационная политика Англии в начальный период первой балканской войны 1912–1913 годов // Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов. Минск, 1969; *Его же*. Германская политика на Балканах и позиция Англии в период Лондонской конференции послов великих держав 1912–1913 гг. // Германская восточная политика в новое и новейшее время. Проблемы истории и историографии. М., 1974.

¹⁹ Галкин И.С. Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав // Вестник московского университета. 1956. №2.

²⁰ Писарев Ю.А. Балканский союз 1912–1913 гг. и Россия // Советское славяноведение. 1985. № 3. С. 64–65.

²¹ Глебов В.Л. Общие тенденции балканской политики великих держав в конце XIX – начале XX в. // Советское славяноведение. 1973. № 4.

В центре внимания данных исследователей были такие аспекты темы, как политика различных великих держав на Балканах в начале XX в., их реакция на возникновение Балканского кризиса 1912 г., восприятие ими военных успехов Балканского союза, мирные переговоры в Лондоне и Бухаресте и др.

Отдельная группа исследований посвящена рассмотрению внешней политики России на Балканах в начале XX в. Здесь можно отметить работы В.И. Бовыкина²², П.Н. Ефремова²³, В.М. Хвостова²⁴, А.В. Морозова²⁵, Ю.А. Писарева²⁶, А.В. Игнатьева²⁷ и др., в которых подробно рассматриваются интересы России в балканском регионе, ее роль в подготовке Балканского союза, попытки предотвратить возникновение вооруженного конфликта накануне Первой балканской войны 1912 г., позиция России в условиях побед союзников над Турцией, попытки российских дипломатов урегулировать споры между участниками балканского блока из-за дележа македонской территории, мирные переговоры в Лондоне и др.

Значительное внимание советские исследователи уделяли и изучению различных аспектов национально-освободительного движения на Балканах в целом, в том числе и в период Балканских войн. Исследования на эту тему принадлежат Б.С. Попову²⁸, А.С. Шофману²⁹. Так, в частности, А.С. Шофман отмечает, что в результате балканских войн освобождение южных славян от турецкого ига в основном было завершено, и решающая роль в этом принадлежит России, которая, по его мнению, проводила «объективно прогрессивную и освободительную политику на Балканах»³⁰.

²² Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX – 1917 г. М., 1960.

²³ Ефремов П.Н. Внешняя политика России (1907–1914). М., 1961.

²⁴ Хвостов В.М. История дипломатии. Т. II. М., 1963; *Его же*. Проблемы истории внешней политики и международных отношений. М., 1976.

²⁵ Морозов А.В. Политика России и европейских держав на Балканах в период подготовки сербско-болгарского договора 1912 г. // Вестник МГУ. Сер. 9. История. 1978. №1.

²⁶ Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.

²⁷ Игнатьев А.В. Россия в империалистических войнах начала XX века. М., 1989.

²⁸ Попов Б.С. Национально-освободительное движение в Болгарии и Сербии в 1871–1914 гг. М., 1958.

²⁹ Шофман А.С. Очерки по истории Македонии и македонского народа. Курс лекций. Т. 2. Казань, 1960.

³⁰ Там же. С. 32.

Ряд работ посвящен изучению истории балканских государств в рассматриваемый период. На эту тему писали В.А. Жебокрицкий³¹ (Болгария), М.А. Бирман³² (Сербия и Болгария), М.В. Кирсенко³³ (Греция) и др. В частности, в центре внимания исследователей были следующие аспекты: внешняя политика Болгарии, Сербии и Греции в начале XX в., их роль в процессе формирования блока балканских государств, ход сербо-болгарских, болгаро-греческих переговоров, нарастание политического кризиса на Балканах, отношение национальных политических партий к вопросу о войне с Турцией, участие в Первой и Второй Балканских войнах и их результаты для каждого из государств-участников Балканского союза.

Можно отметить также, что существовали и исследования революционного движения на Балканах (например, статья М.М. Сумароковой, в которой анализируются работы В.И. Ленина о Балканских войнах³⁴).

Как уже отмечалось, изучение событий Балканских войн 1912–1913 гг. неразрывно связано с рассмотрением одного из ключевых факторов – македонского. Необходимо отметить, что в 1950–1980-е гг. ситуация с изучением македонской проблематики в нашей стране была далеко не однозначной.

С одной стороны, именно в это время советскими исследователями была выработана концепция истории складывания и развития македонского народа. Можно предположить, что «пробуждение» интереса к данной тематике отчасти было связано и с проводившейся в 1960-х – начале 1980-х гг. советскими и некоторыми зарубежными этнологами и историками активной разработкой теории этноса, базовым понятием которой стала «нация» как определенный тип организации этноса³⁵.

С определенными модификациями эта точка зрения, которая в обобщенном виде была изложена в цикле статей по македонской проблематике в энциклопедических, справочных изданиях, учебной литературе, а также

³¹ Жебокрицкий В.А. Болгария накануне Балканских войн 1912–1913 г. Киев, 1960; *Его же*. Болгария во время Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961.

³² Бирман М.А. Дипломатия Германии и Балканский союз в 1912 г. // Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.

³³ Кирсенко М.В. Роль Греции в образовании Балканского союза 1912 года // Советское славяноведение. 1973. № 3.

³⁴ Сумарокова М.М. В.И. Ленин о Балканских войнах и об участии Сербии в Первой мировой войне // Советское славяноведение. 1975. № 1.

³⁵ См.: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973; Семенов Ю.Н. Социально-исторические организмы, этносы, нации // Этнографическое обозрение. 1996. № 3.

в коллективном труде по истории Югославии³⁶, разделяется большинством российских ученых по сей день.

Согласно данной концепции, национально-освободительное и культурно-просветительское движение в Македонии на протяжении большей части XIX в. шло в общем русле болгарского национального возрождения. После Берлинского конгресса 1878 г., когда Болгария и Македония оказались в разных политических и экономических условиях, у населения последней появилась новая перспектива национального развития, причем явно вне рамок общеполитического развития. Однако процесс трансформации славянского ядра Македонии в самобытную нацию был осложнен тем, что протекал в условиях соперничества Болгарии, Греции и Сербии, каждая из которых мечтала о полном или частичном поглощении Македонии. Драматические события Балканских войн, повлекшие за собой раздел Македонии, еще более осложнили процесс формирования македонской нации, которая официально была признана только в 1945 г. и только на 1/3 части македонской территории.

С другой стороны, несмотря на очевидный интерес отечественных исследователей к македонской проблематике, ее изучение в советский период являлось крайне затрудненным из-за политико-идеологических соображений. Серьезные опасения советского руководства вызвать болезненную реакцию со стороны балканских государств на фоне постоянно вспыхивавших югославо-болгарских дискуссий по македонскому вопросу привели к тому, что в Советском Союзе фактически был наложен запрет на проведение и публикацию исследований в данной области.

Об обстановке, царившей в тот период, свидетельствуют воспоминания сотрудников Института славяноведения РАН филолога Г. К. Венедиктова и историка Р. П. Гришиной. По их словам, из-за сверхбдительности редакторов невозможно было допустить даже упоминание слов «Македония» и «македонский»³⁷.

Негласный запрет на изучение македонской проблематики в Советском Союзе сняла эпоха перестройки, ознаменовавшаяся также открытием прежде недоступных для исследователей архивных фондов. Еще более важным стимулом стало образование в 1991 г. независимой Республики Македония.

³⁶ Большая Советская Энциклопедия: в 24 т. 3-е изд. Т. 15. М., 1974; История Югославии; История Болгарии.

³⁷ Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007. С. 64–65, 116–118.

Таким образом, можно отметить следующее. В советский период появился целый ряд исследований, в которых в той или иной степени рассматриваются события Балканских войн 1912–1913 гг. В данных работах, в большей или меньшей степени выдержанных в марксистском духе, основное внимание уделялось таким аспектам, как дипломатия великих европейских держав по отношению к небольшим балканским государствам, национально-освободительное движение народов Балканского полуострова, развитие революционного движения на Балканах и т.д. При этом, несмотря на очевидный интерес отечественных исследователей к македонской проблематике, ее изучение в советский период являлось крайне затрудненным из-за политико-идеологических соображений. Следствием такого положения стал постепенный уход исследователей из данной области и дефицит публикаций. В результате, в появившихся в этот период в советской историографии исследованиях по периоду Балканских войн македонский фактор, как правило, рассматривался поверхностно, в рамках какого-либо одностороннего подхода – социально-экономического или политического. Тем не менее, наработанный советскими историками материал стал большим вкладом в изучение истории Балканских войн и является основой для проведения дальнейших исследований на современном этапе.

Положение национальных меньшинств в Македонии в первые десятилетия после Второй мировой войны

В Македонии сложность межнациональных отношений определялась присутствием на её территории значительного числа мусульманского населения – турок, албанцев и исламизированных македонцев.

По данным переписи 1931 г., в Македонии проживало 949558 чел. Из них православных было 648982 (68%), мусульман – 287820 (30%). Среди мусульман албанцами себя считали 129545 чел. (13,6% от общего числа населения)¹. В 1939 г. мусульман было 328751 чел.²

В годы войны Болгария присоединила к себе Вардарскую Македонию вплоть до Охридского озера. Западная Македония была оккупирована фашистской Италией, и была установлена албанская квислинговская власть. Здесь действовал национал-фашистский Национальный фронт «Бали Комбетар» (балисты), выступавший за создание Великой Албании. Балисты имели свои добровольческие отряды, которые вместе с фашистами воевали против партизан не только на территории Македонии, но и в Косове. Их численность доходила до 7–8 тыс. чел.³. Часть албанцев активно сотрудничала с фашистами, часть воевала на стороне партизан. В Западной Македонии, согласно имеющимся документам, в конце 1944 – начале 1945 гг. сильным было стремление албанцев остаться в составе Албании.

Албанцы не хотели поддерживать новую власть, поскольку были уверены, что они должны осуществить свои национальные чаяния в рамках самостоятельного албанского государства. В архивных материалах можно прочесть об антиправительственных настроениях в Тетове, в то время как македонцы в тех краях были достаточно пассивны

¹ Тодоровски Г. Демографските процеси и промени во Македонија од почетокот на Првата балканска војна до осамостојувањето на Македонија. Скопје, 2001. С. 120.

² Там же. С. 125.

³ Малковски Г. Политичките партии и организации во Македонија во Втората светска војна 1941–1944 година. Скопје, 2002. С.233.

и далеки от политической жизни⁴. В течение всего 1945 г. в горах Македонии продолжалась борьба с выступавшими против новой власти. В 1947 г. была раскрыта деятельность албанских и панмусульманских групп: «Национал демократик шиптаре», «Ата-ходже» и «Юджел»⁵. Причём, в партийных документах подчёркивалось, что деятельность турецких групп была более опасна для народной власти, нежели албанских. «Турки хотят стать во главе и албанских масс. Они призывают к совместному выступлению мусульман против народной власти на панисламской и антиславянской основе»⁶. И если среди турецкого и богатого албанского населения такие призывы встречали понимание и отклик, то среди «широких албанских масс, особенно сельских» – нет. В документах 1948 г. отмечалось, что в Гостиварском и Тетовском срезях ещё есть небольшие группы балистов, которые поддерживаются населением, а турецкие нелегальные группы имеют хорошую связь с Турцией⁷.

Определённое напряжение в межнациональные отношения внёс запрет новых властей на возвращение в свои дома немакедонцев, изгнанных в феврале 1945 г. Президиум Антифашистского собрания народного освобождения Македонии (АСНОМ) разъяснял, что, согласно решению Президиума за № 143 от 1 декабря 1944 г., всем югославским подданным немакедонцам временно запрещено возвращаться назад в Македонию. Приводилось два аргумента в защиту такого решения: 1) чтобы не допустить осложнений в имущественно-правовых отношениях, 2) чтобы случайно не избежать ответственности, если человек был на службе у оккупантов, а хочет укрыться в Македонии⁸.

Македонские власти строго выполняли постановление «О временном запрещении возвращения колонистов в места их прежнего проживания» – в Македонию, Косово, Метохию, Срем и Воеводину, направив специальное письмо всем окружным и областным народно-освободительным комитетам Македонии уже 26 марта 1945 г.⁹ В 1947 г. Комиссия по

⁴ Антифашистичко собрание на народното ослободување на Македонија. Документи. Т. 1. Књ. 6. Скопје: Архив на Македонија. С. 81.

⁵ Годишни извештај ЦК КПМ за 1947 год. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K.XXI, јед. 12.

⁶ Там же.

⁷ Izveštaj o obilasku nekih partijskih organizacija u Makedoniji 12.1.1948 g. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K.III, јед. 17.

⁸ Антифашистичко собрание. Т. 1. Књ. 4. С. 298.

⁹ Там же. С. 317.

аграрной реформе и колонизации при правительстве ФНРЮ пересматривала права на владение землёй. Земля подлежала ревизии по ст. 1 Закона о ревизии распределения земли колонистам и заинтересованным аграриям в НР Македонии и Косовско-Метохийской области. Комиссия использовала следующие аргументы (причины) для невозвращения или отнятия земли¹⁰:

- 1) «земля была собственностью других землевладельцев»;
- 2) «земля была получена за услуги ненародным режимам»;
- 3) «земля необходима селу».

Архивные материалы показывают, что в результате из Македонии переселялись (не возвращались) сербы, что многие оставались без земли, и только некоторым удавалось убедить Комиссию заменить им землю в Македонии на землю, например, в Воеводине.

По сообщениям ЦК КПМ, в 1945 г. македонцы были заняты формированием властных структур, о национальном вопросе и меньшинствах не задумывались. Но жизнь показала, что взаимоотношения разных народов на территории одной страны нуждаются в пристальном внимании. Так, на выборах голосовали по национальному ключу: македонцы за македонцев, мусульмане за мусульман. После инициатив Белграда в документах македонской партийной организации появляются размышления о тех, кто живёт в Македонии наряду с македонцами: кроме албанцев упоминаются сербы–переселенцы (Куманово), влахи и евреи (Битоль, Крушево), турки¹¹. В Охриде активизировались «болгарофилы», скорее всего те, кто считал себя болгарами. Причём, партийное руководство, пожалуй, самую большую опасность сепаратизма видело как раз в «великоболгарских агентах», которые влияют на настроение населения. Упоминается даже случай, когда жители Охрида вышли на улицы встречать обычных болгарских шофёров, приехавших забирать какую-то мебель, с лозунгами «Болгары идут!» В народе говорили: «Зачем нам быть с сербами, когда нам болгары ближе во всём: совместная борьба через всю историю, мы братья по крови, у нас родственники в Болгарии...»¹².

По данным партийных органов, в Македонии в июне 1945 г. в партии состояли 6077 чел., из них большинство (5731) – македонцы. Но

¹⁰ Архив Македонији. Ф. 1098. Ф. 35. К. 27. Л. 1–18.

¹¹ Централни Комитет КПМ – Централном Комитету КПЈ. Јун 1945 // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. V.К. XXI, јед. 8.

¹² Там же.

были и албанцы (89), турки (106), вlahи (49), сербы (65), словенцы (19), в небольшом количестве – чехи, русские, евреи и итальянцы¹³. В 1947 г. в партии состояли уже 522 албанца и 354 турка¹⁴.

После 1945 г. правительство Македонии в основу своей национальной политики положило лозунг «братства и единства» и особенно опасалось шовинизма и сепаратизма, которые ожидалось от национальных меньшинств – сербов, болгар или албанцев. Представители албанского и турецкого нацменьшинств входили в состав правительства, избирались и назначались в другие органы власти. В западной части Македонии и после освобождения было много албанцев, часть из которых имела гражданство Албании. Налаживая новую жизнь, македонские власти в марте 1945 г. специальным письмом Президиума АСНОМ запретили давать работу албанцам – гражданам Албании без особого на то разрешения властей и без соответствующей проверки их деятельности в годы войны¹⁵.

В послевоенной Македонии турки, албанцы и исламизированные македонцы составляли достаточно многочисленную прослойку населения. Согласно переписи 1948 г., в Македонии общая численность населения достигала 1 152 986 чел. Из них македонцев было 789 648, албанцев – 197389, турок – 95940 чел¹⁶. По официальной статистике, в 1953 г. мусульман в Македонии было 310469 чел., в то время как македонские ученые приводят цифру 390949 чел. Из них 12863 декларировали свою принадлежность к македонскому народу, а 10623 чел. считали себя «македонскими мусульманами»¹⁷. В Западной Македонии в первые годы после освобождения исламизированные македонцы в большинстве своем рассматривались как албанцы. Достаточно было иметь мусульманское имя, чтобы в документах тебя записали или как «албанец», или как «турок». В сёлах со смешанным населением ассимиляция шла намного быстрее. Как считают македонские ученые, религиозный фактор среди мусульман в первые послевоенные годы был значимым. В июне 1945 г. в Скопье прошёл Конгресс мусульман Македонии, на котором были

¹³ Антифашистичко собрание. Т. 1. Књ. 4. С. 298.

¹⁴ Годишњи извештај ЦК КПМ за 1947 год. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.K.XXI, јед. 12.

¹⁵ Годишњи извештај ЦК КПМ за 1947 год. С. 312.

¹⁶ Stanovništvo Jugoslavije u posleratnom periodu: Drafіčki prikaz statistike stanovništva. Beograd, 1988. S. 147.

¹⁷ Тодоровски Г. Указ соч. С. 299.

избраны новые руководящие органы исламского религиозного сообщества Македониции¹⁸. Наибольший процент албанского населения, согласно переписи 1953 г., приходился на Тетовский срез (62,5%)¹⁹.

В послевоенные годы, налаживая жизнь в республике, македонские власти ставили задачу дать образование нацменьшинствам и включить их в общественно-политические процессы²⁰.

В Македониции после войны половина албанского населения была неграмотной, а среди женщин эта цифра достигала двух третей. В 1945/1946 учебном году в республике были открыты 152 начальные школы и 4 восьмилетки с преподаванием на албанском языке с 12359 учащимися и 223 учителями, в 1946/1947 учебном году – 148 школ, в 1966/1967 учебном году – 256²¹. В 1955 г. в Македониции среди албанцев было 500 учителей, 90 студентов и 30 человек с высшим образованием (в 1945 г. – 6)²². При этом среди албанских школьников отмечалась слабая посещаемость. Часто родители заставляли детей работать дома, девочек вообще предпочитали оставлять без образования. Например, в 1955 г. в Тетовском срезе 480 учащихся из рядов национальных меньшинств не посещали основную школу, в Охридском – 330. Или в Тетове первый класс гимназии должны были посещать 343 албанца, а ходили только 126. Очень мало учащихся, закончивших школу, продолжали среднее специальное образование²³.

Открывались и турецкие школы. Уже в 1944/45 учебном году, согласно архивным данным, было 37 четырёхлетних турецких школ (3334 ученика), а в 1951/1952 учебном году – 144 четырёхлетние школы (13237 учащихся) и 14 восьмилетних (1188 учащихся)²⁴. Практически ни одно село с турецким населением в то время не осталось без школы. 246 учителей получили образование на курсах и в учительских школах. После отъезда турецкого населения число турецких школ начало сокращаться: в 1955/1956 учебном году их стало на 39 меньше.

¹⁸ Тодоровски Г. Указ соч. С. 299.

¹⁹ Informacija po nekim pitanjima manjina u NR Makedoniji // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. XVIII-К.4, јед. 6.

²⁰ Архив Македонији. Ф. 1.427. ЦК на КПМ/СКМ. К. 138.21/ 474–516; папка 1968.

²¹ Батковски Т. Великоалбанската игра во Македонија. – Скопје: Мугри – 21, 1994. С. 58.

²² Neka aktuelna pitanja neptijateljskog delovanja medju učiteljima šiptarske manjine // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. XVIII-К.4, јед. 4.

²³ Informacija po nekim pitanjima manjina u NR Makedoniji // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. XVIII-К.4, јед. 6.

²⁴ Иселувањето на припадниците на турското национално малцинство од подрачјето на НРМ // Архив Македонији. Ф. 1.427. ЦК на КПМ/СКМ. К. 72.1/ 1–67.

В столице после войны были сформированы 2 албанских и 4 турецких спортивных общества. Албанское культурно-художественное общество имени Эмина Дураку имело хоровую, фольклорную, политическо-воспитательную, библиотечную секции²⁵. В июле 1948 г. было создано культурно-художественное общество турецкого национального меньшинства, в которое записались 150 человек и около 500 человек активно участвовали в его работе. В обществе действовали музыкальная, театральная и художественная секции, хор²⁶. После 1956 г. деятельность турецких обществ постепенно сворачивалась или расформировывалась. Продолжали работу лишь фольклорный ансамбль, театр, издавались учебники и детская литература.

Албанцев и турок привлекали к работе в партийных и местных органах власти, согласно принципу пропорционального представительства. Сложность заключалась лишь в том, что среди албанского и турецкого населения было мало грамотных людей. Поэтому статистика того времени показывает следующее участие албанцев и турок в органах управления в Македонии в 1957–1958 гг.²⁷

Таблица 1. Состав албанцев и турок в руководстве окруженных и партийных комитетов в 1957 г.

Вид руководства	Общее число членов	Албанцы		Турки	
		число	%	число	%
Секретари ОО	2.620	209	7.98	67	2.59
Секретари ОО-и	4.598	200	4.35	76	1.65
Секретари ОПК		73		7	
ОПК	1.547	119	7.69	35	1.26
ОК	293	18	6.14	5	1.71

²⁵ Информација о удружењима националних мањина // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. VIII-К.3, јед. 16.

²⁶ Там же.

²⁷ Милосавлевски С., Томавски М. Албанците во Република Македонија 1945–1995: Легислатива, политичка документација, статистика. Скопје: НИП «Студентски збор», 1997. С. 297–299.

Таблица 2. Количество албанцев-секретарей в 1957 г.

Город	Количество секретарей	Из них албанцы
Скопье	509	50 (9.82 %)
Тетово	251	76 (30.28 %)
Куманово	238	21 (8.82 %)
Охрид	408	55 (13.48 %)

Таблица 3. Участие албанцев и турок в органах власти в 1957 и 1958 гг.

Органы власти	Общее число	Албанцы		Турки	
		число	%	число	%
общинные	2.773	324	11	162	6
районные	445	44	9.8	19	4.2
республиканские НС ²⁸	113	11	9.7	2	1.7
союзные НС	23	2	-	2	-

Таблица 4. Число албанцев в органах управления производителей в 1957 г.

Органы власти	Общее число	Албанцы		Турки	
		число	%	число	%
общинные	2.268	187	8	71	3
районные	425	31	8	8	2
республиканские НС ²⁹	78	2	2.5	2	2.5
союзные НС	15	-	-	-	-

²⁸ Народная скупщина.²⁹ Там же.

Таблица 5. Число албанцев в составе руководителей в местных органах власти в 1957 г.

Органы власти	Общее число	Албанцы	Турки
председатели общин	73	4	-
заместители председателей общин	73	4	-
председатели ОНО	7	-	-
заместители председателей ОНО	7	2	-

Таблица 6. Квалификация работников албанцев и турок в 1958 г.

	Турки	Албанцы
высококвалифицированные	91	267
квалифицированные	1466	1702
полуквалифицированные	2395	1847
неквалифицированные	4651	2873
ВСЕГО	8603	6679

Выдержать принцип пропорционального национального представительства удавалось не везде. Поэтому, например, в Кумановском срезе на 11 предприятиях на 157 служащих македонцев приходилось только 5 албанцев³⁰.

Общественно-экономические реформы в стране, коллективизация, национализация и экспроприация в первые послевоенные годы вызывали недовольство у части населения, особенно ремесленников, предпринимателей, зажиточных крестьян, среди которых было много мусульман. В партийных документах 1948 г. отмечалось, что македонские коммунисты с недоверием относятся к албанцам и туркам из-за их поведения в годы войны, поэтому албанцы «не ощущают себя равноправными гражданами, не считают народную власть своей и даже слегка её боятся»³¹.

³⁰ Informacija o nekim problemima nacionalna manjina u Jugoslaviji // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. XVIII-К.4, јед. 8.

³¹ Izveštaj o obilasku nekih partijskih organizacija u Makedoniji – 12.1.1948 g. // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. V.К.III, јед. 17.

В Тетове народ требовал официального открытия религиозных мусульманских школ. В 1957 г. Крсте Црвенковски отмечал, что приходится бороться против шовинистических выступлений, национального изоляционизма у всех национальных меньшинств в Македонии³².

С начала 50-х годов наблюдался процесс массового отъезда турецкого, а частично и албанского, населения в Турцию. Комиссия по международным отношениям при ЦК КП Македонии считала этот вопрос политическим и держала его под постоянным контролем. Складывалось впечатление, что власти поощряли этот процесс. Так, на заседании Комиссии по национальным меньшинствам 4 сентября 1959 г. предлагалось рекомендовать властям, ответственным за выдачу разрешений уезжающим из страны туркам, помогать оформлять документы и понизить пошлины необеспеченным семьям. Цифры покидавших республику постоянно росли. Если в 1951 г. из Македонии уехал 31 человек, то в 1958 г. – почти 24 тысячи³³. По данным Комиссии, с 1951 г. по март 1959 г. из Македонии уехало 143800 мусульман³⁴. Среди них были и исламизированные македонцы, и албанцы из Косова, Санджака, и мусульмане из Боснии и Герцеговины.

Сначала начали уезжать богатые и влиятельные семьи, религиозные деятели, не желавшие участвовать или попадать под процесс экспроприации и национализации. За ними потянулись ремесленники. А бедняки крестьяне надеялись найти в Турции работу, поскольку не видели перспектив для себя в Югославии. Начиная с 1953 г., к туркам присоединились албанцы. Они стали менять свою национальность и записываться турками. Поскольку законодательство по этому вопросу не было урегулировано, то допускалось человеку самому определять свою национальность. Если по переписи 1948 г. турками себя назвали 95940 человек, то через пять лет, в 1953 г., уже 203938³⁵. До конца 1957 г. менять свою национальность разрешалось свободно.

³² Informacija o nekim problemima nacionalna manjina u Jugoslaviji // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. XVIII-К.4, јед. 8.

³³ Информација за иселувањето на припадниците на турско национално малцинство од територијата на Народна Република Македонија // Архив Македонији. Ф. 1.427. ЦК на КПМ/СКМ. К.128.5/23–39.

³⁴ Антифашистичко собрание. Т. 1. Књ. 4. С. 318.

³⁵ Там же.

Согласно партийным отчётам, в 1951–1956 гг. среди уехавших были люди следующих специальностей³⁶:

1. рабочие – 7493,
2. крестьяне – 15833,
 - а) зажиточные – 354,
 - б) средние – 701,
 - в) бедные – 14828,
3. крестьяне-кооператоры – 5,
4. ремесленники – 2785,
5. студенты и учащиеся – 237,
6. служащие – 682,
7. свободные профессии – 401,
8. остальные (дети, женщины, муфтии и т.д.) – 58844.

Всего – 86380.

В июле 1959 г. анализ профессиональной подготовки отъезжающих показал, что среди них имеются не только крестьяне и ремесленники, но и милиционеры, офицеры запаса, служащие. Были и коммунисты.

Вместо уехавших в сёла Македонии приезжали албанцы и мусульмане из других республик – Сербии (Косова, Санджака – всего 17779 чел.), Боснии и Герцеговины (2147 чел.), Черногории (2850 чел.). Они селились в Скопье, а также и в других городах – Титов-Велесе, Куманове, Штипе и др. В своих отчётах власти отмечали, что «достаточно массовая миграция проходит политически достаточно мирно и нормально»³⁷. Однако она создавала большие проблемы с расселением прибывающих, их занятостью, социальным обеспечением, просвещением.

Было ясно, что массовый отъезд турок фактически привёл к ликвидации этого народа в Македонии, к выселению одного национального меньшинства. Македонские коммунисты ставили вопрос: не компрометирует ли это социалистическую народную власть, ведь уезжали семьи из социализма в капитализм, и то массово. В партийных документах македонские коммунисты пытались найти причины отъезда, объяснить массовость явления. В анализе ситуации, проводимой македонскими коммунистами, отмечалось, что идея отъезда родилась у самих турок в Македонии в условиях, когда им предоставлялись максимальные

³⁶ Антифашистичко собрание. Т. 1. Кв. 4. С. 318.

³⁷ Иселувањето на припадниците на турско национално малцинство од подрачјето на НРМ // Архив Македонији. Ф. 1.427. ЦК на КПМ/СКМ. К.72.1/ 1–67.

условия для национального равноправия. При этом подчёркивалось, что корни явления следует искать в истории и религии, но связано оно, прежде всего, с недовольством турецкого меньшинства своим положением в республике³⁸. Причинами массового отъезда турок назывались и «отсталое сознание» консервативной части населения, и влияние классовых врагов, и турецкая пропаганда. При этом во всех документах подчёркивалось, что власти не сопротивлялись этому процессу, видя в этом демократизм новой власти.

Опросы македонцев показали, что те видели в этом процессе ряд положительных моментов – уезжали те, кто сопротивлялся построению социализма, кто архаично относился к семейным отношениям, кроме того, освобождались места в руководстве сёл и общин, устранялись сложности в межнациональных отношениях³⁹.

Часть албанцев считала отъезд албанцев в Турцию ошибкой и устраивала манифестации против этого, полагая, что они оголяют западные границы и снижают потенциальную возможность объединения с Албанией.

После отъезда турок, единственным крупным национальным меньшинством в Македонии оставались албанцы. Несмотря на желание македонских властей включить их в общественную жизнь, имели место явления сопротивления новым порядкам. В одной из листовок нелегальной группы в Тетове в мае 1955 г. говорилось: «Мир знает, что Югославия создана на чужой территории. Районы: Бар, Малесия (Черногория), Косово и Метохия, Куманово, Скопье, Полог и часть Пелагонии – это наша земля. В 1911 г. в Скопье и окрестностях проживали 90% албанцев. После массового террора со стороны сербов, а позже болгар, албанский народ был вынужден бежать. Сегодня в Скопье, столице Македонии, всего 60% албанцев. Сегодняшние правители, диктаторы и шовинисты не стыдятся говорить, что не хотят чужой земли. Да здравствует этническая Албания – Сильный союз (Форт Башкими)!»⁴⁰. В партийных документах 1955 г. отмечается, что в Скопье власти знают о работе подпольной организации «Беса», которая борется против существующего строя. «Они ищут защиту на Западе у албанских эмигрантских комитетов и наших врагов в Косове. Основной задачей является борьба с существующей Югославией, отделение Космета и Западной Македонии

³⁸ Иселувањето на припадниците на турското национално малцинство ...

³⁹ Там же.

⁴⁰ Прилог бр. 29 // Батковски Т. Указ. соч. С. 263.

и создание Великой этнической Албании». Вступая в эту организацию, албанцы давали клятву: «Я как албанец буду готов постоянно бороться за объединение всех албанцев в одну настоящую Албанию, а особенно за тех албанцев, которые находятся под ярмом славян. Мы должны постоянно помнить о борьбе против всех предателей албанского народа, а также охранять интересы албанского народа»⁴¹.

В последующие годы деятельность подпольных групп продолжилась. В 1968 г. прошли демонстрации в Тетове и других городах Македонии. Имели место случаи запугивания македонского населения, проведения демонстраций под албанскими флагами⁴². В Македонии в 70–80-е гг. действовало 18 нелегальных албанских групп численностью 120 человек⁴³.

Руководство страны пыталось выстроить отношения с национальными меньшинствами на принципах равноправия, культурного и образовательного развития, вовлечения их в общественную и политическую жизнь. Однако албанские сепаратисты шли к своей общей цели – к объединению всех областей с большинством албанского населения. Эта цель в наши дни после албанского восстания в Македонии в 2001 г. и провозглашения независимости Косова в 2008 г. стала уже вполне осязаемой.

⁴¹ Neka aktuelna pitanja neptijateljskog delovanja medju učiteljima šiptarske manjine // Архив Југославије. Ф. 507. Фасц. Бр. XVIII-К.4, јед. 4.

⁴² Информација за реагирањата во врска со неодамнешните настани во Тетово. Скопје, јануари 1969 година // Архив на Македонија. Ф.1.427. ЦК на КПМ/СКМ. К. 231.12.

⁴³ Батковски Т. Указ. соч. С. 216.

Македонскиот вопрос во политике СССР (1922–1940)¹

Для СССР македонскиот вопрос представлял собој сложнейшую проблему, решение которой предполагало не только признание права македонского народа на самоопределение, но и объединение балканских государств в федерацию².

Сложность македонского вопроса заключалась, с одной стороны, в утрате в результате Балканских войн и Первой мировой войны территориальной целостности Македонии, а с другой, – в неоднородности национального состава населения.

Соседние государства, предъявлявшие претензии на Македонию, использовали созданную в теократической Османской империи систему миллетов, в соответствии с которой христианское население делилось на отдельные правосубъектные группы в соответствии с принадлежностью к разрешенным султаном церквям³. Пропаганда данных государств

¹ Статья базируется на документах, входящих в сборники: Македонското прашање во советската надворешна политика (1922–1940 год). (Владо Поповски, Ленина Жила). Скопје, 2008; Македонското прашање во документите на Коминтерната (Владо Поповски, Ленина Жила). Скопје, 1999. книга прва.

А также: 36 години във ВМРО. Спомени на Кирил Пърличев (Кирил Пърличев), София 1999; Националниот вопрос на Балканах через призму мировой революции (Гришина Р.П.). Ч. 2. М., 2003.; Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М., 2001; БКП, Коминтернът и македонскиот въпрос (1917–1946). Т. 1–2. София, 1998.; *Тодор Александров*. Сè за Македонија. Документи 1919–1924 (Зоран Тодоровски). Скопје, 2005; Чехословачки дипломатски документи за Македонија (1919–1933) (Новица Велјановски, Јан Рихлик). Кн.1. Скопје, 2006.; Чехословачки дипломатски документи за Македонија (1934–1939) (Новица Велјановски, Јан Рихлик). Кн.2. Скопје, 2007.; Италијански дипломатски документи за Македонија (1918–1924) (Иван Катарциев, Аленка Лапе). Т. 1. Кн.1. Скопје, 2001. и др.

² О сложности македонского вопроса мнение СССР не изменилось вплоть до 1944 г. Идею Балканской федерации, которая была у СССР до 30-х годов XX в., заменили идеей федерализации Югославии и демократизации Греции и Болгарии. См.: Македонското прашање во советската надворешна политика ... , прилози, док. №5.

³ «Само понятие миллет образовалось от термина милле. В арамейском языке он первоначально означал «слово», а, следовательно и «логос», в конечном же итоге стал восприниматься в значении «вера». Этимология термина позволяет лучше понять сущность системы миллетов. Она основывалась на том принципе, что все общины любого вероис-

строилась на заведомо ложном постулате о соответствии понятий «миллет» и «народность».

В Османской империи со второй половины XIX в. до 1912 г. македонское христианское население не было гомогенным. Оно оказалось разделенным между тремя миллетами: «греческим», «сербским» и «болгарским». Случалось так, что одни и те же села были «греческими» и «болгарскими», или «болгарскими» и «сербскими», несмотря на то,

поведения на османской территории признавались государством и им предоставлялось право решения всех их внутренних дел. [...] В такой разъединенности, основанной на вере и ее различных толкованиях, язык не имеет значения. Когда говорят об армянах, имеют в виду не один народ, но армяно-григорианский, армяно-католический и армяно-протестантский миллеты. В противовес этому греческое православие объединяло в одну общность греков, сербов, болгар. Именно из-за этого в Османской империи первое проявление балканского национализма было направлено не против османского правительства, но против греко-фанариотского патриархата. Мусульманский же миллет Османской империи объединял турок, арабов, болгар-помаков, боснийцев, курдов и кавказцев. Здесь также не шла речь о языковом или этническом различии. Каждый индивид вне зависимости от происхождения считался членом этой общности. Стоит, однако, заметить, что те мусульмане, которые не принадлежали к числу суннитов, не пользовались теми преимуществами, на которые имели право другие представители миллета, и османское государство было очень скупно на проявления терпимости. Существовавшая ситуация стала меняться лишь после Танзимата. Система миллетов, невзирая на все перемены, просуществовала до конца Османской империи. Ведь переписи населения и парламентские выборы производились на их основе. Из-за этого даже сегодня мы не располагаем информацией на основе переписей об этнической структуре Османской державы. За все столетия, предшествовавшие Первой мировой войне, немусульмане не проходили военную службу, выплачивая взамен налог бедел-и аскерий. Положение изменилось лишь со вступлением султанской Турции в войну в 1914 г. В процессе осуществления реформ специфика миллетов принималась во внимание при выборах в меджлис и различные комиссии, в частности, принцип пропорциональности устанавливался на этой основе. Поэтому административные реформы, с одной стороны, подрывали саму систему, но, с другой стороны, ее усиляли. В сфере правосудия такая ситуация сохранялась до конца существования османского государства, о чем свидетельствует продолжение работы общинных судов. Главным, но не единственным защитником системы миллетов было само государство. Ведь руководство каждого такого коллектива было самым яростным противником любых нововведений внутри него. Сохранение статус-кво по сути означало сохранение и самой общины. По той же причине религиозная верхушка до определенного времени выступала против светско-национального сепаратизма даже активнее, чем османские бюрократы. Изменение самой системы диктовалось не волей и выбором руководства, но исторической необходимостью» (*Ташансу Тюркер*. Процесс модернизации в Османской империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии: XIX – начало XX в. Научная библиотека диссертаций и авторефератов – <http://www.dissercat.com/content/protsess-modernizatsii-v-osmanskoj-imperii-i-rossii-i-ego-otrazhenie-v-imperskoj-i-natsional#ixzz2FxedTDQ5>).

что их население принадлежало к одному роду, имело одинаковые обычаи и говорило на одном языке.

Одним из наиболее иллюстративных является следующий факт:

В Османской империи среди христианского населения так называемой «Старой Сербии» в соответствии с системой миллетов «сербы» отсутствовали, так как султан в указанной области разрешил деятельность только «греческой» и «болгарской» церквей⁴.

Но при этом, неофициально, христианское население Македонии именовало себя и зачастую именовалось «македонцами».

Как в дореволюционной России, так и в СССР, доминировало представление о смешанном составе населения Македонии. Но традиционно уточнялось «македонские болгары», «македонские сербы», «македонские греки» и т.д.

Отношение же официальных кругов дореволюционной России и СССР к македонскому освободительному движению различалось.

До 1917 г. деятельность Внутренней македонской революционной организации (ТМОРО–ВМОРО–ВМРО) являлась неприемлемой и рассматривалась в качестве враждебной по отношению к России. Выход виделся в ликвидации Македонской революционной организации в «трех западных вилайетах» Турции (в Салоникском, Битольском и Ускюбском). Так, граф Капнист, обращаясь к министру иностранных дел России графу Ламздорфу, указывал: «1. Выход из заколдованного круга состоит в окончательном расстройстве и уничтожении революционной организации в трех вилайетах. 2. ...Наиболее опасно упоминать статью 23 Берлинского договора. Это расшатало бы империю и дало бы основание революционной организации считать, что делается уступка в удовлетворении ее требований и желаний...» При этом он констатировал, что упорство и сила революционной организации превзошли все ожидания⁵. Точка зрения Капниста в конечном итоге была воспринята и министром иностранных дел, и императором.

Подобное отношение к ВМРО объясняется тем фактом, что, несмотря на борьбу македонского народа за собственное государство (Македонское (Кресненское) восстание с октября 1878 г. по май 1879 г., Горноджумайское 1902 г. и Илинденское 1903 г.), Россия не планировала создание нового государства. Вопреки целям македонских восстаний и усилиям Македонской революционной организации, Россия рассчитывала на раздел

⁴ См.: AVPRI. F. 151. Op. 482. A.e. 2629. L. 198–201, 262–263; Ibid. A.e. 3603. L. 91–93.

⁵ См.: AVPRI. F. 151. Op. 482. A.e. 1013. L. 485–487; Ibid. A.e. 2629. L. 34–36, 180–190; Ibid. A.e. 1008. L. 33; Ibid. A.e. 564. L. 38; Ibid. A.e. 1475. L. 324; Ibid. A.e. 2633. L. 1.

Македонии между тремя балканскими государствами (Сербией, Болгарией и Грецией). Так, например, во время Первой балканской войны на дипломатических документах с предложениями о создании автономной Македонии из широкого срединного македонского пространства российский император категорически написал: «Недопустимая вещь»⁶.

Советские власти, наоборот, предприняли попытку привлечь ВМРО на свою сторону, связать ее с левым политическим блоком, в первую очередь, с коммунистами, и использовать ее в интересах собственной политики⁷.

Советский Союз являлся сторонником создания на Балканах федерации или конфедерации⁸.

Политическую позицию по македонскому вопросу поясняли институты Коминтерна (ИККИ, его президиум, пленумы ИККИ, конгрессы Коминтерна, президиум БКФ и др.). Это отношение к македонскому вопросу, в котором, без сомнения, чувствовалось сильное советское влияние в связи с доминирующей позицией видных советских руководителей в Коминтерне (Зиновьев, Каменев, Бухарин и др.), было дополнено и усилено влиянием балканских компартий и их активистов, особенно Болгарской компартии и деятельности В. Коларова и Г. Димитрова.

Структуры Коминтерна разделяли политическую цель македонских организаций создать независимое македонское государство из частей, находившихся под властью Болгарии, Королевства СХС и Греции. Отличие состояло только в том, что образование самостоятельного македонского государства Коминтерн увязывал с формированием Балканской Федерации Советских Республик⁹.

Данные пропагандистские лозунги Коминтерна оставались, по сути, неизменными.

Что же касается тактических вопросов и, в частности, вопроса отношений между национально-революционными и коммунистическими организациями, то позиция Коминтерна претерпела ряд видоизменений.

Так, после 1929 г. идея об участии коммунистов в национально-революционных организациях трансформировалась в прямо ей противоположную. После 1935 г. основной акцент делался на массовые организации «единого фронта».

⁶ См.: AVPRI. F. 151. Op. 482. A.e. 3760. L. 5; Ibid. A.e. 3714. L. 573–574; Ibid. A.e. 3698. L. 325.

⁷ Македонското прашање во советската надворешна политика ... Док. № 37, 39 и др.

⁸ Там же. Док. № 7.

⁹ Например, материалы VI конференции БКФ: Македонското прашање во советската надворешна политика ... Док. № 18.

В результате, в апреле 1936 г. греческая компартия аннулировала резолюцию Шестой конференции БКФ 1924 г., в которой поддерживался курс македонских национально-революционных организаций на создание объединенного независимого македонского государства. Македонский вопрос стал рассматриваться как вопрос о правах национального меньшинства в Греции, решение которого предусматривалось посредством борьбы за демократизацию греческого государства. В 1938 г. перестала функционировать ВМРО (объединенная), которая до этого находилась под покровительством Коминтерна и финансировалась им.

Перемены в тактике Коминтерна были связаны с изменениями в его политике, а последние совпали с победой И. Сталина над течением, выступавшим за экспорт революции и за использование национальных вопросов и движений для этой цели.

После высвобождения политического пространства для личной власти Сталина и после поворота курса к великодержавным советским интересам отпала необходимость в поддержке через Коминтерн национальных движений даже и на пропагандистском уровне.

Советская государственная политика не занималась отдаленными целями и моделями политики. Перед ней стояли прагматичные и оперативные задачи, касавшиеся определенного пространства и времени.

Советские государственные органы (НКВД, ИНО ОГПУ и Разведупр) имели отдельные, специфические задачи. Их действия координировало Политбюро ЦК РКП (б) как истинная верховная власть, определявшая политику и одобрявшая принимаемые меры.

Советские государственные органы, проводя политику «экспорта» революции, осознавали значение македонского вопроса и особенно роль македонских национально-революционных организаций. Вплоть до конца 1925 г. они ожидали восстания в Болгарии и на территории Македонии, находившейся под властью Сербии (Королевства СХС). Такие прогнозы базировались на общем анализе обстановки и, в частности, на заявлениях членов ВМРО. Например, в декабре 1923 г., выступая на конференции Молодежного союза, Наум Томалевский в качестве представителя ВМРО подчеркнул, что будущей весной пять тысяч молодых членов Революционной организации перейдут болгарско-югославскую границу и поднимут восстание, поставив македонский вопрос перед европейскими странами¹⁰.

Македонские федералисты, первые согласившиеся на сотрудничество с Советами, в своих сообщениях достаточно подробно ознакомили

¹⁰ Македонското прашање во советската надворешна политика ... Док. № 42. С. 170.

советскую сторону с македонским вопросом, со структурой политических сил в македонском движении и их сетью на территории Македонии¹¹.

Речь идет, прежде всего, о Тодоре Панице, Славе Иванове и Филиппе Атанасове, получивших первыми от советской стороны финансовую поддержку¹². Критически переосмыслив ошибки, совершенные во время Первой мировой войны, они, вместе с группой «Серчан», приблизились в идейном отношении к коммунистам¹³.

В данном случае свою роль сыграли заявления СССР о приверженности «праву наций на самоопределение», а особенно отношение СССР к турецкому национальному движению и оказанная Турции помощь.

Привлекательность советской политики для македонских субъектов, включая ВМРО, состояла в неприятии версальских решений со стороны СССР, что создавало у македонских организаций надежду на объединение частей Македонии посредством интернационализации македонского вопроса и посредством мощной советской поддержки македонского революционного движения.

Из троих членов ЦК ВМРО П. Чаулев первым установил контакты с представителями СССР¹⁴ через советское посольство в Риме. П. Чаулев действовал как частное, а не официальное лицо. Будучи формально членом ЦК ВМРО, он фактически был отстранен, по различным причинам, от принятия решений.

П. Чаулев вызывал у деятелей СССР симпатию (им откровенно восхищался резидент ОГПУ Страуян) и доверие (Г.В. Чичерин называл его «наш товарищ Чаулев»¹⁵). Сам же П. Чаулев, утратив чувство осторожности, максимально сблизился с представителями Советского Союза. Он позволил себе перейти грань дозволенного, приняв, согласно утверждениям руководителя ВМРО Т. Александрова, денежные средства от советской стороны¹⁶.

После состоявшихся в Вене переговоров (апрель–май 1924 г.) представители СССР предполагали заменить Тодора Александрова П. Чаулевым, который должен был бы в соответствии с так называемым «Майским манифестом» переориентировать ВМРО¹⁷.

¹¹ Македонското прашање во советската надворешна политика ... Док. № 20, 26, 36 и др.

¹² Там же. Док. № 26. С. 122.

¹³ Там же. Док. № 20; Док. № 44 и др.

¹⁴ Там же. Док. № 13, 30, 40 и др.

¹⁵ Там же. Док. № 132. С. 476.

¹⁶ Тодор Александров. Сè за Македонија ... Док. № 117. С. 376–378; 36 години във ВМРО ... Док. № 92. С. 469–471 и др.

¹⁷ Там же. Док. № 131, 132 и др.

Согласно оценке другого члена ЦК ВМРО Александра Протогера, Советский Союз из-за бессарабской проблемы должен был остаться одним из главных игроков на Балканах, а следовательно, важным фактором для решения македонского вопроса¹⁸.

Александр Протогер, проявлявший недовольство Тодором Александровым, рассматривался болгарскими коммунистами, особенно Димо Хаджи Димовым, в качестве потенциального союзника¹⁹.

Советам и коммунистам, использовавшим личную неприязнь или политические разногласия, удалось изрядно расшатать отношения в ВМРО, особенно между членами ЦК, а также между последними и руководителями округов ВМРО. Со временем, помимо П. Чулева, были привлечены А. Протогер, Алеко Василев, Георгий Атанасов, Александр Буйнов, Панчо Михайлов, Владимир (Поп) Томов, Арсений Йовков, Георгий Занков, Павел Шатев, Петар Шанданов и др.²⁰

Перечисленные деятели и «Серчане» считались сторонниками левой ориентации. Советы и коммунисты рассчитывали, что они смогут взять в свои руки руководство ВМРО и поставить ее на службу советской политике.

Поскольку Советы проявляли значительный интерес к ВМРО, то им было необходимо привлечь на свою сторону Тодора Александрова, центральную, точнее, стержневую фигуру в ВМРО.

Весной 1923 г. болгарские коммунисты вступили в переговоры с Тодором Александровым²¹. Тогда речь шла о свержении правительства Стамболийского. Однако договоренность не была достигнута, поскольку ВМРО уже вела тайные переговоры с консервативным блоком Александра Цанкова и Военной лигой. Ф. Атанасов и С. Иванов в докладе от 25 июня 1923 г. сообщили, что в Вене имела место тайная встреча представителей Т. Александрова и А. Цанкова²².

После переворота 9 июня 1923 г., совершенного Военной лигой при содействии ВМРО, коммунисты в августе 1923 г. возобновили контакты с ВМРО и с самим Т. Александровым. Они поставили вопрос о свержении правительства Цанкова и об установлении рабоче-крестьянской власти²³. Однако и на этот раз согласия достичь не удалось. Наоборот,

¹⁸ Државен архив на Република Македонија. М/ф 4254.

¹⁹ Централен државен архив. Ф. 1909. Оп. 2. А.е. 154.

²⁰ Чехословачки дипломатски документи за Македонија (1919–1933) ... Кн.1. Док. № 25 и др.

²¹ 36 години във ВМРО ... С. 113–114 и док. № 57.

²² Македонското прашање во советската надворешна политика ... Док. №20. С. 88–89.

²³ Там же. Док. №№ 8, 11 (str. 103–104), 37 и др.; 36 години във ВМРО ... Док. № 64.

Т. Александров указал коммунистам, что ВМРО не допустит свержения правительства Цанкова и что Организация – против создания рабоче-крестьянского правительства. Т. Александров обосновал свою позицию необходимостью для ВМРО сохранения ее базы в Болгарии, которая в случае успеха восстания коммунистов немедленно подверглась бы нападению со стороны Югославии и Греции и, таким образом, было бы поставлено под вопрос само существование Болгарии, а вместе с ней и ВМРО.

По утверждению болгарских коммунистов, Т. Александров пригрозил, что если, несмотря на предупреждение, они предпримут попытку захвата власти, то повстанцы столкнутся с силами ВМРО²⁴.

Согласно источникам ВМРО, Т. Александров предупредил, что в соответствии с принципом невмешательства во внутренние дела Болгарии, Организация останется нейтральной, но в Пиринской Македонии, которую ВМРО считала собственной территорией, какие-либо действия без позволения ВМРО недопустимы.

Тодор Александров от имени ЦК ВМРО 6 сентября 1923 г. огласил декларацию под названием «Характер македонского движения»²⁵. В ней подчеркивалось, что ВМРО – это не классовая организация и не политическая партия, а революционная организация, которая борется за освобождение Македонии и за формирование объединенного независимого македонского государства. ВМРО, как указывалось в декларации, представляет собой широкое движение, охватывающее представителей всех проживающих в Македонии национальностей.

Подобно тому, как Степан Радич боролся за признание Хорватской республиканской крестьянской партии субъектом-носителем хорватской государственности²⁶, также и Т. Александров – за признание ВМРО субъектом-носителем македонской государственности. Т. Александров жестко отстаивал право ВМРО являться единственной представительницей интересов македонского народа. Так, в своем письме Филиппу Атанасову (апрель 1922 г.)²⁷ он подчеркнул, что тот ответит своей головой, если, не являясь членом ВМРО, подпишет политический договор о создании революционной базы в Албании.

²⁴ Македонското прашање во советската надворешна политика ... Док. №8, 11. С. 103–104, 155 и др.

²⁵ Македонското прашање во документите на Коминтерната ... Док. № 14.

²⁶ Радич С. Сербы и хорваты – два полюса так называемой Югославии // Международная жизнь. 1924. № 4–5.

²⁷ Тодор Александров. Сè за Македонија ... Док. № 12. С. 64.

Вскоре после появления декларации от 6 сентября 1923 г., Т. Александров 12 сентября направил протест А. Цанкову по поводу ареста македонцев, несмотря на то, что они были коммунистами. Таким образом, Т. Александров подчеркнул национальный, а не политический характер ВМРО²⁸.

Однако в ходе повстанческих действий многочисленные группы членов ВМРО выступили на защиту правительства А. Цанкова. Это дало основание коммунистам подвергнуть нападкам Т. Александрова как «орудие» правительства А. Цанкова²⁹.

Александров указывал на то, что ВМРО не нарушила обещанный нейтралитет. По утверждению Т. Александрова, коммунисты пренебрегли его предупреждением, и приблизительно 1 200 человек из Пиринского края приняли участие в восстании, после чего отдельные члены ВМРО в индивидуальном порядке, без разрешения ЦК ВМРО, участвовали в подавлении восстания.

Эпилог Сентябрьского восстания был трагическим для коммунистов – приблизительно десять тысяч убитых повстанцев.

Провал в сентябре 1923 г. БКП (т.с.) подтолкнул Советы начать непосредственные переговоры с Тодором Александровым. Их провел в декабре 1923 г. разведчик «Андреев» (Борис Шпак).

Из донесения Б. Шпака³⁰ следовало, что отношения между ВМРО и правительством А. Цанкова обострились из-за стремления последнего нормализовать отношения с Королевством СХС за счет македонского движения. На переговорах Т. Александров проинформировал о намерении создать из македонских депутатов в трех балканских парламентах (болгарском, сербском и греческом) македонскую парламентскую группу, которая сформировала бы македонское правительство вне Балкан.

Тодор Александров пообещал сотрудничество с левыми силами, включая и коммунистов, в случае достижения соглашения с СССР относительно предоставления ВМРО разносторонней поддержки и помощи.

После переговоров с Б. Шпаком Т. Александров 30 декабря 1923 г. подготовил проект соглашения между ВМРО и Российской Советской Республикой³¹.

²⁸ Македонското прашање во советската надворешна политика ... Док. № 37. С. 158; № 40. С. 190.

²⁹ Там же. Док. № 40. С. 190.

³⁰ Македонското прашање во документите на Коминтерната ... Док. №22; Македонското прашање во советската надворешна политика ... Док. № 54.

³¹ Македонското прашање во документите на Коминтерната ... Док. № 24.

В проекте соглашения указывались цели ВМРО, подчеркивалось, что Организация является единственной законной представительницей македонского народа, независимой в проведении своей политики, выражалась готовность сотрудничать с советской стороной, чьи интересы совпадали с идеалами ВМРО.

Проект соглашения, подписанный Тодором Александровым в качестве члена ЦК ВМРО, был передан представителям СССР Димитром Влаховым, назначенным полномочным представителем ВМРО в Вене, где находился советский центр по работе на Балканах, объединявший дипломатические, коминтерновские и разведывательные структуры Советского Союза.

В январе 1924 г. в Москве было проведено совещание по Македонии, в котором приняли участие функционеры, занимавшие ответственные посты³². Государственные внешнеполитические структуры были представлены наркомом Г.В. Чичериным, политическая разведка – ее руководителем М.А. Трилиссером, военная разведка – И.С. Уншлихтом, Коминтерн – И.А. Пятницким, болгарская компартия – Г. Димитровым.

Представители советской политики, определяя отношение к ВМРО, решили потребовать от Организации: (1) свободы ведения коммунистической пропаганды в округах ВМРО; (2) допуска коммунистов во все организации ВМРО и в ее руководящие инстанции; (3) участия коммунистов в печатных органах ВМРО; (4) защиты коммунистов со стороны ВМРО в случае их преследования болгарским правительством; (5) сотрудничества с коммунистами депутатов парламента, представлявших ВМРО; (6) ликвидации междоусобных конфликтов; (7) возвращения Димо Хаджи Димова в ЦК ВМРО; (8) отстранения полковника запаса Георгия Атанасова и других одиозных фигур из рядов ВМРО; (9) предоставления помощи в распространении литературы; (10) содействия в легализации коммунистической партии Болгарии; (11) договоренностей относительно единства действий коммунистов, левых земледельцев и ВМРО.

Вопрос о передаче складов оружия коммунистам остался открытым.

Взамен всего этого Советы обещали только декларативную поддержку македонского движения в достижении его основной цели (создания объединенной независимой Македонии).

Отношение же к самому Т. Александрову советской стороны не было однозначным:

В случае отказа Т. Александрова от сотрудничества, которое в конечном итоге должно было привести к свержению правительства

³² Македонското прашање во советската надворешна политика ... Док. № 55.

А. Цанкова и установлению власти рабоче-крестьянского правительства, планировалось его смещение как руководителя ВМРО посредством левых сил Организации.

Т. Александров должен был на деле продемонстрировать, что он отошел от прежних позиций. Только в таком случае он мог рассчитывать на финансовую поддержку, а также помощь оружием.

Позиция явного превосходства советской стороны по отношению к руководителю ВМРО объяснялась тем, что до апреля 1924 г. ей уже удалось значительно подорвать позиции Т. Александрова в самой Организации: А. Протогеров сблизился с Алеко Василевым, П. Чаулев и Д. Влахов фактически перешли на службу СССР и т.д.³³

Таким образом, после подписания в апреле 1924 г. в Вене декларации³⁴, Тодор Александров оказался в ловушке. Он, а с ним и ВМРО проиграла Советам, что имело тяжелые последствия для всего македонского освободительного движения.

Возникает вопрос: каким образом Т. Александров, имея огромный опыт революционной деятельности и конспиративной работы, допустил катастрофические ошибки.

После Первой мировой войны ВМРО, руководимая Т. Александровым, оказалась в изоляции, без международной поддержки. Например, посол США в Софии на просьбу Т. Александрова отреагировал негативно, заявив, что не собирается встречаться с таким разбойником³⁵.

ВМРО подвергалась гонениям со стороны болгарских властей, которым был нужен полный контроль над государственной территорией, чему мешала ВМРО, по крайней мере, на территории Пиринской Македонии. Болгарские правительства были заинтересованы в стабилизации международного положения страны, а ВМРО являлась основным препятствием в деле нормализации отношений Болгарии с соседними государствами и завоевании доверия государств-гарантов Версальской системы, что было необходимо, в частности, для получения исключительно важных кредитов.

Из-за этих и других причин отношение правительства А. Стамбулийского к ВМРО было враждебным. После подписания в Нише соглашения между Болгарией и Югославией по пограничным вопросам

³³ 36 години във ВМРО ... Док. № 113. С. 489.

³⁴ Македонското прашање во документите на Коминтерната ... Док. № 56, 57.

³⁵ Чехословачки дипломатски документи за Македонија (1919–1933) ... Кн.1. Док. № 23. С. 108.

и достигнутых договоренностей о совместной борьбе против ВМРО правительство А. Стамболийского стало смертельным врагом для Македонской организации.

Хотя правительство А. Цанкова пришло к власти с помощью ВМРО, все же отношения между ними были достаточно хрупкими. Частые встречи А. Цанкова с югославским послом в Софии Миланом Ракичем вызывали у ВМРО сомнения³⁶. Также македонцев разочаровывали заявления А. Цанкова относительно сближения Болгарии и Королевства СХС.

Тодор Александров открыто выражал недовольство действиями ряда министров кабинета А. Цанкова (Русева³⁷ и Калфова³⁸). Но и министры допускали резкие высказывания по поводу деятельности ВМРО. Например, министр обороны И. Вылков заявил, что было бы лучше ЦК ВМРО перебраться в Вардарскую Македонию и там заниматься организацией революции³⁹.

Отношения между ВМРО и правительством А. Цанкова особенно обострились весной 1924 г., когда болгарское правительство произвело аресты македонских революционеров (было задержано 150 членов ВМРО) и когда Т. Александров в своем письме соратникам указал, что настало время разорвать отношения с болгарскими министрами и генералами⁴⁰.

Именно тогда состоялась встреча ЦК ВМРО с советскими представителями в Вене и были подписаны документы о сотрудничестве.

Кроме того, ряд видных деятелей и руководителей ВМРО склонялись к установлению отношений с Советским Союзом. Т. Александров не мог не отреагировать на их давление.

Одним из факторов, ослабивших «коэффициент сопротивляемости» Т. Александрова Советам, являлись и отношения с двумя другими членами ЦК ВМРО: П. Чаулевым и А. Протогеровым.

П. Чаулев не был солидарен с Т. Александровым. Не мог сработать с руководителем ВМРО. Свои симпатии к Советам П. Чаулев не скрывал. Однако Т. Александров подозревал, что дело не только в его взглядах, так как просочились слухи относительно финансовых обязательств П. Чаулева к Советам⁴¹.

³⁶ Македонското прашање во советската надворешна политика ... Док. № 85, 90 и др.

³⁷ Тодор Александров. Сè за Македонија ... Док. № 102. С. 614–616.

³⁸ Там же. Док. № 86. С. 276–278; Док. № 55. С. 546; Док. № 62. С. 554; Док. № 70. С. 918.

³⁹ 36 години във ВМРО ... С. 126–127.

⁴⁰ Там же. белешка 2 кон док. № 40.

⁴¹ Македонското прашање во документите на Коминтерната ... Док. № 71; Тодор

Александр Протогеров выступал за компромисс с Советами. Он пытался своим проектом манифеста (Майского манифеста) сблизить позиции ВМРО и коммунистов (Советов), но ему это не удалось⁴². С его стороны Александров не мог ожидать твердой поддержки, хотя и не сомневался в нем так, как в Чаулеве.

Учитывая все это, Тодор Александров в Вене оказался заложником обстоятельств, ощутив и угрозу личной безопасности. Проявив, согласно сделанному Георгию Баждарову признанию, малодушие, Т. Александров подписал две декларации, которыми остались недовольны и сам он, и Советы. Покинув Вену, Александров избежал подписания манифеста, в котором ясно выражалась готовность ВМРО поддержать революционные преобразования на Балканах. Однако он, не будучи знаком с текстом манифеста, уполномочил двух других членов ЦК подписать документ от его имени.

После того как Т. Александров получил возможность ознакомиться с текстом манифеста, он убедился, что манифест подрывал основы ВМРО как национально-революционной организации, то есть те основы, которые он ревностно отстаивал. Ошибка была не огромной, а фатальной. Поэтому Тодор Александров сказал Баждарову: «Я никогда не прошу себе того малодушия. Опасность была реальной, но не надо было подписывать»⁴³. Вернувшись в Софию, Александров почувствовал изоляцию и вражду со стороны болгарского правительства. Правительство, хорошо осведомленное об отношениях ВМРО с Советами, предложило югославскому правительству совместную борьбу против советской опасности и против «своих» большевиков, под которыми они подразумевали и руководителей ВМРО, включая Т. Александрова⁴⁴.

Тодор Александров попытался стабилизировать Организацию, обнародовав декларацию о том, что ВМРО остается независимой и верной курсу национальных и революционных задач. Т. Александров и А. Протогеров предприняли меры для ускорения процесса проведения окружных съездов и общего съезда Революционной организации, направляя

Александров. Сè за Македонија... Док. № 80, 82, 84; 36 години във ВМРО... Док. № 92. С. 469–471; Италијански дипломатски документи. Т.1. Кн. 1. Док. № 175. С. 387 и др.

⁴² См.: Македонското прашање во документите на Коминтерната ... , прилог кон именскиот регистар – Протогеров Александр.

⁴³ *Георги Баждаров. Моите спомени. Софија, 2001. С. 138.*

⁴⁴ Македонското прашање во документите на Коминтерната ... , белешка 2 кон док. № 72.

много циркуляров и писем на места, в которых объясняли произошедшее и подтверждали общеизвестные принципы ВМРО.

Однако все эти действия по консолидации ВМРО запоздали. Советы в июне–июле 1924 г. отдали распоряжения приступить к «разложению» рядов ВМРО и к компрометации Т. Александрова. И. Сталин 19 июня 1924 г. подписал решение Политбюро ЦК РКП (б) о публикации венских документов с подписями членов ЦК ВМРО. БКФ и Балканская комиссия призвали П. Чаулева взять ВМРО под свой контроль, обновить Македонскую революционную организацию в соответствии с принципами Манифеста от 6 мая 1924 г. и избрать новый Центральный Комитет⁴⁵.

В свою очередь, болгарское правительство планировало свои шаги, сохраняя их в тайне. При этом оно пользовалось услугами членов самой Организации, в частности, Ивана Михайлова, являвшегося сотрудником военной разведки.

В августе 1924 г. Александров и Протогеров продолжили лихорадочную деятельность по стабилизации ВМРО. Однако этого им сделать не удалось. Они уже не контролировали ситуацию.

Против Т. Александрова оказались: болгарское правительство, Советы и «левые» как в ВМРО, так и вне Организации. При таких обстоятельствах не составляло труда найти того, кто убил бы Тодора Александрова. Он был застрелен 31 августа 1924 г. на склонах Пиринских гор по пути на съезд Сереского революционного округа.

Советы убийство Т. Александрова оценили как позитивное событие, которое облегчит победу «левых сил» в ВМРО⁴⁶. Болгарская (Балканская) комиссия Политбюро ЦК РКП (б) 24 сентября 1924 г. решила призвать П. Чаулева сформировать новый ЦК ВМРО⁴⁷.

После этого П. Чаулев выступил с «Обращением к македонским революционерам и македонскому народу»⁴⁸. Он сообщил, что временный Центральный Комитет будет действовать от имени ВМРО в духе Майского манифеста, и назвал его «путеводной звездой Македонской организации». П. Чаулев добавил, что предстоит провести съезд объединенных

⁴⁵ Там же. Док. № 67.

⁴⁶ См. телеграмму Г.В. Чичерина уполномоченному представителю в Германии С.И. Бродовскому от 22 сентября 1924 г., в которой Чичерин с иронией заметил: «Понятно, мы не сделаем этого, это не наше дело, это не наш метод» // Македонското прашање во советската надворешна политика ... , белешка 1 кон док. № 129.

⁴⁷ Македонското прашање во советската надворешна политика ... Док. № 131.

⁴⁸ Македонското прашање во документите на Коминтерната ... Док. № 157.

македонских революционных сил, признававших принципы упомянутого манифеста.

В качестве члена временного ЦК ВМРО помимо П. Чаулева упоминался известный македонский революционер Христо Янков⁴⁹. Известно, что в 1928 г. он перебрался в Советский Союз, где в 1938 г. был арестован НКВД. За его освобождение хлопотал Георгий Димитров, указывая, что речь идет о многолетнем соратнике Д. Влахова по Салоникскому окружному комитету, по Народной федеративной партии в 1909 г. и ЦК ВМРО (об) до 1928 г.⁵⁰

Указанные факты дают основание предположить, что так называемый временный ЦК ВМРО, который, как планировалось, после смерти Т. Александрова возьмет под свой контроль ВМРО, был сформирован советским Венским центром при содействии Д. Влахова.

Имеются свидетельства, что П. Чаулев побывал в Македонии, в Битольском революционном округе, вернувшись через Албанию и Италию. Советы были неприятно удивлены, что Чаулев остался в изоляции. После компрометации Александрова (после оглашения венских документов и его отказа от них) ожидалось, что изолирован будет руководитель ВМРО, а не П. Чаулев. Однако вышло, что данная оценка была далека от действительности, как, впрочем, и другие.

П. Чаулев был исключен из членов ЦК ВМРО⁵¹, а позднее и убит по распоряжению ЦК ВМРО нового состава.

Сама ВМРО после массовых убийств «левых» в Джумае, Софии и ряде других городов Болгарии приняла крайне правую ориентацию, став инструментом болгарских политических и военных центров.

Несмотря на это, Советы не отказались от идеи восстания в Болгарии объединенными силами коммунистов, «левых земледельцев» и ВМРО с целью свержения правительства А. Цанкова и советизации страны.

Толчком к восстанию должен был послужить крупный террористический акт, каким стал взрыв 16 апреля 1925 г. в соборе Святой Недели в Софии. Данный террористический акт был подготовлен военно-техническим отделом БКП (т.с.) при поддержке советских военных разведчиков Ярославского и Еленского⁵².

⁴⁹ Там же. Док. № 125. С. 1043.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 282. Д. 60 – из личного дела Станкевича (Янкова) Христо Антоновича.

⁵¹ 36 години във ВМРО ... Док. № 113. С. 482–483; Македонската прашање во советската надворешна политика ... Док. № 189. С. 614.

⁵² Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997. С. 54–56; Македонското прашање во советската надворешна политика ... , белешка 2 кон док. № 220.

Однако вместо мобилизации «левых» сил, включая членов ВМРО, произошел их разгром.

Таким образом, теракт в соборе Святой Недели как попытка спровоцировать восстание в Болгарии стал для Советов «прощанием» с Болгарией и Балканами, своего рода «лебединой песней» мечтаний о революционном импульсе, который через Болгарию посредством македонских революционеров поднимет балканское советское цунами. Вместо этого осталось множество могил и разбитые македонские национально-освободительные организации.

После этих событий из перебежавших в Вену македонцев «левых» взглядов был сформирован ЦК ВМРО (объединенной), в который вначале вошли Димитар Влахов, Георгий Цанков, Христо Янков и Димитар Арнаутов, а позднее – Ризо Ризов, Павел Шатев, Владимир Поп-Томов и Панко Брашнаров.

ВМРО (об.), в общем, не имела реальной силы в Македонии, но она выполнила важную национально-просветительскую и идеологическую функцию в развитии македонского национального сознания у поколения македонцев того времени и в популяризации социалистических идей. ВМРО (об.) функционировала до 1938 г., когда растворилась в других партиях и организациях антифашистского фронта. Это происходило в соответствии с изменениями в советской политике, после сталинских чисток, после поворота советского политического курса от идеи распространения революции к идее расширения советских границ и советского государственного влияния на европейские и евразийские зоны.

Наряду с ВМРО (об.) Советы в межвоенный период поддерживали и «федералистов», финансируя их орган «Македонско съзнание», значение которого в историографии не освещено.

После названных событий интерес советской политики к Балканам с 1926 г. по 1938 г. почти полностью был исчерпан. С 1926 г. по 1928 г., пока еще функционировала Балканская комиссия, советская сторона в отношении Македонии и Балкан придерживалась следующих позиций: с отказом от идеи революции отказаться от всего, что было связано с ее подготовкой – партизанских групп, террористических актов и т.д.⁵³ В 1928 г. была ликвидирована и сама Балканская комиссия при Политбюро

⁵³ Македонското прашање во советската надворешна политика ... Док. № 207, 228, 260, 261 и др.

ЦК РКП (б), после чего активная и подрывная политика СССР в отношении Балкан переместилась в архивы⁵⁴.

После 1928 г. СССР занялся улучшением своего международного положения, отказываясь от двойной (явной и тайной) политики. Новым наркомом иностранных дел был назначен М.М. Литвинов.

С изменением курса внешней политики СССР балканские страны стали рассматриваться в основном как наблюдательные пункты. Инструкции наркома дипломатическим представителям касались вопросов установления дипломатических отношений с балканскими государствами, а также политики великих держав.

Вместе с тем продолжался сбор информации по македонскому вопросу. Советы понимали, что македонское движение после событий 1924–1928 гг. изрядно ослабло, потеряв самые способные руководящие кадры, что не прекратилось сведение счетов между македонскими организациями и течениями, что мощнейшая структура ВМРО стала лишь частью болгарской Военной лиги, превратившись тем самым в ударный кулак в отношении «левых» сил, что такая ВМРО использовалась самыми реакционными болгарскими силами и постоянно подрывала попытки болгарско-сербского сближения⁵⁵. Советы констатировали это и в 1927 г., после вторжения македонских чет в район Кривой Паланки и убийства генерала Ковачевича в Штипе, и позднее – после организации взрывов в поездах и убийства самого короля Югославии в 1934 г.

Однако все это было связано с необходимостью получить представление о положении на Балканах, а не добиться какого-то политического эффекта. Именно поэтому во многих документах констатируется факт долгого отсутствия СССР на Балканах. Из-за этого в регионе активизировалась политика других государств, прежде всего Италии, которая после 1928 г. стала главным фактором влияния на Балканах. Влияние Франции осталось, главным образом, в Сербии, а английское продолжало доминировать в Греции. Для Италии в Югославии открывалось широкое поле действий через косовские, македонские и хорватские организации, а также через боснийское и черногорское национальные движения. Ступив на территорию Албании, Италия стала балканским игроком, с которым должны были считаться и Англия, и Германия, и СССР⁵⁶.

⁵⁴ Македонското прашање во советската надворешна политика ... Док. № 310; Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции ... Ч. 2. Прим. 3 к док. № 311.

⁵⁵ Там же. Док. № 195, 198, 199, 210 и др.

⁵⁶ Там же. Док. № 256, 283 и др.

Для Советов Балканы снова стали одной из главных зон их внешней политики в 1938–1939 гг. В этой новой актуализации советской балканской политики в годы перед Второй мировой войной македонский вопрос проявился в другом свете и в иной роли, нежели когда СССР проводил политику «экспорта» революции.

В новой ситуации (1938–1939 гг.) Советский Союз подчинил всю свою политику (и по македонскому вопросу) своим великодержавным интересам. После соглашений СССР и Германии 1939 г. интерес Советов к привлечению Болгарии в сферу своего влияния выявился как первостепенный. Не раз Сталин подчеркивал, что для СССР на Балканах важнее всего Болгария, из-за ее положения, являвшегося ключевым для защиты черноморских проливов, которые считались самой чувствительной и самой значимой зоной безопасности для СССР⁵⁷. По этим причинам Советский Союз был готов немедленно забыть свою предшествующую политику по македонскому вопросу и предложить Македонию Болгарии с тем, чтобы последняя перешла на его сторону. В ноябре 1940 г. в Болгарию с предложением заключить пакт о взаимопомощи с СССР был направлен генеральный секретарь МИД СССР А.А. Соболев⁵⁸. От имени Советского Союза он признал болгарские территориальные претензии (которые охватывали и Македонию) и предложил Болгарии определенные гарантии.

Таким образом, позиция Советского Союза по македонскому вопросу в межвоенный период (1922–1940 гг.) проявилась в широком диапазоне: от проведения политики, учитывавшей право народа Македонии на создание объединенного независимого македонского государства, до признания права Болгарии включить Македонию в свои границы.

Перевод М. Ямбаева

⁵⁷ Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции ... Док. № 446, 447.

⁵⁸ Там же. Приложения. Док. № 4.

Советская дипломатия о ситуации в Македонии в 1945 г.

Во время Второй мировой войны советская дипломатия внимательно следила за ситуацией в Македонии и интересовалась македонским вопросом в целом, в первую очередь в рамках Народно-освободительной войны в Югославии, а после Второго заседания Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) с начала декабря 1943 г. и специально. Между тем следует иметь в виду и тот факт, что советская политика по отношению к Македонии была обусловлена также интересами Антигитлеровской коалиции, находящейся под руководством «большой тройки». Об этом можно судить по переговорам Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, которые представители этих стран вели на конференциях в Тегеране¹, Каире², Крыму (Ялта)³, Потсдаме (Берлинская)⁴, по другим договорам, встречам и по конфиденциальной переписке руководителей больших сильнейших государств (Сталина, Черчилля, Рузвельта), а также иным тайным дипломатическим активностям.

В документах советских дипломатических архивов, прежде всего, Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) в Москве, можно найти некоторые оценки состояния Македонии до освобождения в 1945 г.⁵, а также информацию об отношении Болгарии и Греции к Македонии в этот период.

После решений Второго заседания АВНОЮ о признании равноправного статуса Македонии в Югославском федеративном государстве Отечественный фронт (ОФ) Болгарии принял особую Декларацию по македонскому вопросу, в которой в качестве единственного решения

¹ Проводилась в период с 28.XI по 1. XII. 1943 г.

² Проводилась 24–26.XI.1943 г. перед конференцией в Тегеране.

³ Проводилась в период с 4 по 11 февраля 1945 г.

⁴ Проводилась в июле 1945 г.

⁵ Македонским исследователям в 1994 г. при помощи Института славяноведения Российской академии наук (РАН) была дана возможность проводить исследования в данном архиве.

предлагалось создание ЦЕЛОСТНОЙ СВОБОДНОЙ И НЕЗАВИСИМОЙ МАКЕДОНИИ, гарантии которой даст Советский Союз⁶. В ответ на эту Декларацию Генеральный секретарь КПЮ и главнокомандующий НОВ Йосип Броз Тито 24 января 1944 г. отправил телеграмму Георгию Димитрову, бывшему секретарю Коммунистического Интернационала (Коминтерна), для того, чтобы тот основательно рассмотрел эту проблему не как лидер болгарской КП, а как руководитель международного организационно-политического аппарата в Отделе международной информации при ЦК ВКП(б) в Москве. В телеграмме он остро отреагировал на позицию ОФ относительно способа решения македонского вопроса, в противоположность решениям АВНОЮ, напоминая при этом, что «по нашему мнению, Отечественный фронт поступит умнее, если обратится к болгарским солдатам в Югославии, чтобы они прекратили военные действия против нас»⁷.

Важно отметить и значимую для судьбы Македонии сепаратную встречу Сталина и Черчилля, состоявшуюся в Москве в октябре 1944 г., и подписанный договор. На встрече были определены сферы интересов Советского Союза и Великобритании на Балканах. Согласно этому соглашению, Греция, включая и Эгейскую Македонию, полностью отдавалась под влияние Великобритании даже с правом применения силы для защиты своих интересов⁸.

Между тем до конца 1944 г. отношение Тито и Димитрова к македонскому вопросу во многом различалось. Тито в связи с этим был вынужден напрямую обратиться к лидеру СССР Иосифу Виссарионовичу Сталину⁹.

Первые оценки статуса Македонии в начале 1945 г. обнаруживаются в обширной справке советского дипломата, председателя советской Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенному

⁶ Историјски архив Комунистичке партије Југославије, Том. VII, Македонија у Народно-ослободилачком рату и народној револуцији, 1941–1944. Београд, 1951. Док. бр. 95. С. 286–287.

⁷ Там же. Док. №. 96. С. 287.

⁸ Более подробно об этом см.: *Черчил В.* Други светски рат. Београд, 1964. Т. 6. С. 206–221.

⁹ Более подробно об этом см.: *Гибянский Л.Я.* Проблема Македонии и вопрос о федерации на Балканах в отношениях между Москвой и коммунистами Югославии и Болгарии в 1941–1945 гг. // Македония – проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 203–260.

урегулированию М. Литвинова. Из информации, кроме всего прочего, следовало, что 1 января 1945 г. британское правительство отправило ноту министру иностранных дел Советского Союза Молотову с предупреждением советской стороне, чтобы она не питала каких-либо иллюзий относительно территориальных вопросов по отношению к греческой Македонии. В то же время появилось негативное отношение к какому-либо союзу между Югославией и Болгарией¹⁰. Такая позиция британского правительства не только препятствовала стремлению к целостному решению македонского вопроса во время Второй мировой войны (объединению всей этнической Македонии в одно государство), но и делала практически невозможным объединение болгарской и югославской частей Македонии в составе Югославии.

Реакция Великобритании стала результатом, по мнению некоторых экспертов, того, что югославы стремились создать государство, включающее греческую Македонию. Заместитель министра иностранных дел федеративной Югославии Стоян Гаврилович сразу отреагировал на это заявление, заявив, что Югославия не имеет намерения создавать македонское государство, в состав которого войдут греческая Македония и Салоники¹¹.

Независимо от таких договоров между наиболее сильными государствами по окончании Второй мировой войны, во второй половине 1945 г., у советской дипломатии, руководителей Болгарской рабочей партии (коммунистов) БРП(к) и руководства Коммунистической партии Греции (КПГ) появилась идея создания Балканской федерации в связи со статусом Македонии и с возможностью решения македонского вопроса. Именно СССР настаивал, прежде всего, на признании Болгарии, Югославии и Греции и объединении всех трех частей Македонии в одном государстве, которое стало бы одной из республик в составе СССР. Кроме всего прочего, в этом был смысл договора, заключенного между руководством БРП(к) и КПГ 20 февраля 1946 г. в г. Петрич в Болгарии. В статье 6 указанного договора отмечалось: «Македония (греческая, болгарская и югославская) должна быть независимой автономной СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ в составе СССР»¹².

¹⁰ Материал был открыт в 1994 г. в АВПРФ в Москве, где автору этих строк было позволено проводить исследования. (Ф.0135. Оп 924. П.412, листы 152–167).

¹¹ Там же.

¹² См.: *Cvetkovic S. Pokusaji stvaranja Balkanske federacije 1944–1948 // Balkan posle Drugog svetskog rata*. ISI. Beograd, 1996. S. 48.

В принципе, идея Советской Македонии существовала еще во время Народно-освободительной войны. Она встречалась в документах партийного и военного руководства Македонии, а с июня 1941 г. – и в других документах. При этом повторялись лозунги: «Да здравствует свободная и Советская Македония», «Да здравствует Советская Македония» или просто «Советская Македония...»¹³.

4 января 1945 г. в «Манчестер Гардиан» была опубликована статья знатока балканских вопросов Сеттона-Уотсона, который писал: «Югославская Македония сейчас представляет одну из шести равноправных частей Федеративной Югославии, которая может исполнять все задачи и служить мостом для связи югославских народов. Она не должна представлять собой источник долгих недопониманий. Но для того, чтобы предупредить непонимание между другими балканскими народами, югославы должны разъяснить, что федеративный план – их внутреннее дело и что не может быть речи об изменении югославско-греческой границы. Скопье, а не Салоники, должно быть столицей Македонии»¹⁴.

Если вернуться к справке М. Литвинова, то в конце ее в связи с послевоенным статусом Македонии он сделал следующие выводы:

1. По своей площади, географическому положению и по количеству населения, а также по историческому прошлому Македония, несомненно, имеет право быть самостоятельной государственной единицей. По размеру территория Македонии превзошла бы такие государства, как Албания, Бельгия, Дания, Голландия и Швейцария и множество латиноамериканских стран.

2. С этнической точки зрения, население Македонии смешанное, но все же некоторые исследователи склонны утверждать, что большая часть македонского населения относится к болгарской этнической группе. Она в любом случае представляет преимущественно славянское государство, духовно близкое Сербии и Болгарии. Претензии Греции к Македонии или даже к ее части совсем необоснованны ни с этнической, ни с политической, ни с экономической точек зрения.

¹³ См.: Источники освободительной войны и революции в Македонии, 1941–1945. Том. I. Кн. 1, Институт национальной истории. Скопье, 1968. С. 22, 24, 25, 38, 90, 185, 191, 260; Там же. Кн. 3, Скопје, 1970. С. 73, 79, 82 и в др.

¹⁴ См. сн. 10.

3. Точкой отсчета решения македонской проблемы должно быть требование объединения всей Македонии, как болгарской и югославской, так и греческой, включая Салоники и Колхиду. Независимо от того, будет ли она отдельным государством или составной частью более крупной балканской федерации¹⁵. Против такого требования будут остро выступать Греция и Англия, а может, и США. Они будут доказывать, что Греция, которая подверглась нападению Муссолини и Гитлера и которая так храбро отбивалась от их нападения, не должна выйти из войны с уменьшенной территорией. Греции можно предложить компенсацию в виде присоединения к ней Додеканских островов, если не будут против Англия и Кипр. Для удовлетворения греческих территориальных претензий может быть отдан и северный Эпир (Албания). Реализация этой комбинации будет сложной, почти невозможной, но все же имеет смысл предложить этот вопрос для обсуждения на переговорах.

4. Идеальным решением всей балканской проблемы представляется федерация Сербии, Хорватии, Словении, Болгарии и Македонии как равноправных государств. Если выяснится, что это невозможно, тогда Македония должна стать частью более узкой федерации, скажем, без Болгарии. В любом случае Македония должна остаться автономной единицей с сохранением стремления к соединению с греческой частью Македонии.

5. Необходимо заставить Грецию реализовать обещание, данное в договоре 1919 г. о возможности выхода к Эгейскому морю Югославии или федерации, которая будет формироваться¹⁶.

В течение июля 1945 г. в Македонии находились второй секретарь посольства СССР в Югославии В.П. Георгиев и атташе посольства

¹⁵ Идея Балканской федерации существовала и во время Второй мировой войны вплоть до лета 1948 г., то есть до столкновения между Тито и Сталиным, когда резолюцией Информбюро Югославия была исключена из этой группы. Между тем, из советской документации середины XX в. следует, что советская дипломатия видела окончательное решение македонского вопроса в формировании будущей Южнославянской федерации. Эта идея рассматривалась ведущей тройкой Антифашистской коалиции на конференции в Потсдаме в июле 1945 г.

¹⁶ Там же. – По нашему мнению, в Федеральной Македонии, в Скопье в течение 1945 г. советская военная миссия имела свою канцелярию. Эта миссия, конечно, извещала высших лиц о событиях в Македонии. К сожалению, наши попытки добраться до фонда этой миссии в Военно-историческом институте в Москве были безуспешными. Будущим исследователям остается иметь в виду эти данные.

И.Н. Агеев. Во время пребывания в Македонии они посетили Скопье, Велес, Прилеп, Битола, Преспу и некоторые другие места. При этом, как обычно, личные впечатления и свои оценки политического, экономического, медицинского, культурного состояния Македонии, а также впечатления от разговоров с функционерами и обычными людьми дипломаты отправляли руководству в письменной форме¹⁷.

Особое внимание они уделяли состоянию югославско-греческой границы, положению македонцев в Эгейской Македонии, насилию на этой территории, которому подвергаются македонцы, результатом чего явилась массовая эмиграция в Югославию и Болгарию. Дипломаты делились своими впечатлениями от разговоров с председателем Президиума АСНОМ Методием Андоновым-Ченто, секретарем Президиума Борисом Спириным, директором «Новой Македонии» Киро Хаджи-Василевым Ясминым, деятелем культуры Блаже Конеским, активистами Единого народно-освободительного фронта (ЕНОФ), а также обычными гражданами, иммигрантами.

Этот материал важен, прежде всего, с точки зрения проявления интереса советской дипломатии к послевоенному состоянию Македонии. Кроме того, мы получаем интересную информацию о многих событиях, явлениях и процессах, личностях, которые, может быть, для современников были и не очень важны. Однако, когда мы анализируем те же факты 60 лет спустя, когда связываем их с контекстом общего состояния народа и с событиями, произошедшими позже, то они, безусловно, получают другое значение. Более того, этот документ как и некоторые другие источники опосредованно объясняет, почему председатель АСНОМ Методия Андонов-Ченто так печально закончил свою политическую карьеру, дает информацию о нем как о человеке, а также о том, почему первый секретарь Президиума Спиринов так закончил свою карьеру. Этот документ дает ответы и на другие вопросы.

Далее мы прокомментируем самые интересные места, которые напрямую относятся к Македонии.

В соответствии с информацией, содержащейся в документах, выясняется, что общая протяженность греко-югославской границы составляла

¹⁷ АВП Рф. Ф. 0135. Оп. 925. П. 415. Л. 1–15.

250 км. Она проходила от Преспанского озера до пересечения границ трех государств – Югославии, Болгарии и Греции. По всей своей длине граница была относительно отчетливо обозначена белыми каменными пограничными столбами.

С греческой стороны ее охраняли греческие солдаты, которых македонцы называли «бурандорами» или «царистами». Бурандоры – это греки, во время войны находившиеся в районе Каира (Египет). Из них около 120000 вернулись в страну после освобождения Греции. В Египте они прошли подготовку под руководством английских военных инструкторов. Греческие пограничники были размещены на пограничном пункте Маркова-Нога (Преспанское озеро) и в селах Драгош и Живойно (Битольская долина). Фактически они были размещены в ближайших к границе с Македонией населенных пунктах. Их численность колебалась от 10 до 40 человек.

С югославской стороны границу охраняла 4-я бригада македонской дивизии народной обороны, около 4700 человек. Среди них было около 600 македонцев из Эгейской Македонии. Югославские пограничники охраняли границу на всем ее протяжении, а штаб бригады находился в горах около Битолы.

По мнению авторов, греческие пограничные власти стали причиной ряда инцидентов в связи с нарушением международных пограничных правил. Предполагают, что действия греческих пограничников были инициированы английскими военными властями, находившимися в Греции. Штаб 1-го пограничного батальона четвертой бригады народной обороны Македонии с 9 по 15 июня 1945 г. зарегистрировал 17 пограничных инцидентов со стороны греческой территории. Несмотря на все провокации югославские пограничники относились к ним корректно и не отвечали огнем на выстрелы по югославской территории.

Местные жители, как правило, имели родственников по ту и по другую сторону всей югославско-греческой границы, поэтому жителям сел (югославских и греческих) был разрешен переход границы для обработки земли. Но с июня 1945 г. приказом греческих властей крестьянам был запрещен переход границы, что стало причиной недовольства с обеих сторон. В качестве примера дипломаты указывали следующие цифры смешанных земельных площадей: жители сел

Битольского, Мариовского и Преспанского пограничных округов на территории Эгейской Македонии имели 38,6 гектаров земли.

Особая часть документов посвящена вопросам терроризирования македонского населения в Эгейской Македонии греческими военными и полицейскими властями и их насильственного выселения с родной земли. Старые и молодые, мужчины и женщины массово переходили через границу на территорию Югославии.

По данным, которые дипломатам сообщил председатель АСНОМ Методия Андонов-Ченто, до июня–июля из Эгейской Македонии прибыло более 20 тысяч беженцев-македонцев. По словам председателя Народного комитета Битольского округа Крсто Симовского, только на территорию этого округа к 17 июля 1945 г. прибыло до 8000 беженцев. Все беженцы, как правило, приходили измученными тяжелой дорогой, полуголыми, босыми.

Народ и органы югославской народной власти организовывали беженцам хороший прием. В Битоле для них открыли столовую и обеспечили их жильем. Работоспособных беженцев распределяли на работу в села и города. Неработоспособные, в основном старики, оставались в специальных домах для престарелых, где им обеспечивались питание и уход.

Вот что рассказывают советские дипломаты о разговорах с некоторыми беженцами из Эгейской Македонии:

Из с. Раби (120 домов македонцев и 40 – греков) только в село Дупени переселилось 20 человек.

В село Дупени Преспанского региона Битольского округа 16 июля 1945 г. крестьянин, македонец, 65 лет, Глигор Богоя Баля, пришел в мае из с. Раби, Леринского региона (Греция). В Греции осталась его семья: жена, сын, невестка и двое ее детей. Он помогал партизанам. Причина перехода границы: террор, изгнание тех, кто помогал или симпатизировал партизанам.

Македонец, 80 лет, Никола Стефанов Казаковский из с. Раби (Леринский регион) в мае убежал вместе с сыном 35 лет. Другие члены семьи остались в Греции. Причина перехода границы: помогал партизанам, прятал и лечил раненых, за что подвергся гонению со стороны греческих властей.

«Мы вернемся домой только в том случае, если Эгейская Македония будет присоединена к Македонии (Югославии)», – говорили беженцы.

Прощаясь с дипломатами, Казаковский сказал им: «Да здравствует Сталин, и пусть он поможет нашему освобождению – македонцам из Эгейской Македонии».

В Битоле 17 июля 1945 г. македонец, 64 года, Анастас Панчев из с. Вишени, (Кострурский регион (Кастория)) прибыл в Битолю 17 июля 1945 г. Греческая полиция его избивала, заявляя, что он вел пропаганду. На самом деле житель села только позитивно говорил о Югославии и о присоединении к ней Эгейской Македонии. На его голове и лице были следы побоев. Вырвавшись из рук полиции, он убежал в горы, а оттуда пешком пришел в Югославию. За несколько дней он прошел более 80 км.

Йоанис Теодоридис, грек, 28 лет, из села Ливера – Козанис. По его словам, он был секретарем местного комитета Коммунистической партии в Срезе Козанис. Греческая полиция арестовала партийных активистов с целью обезглавить Коммунистическую партию. Ему также грозил арест, поэтому он решил бежать в Югославию.

На поездках из Болгарии приезжали беженцы – македонцы из Фракии. Одну такую группу, около 200 человек, видели в районе Градско, в 20 км от Велеса. Беженцы заявляли, что они из сел Драмского региона Горенце и Просочен, бежали на территорию Болгарии еще в апреле 1945 г. В городах Пловдив, Пазарджик и Неврокоп находилось около 10 тысяч беженцев из Эгейской Македонии. Все они ожидали отправки в Югославию. По этому вопросу в Болгарии работала особая югославская комиссия.

Беженцы рассказывали, что «царисты» изгоняли из Греции всех македонцев. «Ищите укрытия за пределами Греции, вы не греки, если вы не уедете, мы выселим вас насильно», – советовали им представители властей. Уходя из Эгейской Македонии, беженцы оставляли свои хозяйства со всем имуществом.

Это только часть беженцев, упомянутых в документах.

Беженцы из Эгейской Македонии находили убежище в Югославии. 2 августа в Македонии во время национального праздника Илинден (день восстания против турок 1903 г.) планировался сбор добровольных пожертвований в пользу братьев – беженцев из Эгейской Македонии. Все деньги от лотереи должны были быть внесены в Фонд помощи беженцам.

Особое внимание дипломаты уделили экономической ситуации в Македонии в этот период. Ситуация оценивалась как очень тяжелая и даже критичная. Первое место занимало сельское хозяйство, в котором было занято почти 45% населения. Основные возделываемые культуры – табак, кукуруза, мак – отправлялись на экспорт, за ними следовали зерновые. На последнем месте находилось скотоводство и выращивание фруктов.

Считается, что в Македонии, в отличие от других стран Югославии, земледелие было наиболее отсталым. Земля обрабатывалась примитивным способом – плугом. Не хватало даже элементарных орудий труда. Дипломаты привели пример, как в одном битольском селе с 88 дворами в ходе сбора урожая на все село было только 24 серпа и 6 кос, пригодных для работы. Жители села договорились поделить инструменты жеребьевкой.

Проезжая по долине Вардара, Битольскому региону и долине Преспанского озера, советские дипломаты нигде не видели сельскохозяйственных машин. Кони встречались редко, основным транспортным средством были ослы и волы¹⁸.

Между тем несмотря на такое плохое состояние сельского хозяйства и на общую бедность, у всех, разговаривавших с дипломатами, присутствовало желание объединить все части Македонии в одно государство. Никто из опрошенных не выразил желания, чтобы Македония оказалась за пределами Югославии.

В армейских рядах, например, в 4-ой бригаде народной обороны, отношение к СССР было оценено как исключительно позитивное. Каждый солдат хотел походить на красноармейца, а Македония должна быть похожей на СССР. Жители сел при этом особенно интересовались жизнью в СССР.

Дипломаты дали свою оценку состоянию индустрии и промышленному производству в Македонии, а также слабому снабжению основными продуктами питания, например, солью, сахаром и др. Эти продукты получались исключительно посредством «записок» через уполномоченные институты Министерства торговли Македонии. В качестве особой

¹⁸ АВП Рф. Ф. 0135. Оп. 925. П. 415. Л. 1–15.

проблемы рассматривалась в дипломатических письмах и безработица. Частная инициатива во всех сферах жизнедеятельности была запрещена. Не разрешалось торговать с Албанией и Грецией. В результате таких мер процветал так называемый «черный рынок».

Политическая ситуация была оценена как удовлетворительная, Хотя отмечались явления национализма, шовинизм, тенденции к формированию самостоятельной Македонии, то есть отделению от югославского государства. Это особенно ясно прозвучало в скопской крепости 7 января 1945 г., где артиллерийские бригады обучались работе с новым советским оружием, когда дипломаты услышали лозунг: «На Солунь – не на Берлин» и т.д.

Очень интересны разговоры, которые велись с председателем Президиума АСНОМ Методией Андоновым-Ченто. По информации, полученной от Ченто, население Македонии составляло 1 200 000 человек, из них 1 млн были македонцами, а остальные – турками, албанцами, влахами. Все меньшинства были представлены в АСНОМ и в Народном правительстве Македонии, а заместителем председателя Совета министров был албанец.

Во время встречи, состоявшейся 20 июля 1945 г., Методия Андонов-Ченто спросил советских дипломатов: «Слышали ли Вы по радио, что во время разговора руководителей СССР, Великобритании и США шла речь о создании самостоятельной Македонии под покровительством Америки?» В ходе переговоров этот вопрос им задал и секретарь Президиума АСНОМ. Спиров выразил свое личное мнение, что «вариант покровительства СССР или Америки приемлем, только бы это не было покровительство Англии...»¹⁹.

Особого внимания заслуживает разговор между председателем Президиума АСНОМ Методией Андоновым-Ченто и секретарем советского посольства в Белграде В.М. Сахаровым 16 августа 1945 г.²⁰ В информации, которую Сахаров отправил в посольство, указано, что Ченто жаловался ему на множество перегибов, происходивших в Македонии,

¹⁹ Речь идет о заседании Большой тройки Сталин–Рузвельт–Черчилль, проходившем в Потсдаме в июле 1945 г.

²⁰ АВП РФ. Фонд 144. Оп. 29. папка 154. Дело 2.

на беззаконие, на расстрелы без суда в Велесе²¹, на голод, на семейственность в руководящих структурах, на эксплуатацию македонских природных богатств, прежде всего, табака и др. Особо он остановился на причине отъезда, точнее изгнания, в Белград большой группы ярких интеллектуалов, участников Народно-освободительной войны, военных и политических руководителей, таких как начальник Главного штаба НОВ Македонии генерал Михайло Апостольский, секретарь президиума АСНОМ Киро Глигоров, член Президиума Петре Пирузе, член Президиума Лазар Соколов, один из составителей документов первого заседания АСНОМ д-р Владимир Полежиносский, поэт, участник НОВ и Президиума АСНОМ Венко Марковский, участник НОВ и первого заседания АСНОМ Эмануэль Чучков и другие²². На вопрос Сахарова²³, что нужно предпринять, по его мнению, для улучшения положения в Македонии, Ченто ответил: «Нужно укрепить веру македонского народа в Компартию, провести полную смену исполнительной власти, законодательной власти и сменить весь состав Президиума АСНОМ»²⁴. В этом разговоре Сахаров проинформировал Ченто о том, что разговаривал с Венко Марковским и Густавом Влаховым, которые в основном подтвердили картину, описанную Ченто.

О своих впечатлениях и разговорах с Венко Марковским²⁵, Ченто, Густавом Влаховым²⁶ и другими людьми из Македонии в Белграде, о ситуации в Македонии в целом 29 августа 1945 г. Сахаров письменно сообщил советскому послу в Белграде. В посольстве долго шли дискуссии о том, следует или не следует информировать об этих разговорах генерал-лейтенанта Александра Ранковича, который являлся одновременно секретарем ЦК КПЮ и начальником Отделения по защите народа (ОЗНА) Югославии.

²¹ Речь идет о группе из 51 жителя Велеса, расстрелянных без суда по обвинению в том, что они были сотрудниками болгарских оккупантов.

²² Подробнее об этом см.: Сборник о Методии Андонове-Ченто, документы и материалы, Скопье, 2002 стр. 166.

²³ См. сн. 20.

²⁴ Там же.

²⁵ Разговор проходил 18.08.1945 г. в Белграде. Там же.

²⁶ Там же.

Ранковича решено было проинформировать. После того, как советский дипломат передал ему свои впечатления от разговоров с представителями Македонии, он потребовал от Ранковича вмешательства для улучшения состояния в Македонии. Упомянутая группа была охарактеризована как оппозиционная. Ранкович выразил мысль о том, что с группой быстро разберутся, подчеркивая при этом, что он не думает о ликвидации ее членов. Далее он сообщил, что в середине августа 1945 г. велось много разговоров о ситуации в Македонии на заседании Президиума ЦК КПЮ, где присутствовал Йосип Броз Тито, а также большинство руководителей из Македонии, среди которых были Лазар Колишевский, Димитар Влахов и др. Когда Димитар Влахов начал свою речь, он дистанцировался от группы. Позже, по оценкам Ранковича, Ченто и Эмануэль Чучков не имели большого влияния на массы в Македонии. Слабое влияние и уменьшение популярности, по мнению Ранковича, объяснялось тем, что Ченто включился в Народно-освободительное движение позже, чем другие. Кроме того, он скрыл некоторые факты от общественности. Что касается Чучкова, Ранкович вспомнил тот факт, что он во время болгарской оккупации Македонии получил высокое признание (награду) от болгарского царя Бориса III. Кроме того, существовали документы, из которых можно было сделать вывод о связи отдельных членов группы с некоторыми службами союзников. О генерал-лейтенанте Михайло Апостольском, Киро Глигорове и Венко Марковском Ранкович сказал, что они молоды и получают соответствующие высокие должности в Белграде. По его мнению, для Ченто и Чучкова вопрос о снятии их с занимаемых должностей не был новостью. Власти сознательно не хотели сделать этого раньше для того, чтобы показать местной и мировой общественности, что они не были единственными²⁷.

На описываемом заседании Президиума ЦК КПЮ было решено сформировать комиссию, задачей которой был бы анализ ситуации в Македонии, а точнее – роли группы. Документацию с заседания мы не смогли найти, возможно она недоступна. Именно поэтому есть сомнение в том, была ли вообще сформирована комиссия с такой задачей.

²⁷ См. сн. 17.

Учитывая информацию, которая была нам доступна в Архиве внешней политики Российской Федерации в Москве (АВПРФ)²⁸, в виде заключения мы можем констатировать следующее:

1. Бегло просмотрев советские документы о состоянии Македонии в 1945 г., особенно об упомянутой группе и о председателе Президиума АСНОМ Методии Андонове-Ченто, можно сделать вывод о том, что документы, кроме того, что они представляют неполные данные и информацию об определенных событиях и деятелях Македонии, вызывают много вопросов, которые должны быть исследованы.

2. Описанные материалы указывают на существование и других интересных документов по той же проблематике, которые хранятся в АВПРФ в Москве, но недоступны, а также в архивах Белграда. Отсюда очевидна необходимость доукомплектации документов, существование которых мы предполагаем. После их изучения появится возможность сделать более объективные выводы о рассматриваемых выдающихся личностях, а также в целом о ситуации в Македонии в 1945 г.

Перевод Е. Обуховой

²⁸ Во время работы в архиве не было представлено путеводителя, по которому мы могли бы делать выбор и заказывать документы для просмотра, мы делали это на основании базы по нашей одобренной теме исследования. Работники архива по своему выбору приносили документы в читальный зал. Такой была тогдашняя практика не только для нас, но и для всех пользователей архивных фондов.

К вопросу об основании и деятельности Общества советско-македонского культурного сотрудничества (1945–1948)

В начале 1945 г. война всё еще продолжалась, агония гитлеровского режима продолжала изматывать мир, Югославия в основном уже была освобождена, а Македония, свободная впервые за свою трагическую историю, начинала успешное сосуществование в рамках югославской федерации. При таких обстоятельствах с восхищением, благодарностью и надеждой на братскую Россию с удивительной быстротой возникали возможности для совместного сотрудничества после войны.

В этом направлении среди первых ассоциаций начало свою работу так называемое Советско-югославское общество культурного сотрудничества. Современники так описывали атмосферу этого времени и настроения, связанные с организацией общества:

«С тех пор, как наши народы в борьбе против фашистских захватчиков со всей очевидностью показали, что они поддерживают идею братской дружбы с СССР, логично, что в Югославии появилась необходимость организовывать целые общества друзей Советского Союза... Весь наш народ, без исключения, является другом Советского Союза и гордится тем, что принадлежит к славянству... Вот почему у нашего маршала Йосипа Броза Тито появилась идея о необходимости таких учреждений, которые по инициативе широких народных масс углубляли бы и развивали культурные связи с братским Советским Союзом»¹.

Как мы считаем, документы, включенные в приложение к настоящей работе, рассказывают о драгоценных деталях такого сотрудничества, которое продолжалось до 1948 г., когда прекратилось из-за трагической резолюции Коминформбюро.

Достаточно много написано и известно об организации и деятельности вышеупомянутого общества. Возвращаясь к этой теме, мы считаем,

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 17. Фонд: Всесоюзное общество культурной связи с границей – справка об основании и деятельности югославских обществ.

что стоит более точно описать место и деятельность Македонской секции в рамках Югославско-советского общества.

Македонская секция была основана в Скопье в марте 1945 г. и позже открыла отделения в нескольких городах Македонии. В правление секции входило несколько известных общественных и культурных деятелей: председатель – д-р Павел Шатов, министр правосудия Македонии, секретарь – профессор Блаже Конеский, позднее ставший первым президентом Македонской академии наук и искусств².

Основатели Общества оценивают его значение для знакомства народов двух стран как огромное: громадный культурный потенциал русского народа представляет собой неиссякаемый источник для молодой македонской национальной культуры. Македония должна была в полной мере познакомиться с первой социалистической страной.

Секретарь Общества профессор Б. Конеский в своей речи на учредительном собрании Общества в марте 1945 г. подчеркнул: «Общество по культурному сотрудничеству с СССР создает основу для наибольшего приближения нашей страны к Советскому Союзу и в области культуры. Так наконец-то исполняется многолетнее стремление македонского народа широко приобщиться к культуре великой братской страны. Потому что за последние сто с лишним лет с тех пор, как началось наше культурное возрождение, наш народ всё больше притягивается в политическом и культурном плане к России, к великому русскому народу, защитнику поработенного славянства... Политическая и культурная история наших народов за последние два века характеризуется установлением все более крепких связей с русским народом. Россия – это центр, к которому направляется южное славянство. На этом пути оно прошло через вооруженную борьбу, тупики и препятствия, но его движение неостановимо. Наш народ принес тяжелые жертвы. Свободный культурный обмен с Советским Союзом – одно из самых больших приобретений нашей народно-освободительной борьбы. Теперь настает эпоха все большего сближения югославского и советского народов.

Для македонского народа живой культурный контакт с Советским Союзом имеет особенное значение. Сейчас, когда наша национальная культура находится в зачатке, она еще не укрепилась, влияние русской культуры для нас является насущной необходимостью. Оно должно протечь, подобно плодоносному дождю над весенними посевами.

² ГАРФ. Указ. Ф. С. 42.

Нам предстоит многому научиться, многое воспринять от советской культуры, в области школьного просвещения... театра, что должно помочь культурному возрождению нашего народа. Мы поймем, как создать нового человека с возрожденной душой, свободного, счастливого и жизнерадостного. Создание Общества культурного сотрудничества с СССР имеет целью упростить достижение этих целей»³.

Согласно приведенным отрывкам речь идет об амбициозной программе Общества, которая успешно реализовалась, пусть даже и в тяжелых послевоенных условиях.

Из двадцати основных пунктов действия Общества отметим следующие:

1. Необходимо организовать и помогать в организации повсеместного изучения русского языка на специальных курсах, в учебных заведениях и т.д.
2. Снабжение и распространение по всей республике книг, журналов, газет и подобных печатных материалов, издаваемых в СССР, прежде всего на русском языке.
3. Снабжать книгами, журналами и газетами и другими публикациями, которые печатаются на языках всех национальностей нашей республики, и распространять их среди всех заинтересованных учреждений, организаций и отдельных лиц.
4. Организовывать и помогать в организации публичных лекций о всех областях культурной жизни и деятельности народов СССР. Взять на себя обязанность также организовывать лекции ученых и общественных деятелей из Советского Союза в республике, а также выступления наших ученых и общественных деятелей в СССР.
5. Организовывать и помогать в организации концертов, мероприятий, литературных вечеров, лекций, художественных выставок и разнообразных мероприятий культурного характера..., а также поддерживать выступления наших артистов и деятелей искусства в Советском Союзе для осуществления близкого знакомства советских народов с самыми лучшими произведениями наших композиторов, писателей и т.д.
6. Организовывать и помогать в организации поездок в СССР делегаций наших рабочих, крестьян, экономистов, ученых, деятелей искусства, представителей медицинских служб и других общественных деятелей из всех областей республики с целью знакомства с жизнью и деятельностью

³ Конески Блаже. Нашите културни врски со рускиот народ... // Нова Македонија. Скопје, март 1945. С. 3.

народов СССР, а также визитов представителей подобных организаций из Советского Союза с теми же целями в нашу республику.

7. Организовывать и содействовать в организации совместных мероприятий в области физической культуры и всех остальных мероприятий культурного характера, которые могли бы послужить для знакомства и сближения двух братских народов...

Указывая далее, что для улучшения организации и деятельности общества, все члены общества по своему выбору делятся по секциям. Всего было выделено 18 таких секций:

1. Секция по изучению русского языка и литературы.
2. По вопросам рабочего класса.
3. По селу и сельским проблемам.
4. По вопросам народного образования.
5. Музыка.
6. Прикладное искусство.
7. Театральное искусство.
8. Урбанизм.
9. По изучению точных наук.
10. Общественные науки.
11. Право.
12. Социальное обеспечение.
13. Медицинские службы.
14. Народное хозяйство.
15. Киноискусство.
16. Физическая культура.
17. Техника.
18. Национальная история⁴.

Согласно данным за январь и декабрь 1945 г., среди наиболее важных реализованных задач в этих областях выделяются следующие:

Успешный визит выдающихся советских артистов, которые посетили города Скопье, Битолу, Прилеп; успешная выставка в Скопье, посвященная героической борьбе Красной армии и зверскому уничтожению культурных памятников немецкими фашистами (выставку посетило 7 000 человек); сообщается о масштабной деятельности по сбору книг, газет и журналов. Лекции македонских специалистов о важных событиях российской истории, о приеме уважаемых гостей из Советского Союза⁵.

⁴ ГАРФ. Указ. Ф. С. 8 и 9.

⁵ Там же. С. 25, 30, 42, 43, 61, 62, 70, 75, 77, 89, 99.

Исключительно плодотворным был визит в Македонию советского писателя и журналиста Ильи Эренбурга. После встречи в Скопье на высочайшем уровне он выступил с несколькими лекциями, а также совершил поездку по Македонии⁶. Македонцы запомнили его по позитивным высказываниям, а также по статье, которую он опубликовал в иллюстрированном журнале «Огонёк». В этой статье под заглавием «Македонцы стали македонцами» он, среди прочего, пишет следующее:

Слово «Македония» долгое время звучало тревожно... Македония считалась больным человеком Балкан, а Балканы больным человеком Европы. Путешественники из Франции или Англии описывали македонцев как отчаянных головорезов. А македонцы никого не резали, резали их, македонцев. Македония в течение столетий была колонией. Кто только не владел этими землями. А Европа признавала, что существует македонский вопрос, но никто не хотел признавать существования македонского народа. Во Франции «Македонией» («Macédoine») называли салат из смеси овощей и компот из смеси фруктов. Македония была синонимом смеси народов и языков. Сторонники Великой Болгарии считали македонцев болгарями, сторонники Великой Сербии – сербами. Белградские политики стерли само понятие «Македония» и называли македонцев «южными сербами». В то же время, в Македонии жили и живут македонцы... На безымянных улицах живут люди, которые завоевали право называться македонцами, слышать свои настоящие имена и говорить на родном языке⁷.

После этого Илья Эренбург поблагодарил за теплый прием, за то, что он имел возможность увидеть в Македонии, сказал о красоте македонской народной культуры, о македонских народных костюмах, которые, как он говорил «самые красивые из того, что я когда-либо видел, песни, которые напоминают музыку современных композиторов Шостаковича и Прокофьева». С особенным восхищением он говорил о городе Охриде, который называл колыбелью культуры южных славян. «Здесь, – как замечает Эренбург, – сохранились церкви IX, XII и XIII веков непревзойденной художественной ценности. В эту эпоху славянское искусство, получив византийское наследие, стало самостоятельным... Я считаю, что здесь начался Ренессанс за много веков до великого итальянского художника Джотто»⁸. В таком же духе были выдержаны и некоторые более ранние высказывания выдающихся знатоков проблемы.

⁶ В Скопье он жил в качестве гостя 9 и 10 ноября в доме председателя АСНОМ Методия Андонова-Ченто, согласно данным сына Методия Андонова-Ченто – Илии А. Ченто.

⁷ Эренбург И. В Македонии. Очерк. Огонек. 1946. №4. С. 14.

⁸ Нова Македонија. 12.II.1946; ГАРФ. Указ. Ф. С.83; см. также: Нов ден. №2. Заглавие 1945.

Профессор Н.Д. Левин, член Академии наук СССР, в 1943 г. в Ташкенте опубликовал большую брошюру под названием «Война и национальный вопрос в Европе», в которой он писал: «Судьба Македонии, поделенной между балканскими государствами, трагична... Но ни западная Фракия, ни Македония не являются болгарскими по национальному составу, а македонцы не хотят быть ни болгарами, ни сербами, но только македонцами, самостоятельными членами братской семьи южных славян...»⁹.

Советский ученый-лингвист С.Б. Бернштейн в письме македонскому руководству в конце 1944 г. под названием «Несколько мыслей о македонском литературном языке» написал:

...Македония идет своим собственным путем, и теперь мы наблюдаем формирование нового славянского народа – македонцев, которые отличаются от других славянских народов. В связи с этим лозунг «Македония для македонцев» приобретает совсем реальное значение... Воплощение в жизнь (этого лозунга. – *Пер.*) требует решения целого ряда задач, среди которых одна из важнейших – это создание македонского литературного языка... При выборе диалекта, безусловно, следует принять во внимание, что этот язык должен иметь такие особенности, которые дали бы ему право на самостоятельное существование. Таким образом может быть только центральный, который охватывает основную территорию Македонии... Свою позицию по македонскому вопросу я изложил в печати еще в 1938 г. в статье, посвященной македонскому языку. В ней я писал: «невзирая на значительное диалектное разнообразие, македонские говоры представляют единство и явно отличаются от народных говоров Фракии, Мэзии и Стара-Планины»¹⁰.

Заканчивая этот очерк, основанный, прежде всего, на приведенных документах, я хотел бы подчеркнуть, что они не дают полной картины для раскрытия темы. Необходимо более широко познакомиться с печатью, которая могла бы очень многое дополнить. Мы приводим несколько конкретных высказываний в газете «Нова Македонија» и в журнале с культурной проблематикой «Нов ден», где с многочисленными деталями и интересными подробностями раскрывается атмосфера времени,

⁹ Левин Н.Д. Война и национальный вопрос в Европе. Ташкент, 1943. (Институт права Академии наук СССР.)

¹⁰ Македонски јазик Б.С.Е., 37. С. 743, профессор Бернштейн Самуил Борисович, ул. Герцена, № 5, кв. 24, Москва.

Несколько заметок о македонском литературном языке, 12.IX.1944 г. см. в архиве Методии Андонова-Ченто (сейчас принадлежит сыну М. Андонова – Илији Андонову-Ченто).

спонтанность и радость, теплая искренняя любовь, выраженная на народных встречах, огромный интерес к тому, о чем рассказывают гости.

Сообщается информация о хорошей организации и успешной деятельности Общества, о завидном росте количества членов организации, которое быстро выросло до 2 000 человек и таким образом «оказалось одним из самых массовых культурных обществ в Македонии, представляя важный и значительный фактор в общей культурной жизни»¹¹.

Что касается успешных визитов нескольких советских театральных групп в Македонию, особенно широко комментируются гастроли Московского государственного театра им. Ленинского комсомола, который в 1946 г. посетил все столицы югославских республик, в том числе и Скопье¹².

Отмечается, что «его гастроли и огромный интерес к нему, который наполняет наши сердца огромной радостью, еще больше усилят культурные связи, любовь и дружбу между народами Югославии и Советского Союза. Выступления театра оцениваются как “редкий культурный праздник, культурное событие, подобного которому мы до сих пор не видели”»¹³.

Высоко оценивая визит театра, Городское собрание Скопье торжественно приняло решение в знак благодарности назвать одну из улиц по названию театра¹⁴.

В газетах так сообщалось об огромном интересе гостей и их воодушевлении увиденным: «Зал Народного театра дрожал от сильных искренних аплодисментов великим мастерам... За эти три вечера наши души как будто обогатились чем-то великим. Зрители дарили артистам цветы, народную одежду, делали всё, чтобы показать, как близки им стали артисты»¹⁵.

Московское радио комментировало эти события следующим образом: «Везде, куда приезжали советские артисты, люди встречали их с цветами, а многие женщины и дети со слезами, со слезами радости на глазах

¹¹ Нова Македонија. 14.VI.1947 г. С. 2.

¹² Среди известных имен участников упоминаются: Борис Ласкин, С.Г. Бармен, В.В. Эярова, С.В. Хачиятов, В.Т. Соловьев и др.

¹³ Нова Македонија. 8.IX.1946 г. С. 6; 27.X.1946 г. С. 5.

¹⁴ Нова Македонија. 29.X.1946 г.

¹⁵ Нова Македонија. 2 и 9 марта 1945 г.

обнимали и целовали дорогих гостей... Залы были переполнены... многие из тех, кто не смог войти, слушали через открытые окна»¹⁶.

В июне 1945 г. газета «Нова Македонија» сообщила об открытии выставки фотографий и документов о героической борьбе Красной армии, которую открыл торжественной речью председатель общества Павел Шатов. Он сказал, что «это значительное свидетельство уничтожения культурных памятников Советского Союза гитлерофашистами»¹⁷.

В феврале 1947 г. газета «Нова Македонија» опубликовала большую статью о торжественном открытии выставки «Борьба славянских народов за свободу и независимость». Выступавшие на открытии указывали на глубокие культурные связи Македонии и советского, в особенности русского народа в прошлом, на то, что многие македонцы жили в разных городах России, говорили о благодарных чувствах македонцев к русскому народу, к великой России, к которой они обращали свои взгляды в самые тяжелые исторические моменты¹⁸. Ораторы отмечали, что «прибытие этой выставки имеет важное значение, поскольку Македония выросла на борьбе с фашизмом за единство славянских народов и с их помощью родилась как независимое и свободное государство в братском союзе со всеми остальными югославскими народами»¹⁹.

Среди перечисленных выставок особенно высоко оценивалась «Борьба народов советского народа за свободу», которую в январе

¹⁶ Нова Македонија. 15.III.1945 г.

¹⁷ Нова Македонија. 19.VI.1945 г. С. 4; см. также ГАРФ. Указ. Ф. С. 42.

¹⁸ Нова Македонија. 4.II.1947 г.

¹⁹ Нова Македонија. 26.I.1947 г.

1948 г. открыл председатель общества Павел Шатов. «Как говорится в одном из комментариев, она выходит за рамки обычного культурно-художественного обмена между двумя народами, у нее особое значение. Не сомневаюсь, что эта выставка поможет нашим молодым художникам яснее взглянуть на проблемы культурного преобразования»²⁰.

«Нова Македонија», сообщая о только что открытой выставке советских художников в Скопье в ноябре 1947 г., опубликовала большую статью выдающегося македонского профессора по истории искусства Димче Коцо, где, среди прочего, дается следующая высокая оценка:

Для культурной жизни македонского народа эта выставка представляет собой важное событие... для нас эта выставка имеет и следующее значение: она поможет молодым македонским деятелям искусства более ясно смотреть на вещи и послужит в качестве школы понимания настоящего искусства, поможет прояснить наше представление о том, что такое искусство вообще и кому оно сегодня должно служить. Советская выставка – доказательство того, что в стране социализма развивается и процветает великое искусство... искусство, которое показывает правильный путь в искусстве и представляет собой для всего мира школу, в которой можно понять задачи искусства вообще²¹.

Кроме работы в указанной области, в сферу компетенции общества входила и помощь в реализации македонского культурного потенциала: Македонского народного театра, радио и выдающихся деятелей культуры, науки и образования. Согласно высказыванию Или Милчина, бывшего в то время руководителем Македонского народного театра, в активе театра была двадцать одна постановка. Среди них «Платон Кречет» А. Корнейчука. Этой пьесой, переведенной профессором Блаже Конеским с русского языка на македонский, был открыт театр 3 апреля 1945 г. Кроме того, в театре были поставлены «Отчий дом» В.П. Катаева, «На каждого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского, «Где-то в Москве» В.С. Масса и М. Червинского, «Молодость отцов» Б. Горбатова, «Доходное место» А.Н. Островского, «Русский вопрос» К. Симонова, «Женитьба» Н.В. Гоголя, «За тех, кто в море» Б.А. Лавренева и «Беспокойная старость» Л.Н. Рахманова²². Далее Илия

²⁰ Нова Македонија. 5.1.1948 г., см. также: Нова Македонија. 5.11.1947 г. и 9.11.1947 г.

²¹ Нова Македонија. 4.1.1948 г.; см. также: 5.1.1948 г.

²² Нов ден. Скопје. № 6–7. Год V. С. 368–380.

Милчин подчеркнул, что «в своей работе театр руководствовался достижениями первого в мире – Советского театра, что программными для театра стали творческие принципы Станиславского и Немировича-Данченко»²³. Во время гастролей Македонского театра в хорватской столице в загребской печати была высказана хвалебная оценка: «Театр избрал путь театра Станиславского, путь сценического реализма – социалистического реализма»²⁴.

Члены Общества и другие многочисленные македонские интеллигенты – общественные и культурные работники часто выступали с лекциями и статьями в печати о важных событиях советской и российской истории. Особенно широко отмечались годовщины Октябрьской революции, день Красной армии, многочисленные юбилеи выдающихся деятелей советской культуры, русских и советских писателей: Горького, Белинского, Гоголя, Некрасова, А. Толстого, Островского и др. Рассказывалось о советских достижениях во всех областях жизни: в экономическом и культурном развитии, школьном обучении, кинематографе. Например, при упоминании Октябрьской революции выражалась особенная радость по поводу того, что македонский народ по праву разделил ее плоды с советским: «Это наш общий праздник, праздник общей борьбы со злом, и это обязывает нас никогда в будущем не идти по разным дорогам»²⁵.

Говоря о личности и творчестве великого русского писателя Максима Горького, чей роман «Мать» был переведен на македонский язык одним из первых²⁶, секретарь Общества профессор Блаже Конеский подчеркнул: «Несомненно, Горький – самый желанный писатель нашего времени, ... неутомимый борец с мракобесием и реакцией за победу подлинной культуры... Для каждого, кто почувствовал силу его слова, он остается близким знакомым, другом... Когда заканчиваешь читать какое-нибудь из его произведений, невольно ощущаешь, будто ты сейчас долго разговаривал с необычайно добрым и редкостно сильным

²³ Нов ден. Скопје. № 6–7. Год V. С. 368–380; см. также: Нов ден. Скопје. № 8, 9, 10. С. 118–119; Нова Македонија. 12.I.1947. № 3. Март 1947. С. 53.

²⁴ Нова Македонија. 7 апреля 1948. С. 3.

²⁵ Нов ден. № 2. 1945 г.

²⁶ Упоминается, что первым произведением из русской беллетристики был переведен роман Алексея Толстого «Хлеб» (см.: Нов ден. № 7. Год IV. 1948. С. 90 и Нова Македонија. 10.XI.1946. С. 5).

человеком»²⁷. Отмечая столетие со дня смерти Виссариона Григорьевича Белинского, газета «Нова Македонија» назвала его выдающимся ученым, философом, историком, публицистом, литературным критиком, великим сыном русского народа, великаном русской нации, пламенным революционером, борцом за мир и демократом, сказавшим однажды, что Россия – сильная страна, которая кипит талантами²⁸.

Помимо упомянутых сообщений о работе Общества в Македонии в печати освещались и некоторые рабочие визиты македонцев в Советский Союз. По всей видимости, по ряду причин, их количество было минимальным: мы нашли информацию только об одном таком посещении в феврале 1947 г.

Во время этого визита член делегации, выдающийся македонский писатель и поэт Славко Яневский, искренне вдохновленный встречей с советскими гражданами в Киеве, пишет и после приезда в Македонию публикует прекрасное стихотворение «Ој девојко Украинко» / «О девушка-украинка!» Закончим нашу статью фрагментами этого стихотворения:

В Украина песна слушна
 Ја понесов в своите гради
 Ко моминска љубов мека
 И топла ко срца млади.

...Ој девојко Украинко
 Ко развигор ветрен мека
 Во твоите сини очи
 Исплакнала брано река.

Ој девојко Украинко
 Мој погледу ко цвет питом
 В плетенките твои руси
 Закитуе китки жито.

Ој девојко партизанко
 И таго и радост моја
 Од езера очи твои
 Капки пијам, срце појам...²⁹

На Украине я слышал песню,
 Понес ее в своей груди,
 Как девичью мягкую любовь
 И теплую, как молодые сердца.

...Ой девушка-украинка,
 Как теплый весенний ветер мягкая,
 В твоих синих глазах
 Река расплакалась волнами.

Ой девушка-украинка,
 Мой взгляд, как пышный цветок,
 В твоих русых косах
 Вяжет снопы пшеницы.

Ой девушка-партизанка,
 И грусть, и радость моя,
 Из твоих глаз-озер
 Я пью капли, пою сердце...

²⁷ Нов ден. Скопје, август 1946; Нова Македонија. 17.VI.1945 г.

²⁸ Нова Македонија. 6.VI.1948 г.

²⁹ Нов ден. Март 1947. С. 16.

И в заключение напомним, что в круговороте так называемой кампании Информбюро, начавшейся в 1948 г., в результате которой были полностью разрушены межгосударственные отношения между Югославией и СССР, закончилась и работа Общества культурного сотрудничества.

Во время взаимных жестоких обвинений во всех грехах не была забыта и общая работа Общества. В этом смысле упомянутый писатель Славко Яневский в большой статье, среди прочего, обвинял:

И вопреки Договору о культурном сотрудничестве между Югославией и СССР до настоящего дня в Советском Союзе не было показано ни одного художественного или документального югославского фильма, хотя с нашей стороны им были предложены 15 документальных и два художественных. В то же время, у нас было показано с освобождения и до 1949 г. 192 художественных фильма, 189 короткометражных и 31 полнометражный, и 145 кинообзоров...³⁰

Перевод М. Макарецва

³⁰ Нов ден. № 10. 1949 г. С. 515.

Политическая система Македонии в 1945–1953 гг. (Взгляд из XXI века)

1. Народная демократия

Термин «народная демократия» употреблялся после Второй мировой войны для обозначения политической системы в социалистических странах, кроме СССР. Этим термином обозначалась и политическая система Народной Республики Македонии в период с 1945 до 1953 гг. как одной из шести равноправных членов югославской федерации (Федеративной Народной Республики Югославии – ФНРЮ).

Для обозначения политической системы Советского Союза использовался термин «диктатура пролетариата» как более высокого уровня в развитии социализма. Согласно теории, созданной тогда в Кремле, страны народной демократии находились на пути строительства социализма, но все еще в фазе «переходного периода от капитализма к социализму». Только Советский Союз признавали социалистической страной, учитывая более длительный опыт строительства социализма и классовый характер Октябрьской революции 1917 г.

Термин «народная демократия» встречается и раньше, еще в XVI и XVII вв., в трудах Николо Макиавелли и Жана Бодена, но в ином значении. Макиавелли пишет о «*lo stato*» (состояние, в котором находится определенный народ), а Боден о «народном государстве» или о «народной демократии», как форме суверенитета, т.е. как виде власти народа, противоположном монархии и аристократии¹.

Советское «открытие» было делением (классификацией) на народную демократию, с одной стороны, и советское государство, с другой. Речь идет о классификации, основанной как на классовой основе, так и на достигнутой степени социалистического развития стран советского блока. В народной демократии не виден классовый субстрат, как и в *lo stato* Макиавелли. С другой стороны, СССР был уже сформировавшимся социалистическим государством в форме «революционной диктатуры пролетариата» в марксистском смысле².

¹ Bodin J. De la République. Paris, 1949. P. 13.

² Шкарич С. Државата и диктатурата на пролетаријатот // Комунист. Скопје, 1987.

Деление государственных форм в советском блоке на две группы имело больше политический, чем научный характер. Деление было мотивировано необходимостью СССР позиционировать себя на переднем плане, в качестве руководящей страны в деле строительства социализма, в качестве примера, которому необходимо следовать без критики ошибок и промахов.

После Второй мировой войны не обсуждался вопрос о новых государственных формах и новых путях строительства социализма. Эта большая «историческая тема» была открыта для обсуждения по необходимости, только после конфликта между Всесоюзной коммунистической партией (большевиков) – ВКП (б) и Коммунистической партией Югославии (КПЮ), т.е. после принятия первой резолюции Информационного бюро коммунистических партий (Информбюро) в июне 1948 г. «О положении в Коммунистической партии Югославии». В резолюции указанная партия была отлучена от коммунистического движения и провозглашена «еретической» и «рenegатской партией»³.

Первая попытка обсуждения новых путей строительства социализма была предпринята сразу же после завершения Второй мировой войны, но дебаты продлились короткое время и не дали конкретных результатов. Обсуждение было быстро закрыто на том основании, что необходимо следовать советской модели и что достаточно провести лишь терминологическое различие между народной демократией и советской моделью.

После тех дебатов заметным стало имя Йозефа Реваи, венгерского интеллектуала и члена Политбюро Венгерской коммунистической партии. Он писал о народной демократии как о «государстве переходного типа» или как о гибриде буржуазных и социалистических элементов, государстве, находящемся на пути становления социалистическим государством, но таковым еще не являющимся. Чтобы стать социалистическим необходимы более глубокие изменения, такие, какие были сделаны в Советском Союзе в период между Октябрьской революцией и Второй мировой войной (национализация средств производства и коллективизация сельского хозяйства)⁴.

Имя Йозефа Реваи встречается и в документах, относящихся ко времени суда над Ласло Райком (1909–1949), когда-то воевавшим за

³ О положении в компартии Югославии см.: *Marković D., Kržavac. S. Zavera Informbiroa. Beograd, 1987. S. 25–33.*

⁴ *Шкарич С. Уставно право на СФРЈ. Прва книга Скопје, 1986. С. 53.*

республиканцев в Испании, министром иностранных дел Венгрии. Суд над ним состоялся в 1949 г. в Будапеште на основе предварительно составленного в Москве сценария. На момент судебного процесса Ревай был членом узкого партийного руководства и имел достаточно сильное влияние в сфере теоретической мысли. Райк был приговорен к расстрелу как «югославский фашистский заговорщик» и «агент империализма», а также за подготовку убийства венгерских государственных и партийных руководителей⁵.

Долгое время советская модель копировалась в странах народной демократии в политической жизни, культуре, экономике и армии. Эта модель декларативно поддерживалась коммунистическими партиями западноевропейских стран. Эти компартии после Второй мировой войны насчитывали большое количество участников и имели значительное количество депутатских мест в национальных парламентах.

Речь идет о сознательной поддержке советской модели, без учета ее осуществимости или неосуществимости на практике. В то время *grosso modo* все коммунисты были сталинистами, включая и членов высшего руководства западных компартий, среди которых были и известные писатели, историки и ученые. Это были влиятельные партии, насчитывающие миллионы членов в своих рядах. Например, после Второй мировой войны компартия Италии насчитывала более двух миллионов человек, а Компартия Франции на парламентских выборах 1946 г. получила поддержку 5.473.933 избирателей, что позволило ее лидеру Морису Торезу сформировать правительство⁶.

Ключевые вопросы об отношении граждан к государственной власти, положении труда и собственности, отношении компартий к другим партиям и движениям и межгосударственные отношения внутри советского блока были отложены в сторону, «до лучших времен». Другими словами, не поднимался вопрос ни о политической и социальной структуре общества, ни о реформировании институтов государства, ни о конституционных решениях, иных, чем в Конституции СССР 1936 г. («Сталинская конституция»). В основном, обсуждали согласование цен, инвестиции и технические новшества на производстве, результаты сбора урожая или другие вопросы повседневной жизни граждан. Этого нельзя сказать столь же однозначно в отношении КПЮ и Югославии, особенно после 1948 г.

⁵ Marković D., Kržavac S. Zavera Informbiroa. S. 313.

⁶ Там же. S. 501.

Джанкарло Пайетта, член руководства КПИ, после первого визита в Югославию в 1956 г. положение в советском блоке и в Югославии описывает в разговоре с одним югославским коммунистом, прибывшим встречать его в белградском аэропорту, в фигуральной форме: «Существенное различие между вами и другими соцстранами состоит в следующем: когда вы приезжаете туда, то вам сразу же говорят о том, какой урожай был и какой будет. Когда приезжаешь к вам, вы сразу же объясняете, что готовите новую конституцию»⁷.

Более широкое обсуждение характера народной демократии не проходило и в странах Запада. Кроме Джона Пламенаца, профессора политической теории из Оксфорда, с черногорскими корнями, который более толерантно смотрел на народную демократию, другие теоретики выступали преимущественно с идеологических позиций, когда говорили о либеральной демократии в западных странах или о народной демократии в советском блоке. Для большинства из них было важно, *кто* говорит, а не *что* говорит: «Одно, когда Сталин утверждает, что Советский Союз – это демократическая страна, и совсем другое, когда Рузвельт скажет то же самое о Соединенных Штатах»⁸.

Деление демократии в советском блоке на две степени не имеет твердых основ в марксистской теории, так как является слишком механистическим и эклектичным. Известно, что Маркс не писал достаточно обширно о демократии в переходный период от капитализма к коммунизму, но верил, что после краха капитализма будет дан толчок развитию демократии, так как равенство людей является более реальным в условиях общественной собственности на средства производства, чем в условиях частной собственности. Он отвергал парламентскую демократию, считая, что она является исключительно политической и защищает интересы крупного капитала. В ней нет места социальной демократии, нет места для равенства людей в экономической сфере.

Маркс говорил о «пролетарской демократии» в переходный период, принимая Парижскую коммуну 1871 г. за модель с делегатским принципом представления интересов в политической сфере. Он рассматривал демократию подобно Макиавелли и Бодену – как форму государства или форму политической системы. Позднее, в XX в., такое понимание демократии будут представлять Джон Пламенац и Джованни

⁷ Pajeta Đ. Kada smo svi bili staljinisti // Marković D., Kržavac S. Zavera Informbiroa. S. 550.

⁸ Plamenac Dž. Demokratija i iluzija. Podgorica, 2006. S. 213.

Сартори, а в начале XXI в. – и Слободан Милачич, профессор конституционного права на юридическом факультете в Бордо. С точки зрения верховенства закона они тесно связывают демократию с государством, поддерживая мнение, что есть государства без демократии, но нет демократии без государства⁹.

Подобных взглядов придерживался и Ленин, выдвигая известный лозунг «Вся власть – Советам!», который был сформулирован накануне Октябрьской революции 1917 г. И Маркс, и Ленин верили в революционную энергию пролетариата, с той разницей, что последний слишком полагался на роль «пролетарского авангарда» в процессе преобразования старого общества в новое. У Ленина не было дилеммы, которую позднее, в 1997 г., сформулировал английский политолог Эндрю Хейвуд: «Кто будет сторожить стражей – Коммунистическую партию?»¹⁰.

С точки зрения терминологии, понятие «народная демократия» стало развиваться еще в ходе антифашистской борьбы, с указаниями из Москвы, что эта борьба по своему содержанию не является социалистической, а только народно-демократической, т.е. эта борьба – дело всего народа, независимо от его деления на классы. По мнению Кремля, в годы Второй мировой войны было рано говорить о социализме, так как борьба против фашизма была важнее борьбы за социализм.

Для утверждения народно-демократического характера антифашистской борьбы существовало, в основном, две причины. Первая – маневр, уловка в отношении тех внутренних сил в восточноевропейских странах, которые были против смены «старого режима» (*ancien régime*). Вторая причина была того же рода, но была предназначена на этот раз для внешнего фактора – для главных союзников СССР в борьбе против фашизма. Заботясь о геополитических интересах Советского Союза, Сталин не хотел ухудшения отношений с Великобританией и США перед лицом общего врага – фашистской Германии и Японии¹¹.

Тем не менее, в некоторых восточноевропейских странах под видом/покровом народно-освободительной велась и классовая борьба с целью установления нового послевоенного устройства, отличного от старого. Особо это касалось народно-освободительной борьбы в Югославии и Албании – в странах, где была создана сеть народно-освободительных комитетов, начиная с местного и до самого высокого уровня.

⁹ Škarić S. Džon Plamenac – pogled na demokratiju i na političke teorije (Politička misao Džona Plamenca). Podgorica, 2009. S. 2.

¹⁰ Hejvud E. Politika. Beograd, 2004. S. 151.

¹¹ Pribičević B. Socijalizam – uspon i pad. Beograd, 1991. S. 155.

Такое положение дел существовало и в Македонии, где самыми первыми были сформированы народно-освободительные комитеты в крупных городах, а позднее и в селах. Уже летом 1941 г. и на протяжении 1942 г. возникали и существовали комитеты народной помощи в Скопье и Прилепе, а осенью 1941 г. в местности Азот вблизи Велеса было основано 17 сельских тайных комитетов. Тайные комитеты формировались с весны 1942 г. в скопском, прилепском и битольском округах. К середине 1944 г. в Македонии действовало около 1 000 сельских, общинных, городских и окружных народно-освободительных комитетов. В августе 1944 г. было сформировано Антифашистское собрание народного освобождения Македонии (АСНОМ) в качестве высшего государственного и законодательного органа македонского государства¹².

Классовый характер Народно-освободительной борьбы в Югославии лучше всего проявился в пролетарских бригадах, сформированных в 1941–1942 гг. как ядро новых вооруженных сил. Тито полагался на самую твердую поддержку именно этих бригад в ходе конфликта со Сталиным в 1948 г. 14 августа 1948 г., выступая перед младшим командным составом Первой пролетарской бригады, Тито сказал следующие слова: «Товарищи! Ситуация сегодня очень тяжела. Но мы, благодаря единству народа нашей страны преодолеем эти трудности и докажем, что были обвинены несправедливо. Будем рассчитывать на собственные силы с уверенностью в том, что праведные труды не пропадут»¹³.

Осенью 1949 г. после завершения военных маневров как первой проверки боеготовности Югославской армии отразить внешнюю агрессию, о которой говорили многие признаки, Тито обратился к солдатам и офицерам со словами, имевшими характер исповеди «еретика» и «рenegата» коммунистического движения:

Сегодня мне тяжелее, чем когда бы то ни было... Товарищи! Я мог выбрать и другой путь, путь подчинения Сталину и Информбюро. Если бы я это сделал, то сегодня был бы высоко ценим и получал бы похвалы. Мне бы лично было хорошо, я бы не был «рenegатом» и «продавшим душу», меня бы только прославляли. Но такой путь я выбрать не мог. Этим я бы опозорил всю жизнь, жизнь рабочего, не имевшего крыши над головой, жизнь пролетарского борца, человека, который знает, что значит подвергаться эксплуатации и зависеть от других, жизнь революционера и командира бойцов,

¹² Шкарич С. Уставно право на СФРЈ. Прва книга. С. 47.

¹³ Marković D., Kržavac S. Zavera Informbira. S. 257.

оставшихся на полях сражений и местах казней. Только тогда бы я на самом деле чувствовал себя продавшим душу¹⁴.

Классовое измерение народной демократии в Македонии и Югославии стало еще более заметным после освобождения страны от фашистских оккупантов. Уже в 1946 г. была проведена широкая национализация и конфискация имущества. Первым шагом стала аграрная реформа и коллективизация села, затем – национализация промышленности и, наконец, создание мощного государственного аппарата, известного как «государство авангарда», с централистским планированием и административным управлением экономикой. В то время под влиянием советского опыта считалось, что именно государственная власть, а не конкретные интересы людей, является ключевым фактором в строительстве социализма.

По примеру Советского Союза для защиты новой власти была установлена полицейско-репрессивная система с широкими полномочиями в области слежки за сомнительными лицами и ограничения их свобод согласно принципу «революционной законности», принципу, который не заботился о законности и независимости судебной системы. Революционное дело было сильнее закона и правовых норм. В области культуры, науки и искусства, как правило, были приняты решения о «социалистическом реализме», а в области внешней политики в расчет брался больше интернационализм, чем нация и национальные интересы¹⁵.

После 1948 г. в Македонии и Югославии начался процесс крупных изменений, обозначенных как дестатизация, децентрализация и дебюрократизация системы. Эти изменения имели целью более успешно защитить страну от сталинизма как внутри, так и извне. Советской модели было необходимо противопоставить иную систему. Йован Джорджевич, профессор конституционного права, выразил это следующими словами: «Только по-настоящему ликвидированный сталинизм может быть преодоленным и отвергнутым сталинизмом»¹⁶.

КПЮ и Тито быстро поняли, что борьба против бюрократии не может вестись при усилении государственного аппарата, как это делал Сталин в СССР, что десталинизация в стране не может дать результат, если не начать процесс «отмирания государства», что политическая

¹⁴ Там же. S. 258–259.

¹⁵ *Pribičević B. Socijalizam – uspon i pad. S. 158.*

¹⁶ *Krivokapić B. Jugoslavija i komunisti – adresa Jovana Đorđevića. Beograd, 1988. S. 30.*

система не получит энергию для глубоких перемен, если она не откроется более широко к непосредственным производителям и интересам широких народных масс.

Поэтому в 1949 г. Съезд производителей был введен в структуру народных советов, а в 1950 г. был принят Закон о самоуправлении, с чего началось осуществление лозунга рабочего движения XIX в. – «Фабрики – рабочим!» Таким образом, Югославия стала первым в мире государством, определившимся в пользу рабочего самоуправления как альтернативы государственному социализму. С точки зрения XXI в. ясно видно, что самоуправление это больше цивилизационный, нежели классовый вопрос.

На шестом съезде КПЮ, состоявшемся в Загребе в 1952 г., было принято решение о преобразовании КПЮ в Союз коммунистов Югославии (СКЮ) с той целью, чтобы «авангард пролетариата» действовал как идейная сила, а не как фактор власти. Это изменение имело эпохальное значение, так как открывало проблему политической партии как узурпатора государственной власти. Это изменение выглядит как «штурм небес» даже с точки зрения XXI в.

В то же время, вместо государственной собственности на средства производства вводилась общественная собственность в области производства, которая не являлась собственностью в классическом смысле (*jus utendi*, *jus fruendi* и *jus abutendi*). Речь идет о новом общественном феномене, в котором было место только для права на использование средств (*jus utendi*) и для права распоряжения результатами труда (*jus fruendi*), но не было места для права на отчуждение средств производства (*jus abutendi*). Поэтому в девяностые годы XX в. общественная собственность в Республике Македония была разграблена «хищниками» за ночь¹⁷.

В порядке этих изменений оставалось и централизованное государственное планирование и открывался простор для более широких действий на свободном рынке, для рыночных законов во внутреннем и международном плане. И это изменение имело историческое значение, недостаточно исследованное и по сей день, что лучше всего видно в нынешнем экономическом кризисе и «повторном рождении Карла Маркса» в октябре 2008 г. в центрах финансового капитала¹⁸.

¹⁷ Македонска енциклопедија. Скопје, 2009. Т. 2. С. 1219.

¹⁸ Шкарич С. Глобалната криза и социјализмот – социјалистичкото ехо во Македонија // Социјализмот во 21 век. Скопје, 2010. С. 35.

И до 1948 г. Югославия имела более высокую степень самостоятельности по сравнению с другими странами восточного блока. Не дожидаясь директив из Москвы, КПЮ подготовленной встретила оккупацию страны, самостоятельно решила поднять восстание югославянских народов против оккупантов и по своей инициативе создала собственные вооруженные силы. Поэтому Коминтерн со штаб-квартирой в Москве решил, что КПЮ будет лидером на Балканах, когда речь идет о борьбе против фашизма. Это и давало КПЮ право относиться к соседним странам патерналистски, подобно Советскому Союзу, когда дело касалось восточноевропейских стран после их освобождения от фашизма.

Немалое значение в деле осуществления перемен и сопротивления советскому диктату имела личность Йосипа Броз Тито. Его рабочее происхождение позволяло ему лучше понимать трудящихся и иметь к ним полное доверие, когда речь шла о передаче фабрик в их руки и введении самоуправления в производственной сфере. Он долгое время работал слесарем, был профсоюзным активистом, участвовал во множестве забастовок и на деле неоднократно доказал приверженность рабочему классу и производительному труду.

Тито пользовался широкой поддержкой всех народов Югославии, включая и македонцев. Он обладал личной харизмой, имел разносторонние интересы и не был подозрительным к своим соратникам, как Сталин. Он на протяжении четырех лет лично руководил партизанскими отрядами на просторах Югославии, заботился о раненых, сам был ранен в 1943 г. в битве на Сутеске. Симона де Бовуар, французская писательница и философ, утверждала, что Тито был тем, кто в 1943 г. дал надежду на то, что можно победить фашизм в Европе. К этой мысли она пришла, увидев фотографию Тито во французских газетах, на которой он руководил югославскими партизанами в горах Боснии.

Тито показал большую храбрость и в 1948 г., когда решил защищать самостоятельность собственной страны и пойти на самопожертвование во имя своих идеалов. Он обладал как развитым чувством справедливости, так и решительностью противостоять всемогущему Сталину, хотя и не был уверен, что он сам и его ближайшие соратники Эдвард Кардель (Бевц) и Коча Попович доживут до победы. Это видно из слов, которые он адресовал своим солдатам осенью 1949 г. после завершения маневров в Шумадии:

Может быть, я не доживу до победы истины. Может быть, не доживут ни Бевц, ни Коча, ни их поколение. Но я уверен, что доживет кто-то из вашего поколения, даже если бы было необходимо с оружием в руках защищать дорогой ценой добытую свободу.

Если мы, товарищи, не доживем до этого, я оставляю вам завещание – не позволяйте, чтобы вас что-то заставило сомневаться, продолжайте борьбу и не жалейте своих жизней. Я уверяю вас, что, в конце концов, победит только правда. Но даже если и вы не доживете до этого, то доживут те, кто придет после вас, и они не будут проклинать нас, потому что, несмотря ни на что, мы не предавали и не предадим будущее нашей страны¹⁹.

2. Неограниченная власть авангарда и Информбюро

Отсутствие контроля над авангардом после смерти Ленина в 1924 г. проявилось как трагический момент во внутрипартийных столкновениях в ВКП (б) во время правления Сталина. В этих столкновениях было ликвидировано большое количество выдающихся личностей. Позднее чистки охватили еще большее число людей, приобретя в 1937 г. массовый характер, невиданный в истории коммунистического движения.

Из-за монопольного положения ВКП (б) в политической системе Советского Союза в период с 1937 по 1941 гг. большое распространение получил термин «расстрел», даже большее, чем слово «гильотина» во время французской революции. Так, только в период с 1 августа 1936 г. по октябрь 1938 г. в СССР было расстреляно и лишено свободы от 18 до 350.000 человек²⁰.

В личном дневнике, впервые опубликованном в Москве в 2011 г., Лаврентий Берия, правая рука Сталина в расстрелах, утверждает, что «Сталин слезам не верит». Берия был убежден, что лорд Актон не прав, утверждая, что «власть развращает» и, тем более, что она «коррумпирует». Он считал, что власть это не «яд», как полагает Александр Солженицын, что, напротив, она имеет только позитивное действие, если на нее смотреть как на обязанность и ответственность.

После Второй мировой войны Сталин, как победитель, чувствовал, что ему дозволено все, что он захочет, в том числе и расстрел ближайших соратников. Такое «головокружение» от могущества была результатом и того, что ему как Верховному главнокомандующему Красной Армией удалось первому сокрушить хребет фашистской Германии и 30 апреля 1945 г. поднять Знамя Победы над Рейхстагом в Берлине²¹.

¹⁹ Marković D., Kržavac S. Zavera Informbira. S. 259.

²⁰ Берия Л. Личный дневник 1937–1941. М., 2011. С. 64.

²¹ 65 лет Великой Победы, Имена победы – полководцы и военачальники Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 2010. С. 20.

За Сталиным стояла огромная сила, это была Россия и русский народ. И сегодня выжившие немецкие солдаты и генералы Бундесвера с благоговением говорят о России и русских с твердым убеждением, что Германия никогда уже не нападет на Россию и не даст согласие на то, чтобы это сделало НАТО. В разговоре с немецким генералом Гансом Франком во время проведения в Берлине с 4 по 9 августа 2000 г. одной конференции о реформе Бундесвера как раз во время посещения Рейхстага я услышал от него следующие слова: «НАТО не должно расширяться до границ России»²².

Страх в восприятии Сталина после Второй мировой войны происходил из государственной программы СССР по расширению советской мощи в Европе, на Балканах и Средиземном море. В этой программе были объединены «большевистский мессианиззм» и «имперская политика» бывшей царской России. Под действием этих факторов Сталин чувствовал всемогущество, что видно и из его решимости сокрушить сопротивление Йосипа Броз Тито, которая проявилась в 1949 г. в его известном изречении: «Достаточно мне пальцем шевельнуть, и Тито больше не будет»²³.

Могущество Сталина и Советского Союза приестекало и из их поддержки компартиями западных стран. Эти партии были монолитны в поддержке советской модели и не допускали дебатов и отдельных мнений об альтернативных моделях строительства социализма. В критике особенно выделялся Пальмиро Тольятти, лидер КПИ, подготовивший свой доклад в Будапеште в ноябре 1949 г., когда была принята резолюция Информбюро, носившая название «Югославская компартия в руках убийц и шпионов».

Незначительным было и число левоориентированных интеллектуалов Западной Европы, критиковавших политику Коминформа. Среди тех, кто поддерживал Тито и Югославию, активными были только Клара Марло, Жан Кассу, Жан Поль Сартр и Клод Бурде.

Жан Кассу, писатель, воевавший в прошлом в Испании, 29 июня 1948 г. прочитал в газетах Резолюцию Информбюро о том, что Югославия забыла свободолобивые традиции и коммунистические идеалы. В связи с этим он записал следующее: «Когда я ее прочитал, то был

²² Skaric S. Law, Force and Peace – Macedonia and Kosovo. Skopje, 2002. S. 465.

²³ Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. С. 165.

поражен как громом среди ясного неба. И я не был единственным. До этого Югославия во Франции и в мире представлялась Советами и их друзьями как страна, которая движется в правильном направлении и является примером для других. Я вообще не ожидал такого развития событий. Мы левоориентированные коммунисты, социалисты, радикалы, как и большое количество людей, не принадлежащих ни к одной партии, как я, были изумлены Резолюцией Информбюро. Было непонятно, что это должно означать. Что кроется за этим? Нужно подчеркнуть, что мы, французские и западноевропейские левые, не знали правды о Сталине. С одной стороны находилась реакционная печать, которой мы не верили, а официальные органы КПФ не публиковали ничего, что могло бы бросить хотя бы малейшую тень на ореол Сталина... Никто в тот момент не понял, что это начало конца монолитности сталинизма»²⁴.

Кассу был первым интеллектуалом, который понял историческое значение титовского «нет». Это «нет», которое пронеслось по всему миру и которое многие интеллектуалы и государственные деятели оценили как самоубийство Тито, Жан Кассу описывает следующими словами: «Титовское «нет» Сталину произвело на меня сильное впечатление. Маленькая Югославия, с одной стороны, и большой сталинский блок, с другой. Это всех нас, сумевших добраться до правды, заставило выбрать наших друзей. Мы выбрали тех, кто сказал «нет» Гитлеру, а потом, через несколько лет, повторили это «нет» Сталину»²⁵.

Кассу тесно связывает события 1848 и 1949 гг. как две значительные даты в истории рабочего движения и мировой истории. В марте 1950 г. в предисловии к своей книге «Сорок восьмой» он написал следующее: «Народы это не какое-то общее понятие. У них есть своя особая обусловленность, свое особое предназначение и свое особое бытие. Это огромная правда революционного человечества, о которой забыли так называемые стратеги и холодные аналитики Коминформа, когда задумали с югославскими народами поступить как с еще одной пешкой на шахматной доске. Эти народы сегодня в национальном и общественном отношении совершают величайшие дела в их истории и в мировой истории вообще»²⁶.

²⁴ Kasu Ž. Niko nije odmah shvatio da je to kraj monolitnosti staljinizma // Marković D., Kržavac S. Zavera Informbira. S. 510.

²⁵ Там же. S. 511.

²⁶ Касу Ж. Чедердесетосма. Београд, 1950. С. 6.

Все же, это были одинокие голоса, не имевшие серьезного влияния на общественное мнение во Франции и Европе. Кроме давления на государственные границы ФНРЮ Сталину удалось организовать и несколько судебных процессов над видными коммунистическими деятелями в восточноевропейских странах. Сразу же после суда над Ласло Райком в Венгрии «сфабрикованные» процессы были проведены в Болгарии, Чехословакии и Албании. Судили Трайче Костова, Рудольфа Сланского и Кочи Додзе как сторонников политики Югославии.

Первый, кому была выписана черная метка в 1948 г., был Тито. Сталин считал, что Тито – первый, кто должен быть ликвидирован, затем – его сторонники везде, где бы они ни были. Но Тито, согласно Жану Кассу, кроме того, что был большим политиком, был еще и умным человеком, который быстро понял ситуацию и нашел выход из нее. Организовать процесс над Тито с последующей его ликвидацией не удалось. Тито сумел в течение короткого времени отстранить от власти приверженцев Сталина в своей стране и «освободиться» от них, создав свой Гулаг на острове Голи-Оток (Голый остров) в Адриатическом море, через который прошло приблизительно 31–32 тысячи заключенных («информбюровцы») ²⁷.

Среди заключенных там лиц были и узники («информбюровцы») из Народной Республики Македонии. Их число точно не установлено и до сегодняшнего дня из-за недостаточности документации. Согласно одному из источников 1994 г., на Голем острове из НРМ находилось 820 лиц, осужденных на срок от 6 месяцев до десяти лет ²⁸.

Согласно другому источнику, количество «информбюровцев» было большим, чем тех, кто содержался на острове. Так, согласно одному источнику от 1958 г., в НРМ был зарегистрирован 1651 «информбюровец» ²⁹.

Среди заключенных находились как обычные граждане, так и высшие государственные и партийные функционеры, «илинденцы», «гемиджии» ³⁰, участники гражданской войны в Испании, партизаны, члены АСНОМ, министры, писатели и студенты, в возрасте от 20 до 69 лет. Некоторые из них после 18-месячного заключения остались при

²⁷ *Krivokapić B.* Jugoslavija i komunisti... S. 34.

²⁸ *Циков С.* Македонија во комунистичкиот триаголник. Скопје, 1994. С. 220–258.

²⁹ Македонска енциклопедија. Скопје, 2009. Т. 1. С. 378.

³⁰ «Илинденцы», «гемиджии» – участники македонских политических организаций (Примеч. пер.)

твердом убеждении, что титовское «нет» не имело такого значения, как утверждал Жан Кассу. По их мнению, «Голоый остров – это система созданная для сохранения личной политической власти Тито»³¹.

Другие заключенные, испытывавшие мучения Голого острова более длительное время, остались при убеждении, что на острове были заключены «самые святые сыновья и дочери югославянских народов», те, кто остался верен коммунистической идее и кто не хотел отречься от Сталина и ВКП (б). Они были там «из-за своих убеждений, из-за своей веры в Советский Союз»³².

В столкновении с «информбюровцами» югославские власти использовали советский опыт времен чисток, опираясь, прежде всего, на Управление государственной безопасности (УДБ), подобие советского НКВД. Большая часть осужденных лиц получила два года тюрьмы в административном порядке с возможностью продления заключения еще на два года. Меньшее количество людей было осуждено гражданскими и военными судами в срочном порядке. Определенные лица были осуждены потому, что говорили, что в стране «нет демократии», другие из-за того, что считали недемократическим пятый съезд КПЮ, который был проведен через двадцать лет после четвертого съезда КПЮ, третьи из-за того, что учились в СССР, другие за публичное выражение симпатий к Сталину, ВКП (б) и Советскому Союзу.

Из-за страха советского вмешательства югославская дипломатия вынашивала идею предложить положение во Всеобщую декларацию прав человека ООН от 10 декабря 1948 г. о том, что любое государство имеет право в административном порядке лишать свободы всех граждан, угрожающих его независимости и пользующихся поддержкой какой-либо внешней силы.

Все-таки, после определенных консультаций министр иностранных дел ФНРЮ Эдвард Кардель от этой несчастной идеи отказался после того, как увидел, что не имеет смысла воздвигать на уровень общей нормы международного характера единичный случай. Так было остановлено распространение зла из одной маленькой страны в другие страны мира³³.

³¹ *Арсовски Т.* Семе на срамот. Скопје, 2008. С. 102.

³² *Марковски В.* Голи Оток – остров на смртта. Скопје, 2009. С. 227.

³³ *Krivokapić B.* Jugoslavija i komunisti ... S. 24.

3. Македонский вопрос и конфликт

Македонский вопрос оказался в центре конфликта между ВКП (б) и КПЮ в период между 1941 и 1949 гг., когда ФНРЮ решила прекратить оказывать помощь партизанам в Эгейской Македонии. Македонский вопрос стал причиной того, что многие выдающиеся личности македонской истории в 1948 г. встали на сторону Резолюции Информбюро и поддержали Сталина и ВКП (б).

Первая причина, по которой македонский вопрос оказался в центре конфликта, крылась в точке зрения Коминтерна на роль КПЮ в оказании сопротивления фашистским оккупантам в Югославии. Коминтерн еще в марте 1941 г. дал инструкции КПЮ поднять югославянские народы на восстание и подготовиться к захвату власти после завершения войны. Будучи генеральным секретарем КПЮ за несколько дней до 27 марта 1941 г. Тито получил шифрованной телеграммой директиву Коминтерна о «занятии решительной позиции» против капитуляции Югославии, об организации «всенародного сопротивления» и развитии интенсивного сотрудничества с СССР³⁴.

Вторая причина была связана с народно-освободительной борьбой македонцев в трех частях этнической Македонии. Македонцы Вардарской Македонии подняли восстание в октябре 1941 г., македонцы Эгейской Македонии с 1942 г. по 1945 г. принимали массовое участие в действиях Греческой народно-освободительной армии (ЭЛАС), а позднее, с 1946 г. по 1949 г. – в действиях Демократической армии Греции (ДАГ), боровшейся против монархической системы. Позднее в антифашистскую борьбу включились македонцы из Пиринской Македонии. Македонцы из всех трех частей стремились к объединению и созданию единого македонского государства, основанного на принципе самоопределения, сформулированного в манифесте АСНОМ от 2 августа 1944 г.³⁵

Третья причина была связана с решением Коминтерна, принятом после расширения восстания в Югославии, о том, чтобы КПЮ на время Второй мировой войны стала «военно-политическим центром балканских стран». Это решение подтолкнуло югославских коммунистов как к созданию большого государства, так и к формированию соответствующего отношения к соседям – отношения победителей во Второй

³⁴ Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел ... С. 17.

³⁵ Шкарик С. Споредбено и македонско уставно право. Скопје, 2004. С. 259.

мировой войне, отношения государства, заслужившего награду, когда речь шла о территориальных спорах со странами-соседями. Позднее, ближе к концу войны, Сталин критиковал КПЮ за проявление «гегемонистских амбиций на Балканах»³⁶.

В разгар антифашистской борьбы в Греции КПЮ в начале 1943 г. предприняла конкретные меры по укреплению своей лидирующей роли на Балканах. Согласно российским источникам, Светозар Вукманович-Темпо, член узкого руководства КПЮ в феврале 1943 г. прибыл в Македонию «с целью организовать сопротивление оккупантам», предлагая «встречу с офицерами Греческой народно-освободительной армии» и формирование «Балканского партизанского штаба, который дал бы возможность КПЮ координировать партизанское движение в Эгейской Македонии»³⁷.

Македонские источники подтверждают, что Светозар Вукманович-Темпо был принят македонскими партизанами, как и другими антифашистами, с энтузиазмом. Позднее, в разгар восстания в Вардарской Македонии в июле 1944 г. один из партизан с поэтическим пафосом сравнил Темпо с Гоце Делчевым:

Два светила вечни, два образа мили,
два врсника рамни по дух и сила,
ќе греат низ векој в народната град,
в две епохи славни израснале циној,
за народ, за братство два пламена сина,
ќе бдеат низ векој над новиот пат³⁸.

Два светила вечных, два образа милых,
Ровня друг другу по духу и силе
Будут сиять в веках в народе,
В две эпохи славные выросли джинами,
За народ, за братство два пламенных сына
Будут бдеть веками над новым путем.

(Пер. Т. Ганенковой)

В связи с этими действиями Темпо летом 1943 г. Сталин резко укорял Тито, считая, что такое выступление югославских коммунистов

³⁶ *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел ... С. 49.

³⁷ Там же. С. 49.

³⁸ *Марковски В.* От Гоце до Темпо (Гане Тодоровски. Книга за Венко Марковски). Скопје, 2009. С. 424.

серьезно угрожает интересам Антигитлеровской коалиции (СССР, Великобритания и США). Тито вынужден был признать выступление «ошибкой» и проинструктировать своих соратников, чтобы они публично не интерпретировали решение Коминтерна о лидирующей роли КПЮ на Балканах.

В декабре 1943 г. в Москве представители КПЮ Велько Влахович и Божидар Масларич участвовали в работе Комиссии по послевоенному устройству Югославии, которой руководил М.М. Литвинов, заместитель министра иностранных дел СССР. В комиссии рассматривались «спорные территориальные вопросы» Югославии и ее соседей, в том числе вопрос об Эгейской и Пиринской Македонии. Комиссия заняла единодушную позицию о необходимости создания «единой Македонии», которая бы включала «всех македонцев с равными правами в составе югославянского федеративного или конфедеративного государства, опирающегося на поддержку СССР, в которое входила бы и Болгария»³⁹.

Влахович и Масларич были убеждены, что существуют условия для объединения трех частей Македонии в единое государство – в качестве равноправного члена будущей Балканской федерации. Они были твердо убеждены, что очень скоро «перед международной дипломатией встанет вопрос о греческой Македонии и о порте Салоники». Югославские делегаты считали, что создание большого югославского государства «необходимо с национальной, экономической и стратегической точек зрения»⁴⁰.

Вопрос о присоединении Эгейской Македонии и порта Салоники был поставлен в январе 1945 г. во время переговоров, которые вели Сталин и Молотов, с одной стороны, и югославская делегация во главе с Андрием Хебрангом, с другой. На переговорах обсуждались территориальные претензии Югославии, связанные с Триестом, Карантанией, областями Печ и Темишоара. Из этих требований видно, что КПЮ хотела улучшить геополитическое положение нового югославского государства путем присоединения Триеста и Салоник, считая, что она имеет на это право как главный организатор антифашистской борьбы и ее победитель.

В беседах со Сталиным и Молотовым югославские представители подчеркнули, что КПЮ раньше не ставила вопрос об Эгейской Македонии

³⁹ *Аниќеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел ... С. 49–50.

⁴⁰ Там же. С. 50.

и Салониках, чтобы не ухудшать положение ЭЛАС в Греции, но что сейчас этот вопрос ставится открыто и решительно, так как настал благоприятный момент для этого. Молотов попросил, чтобы этот вопрос поставили сами македонцы, не зная, какова будет реакция на это Сталина.

По мнению Молотова, Сталин высказывал свое мнение, защищая геостратегические интересы СССР, подтвержденные на международных конференциях в Тегеране и Ялте. Обращаясь к югославским представителям, Сталин сказал следующее: «Сложилась новая ситуация, в которой вы создаете вражду по отношению к Румынии, Венгрии и Греции. Вы должны будете воевать со всем миром. Не имеет смысла создавать подобное положение дел»⁴¹.

На переговорах со Сталиным вопрос о Пиринской Македонии не поднимался, потому что Георгий Димитров и Йосип Броз Тито еще осенью 1944 г. вели переговоры о создании одной общей федерации. Тогда Югославия сформулировала предложение о включении Болгарии в федерацию как седьмой республики, с целью ее «перевоспитания» в югославской федерации, так как в годы войны она была на стороне фашистов.

С другой стороны, Сталин считал, что нужно создать двойную федерацию, имея в виду государственную традицию Болгарии. План КПЮ несколько раз рассматривался Кремлем, но в пользу «советско-болгарского дуалистического варианта», что вызвало «раздражение» югославской стороны⁴².

Югославия не отказалась от Пиринской Македонии и после завершения Второй мировой войны. В декабре 1946 г. Эдвард Кардель и Александар Ранкович, высшие функционеры ФНРЮ, сказали Вылко Червенкову, секретарю Болгарской рабочей партии (БКП), что «они не верят ЦК БКП», так как она проводит ошибочную политику в македонском вопросе. В марте 1948 г. Георгий Димитров заявил на пятом съезде БКП, что югославы хотят «превратить Пиринский край в автономную область с целью его присоединения к ФНРЮ»⁴³.

Югославия продолжила помогать Демократической армии Греции в ходе Гражданской войны 1946–1949 гг. (в рядах этой армии более 15 тыс. бойцов были македонцами из Эгейской Македонии), предоставляя возможность греческим партизанам использовать территорию Македонии для перегруппировки и восстановления сил. Партизаны свободно

⁴¹ Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел ... С. 50.

⁴² Там же. С. 51.

⁴³ Аникеев А.С. Как Тито от Сталина ушел ... С. 145.

переходили македонско-греческую границу и во время конфликта с Информбюро до тех пор, пока в октябре 1949 г. не окончилась Гражданская война в Греции.

Ради необходимой конспиративности по решению Тито вся помощь для ДАГ – отправка военных инструкторов и оружия, лечение раненых бойцов и обеспечение продовольствием и лекарствами – находилась в компетенции УДБ, которой руководил Александр Ранкович, министр внутренних дел ФНРЮ: «В апреле 1947 г. Захариадис и члены ЦК КПГ много дней находились в Белграде. Тогда был проведен пленум, на котором было решено, что социалистическим странам необходимо немедленно начать направлять военную помощь в Грецию. К этой просьбе в Югославии отнеслись очень серьезно и ответственно, сразу же была создана центральная оперативная группа под руководством Александра Ранковича»⁴⁴.

Тито последним отказался от поддержки греческих партизан во время Гражданской войны. Первое заявление о прекращении помощи датируется 10 июня 1949 г., когда на митинге в Пуле Тито заявил, что югославское правительство больше не может позволить «партизанам возвращаться в Грецию, чтобы продолжать борьбу, и не предоставит им какую бы то ни было иную помощь»⁴⁵.

До прекращения помощи, однако, дело дошло только в октябре 1949 г., когда ФНРЮ стала временным членом СБ ООН. С прекращением помощи Тито успешно манипулировал, чтобы взамен получить большую финансовую помощь и большее количество оружия от западных стран, в чем Югославия нуждалась во время конфликта с Коминформом, когда существовали заметные признаки того, что СССР готовится напасть на ФНРЮ и ввести военные подразделения на ее территорию.

На решение о прекращении помощи греческим партизанам со стороны ФНРЮ повлияло несколько факторов внешнего и внутреннего характера. К внешним факторам принадлежали конфликт с Информбюро и геополитические интересы Великобритании и США, которые хотели любой ценой удержать Грецию в сфере своего влияния. К внутренним факторам относилась необходимость для Югославии получить кредиты от западных стран и стать временным членом СБ ООН в 1949 г.

⁴⁴ Гогов-Црноречки Р. Лекување на борци на ДАГ во Македонија. Скопје, 2010. С. 28.

⁴⁵ Аниќеев А.С. Как Тито от Сталина ушел ... С. 148.

СССР удалось заполучить греческую компартию на свою сторону в конфликте с КПЮ. Это произошло в конце января 1949 г., когда на заседании пятого пленума ЦК КПГ победила промосковская фракция под руководством Никоса Захариадиса, генерального секретаря КПГ. На том заседании генерал Маркос встал на сторону Тито и потому был смещен на посту командующего ДАГ⁴⁶.

Великобритания и США стремились удержать Грецию под своим контролем из-за стратегических интересов, которые они имели в Средиземном море и на Ближнем Востоке еще до Первой мировой войны. Они были заинтересованы в том, чтобы не менять монархическое устройство в Греции, и потому союзники требовали от СССР оказать давление на КПГ с тем, чтобы она отказалась от военных средств и согласилась на выборы как средство мирного завершения Гражданской войны.

С другой стороны, Югославия сильно нуждалась в экономической и военной помощи западных стран из-за блокады со стороны советского блока в 1948 г. И Великобритания, и США экономическую и военную помощь Югославии обусловили принятием ее руководством решения о прекращении поддержки греческих партизан. Это видно и из переговоров Тито, которые он вел в конце апреля 1949 г. в Белграде с Фицроем Маклином, бывшим ранее британским военным представителем при Верховном штабе народно-освободительной армии Югославии, а также из переговоров в июне 1949 г. между Эдвардом Карделем и американским послом в Белграде.

Условие этих двух стран было связано с поддержкой желанием ФНРЮ стать временным членом СБ ООН. США обещали поддержку, но при условии прекращения помощи греческим партизанам. Гарантии прекращения поддержки дал югославский представитель в ООН на переговорах с генеральным секретарем ООН Трюгве Ли. Согласно этим гарантиям, ФНРЮ стала временным членом СБ ООН 19 октября 1949 г., получив в Генеральной Ассамблее ООН в два раза больше голосов (39), чем получила Чехословакия (19) в качестве кандидата от советского блока.

Как раз перед голосованием СССР провел первое испытание атомной бомбы. Все же СССР отставал от США по количеству атомных бомб и бомбардировщиков. Еще с 1948 г. США начали интенсивное строительство на границе СССР военных баз, с которых было можно

⁴⁶ Там же. С. 149.

осуществлять бомбежки крупнейших городов СССР. Это утверждал Леонид Говоров, маршал Советского Союза, отвечавший за противовоздушную оборону СССР. Вероятно, это была одна из причин, по которой Сталин не решился на вмешательство в Югославию в 1948 и 1949 гг., а в 1950 г. должен был разместить войска на Дальнем Востоке из-за начала Корейской войны⁴⁷.

В самом начале конфликта Сталину удалось получить поддержку определенного числа видных деятелей из Македонии, когда на повестке дня стояли вопросы внутреннего положения в КПЮ и ее отношения к македонскому вопросу. Это видно из одного доверительного письма, датированного 1 октября 1948 г., отправленного в ВКП (б) через одного болгарского дипломата в белградском посольстве. Письмо было опубликовано в Софии лишь в 2005 г.⁴⁸

В письме критикуются «агрессивные и националистические устремления ЦК КПЮ по отношению к соседним странам и политика ассимиляции в отношении македонского народа», когда речь идет о политике КПЮ по «объединению македонского народа» и о «присоединении всей Македонии к ФНРЮ». Как утверждают авторы письма, речь идет о политике, имеющей «все элементы националистического буржуазного мировоззрения»⁴⁹.

Исходя из оценки, что национализм КПЮ скрывался до появления Резолюции Коминформа, авторы письма обвиняют ЦК КПЮ в шовинизме, а ЦК КП Македонии в «национал-нигилизме», подтверждая свои оценки конкретными примерами. Больше всего замечаний авторы делают по следующим поводам: назначение «слепых и послушных» кадров на высокие государственные должности в Македонии, препятствование введению «чисто македонской азбуки», одинаково далекой от сербской и болгарской, захват части территории Македонии Сербией, доминирование сербской печати в Македонии и употребление сербского языка македонскими руководящими лицами, равнодушие к нации, как к чему-то уже отжившему, самовольные расстрелы македонских патриотов, заточение в тюрьмы политических заключенных на основании вымышленных дел, предварительное оформление приговоров, передаваемых

⁴⁷ 65 лет Великой победы. С. 143.

⁴⁸ Веселин Ангелов, Панко Брашнаров и Павел Шатев за обстановката във Вардарска Македония през 1944–1948 г. – изложение до ВКП (б). // Македонският въпрос в българо-югославските отношения (1944–1952). София, 2005. С. 437–444.

⁴⁹ Там же. С. 437.

судьям в «закрытых конвертах», и распространение «болгарофобской политики» в Македонии и среди македонской эмиграции. Авторы также утверждали, что «илинденцы всегда и везде ощущали себя как люди с болгарским самосознанием»⁵⁰.

Отправители письма были не против «сильной федерации – югославской или балканской», в которой Македония была бы объединяющим фактором балканских народов. Они были против того, чтобы «вся Македония была присоединена к ФНРЮ», опасаясь сербской ассимиляции и подтверждая ее определенными данными. С другой стороны, «надменное отношение» ЦК КПЮ к ЦК БРП было неприемлемо для них. Они были против «отдаления Болгарии» от Эгейского моря, против лишения ее «природных богатств Пиринского края», а также против того, чтобы она была экономически зависимой от ФНРЮ страной⁵¹.

В письме не упоминалось имя Йосипа Броз Тито. Зато упоминались другие личности, одни в позитивном, другие в негативном контексте. В позитивном упоминались Лазар Соколов, Кирил Глигоров, Благой Хаджи Панзов, Венко Марковски, Коста Тасев и Димко Страчков, а в негативном – Видое Смилевски, Блаже Конески, Лазар Колишевски, Никола Минчев, Киро Мильовски, Любчо Арсов и Вера Ацева. Самой тяжелой анафеме подвергся Ангел Динев (1891–1952), македонский культурно-национальный деятель, революционер и публицист. Динев оценивался как «бесхарактерный» человек, «слабоумный» и «профессиональный агент». Указанные оценки противоположны оценкам, данным в Македонской энциклопедии, изданной Македонской академией наук и искусств в 2009 г.⁵²

Перевод М. Ямбаева

⁵⁰ Там же. С. 441–442.

⁵¹ Там же. С. 438.

⁵² Македонска енциклопедија. Т. 1. С. 473–474.

Помощь Советского Союза в восстановлении Скопье после землетрясения 1963 г.

После окончания Второй мировой войны Скопье стал столицей Народной республики Македонии (позднее Социалистической республики Македонии), одной из шести республик федеративной Югославии. В течение двух десятилетий свободного развития город продемонстрировал высокие темпы всестороннего общественно-политического, индустриального, экономического и культурного роста, в связи с чем получил статус «самого амбициозного города Европы: в этом городе было меньше всего ресурсов, но желания – намного больше, чем в других городах. Ни один европейский город не начинал развиваться с такого низкого уровня, дойдя до высот в такой короткий срок»¹. С увеличившимся в три раза населением (около 200 000 чел.)² Скопье в тогдашней Югославии стал третьим по величине республиканским центром, в котором была сконцентрирована большая часть населения, индустриальных и хозяйственных объектов, наиболее активно развивалось строительство, дорожное сообщение, торговля, ремесленничество и туристический бизнес в Македонии. В то же время город представлял собой ведущий образовательный и культурный центр, где было сосредоточено наибольшее количество образовательных и культурных учреждений в республике.

26 июля 1963 г. город подвергся катастрофическому землетрясению. В газете «Нова Македония» в номере от 27 июля было написано:

Вчера в 05.17 ч. катастрофическое землетрясение в Скопье. Эпицентр – в городе. Разрушено огромное количество зданий. Все здания в городе повреждены. Большое число погибших и раненых. Все население провело день вне своих домов.

Этот природный катаклизм оставил после себя чудовищные последствия: более 1000 погибших, более 3500 раненых, 85 процентов жилого, хозяйственного, культурного фонда уничтожено³. Мировая общественность

¹ Матковски А. Хроника за земјотресот во Скопје (26 јули 1963) // Култура. Скопје, 1964. С. 27.

² Там же. С.27–28.

³ Скопје, 1963–1973. Собрание на град Скопје. Скопје, 1973.

получила новость о землетрясении 27 июля, когда в 33 странах, в том числе и в СССР, по каналам Евровидения были показаны первые фотографии землетрясения⁴.

Землетрясение нарушило прежнее политическое, экономическое, социальное, индустриальное и культурное развитие города. Его обновление началось сразу же после трагедии, и в нем приняли участие 82 страны⁵, а окончательным результатом стало строительство «нового Скопье», на этот раз города, символизирующего солидарность народов Югославии и большого числа других стран.

Советский Союз вошел в число первых стран, которые сразу же после землетрясения включились в расчистку завалов и ликвидацию последствий катастрофы, а потом и в обновление разрушенного города. Уже на следующий день после землетрясения Н.С. Хрущев, первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, и Леонид Брежнев, председатель Президиума Верховного Совета СССР, отправили телеграммы с соболезнованиями югославскому лидеру Йосипу Броз Тито. В телеграмме же была предложена и первая помощь от СССР в виде продуктов питания, лекарств, строительных материалов, а также команды врачей и инженеров, которые могли бы ускорить устранение последствий катастрофы⁶. Советское правительство приняло решение об отправке 50 000 тонн цемента, 5 000 кубометров обработанных лесоматериалов, лекарств и продуктов питания⁷, а также предложило помощь в виде 250 больших палаток для размещения оставшихся без домов жителей города⁸.

К середине августа Советский Союз обеспечил и выплату денежных средств в размере 1 446 660 динаров (общая материальная помощь от всех стран составляла 354 413 922 динаров)⁹. В этот же период от советских общественных организаций было получено 55 555 долларов¹⁰. В рамках организации Красного креста и Красного полумесяца СССР было принято решение отправить (помимо денежных средств – 50 000 рублей) и продовольственную помощь (70 000 тонн пшеничной муки,

⁴ Државен Архив на Република Македонија (ДАРМ). Одделение Скопје. Ф. 6. 235.1.1/1-678.

⁵ Скопје, 1963–1983. Собрание на Град Скопје. 1983. С. 230–231.

⁶ Нова Македонија. 28 јули 1963. 2.

⁷ ДАРМ. Одделение Скопје. Ф. 6.235.1.1/1-678; Нова Македонија. 28 јули 1963. 8.

⁸ Нова Македонија. 2 август 1963. 8.

⁹ ДАРМ. Одделение Скопје. Ф. 6.235.2.1.

¹⁰ Там же. Ф. 6.235.2.1/794.

несколько тонн сахара и 20 000 тонн молока)¹¹. Общая помощь Советского Союза к концу 1963 г. составила 1 012 144 224 динаров¹².

Помощь от СССР начала поступать в начале августа. Согласно решению Союзного комитета по поддержке и восстановлению Скопье, материальная помощь должна была поступать по трем каналам: авиаперевозками через аэропорт «Сурчин» в Белграде, водным транспортом через порт в Риеке, железнодорожным – через Скопье¹³. 2 августа с пересадкой в белградском аэропорту в Скопье прибыли два советских самолета, груженых палатками. Этими же самолетами в Скопье прибыли советский военный атташе полковник Третинин и секретарь посольства СССР в Белграде Егориш¹⁴.

В течение следующих дней были доставлены медикаменты и продукты питания: 1 вагон с 97 ящиками медикаментов общим весом 2791 кг¹⁵, а также 1 вагон с продуктами питания, сухим молоком, отправленным фабрикой «Первомайская» с Украины¹⁶. К 8 августа полученная от СССР помощь насчитывала 50 палаток, 70 000 кг муки, 20 000 пачек сухого молока, лекарства на сумму 10 000 руб., 30 тонн сахара, 12 000 тонн цемента и 5 000 кубометров строительных материалов¹⁷. С 10 августа и в течение следующих месяцев несколько раз были поставлены в Скопье цемент и строительные материалы¹⁸. Обещанные 50 000 тонн цемента Советское правительство должно было отправить до конца года.

Параллельно с материальной помощью Советский Союз отправлял в Скопье и команды специалистов, которые участвовали в расчистке завалов и восстановлении города. 4 августа в Югославию прибыла и первая из трех обещанных воинских частей, насчитывавшая около 500 военных, которые должны были участвовать в расчистке завалов¹⁹. Часть была оснащена палатками для размещения солдат и 70-ью тяжелыми и 5-ью легкими единицами техники, необходимым оборудованием для расчистки завалов, строительства, обработки деревянных материалов, работы в лесу, работы по разрушению объектов²⁰.

¹¹ Нова Македонија. 31 јули 1963. 8.

¹² ДАРМ. Одделение Скопје. Ф. 6.235.4.1/6.

¹³ Там же. Ф. 6.235.1.1/1-678.

¹⁴ Там же. Ф. 6.235.1.1/127.

¹⁵ Там же. Ф. 6.235.2.1/252, 329.

¹⁶ Там же. Ф. 6.235.2.1/337; Нова Македонија. 3 август 1963. 2.

¹⁷ ДАРМ. Одделение Скопје. Ф. 6.235.2.1/596.

¹⁸ Там же. Ф. 6.235.2.1/700.

¹⁹ Там же. Ф. 6.235.2.1/304, 307.

²⁰ Там же. Ф. 6.235.2.1/392.

Военно-инженерная часть, вместе с которой приехал и военный атташе из советского посольства в Белграде подполковник Третинин, прибыла в Скопье 6 августа. Военный атташе и еще девять офицеров были приняты главой городского Собрания Благое Поповым и секретарем городского Собрания Мито Миджаковым, ознакомившими гостей с задачами в связи с расчисткой завалов. Сразу после этого был осуществлен осмотр города, в процессе чего стало ясно, что прибывшая советская техника будет полезна только при расчистке небольших завалов, тогда как для крупных нужна будет другая техника, которую, как обещали специалисты, тоже доставят из СССР²¹.

Уже на другой день советские инженеры начали работы по расчистке 33 объектов, сосредоточенных на площади Свободы и улицах Гюро Гаковича, Николы Вапцарова, бульваре ЮНА²². В течение следующих дней они взрывали большие бетонные и каменные блоки разрушенных объектов²³, транспортировали строительные материалы, возводили монтажные объекты, оказывали помощь в эвакуации населения. Военно-инженерная часть действовала под эгидой Генеральной дирекции по обновлению и восстановлению Скопье²⁴.

Сначала солдаты были размещены в селе Влае, а после завершения подготовительных работ были перемещены в местность Заячий Холм²⁵.

Во время летнего отпуска в Югославии 22 августа 1963 г. Н.С. Хрущев с супругой Ниной Петровной в сопровождении Тито и его супруги Йованки посетили Скопье, встретившись и с офицерами советской военно-инженерной части²⁶.

Эта часть находилась в городе до середины декабря, а солдаты, ее составлявшие, постепенно были заменены новыми меньшими группами военных. К ноябрю военные расчистили и переместили 23 521 кубометров завалов, эвакуировали 75 семей, проложили 12 800 метров дороги в районах Гёрче Петров и Лисиче, приняли участие в восстановлении района Бутел и 162 домов в районе Гёрче Петров, военные медики провели около 175 осмотров и операций. Советская техника была использована и в работе македонских предприятий «Пелагония», «Бетон», «Железара», которые осуществляли строительные работы, занимались

²¹ ДАРМ. Отделение Скопје. Ф. 6.235.2.1.

²² Там же. Ф. 6.235.2.1.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Ф. 6.235.3.1/5.

²⁵ Там же.

²⁶ Нова Македонија. 23 август 1963. 2.

перемещением строительных материалов, выкапывали рвы для установки лесов. Советские солдаты и техника участвовали также в восстановлении фабрики по производству монтажных лесов, для чего было доставлено 37 893 тонны оборудования²⁷. Кроме того, на собрании Генеральной дирекции по восстановлению и обновлению Скопье, на котором, среди прочих, присутствовали и представители командования военно-инженерной части, было решено включить советских военных в работу по монтажу объектов и ремонту 6 км дороги в новом районе Тафталидже²⁸.

После четырехмесячного пребывания в Скопье в середине декабря 1963 г. советская военно-инженерная часть вернулась в СССР²⁹.

Помимо ликвидации последствий землетрясения советское правительство оказало заметную помощь и в обновлении города, а также оформлении его нового лица. Для этих целей в Скопье была построена фабрика по производству монтажных приспособлений.

В ходе прошедших 29 июля бесед представителей Государственного секретариата иностранных дел с послами других государств в Югославии по проблемам помощи Скопье посол СССР заявил, что его страна имеет большой опыт в восстановлении городов, разрушенных землетрясениями, и что имеется возможность быстрой помощи в восстановлении городских объектов³⁰.

Следующий шаг был сделан 6 августа 1963 г. на Бриони, когда на встрече Тито с советским послом в Югославии Александром Пузановым последний передал письмо от Хрущева, в котором тот информировал, что Советский Союз готов подарить Югославии полностью укомплектованный комбинат, дающий возможность строительства квартир общей площадью 35 000 м² ежегодно³¹.

Уже 15 августа в Белград прибыли 10 советских специалистов, которые должны были заниматься работами на монтажной фабрике, во главе с заместителем председателя Государственного комитета по внешнеэкономическим связям Ростовским³². Вместе с ним из Белграда в Скопье выехали посол СССР в Югославии и экономический советник посольства СССР Дмитренко³³. Между тем в Москве были подготовлены

²⁷ ДАРМ. Отделение Скопје. Ф. 6.235.8.1/7–8.

²⁸ Там же. Ф. 6.235.8.1/16.

²⁹ Там же. Ф. 6.235.3.1.

³⁰ Там же. Ф. 6.235.1.1/509.

³¹ Нова Македонија. 7 август 1963.1.

³² ДАРМ. Отделение Скопје. Ф. 6.235.2.1/748.

³³ Там же. Ф. 6.235.2.1/797.

документы для передачи фабрики, документы подписал председатель Государственного комитета по внешнеэкономическим связям СССР Шкачков и посол Югославии в СССР Миятович³⁴.

Объект должен был быть воздвигнут в период с 1 сентября по 1 ноября 1963 г. в районе Гёрче Петров. Поскольку работы по его строительству не развивались согласно намеченному плану, 25 сентября состоялось совместное заседание советских специалистов, представителей предприятий «Бетон» и «Вардар», а также советника советского посольства Дмитренко. На заседании были вынесены решения о преодолении сложившейся ситуации. Между тем было объявлено, что советская сторона приняла решение отправить в Скопье 2 монтажных дома по 18 комнат, предназначенных для размещения советских специалистов, работающих на возведении объекта, один легковой автомобиль и один автобус вместимостью 12 человек, а по просьбе македонцев будут приглашены специалист со знанием русского языка и два водителя, оплату труда которых произведет советская сторона³⁵.

В начале октября в Скопье прибыл главный инженер Гидростройиндустрии СССР Рождественский, чтобы руководить технологическими процессами на фабрике³⁶. Для строительства фабрики были приглашены также Борис Рубаненко, директор Центрального научно-исследовательского проектного института СССР, и 25 советских инженеров и техников под руководством инженера Попова, которые прибыли в Скопье в январе 1964 г.³⁷

Планировалось, что фабрика начнет работать в мае 1964 г., что будет построено 600 квартир к концу года и по 1200 квартир в следующие десять лет. Речь шла о двух типах зданий с одно-, двух- и трехкомнатными квартирами с качественной звуковой изоляцией³⁸. Дома должны были быть смонтированы до конца года в районах Тафталидже и Карпош³⁹.

Советская фабрика была возведена за период с сентября 1963 по июль 1964 гг. Строительные работы были осуществлены фирмой

³⁴ ДАРМ. Отделение Скопје. Ф. 6.235.2.1/771.

³⁵ Там же. Ф. 6.235.3.1/9.

³⁶ Там же. Ф. 6.235.3.1/5.

³⁷ Там же. Ф. 6.235.4.1/4–5.

³⁸ Материалы конференции Генеральной Дирекции по обновлению и восстановлению Скопье, состоявшейся 30 января 1964 г., на которой присутствовали русские инженеры Петр Мальцев, Юрий Буланов, Борис Рубаненко, а также Благой Попов, Мито Мицайков, руководитель дирекции инженер Коле Йорданов // ДАРМ. Отделение Скопје. Ф. 6.235.4.1/7.

³⁹ Там же. Ф. 6.235.4.1/4.

«Бетон». Ценность подаренного советского оборудования составила 1 626 380 динаров⁴⁰.

Советские эксперты не только помогали восстанавливать и обновлять город, но и участвовали в этот период в решении новых урбанистических и сейсмологических вопросов жизни Скопье. Так, непосредственно после землетрясения научный сотрудник Геологического института в г. Кишиневе Иван Михайлович Сухов в письме Сербской академии наук и искусств выразил готовность помочь своими советами в качестве специалиста⁴¹.

10 сентября 1963 г. в Скопье прибыл советский сейсмолог Сергей Васильевич Медведев, приглашенный для составления программы геологических испытаний в Скопье и его окрестностях. Во время своего визита ученый проинформировал председателя городского Собрания Скопье Попова о том, что СССР готов принять на стажировку двух македонских специалистов-сейсмологов⁴². 12 сентября Медведев вместе с инженерами Скопье и японскими сейсмологами профессорами Токийского университета Киюши Муто, Шузо Окамото и Тошихико Хисада провели совещание, где обсуждались геологические и геофизические исследования скопского региона в связи с некоторыми изменениями местоположения города⁴³.

В подготовке новых городских проектов принимал участие и советский инженер и архитектор Анатолий Николаевич Римша, эксперт ЮНЕСКО и руководитель архитектурно-проектного отделения Госстроя СССР. Он присутствовал и на заседаниях в Комитете городского строительства, которые проходили в конце сентября, где также присутствовал Медведев⁴⁴.

В течение следующего месяца в город прибыли советские специалисты-сейсмологи: Святослав Васильевич Поляков, руководитель научно-исследовательского центра городских конструкций Госстроя СССР, и Шалва Андреевич Джабуа, руководитель Института строительства, механики и сейсмологии при Академии наук Грузинской АССР. Они были приглашены для изучения последствий катастрофы и обсуждения возможных конструкций для сейсмически опасной зоны. Кроме того, Институту сопротивления материалов при техническом факультете

⁴⁰ ДАРМ. Отделение Скопје. Ф. 6.235.7.1/8.

⁴¹ Там же. Ф. 6.235.2.1/888.

⁴² Там же. Ф. 6.235.3.1/2; Нова Македонија. 11 септември 1963. 5.

⁴³ Нова Македонија. 13 септември 1963. 5.

⁴⁴ ДАРМ. Отделение Скопје. Ф. 6.235.3.1/4.

в Скопье была подарена научная и специальная литература по сейсмологии, базирующаяся на строительных нормах СССР и результатах сейсмологических испытаний в Японии и США⁴⁵.

3 февраля 1964 г. д-р Борис Рубаненко по приглашению Генеральной дирекции по восстановлению и обновлению Скопье прочел лекцию на техническом факультете в Скопье на тему «Тенденции развития архитектуры в СССР и индустриализация строительства»⁴⁶. К концу следующего месяца и советский сейсмолог Сергей Медведев в рамках программы по динамике, конструкции и сейсмически безопасному строительству прочел лекцию студентам технического факультета на тему: «Значение спектра в анализе сейсмологии и некоторые очерки сейсмических влияний в Скопье»⁴⁷.

В мае 1965 г. в качестве гостей управления градостроительства при городском Собрании в Скопье побывали директор Всесоюзного института научных исследований и проектирования (Москва), инженер и архитектор Вячеслав Шквариков и доцент этого института, архитектор Владимир Белоусов, которые также поделились своими идеями относительно некоторых градостроительных решений в Скопье⁴⁸.

Результатом такого сотрудничества стал новый облик города. Новое Скопье стали называть городом солидарности, а сотрудничество со многими странами, включенными в обновление и восстановление города, продолжилось и в последующий период в различных сферах. Советские деятели культуры и спортсмены участвовали во Встречах солидарности, культурно-художественных и спортивных мероприятиях, проводившихся в день годовщины землетрясения, начиная с 1964 г. Так, в первых Встречах участвовал известный ансамбль скрипачей Большого театра, чье выступление привело в восторг скопскую публику⁴⁹. В последующие годы Скопье посетили видные советские общественно-политические деятели, а также представители культуры, что во многом укрепило отношения дружбы и сотрудничества СССР и Македонии, которые берегутся и сейчас.

Перевод М. Проскуриной

⁴⁵ ДАРМ. Отделение Скопје. Ф. 6.235.3.1/10.

⁴⁶ Там же. Ф. 6.235.4.1/9.

⁴⁷ Там же. Ф. 6.235.4.1/12.

⁴⁸ Там же. Ф. 6.235.7.1/23–24.

⁴⁹ Там же. Ф. 6.235.5.1; Ф. 6.235.6.1.

Московская всеправославная конференция (1968) и попытки осуществить признание автокефальности Македонской православной церкви Охридской архиепископии

Введение в проблематику

В ознаменование 50-й годовщины возобновления патриаршества в Русской Православной Церкви после 217-летнего перерыва¹, когда во главе церкви и Священного архиерейского Синода Московского патриархата² был поставлен московский митрополит Тихон³, с 25 мая по

¹ Из церковной истории РПЦ известно, что один из известнейших русских царей Петр I Алексеевич Романов (1682–1725), более известный как Петр Великий, после смерти патриарха Адриана (1690–1700), с целью уменьшить налоги в пользу Церкви, славу и авторитет ее предстоятелей и подчинить Церковь государственной власти, совершая среди прочего и церковные реформы, ликвидировал патриаршество. С этого времени вплоть до 1917 г. во главе Святейшего архиерейского Синода РПЦ находился обер-прокурор, то есть наместник патриарха, который чаще всего был светским лицом и назначался напрямую царем (см. *Малиновский А.Ф.* Обзорение Москвы. М., 1992. С. 77).

² Трансформация Московской митрополии в патриархию и автокефальную церковь (1589), частично и по примеру Охридской архиепископии, была важнейшим моментом в церковной истории России. В период между 1589 и 1593 гг. и в особенности позже Московская митрополия называлась Московской патриархией, а согласно диптиху Православных поместных Церквей она находилась (и сегодня находится) на пятом месте, после Константинопольской, Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской патриархий (см. *Траяновски А.* Охридската архиепископија и унапредувањето на Московската митрополија во патријаршија и автокефална црква – Испраќање грамоти од дијецезата на Охридската архиепископија до руските цареви и духовни поглавари на крајот на XVI и средината на XVII век // Свети Наум Охридски и словенската духовна, културна и писмена традиција. Охрид, 2010. С. 375–286).

³ Речь идет о Василии Ивановиче Беллавине (1865–1925), воспитанике Санкт-Петербургской духовной академии, бывшем североамериканском епископе, который в 1905 г. возвел Русскую церковь за рубежом – Русскую православную американскую епархию в более высокий ранг архиепископии. На Поместном соборе Православной Российской Церкви в Москве 15–28 августа 1917 г. он был избран первым патриархом Российской Церкви после двухсотлетнего перерыва. Через семь дней после его возведения на патриарший престол началась Октябрьская революция. Патриарх Тихон скончался при таинственных обстоятельствах 7 апреля 1925 г. Вместе с ним в результате большевицкой антихристианской и антицерковной деятельности пострадали 30 русских архиереев, 1962

7 июня 1968 г. в Москве проходило собрание глав большинства православных церквей и их церковно-дипломатических делегаций. Речь идет об известной Московской всеправославной конференции, в которой участвовали церковные делегации во главе с предстоятелями церквей: Иерусалимскую Церковь представлял патриарх Венедикт (1958–1980), Сербскую – патриарх Герман⁴, Болгарскую – патриарх Кирилл⁵, Румынскую – патриарх румынский Юстиниан (1948–1977), Грузинскую – грузинский католикос-патриарх Ефрем II (1960–1972), Польскую – митрополит Варшавский Стефан (1965–1970), Православную Церковь Чешских земель и Словакии – митрополит Дорофей (1964–1999), Финскую православную Церковь – архиепископ Павел (1960–1987). На всеправославное торжество в Москве своих представителей не прислали Антиохийский патриархат, Кипрская и Элладская православные церкви. Не упоминается и об

монаха, 3447 монахини и более 12 000 мирян (подробнее см. *Шабатин И., проф.* Русская Православная Церковь в 1917–1967 гг. // Журнал Московской патриархии. 1.11.1967. С. 32–46; *Емельянов Н.Е.* Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь в XX веке – Ежегодная богословская конференция. Материалы 1997 г. М., 1997, – где указывается цифра в 100 000 расстрелянных священно- и церковнослужителей в 1937–1938 гг.).

⁴ Речь идет о Браниславе Джорджиче (1899–1978), который был пострижен в монахи под именем Герман. После кончины предыдущего патриарха Викентия (Проданова) 13 сентября 1958 г. на сербский патриарший престол был возведен епископ Жичский Герман. Он родился 7 августа 1899 г. в Занички-Банике. Родом был из священнической семьи. Закончил семинарию им. св. Саввы в Сремски-Карловцах (позднее она была переведена в Белград) и юридический факультет в Белграде. Специализировался в области права в Париже. Говорил по-французски, по-английски и по-немецки. Сначала служил в Чачаке (1924), был учителем Закона Божьего и приходским священником. С 1938 года в течение длительного времени, вплоть до назначения епископом Жичским был референтом и главным секретарем САС СПЦ. Был патриархом СПЦ с 1958 по 1978 гг. (см. подробнее: *Слијепчевић Ђ.* Историја Српске православне цркве. Књ. 3. Београд, 1991. С. 214–246).

⁵ Константин М. Константинов (1901–1971), родился в Софии, богословское образование получил в Белграде и Черновцах (Украина), а специализацию – в Берлине. Приняв монашество, был рукоположен в епископы, сначала стал епископом Стобийским (1936), а затем – митрополитом Пловдивским (1938). После возобновления патриаршества в Болгарии (1953) и до своей смерти был первым патриархом Болгарским после перерыва. Вероятно, по причине того, что некоторые его предки происходили из Македонии, большая часть его работ поднимает македонскую проблематику: Натанаил, митрополит Охридский и Пловдивский (1920–1906). София, 1952; Граф Н.П. Игнатиев и болгарский церковный вопрос // Документи от Австрийското консулство в Солун. София, 1961. С. 222; Седьм неизвестни писма на Димитър Хр. Миладинов // Духовна култура. Књ. 11–12. София, 1964, 32; Българската Екзархия в Одринско и Македония след освободителната война 1877–1878. Т. 1. 1878–1885. Књ. 1. София, 1969. С. 751; Българското население в Македония в борба за създаване на Екзархията. София, 1971. С. 95. и др. За суюю плодovitую и исключительную научную деятельность был избран академиком БАН.

участии Константинопольского и Александрийского патриархов и Албанской православной церкви. Представители только что возобновленной Святотриентовской охридской архиепископии, т.е. Македонской православной церкви, не были приглашены на конференцию.

Принимающей стороной на этой всеправославной конференции был Его Святейшество патриарх Московский и всея Руси Алексий I (1945–1970)⁶. От его лица в аэропорту «Шереметьево» 25 мая 1968 г. гостей встречала церковная делегация в следующем составе: Его Высокопреосвященство митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, Его Высокопреосвященство митрополит Киевский и Галицкий Филарет, Его Высокопреосвященство митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен, Его Высокопреосвященство митрополит Таллинский и Эстонский Алексей, Его Высокопреосвященство архиепископ Херсонский и Одесский Сергей, архимандрит Филарет и помощник председателя Совета по делам религий в СССР П.В. Макарец.

Поскольку в Москве собралось значительное количество предстоятелей церквей вместе с церковными делегациями, это был прекрасный шанс актуализировать и, если возможно, решить вопрос об автокефалии возобновленной Святотриентовской Охридской архиепископии в качестве Македонской православной Церкви. В настоящей статье описываются попытки легализации МПЦ на Московской всеправославной конференции.

Подготовка признания автокефалии Македонской православной церкви

Как можно понять из вступительных замечок, на юбилейной всеправославной конференции в Москве не присутствовали представители МПЦ, которая за год до того, через 200 лет после неканонической ликвидации Охридской архиепископии, провозгласила себя автокефальной

⁶ Сергей Владимирович Симанский (1877–1970), родился в Москве, председатель РПЦ с 1945 по 1970 гг. Еще на втором году обучения в Духовной академии принял монашество под именем Алексия. После окончания академии работал инспектором в Московской и Тульской семинариях. Благодаря патриарху Антиохийскому Григорию был назначен митрополитом Новгородским и Петроградским (Ленинградским). После смерти патриарха Сергия (1944) занял пост патриаршего местоблюстителя, а затем был избран патриархом Московским и всея Руси (1945). Скончался 21 апреля 1970 г. Похоронен в Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры.

православной поместной церковью. Перед этим на Втором церковно-народном соборе в Охриде (1958) была возобновлена Святотриентовская Охридская архиепископия в качестве Македонской православной церкви. САС СПЦ признала самостоятельность Македонской православной церкви и согласилась с решениями Второго церковно-народного собора в Охриде⁷.

Сербский патриарх Герман в окружении македонских архиереев – архиепископа Досифея и митрополитов Климента, Мефодия и Наума

Помимо этого так сильно ожидаемого и важного решения о признании самостоятельности МПЦ, вынесенного САС СПЦ, автокефалия МПЦ также получила особое подтверждение посредством совместного архиерейского служения литургии Его Святейшеством патриархом Сербским Германом с собором архиереев, иереев и митрополитом Скопским Досифеем⁸ с частью македонского духовенства 19 июля 1959 г.

⁷ Это указано в Решении САС СПЦ № 47 от 1958 г. и № 6 от 1959 г., зап. 57 от 17/4 июля 1959 г. (См. подробнее: Автокефалноста на Македонската православна црква – Документи / Приредил: проф. д-р. Цане Мојаноски. VIII–IX. Скопје, 2004. С. 43–52, 124–126.)

⁸ Обновитель Святотриентовской Охридской архиепископии в виде Македонской православной Церкви, покойный архиепископ Досифей (Димитр Стойковски, родившийся в Маврово в 1906 г.), был возведен на престол архиепископа Охридского и Македонского

в церкви св. Мины в Скопье. Во время этой службы был рукоположен епископ Преспанско-Битольский Климент⁹. Это был всё равно что широкий жест доброй воли и готовности по отношению к МПЦ со стороны сербского патриарха и СПЦ.

Среди прочего этим актом САС СПЦ дал согласие на самостоятельность МПЦ с тем условием, что последняя и дальше будет оставаться в каноническом единстве с СПЦ во главе с ее патриархом Его Святейшеством Германом. Патриарх Герман рассматривался в качестве будущего администратора трех епархий в вардарской части Македонии, но с тем условием, чтобы время его управления продолжалось не дольше двух заседаний САС СПЦ, а в этот временной период он носил персональный титул патриарха Сербского и Македонского. Всего лишь неделю спустя в церкви св. Николы в Штипе был рукоположен Злетовско-Струмицкий епископ Наум. Таким образом, складывался САС МПЦ.

22 мая 1962 г. патриарх Сербский и Македонский Герман¹⁰ с несколькими архиереями и иереями и Его Святейшество патриарх Московский и всея Руси Алексий с делегацией¹¹ прибыли с визитом в Македонию. Делегации РПЦ, СПЦ и председатель МПЦ архиепископ Охридский и Македонский Досифей¹² отслужили божественную литургию

и митрополита Скопского 5 октября 1958 г. До самой смерти (20 мая 1981 г.), в течение 23 лет он успешно управлял МПЦ.

⁹ Никола Трайковски, родился в Битоле 3 августа 1912 г., принял монашество под именем Климента. Был рукоположен в епископа Преспанско-Битольского 19 июня 1979 г., возведен в сан митрополита в 1967 г. Скончался 2 января 1979 г.

¹⁰ Вместе с Его Святейшеством патриархом Сербским и Македонским Германом прибыли: Его Высокопреосвященство митрополит Загребский Дамаскин, Его Преосвященство епископ Банатский Виссарион, председатель союза обществ православных священников ФНРЮ ставрофорный протоиерей Милан Смилянич, протодиакон Бранко Петрович, диакон Марко Илич и др. С делегацией прибыл также секретарь Союзной комиссии по делам религии Милое Дипларич.

¹¹ С патриархом Русской Православной Церкви прибыли следующие высокие гости: Его Высокопреосвященство архиепископ Ярославский и Ростовский Никодим, Его Высокопреосвященство епископ Винницкий Иоасаф, инспектор Московской духовной академии и семинарии Его Высокопреподобие архимандрит Питирим, доцент Московской духовной академии протоиерей Алексей Остапов, иеромонах Платон, протодиакон Владимир Прокиманов, Д.А. Остапов (заместитель начальника хозяйственного управления Московской Патриархии), Борис Сергеевич Кудинкин (член Отдела внешних церковных связей МП), д-р Анатолий Васильевич Алексиев (врач) и переводчик Александр Данилович Романенко.

¹² Архиепископа Досифея сопровождали Его Преосвященство епископ Преспанско-Битольский Климент, Его Преосвященство епископ Злетовско-Струмицкий Наум, председатель

в церкви пресв. Богородицы в Каменско (Охрид) в день памяти свв. Кирилла и Мефодия 24 мая 1962 г.¹³

Патриарх московский Алексей и патриарх сербский Герман на совместном богослужении с македонским архиепископом Досифеем (в середине)

Это совместное богослужение для некоторых канонистов представляет настоящее признание автокефалии МПЦ, которая титанически боролась за то, чтобы доказать свой автокефальный статус перед всей

общества православных священников НР Македонии ставрофорный протоиерей Климент Малевски и большое количество протоиереев, священников и протодиаконов. Во встрече участвовали также член Исполнительного комитета НР Македонии и председатель Республиканской комиссии по делам религии Мито Мицайков, секретарь Республиканской комиссии по делам религии Доне Илиевски, председатель народного собрания общины Охрид Никола Горичан и другие.

¹³ См. подробнее: Протојереј-ставрофор Нестор Попоски. Патријархот Московски и на цела Русија Господин Алексеј ја посети Македонската православна црква // МПЦ, IV/3. Скопје, 1962. С. 55–77; *Кицуроски А.* По повод големата Педесетгодишнина – Руската православна црква 1917–1967 година // МПЦ, X/2. Скопје, 1968. С. 48–56 и X/3. Скопје, 1968. С. 95–101; *Белчовски Ј., проф.* Патријархот Алексеј и неговиот наследник Пимен // МПЦ, XIII/2. Скопје, 1971. С. 85–91.

православной ойкумены. Вообще, в период с 1959 г., когда САС СПЦ признал самостоятельность Македонской православной церкви, и по 1962 г. патриарх Сербский и Македонский Герман со своими наиболее приближенными помощниками отслужил несколько богослужений в сослужении с архиепископом Охридским и Македонским Досифеем и македонским священством (19.07.1959, 22–24.05.1962). Встреча и совместные богослужения (22–24.05.1962) предстоятелей РПЦ, СПЦ и МПЦ с избранными архиереями и священниками представляют собой автокефалистический православный канонический элемент, являющийся элементом автокефалии, если опираться на православный канон. В то же время, после обращения со стороны Вселенского патриарха и главы Элладской православной церкви к патриарху Сербской православной церкви, продолжавшиеся до того времени автокефалистическое сотрудничество, совместное богослужение и взаимная христианская любовь начали сходить на нет, и начались постепенное отдаление, стагнация, к которой подтолкнули и растущая нетерпимость и охлаждение сербско-македонских церковных отношений.

Несмотря на это, образ Святоклиментовской Охридской архиепископии, которая в 1958 г. получила форму Македонской православной церкви, а 18 июля 1967 г. провозгласила свою автокефалию, незримо присутствовал среди представителей православной ойкумены на Московском всеправославном юбилейном торжестве. Другими словами, провозглашение автокефалии МПЦ менее чем за год до Московской конференции заставило заинтересованную часть представителей православной ойкумены заниматься, среди прочего, и нерешенным до сих пор македонским церковным вопросом. В этом смысле мы попытаемся показать содержание части разговоров отдельных предстоятелей или представителей поместных церквей, которые, кто в большей, а кто и в меньшей степени, высказывались по вопросу легализации самостоятельной МПЦ.

Инициатором обсуждения этой исключительно важной для македонской церковной истории проблематики был болгарский патриарх Кирилл. Из источников видно, что он всегда имел особое отношение к историческому прошлому Македонии и Македонской церкви. Из большого количества его публикаций, статей, а в особенности из его дневника¹⁴ видно,

¹⁴ Десять лет назад мы нашли в Центральном государственном архиве в Софии (ЦДА-С, Фонд № 1318. Опись 1, а.е. 5, л. 1–160) дневник патриарха Кирилла и другие аутентичные документы, напрямую связанные с исследуемой проблематикой.

что он признавал существование македонского национального самосознания, македонского языка и Македонской церкви. С тех пор, как он был возведен на кафедру Пловдивской митрополии, а затем стал патриархом БПЦ, он много раз встречался с представителями болгарской и, прежде всего, македонской интеллигенции, в основном с теми, кто находился в Болгарии, интересовался и занимался среди прочего и историей Македонии и македонским вопросом. С ними он обменивался отдельными идеями, мыслями и мнениями в связи с Македонией, македонским языком и македонским вопросом (политическим и в особенности церковным). Так, на встрече с выходцем из Ресена Симеоном Радевым (1879–1967) 31 декабря 1958 г. он заявил в связи с восточным вопросом, Россией и македонским вопросом в XIX веке: «Ошибкой было бы, если бы Россия сводила восточный вопрос только к болгарскому. Игнатъев помогал повстанческому движению в Сербии, Болгарии и Греции. Точно известно, что греческое повстанческое движение 60-х – 70-х гг. находилось под влиянием российской дипломатии: российских дипломатических представителей в Афинах и консулов в других городах Эпира, Фессалии и Македонии. Для России решение восточного вопроса¹⁵ не было легкой задачей, которую можно было бы решить в любой момент без предварительной подготовки со стороны самих балканских народов. Он мог бы разрешиться, когда интересы всех балканских народов были бы удовлетворены до известной меры»¹⁶.

По вопросу, непосредственно связанному с историей Македонии и МПЦ, патриарх вел особенно плодотворные дискуссии с охридцем,

¹⁵ В этом контексте патриарх Кирилл осуждал экспансионистскую и одностороннюю российскую политику в отношении Македонии и македонского вопроса, особенно политику, которую проводил российский дипломат граф Игнатъев. По мнению человека, который подготовил создание княжества Болгарии и Болгарского Экзархата, Игнатъев не был в состоянии и не хотел решить македонский вопрос, что лучше всего видно по его Сан-Стефанскому проекту. В этом смысле в своем дневнике патриарх Кирилл пришел к заключению: «Даже если бы Россия хотела, она не смогла бы решить восточный вопрос», то есть и македонский вопрос, «потому что Игнатъев в своей дипломатической деятельности исходил из интересов России, а не из интересов удовлетворительного разрешения восточного вопроса», что лучше всего видно из пересмотра Сан-Стефанского предварительного договора, осуществленного на Берлинском конгрессе 13 июня – 13 июля 1878 г. (см.: ЦДА-С. Ф. 1318. Оп. 1. А.е. 5. Л. 59).

¹⁶ ЦДА-С. Ф. 1318. Оп. 1. А.е. 5. Л. 160.

проф. д-ром Иваном Снегаровым (1883–1971)¹⁷, академиком Михаилом Арнаутовым (1878–1978), чьи родители были родом из Македонии, битьцем Димитром Ризовым (1862–1918)¹⁸, с В. Белевым, «родственником покойного митрополита Феодосия Скопского»¹⁹ и другими. У последнего патриарх Кирилл пытался узнать сведения о митрополите Скопском Феодосии Гологанове, о его внуке Иване Илиеве-Гологанове (1839–1895)²⁰ и других. За пределами Болгарии он общался с Тодором и Любкой Трыпковыми из Скопье²¹, протоиереем Владимиром Поповским из Охрида, жившим в г. Ньюкасл в Австралии, Владимиром Н. Христовым (также из Охрида), Иваном Попивановым, Ацо Петровичем, Кочо Бошковичем (все трое из Скопье)²² и другими.

И всё же наиболее интересными и богатыми были связи и переписка патриарха Кирилла с доктором Славко Димевским (1920–1994), который во время нескольких посещений Болгарии был и его личным гостем. В период с 1964 г. по 1966 г. патриарх Кирилл и С. Димевский обменялись

¹⁷ ЦДА-С. Ф. 1318. Оп. 1. А.е. 1366. Л. 2–10.

¹⁸ Там же. А.е. 1859. Л. 1–2.

¹⁹ Васил Гологанов (1848–1920) из неврокопского села Търлис принял монашество под именем Феодосия, непродолжительное время был экзархийским митрополитом в Скопской епархии.

²⁰ Родился в том же селе, учитель в сярском монастыре св. Иоанна Предтечи, автор тайнственного по содержанию труда «Веда Словена».

²¹ Они жили в Скопье на ул. Воденской, № 70. У них были многолетние личные связи и корреспонденция с патриархом Кириллом. Эти связи начались в 1922 г., когда Константин Константинов два месяца жил в Скопье. Близкие связи и контакты давали им возможность посещать патриарха (в основном в Софии). Они передавали ему необходимую литературу, в особенности новые историографические публикации. Речь идет в основном об изданиях ИНИ 60-х гг. XIX в. («Историята на Македонската православна црква и Митрополитот скопски Теодосиј» С. Димевскогo, «Словенската писменост» Б. Конеского; «Гласникот на ИНИ» и статьи, которые входили в него: «Разловечкото востание...» проф. Л. Лапе, скорее всего «За македонските работи» К. Мисиркова, трехтомная история Македонии Д. Зографского – подарок архиепископа Досифея, «Балканските социјалисти и македонското прашање» О. Иваноского, «Извештаи од 1903–1906 г. на австриските претставници во Македонија» Д. Зографского и др.). Эти работы патриарх оценивал как научно аргументированные и достоверные. Именно семья Трыпковых из Скопье в основном снабжала патриарха македонскими газетами, граммофонными пластинками (он любил слушать македонские песни), рекламными проспектами (особенное впечатление на него произвела реклама Охрида, который он хотел посетить). Через семью Трыпковых патриарх искал возможность вступить в контакт с д-ром Славко Димевским.

Остальные пожелания патриарха Кирилла, которые не могли исполнить Трыпковы, выполнял протодиакон д-р Васил Велинов, чьи предки были из Охрида, а также его личный доктор, который часто ездил в Скопье и вообще в Македонию.

²² ЦДА-С. Ф. 1318. Оп. 1. А.е. 1261. Л. 1; А.е. 1318. Л. 31–141.

большим количеством интересных мнений, комментариев, а также помогали друг другу, особенно в области науки. Здесь особенную роль сыграл богатый опыт посещений ватиканских архивов Димевским и обмен комментариями по поводу римско-католической пропаганды в Болгарии и Македонии²³.

Патриарх Кирилл установил переписку, в этот раз с помощью С. Димевского, с македонским церковным руководством того времени: архиепископом Охридским и Македонским и митрополитом Скопским Досифеем²⁴, епископом Пелагонийско-Битольским Климентом²⁵, епископом Злетовско-Струмицким Наумом, с тогдашним митрополитом Американско-Канадско-Австралийским Кириллом²⁶, ставрофорным протоиреем Мефодием Гоговым²⁷ и другими.

Непосредственно перед выездом в Москву, 2 мая 1968 г. патриарх Кирилл встретился в Софии с протоиреем МПЦ Стойчо Петровым из Штипа, секретарем Злетовско-Струмицкого митрополита Наума. По случаю встречи протоиерей Стойчо передал патриарху слова приветствия и дары от митрополита Наума. Наиважнейшей была переданная протоиреем Стойчо патриарху информация об исключительно неустойчивом статусе автокефалии и неблагоприятной обстановке в тот момент в рядах МПЦ. Именно после частичного сотрудничества СПЦ и патриарха Германа с представителями МПЦ с 1958 до 1962 гг. и сердечной братской встречи делегаций СПЦ и МПЦ с РПЦ во главе с патриархом Алексием в Охриде Вселенский патриарх Афинагор (1948–1972), напуганный положением дел в Македонии и в рядах МПЦ, высказал укор

²³ Там же. Ф. 1318. Оп. 1. А.е. 450. Л. 1–22. – Часть этой корреспонденции, которую мы нашли в упомянутом архиве в Софии в виде ксерокопий, а также в личном архиве д-ра Славко Димевского в виде рукописных оригиналов, опубликована в сборнике Живото и делото на д-р Славко Димевски 1920–1994. / Под ред. на Трајановски Александар. Скопје, 2007. С. 349–447.

²⁴ ЦДА-С. Ф. 1318. Оп. 1. А.е. 492. Л. 1–11.

²⁵ Там же. А.е. 450. Л. 1–22.

²⁶ Там же. А.е. 713. Л. 1–2.

²⁷ Там же. А.е. 2675. Л. 1–3. – Методи Гогов (Штип, 20.05.1912 – Скопје, 6.7.1999), известный македонский священник, бескомпромиссный борец за автокефальность Македонской православной церкви. (см. Трајановски А. Црковно-народниот собор во Скопје од март 1945 година и ангажирањето на свештеникот Методи Гогов // Историја, XXXI–XXXII/ 1–4. Скопје, 1995–1996. С. 41–59). Закончил семинарию в Битоле и богословский факультет в Белграде. В старости стал митрополитом Повардарским (1989). После смерти архиепископа Гавриила стал архиепископом Охридским и Македонским и митрополитом Скопским 21 декабря 1993 г. С тех пор и до своей смерти успешно руководил МПЦ.

патриарху Герману по поводу его доброго жеста в сторону признания автокефалии МПЦ. Испугавшись этого и реакции части консервативных сербских епископов, которые в то время начали занимать негативную позицию по отношению к македонскому церковному вопросу, патриарх Герман начал отходить от своего первоначального мнения в пользу македонской автокефалии. Протоиерей Стойчо Петров устно проинформировал болгарского патриарха Кирилла о том, что ожидается негативный церковно-дисциплинарный процесс со стороны сербского патриарха Германа и части консервативных епископов СПЦ с целью избежать получения МПЦ автокефалии.

Попытки признания автокефалии Македонской православной церкви на Московской всеправославной конференции

Приняв во внимание эти и другие соображения о негативном отношении СПЦ и патриарха Германа к МПЦ, вскоре после этого болгарский патриарх Кирилл и болгарская церковная делегация отправились на Московскую всеправославную конференцию. Еще до того, как отправиться в дорогу, патриарх Кирилл выработал определенную концепцию того, как актуализировать неясный и до конца не решенный, а в тот момент еще и замороженный македонский церковный вопрос. Решив помочь МПЦ, в Москве патриарх немедленно вступил в контакт со многими присутствующими компетентными лицами и предстоятелями православной ойкумены, которые, по всей вероятности, могли оказать помощь в разрешении македонского церковного спора.

Переговоры о легализации автокефалии МПЦ болгарский патриарх Кирилл начал сразу после прибытия в Москву, но не на официальных встречах, а во время перерывов и отдыха. Прежде всего болгарский патриарх переговорил с сербским патриархом Германом²⁸, самым компетентным лицом в связи с признанием автокефалии МПЦ. 26 мая 1968 г. наиболее обсуждаемой темой стала встреча Германа и его неудавшийся диалог с премьер-министром Югославии Микой Шпиляком. В связи с этим патриарх Герман сообщил болгарскому патриарху, что югославский премьер негативно отозвался о легализации автокефального статуса МПЦ. На это патриарх Кирилл упрекнул Германа: «Как можно предположить, Шпиляк, по-видимому, ответит Вам, что правительство не

²⁸ В присутствии новисадского епископа Никанора и славонского епископа Эмилия.

вмешивается в церковные вопросы и, следовательно, обе стороны²⁹ имеют право на свободу действия». Патриарх Кирилл также указал Герману, что в результате нерешенных до конца и уже замороженных «непостоянных сербско-македонских церковных отношений» может возникнуть следующая проблема: «Как бы всё это не вызвало распространение униатства в Македонии». Помимо этого, болгарский патриарх в пику патриарху Герману упомянул нерешенный черногорский церковный вопрос.

28 мая 1968 г., утром с 9.45 до 10.45 и вечером с 19.15 по московскому времени болгарский патриарх встречался и разговаривал с патриархом Румынским Юстинианом. В связи с легализацией автокефалии МПЦ патриарх Юстиниан ответил ему: «Священный синод Румынской церкви всё еще не высказался об автокефалии Македонской церкви». При этом патриарх Юстиниан сказал, что «готов посоветовать македонцам отказаться от автокефалии и довольствоваться полученной автономией». На вопрос болгарского патриарха, не заинтересована ли Румынская православная церковь в «решении вопроса о румынских церковных общинах в Македонии, как это было в прошлом», патриарх Юстиниан ответил утвердительно. Кроме того, румынский патриарх сообщил болгарскому патриарху Кириллу, что за 3 месяца до этого он отправил из Бухареста в Македонию священника, родом из Битола, чтобы он собрал данные о положении валашского населения. Он должен был вернуться в Бухарест 1 июля 1968 г. Кроме того, румынский патриарх проинформировал болгарского патриарха, что Румынская православная Церковь обратилась к Элладской православной церкви по вопросу о «положении румынской церкви в греческой части Македонии³⁰, Фессалии и Эпире». В переговорах между болгарским и румынским патриархами по отношению к легализации автокефалии МПЦ они оба «заключили, что этот вопрос скорее политический», чем церковный.

Самые результативные, плодотворные и подробные разговоры о легализации (полном признании) автокефалии МПЦ были проведены между болгарским патриархом Кириллом и сербским патриархом Германом 21 мая 1968 г. в Москве. В связи с этим в своем дневнике патриарх Кирилл заметил: «Этим вечером у меня был продолжительный разговор с сербским патриархом Германом по его просьбе. Второй вопрос, который

²⁹ Имеется в виду руководство СПЦ и МПЦ.

³⁰ Речь идет об эгейской части Македонии, 50,56% территории этнографической Македонии, которая согласно Бухарестскому мирному договору была передана Греции.

Москва, неделя, 26 май 1968 г.

От 9 до 10 часа вечерта бях при Сръбския Патриарх Герман. Водихме разговор в присъствието на Новосадския епископ Никанор и на Славонския епископ Емилиян. Стана дума за срещата на Патриарха със югославянския Министър-Председател Мика Шпиляк. Той ми каза, че е имал с него и други разговори. На моя въпрос, дали са разговаряли за Македонската църква, отговори утвърдително. Казах следното:

» Както може да се предполага, Шпиляк ще да Ви е отговорил, че правителството не се намесва в църковни въпроси и следователно двете страни имат право на свободно действие?

Патриарх Герман отговори утвърдително.

Стана дума дали от новите отношения между югославянското правителство и Ватикан са създадени някакви неизгоди за Православната църква в Югославия. Отговори, че това все пак означава известно затвърдяване на католицизма в Югославия.

Запитах, дали католическата пропаганда не се е опитала да се възползува от сръбско-македонските нередовни църковни отношения? Отговори, че католическият печат в Югославия в началото много благоприятно се отнасял към македонската акция, но сега вече е престанал откак Патриархът е приел представител на Ватикан в Белград.

Католическата църква в Македония има слаба опора в Скопие и в Нови Пазар. Униатството в Македония все още представлявало проблем.

Според убеждението на Патриарх Герман, целта на Ватикан е да привлече православните църкви в уния. Такав е смисълът на всичките им ходове.

Положението на Православната църква в Черна гора не е съвсем добро поради недостатъчно свещеници. Причините за това са по-скоро от икономически характер.

Сега Сръбската църква има четири семинарии.

Факсимиле дневника болгарского патриарха Кирилла

мы подробно обсуждали, относился к **македонской церковной автокефалии**. Несмотря на то, что на эту тему мы говорили несколько дней назад, мой любезный собрат вновь вернулся к этой теме». Прежде всего патриарх Герман очень неместно высказался «о македонских епископах – Досифее, митрополите Скопском, провозглашенном македонским архиепископом-главой автокефальной Церкви», затем о епископе Злетовско-Струмицком Науме, о епископе Кирилле³¹ и о епископе Мефодии³².

В ответ на это недостойное председателя автокефальной церкви поведение и отношение болгарский предстоятель упрекнул сербского патриарха: «Почему в 1965 г., когда ты прибыл в Софию, ты привез с собой Скопского митрополита Досифея, хотя перед этим я просил тебя этого не делать, и почему ты нигде не представил его в качестве македонского митрополита и не хотел подписаться как патриарх Сербский и Македонский»³³? Патриарх Герман оправдывался, что единственный раз, когда он подписался как патриарх Сербский и Македонский, он сделал это, чтобы сделать приятное присутствовавшему архиепископу Охридскому и Македонскому и митрополиту Скопскому Досифею. На это болгарский патриарх Кирилл язвительно заметил сербскому патриарху: «Этот политический поступок для нас не может иметь никакого значения, потому что, согласно уставу СПЦ, сербский патриарх не называется также и македонским».

В ответ на эту брошенную перчатку патриарх Герман наконец-то проговорился и, не контролируя себя, можно сказать, в состоянии аффекта, сказал, что он считает, что «нет никакой македонской нации и никакого македонского языка»³⁴ и что **данная церковная автокефалия**

³¹ Никола Поповски, родился 26 июня 1934 г. в Царев-Дворе, Преспанско; после принятия монашества поставлен епископом Тивериопольским (12.07.1967), затем митрополитом Американско-Канадско-Австралийским (17.07.1967), а затем наконец митрополитом Пологско-Кумановским (10.1.1969).

³² Мефодий (Георги Попоски) род. в Прилепе 25 марта 1914 г., стал епископом Величским (24.12.1967), а затем митрополитом епархии Дебарско-Кичевской.

³³ И всё же в своем дневнике патриарх Кирилл отметил, что во время визита делегации СРЦ в Софию в 1965 г., в состав которой был вынужден войти и архиепископ Охридский и Македонский и митрополит Скопский Досифей, один раз в официальном документе патриарх сербский Герман подписался и как «патриарх Сербский и Македонский».

³⁴ Чем сам себя загнал в тупик: по его же собственному высказыванию, 24 мая 1962 г. в Охриде во время беседы за ужином, на котором присутствовали председатель МПЦ архиепископ Досифей и македонское церковное и государственное руководство, «сейчас я вижу, что мы ошибались, потому что то, что произошло, должно было случиться

объявлена для того, чтобы македонцы подтвердили свой статус отдельной национальности». Если это так, продолжил раззадоривать его болгарский патриарх Кирилл, тогда «как объяснить, что когда председатель Югославии Иосип Броз Тито после объявления македонской церковной автокефалии прибыл в Македонию, новопровозглашенный македонский архиепископ Досифей даже наградил его орденом?» На это патриарх Герман ответил: «Я должен был снести это: кто терпит, тот спасется».

Разговор продолжился в еще более жестком тоне, когда болгарский патриарх спросил патриарха Германа: «Как ты оцениваешь письмо Вселенского патриарха Афинагора, в котором осуждается македонская церковная автокефалия и вовсе не упоминается название Македонии, а речь идет о «Южной Югославии»?» «Если это так, – опять язвительно спросил Германа Кирилл, – не считает ли Его Святейшество патриарх Герман, что это вовсе не услуга Сербской Церкви, а только усложнение вопроса». На это патриарх Герман ответил утвердительно: «Это верно. Этим письмом, обращенным к нам, Вселенский патриарх только создал нам трудности».

Чтобы решить вопрос до конца, патриарх Кирилл объяснил патриарху Герману: «Если Македония – Южная Югославия, мог бы кто-нибудь позволить себе назвать Сербию Восточной Югославией, а Хорватию и Словению Западной Югославией? Признал бы тогда патриотичный сербский народ потерю своей национальности и сербского имени?» На это патриарх Герман ответил: «Вот в этом и состоит неприятность, которую нам создал Вселенский патриарх. Мы – мы остаемся сербами».

Затем обсуждения затронули другую, также интересную, хотя и прокатившую тему. В этот раз по вопросу о (не)признании автокефального статуса МПЦ высказался патриарх Элладской православной церкви Иероним I (1967–1973). Чтобы сохранить аутентичность источника, переведем его дословно: «Первой церковью, которая ответила на письмо Белградской патриархии о македонском церковном вопросе, была Элладская. Это мнение автокефальной церкви, и следовало бы считать, что это каноническое объяснение. Хотя известна и другая сторона дела: существование Республики Македонии не по вкусу известной части греческого народа, а особенно сегодняшним государственным руководителям Греции». Не

давно. Желая всего самого лучшего Вашему Блаженству, я приветствую Вас и желаю Вам вести православный македонский народ по пути вечного спасения. Ваш успех – это успех всего православия НР Македонии».

обязан ли своей быстротой ответ афинского архиепископа Иеронима Белградской патриархии *некоторым политическим причинам*? Если принять это во внимание, нельзя говорить только о чисто канонических соображениях Афинского синода. В то же время, как бы то ни было, никто не мог бы сказать афинскому архиепископу Иерониму, что не бесспорно, что Афинский синод не руководствовался и политическими соображениями. Здесь имеется в виду и другой факт: тот же самый афинский архиепископ Иероним назначил греческого митрополита начальником военного духовенства и дал ему титул Пелагонийский, то есть Битольский. Нет сомнений в том, что здесь имеет место *провокация*. Не только я понимаю этот факт, но и вселенский патриарх Афинагор понял это. Он сделал Иерониму замечание, что войсковому (армейскому) митрополиту был дан титул Пелагонийский: как он пишет в своем письме архиепископу, еще 50 лет назад «Мы (т.е. Вселенская патриархия) дали согласие на то, чтобы Пелагонийская епархия была присоединена к Сербской православной церкви».

На этот длинный диалог и цитату патриарху Кириллу сербский предстоятель Герман ответил утвердительно: ему известен этот поступок греческого архиепископа Иеронима, и «для нас ценно то, что мы можем исходить из ситуации, когда *некоторые церкви имеют неканонический подход к вопросу*, который нас волнует».

В конце концов жесткие переговоры между двумя собратями – патриархами Болгарской и Сербской православных церквей – закончились миролюбиво, в духе христианской любви, терпимости и с некоторыми выводами о том, как им дальше относиться к этому вопросу. В этом смысле патриарх Кирилл, прося сербского патриарха Германа об известной толерантности и терпимости, закончил разговор ключевым утверждением: «А что касается **македонского вопроса (политического и церковного)**, будем относиться к нему с уважением, потому что мы знаем, что **он имеет и неоспоримые исторические корни**»³⁵ и традиции, а именно следующие два ключевые фактора: 1) существование македонской государственности; 2) восьмивековая история Охридской архиепископии, возобновленной в лице Македонской православной церкви по поводу 200-летия ее незаконной ликвидации, меньше чем за год до московского всеправославного торжества и конференции.

³⁵ Больше всего источников и цитат в докладе взято из дневника болгарского патриарха Кирилла (см.: ЦДА-С. Ф. 1318. Оп. 1. А.е. 5. Л. 1–160).

Заключение

В первой части сообщения представлены причины, по которым состоялась Московская всеправославная конференция 25 мая – 7 июня 1968 г.

Вторая часть посвящена рассмотрению подготовки к признанию Македонской православной церкви автокефальной. Сообщается, что 4 октября 1958 г. на Втором церковно-народном соборе в Охриде в присутствии 219 делегатов была восстановлена основанная Святым Климентом Охридская архиепископия в лице Македонской православной церкви. От имени участников собора в Охриде новоизбранный архиепископ Охридский и первый митрополит Македонский Досифей письменно известил сербского патриарха Германа, что Вторым церковно-народным собором в Охриде вынесено решение о том, что тот (сербский патриарх) избран владыкой МПЦ, хотя и временно, то есть до созыва нового собора, и назван патриархом Сербским и Македонским. Было отмечено также, что МПЦ тем самым остается в каноническом единстве с СПЦ. После этого сербский патриарх Герман поставил в известность СПЦ и ее руководство, которое впервые после 1945 г. вынесло позитивное решение в отношении македонского церковного вопроса. А именно, на июньском заседании было принято решение, что «Скопская, Охридско-Битольская и Злетовско-Струмицкая епархии ...**выделились в самостоятельную Македонскую православную церковь**, которая управляется согласно Уставу, принятому на Соборе»; что принимаются решения Второго македонского церковно-народного собора в Охриде и что в дальнейшем **постановления устава СПЦ о епархиях на территории Народной Республики Македонии перестают действовать**.

Фактически, этим дается **каноническое освобождение македонским епархиям** в вардарской части Македонии, а МПЦ становится **самостоятельной церковной организацией** во главе со своим предстоятелем, управляемой своим собственным Уставом.

Третья часть сообщения посвящена Московской всеправославной конференции и тем действиям, которые были предприняты в связи с легализацией МПЦ как автокефальной церкви македонского народа. В этом смысле конференция явилась значимой для македонской историографии, поскольку часть предстоятелей и представителей

православного сообщества прямо или косвенно актуализировали вопрос о легализации автокефальности МПЦ. Разговоры и дискуссии в связи с этим велись вне официальной программы, обычно в часы отдыха или прогулок. Главным идейным инициатором обсуждения этих вопросов был болгарский патриарх Кирилл.

Конференция была организована в связи с 50-летием возобновления патриаршества в Русской Православной Церкви (1917–1967) и после более чем двухсотлетней стагнации. А это случайно совпало с возобновлением автокефальности Охридской архиепископии как православной церкви, основанной святым Климентом Охридским. В этой части доклада подробно освещаются события, связанные с тем, как Святоклиментовская Охридская архиепископия в 1958 г. трансформировалась в МПЦ, а в 1967 г. провозгласила автокефальность.

Далее обращается внимание на активность патриарха Болгарского Кирилла, который неоднократно выступал, дискутировал, вел полемику с другими представителями православных поместных церквей в связи с легализацией МПЦ. В первую очередь это касается встреч и дискуссий с патриархом Сербским Германом и патриархом Румынским Юстинианом, а также опосредованной полемики со Вселенским (Константинопольским) патриархом Афинагором и архиепископом Афинским Иеронимом. В разговорах болгарский патриарх Кирилл использовал разработанную систему аргументации, чтобы легче убедить своих православных собратьев, что Охридская архиепископия, то есть канонически наследующая ей МПЦ, **«имела глубокие и исторически неопровержимые корни, традиции, церковно-историческое прошлое»**, так что согласно принципу поместности православных церквей этот самый значительный фактор нужно было принять во внимание и в отношении к македонскому народу, и в отношении к Македонской православной церкви. На части территории Македонии и сопредельных государств когда-то была основана и действовала Охридская архиепископия (во времена средневекового государства царя Самуила (967–1918)), а после Второй мировой войны в вардарской части Македонии было создано государственное образование (НР Македония в составе ФНР Югославии после первого заседания АСНОМ 2 августа 1944 г.). Этот второй важный фактор, согласно принципу поместности православных церквей, снова давал македонскому народу право возобновить свою церковную автокефальность.

В связи с дискуссиями, которые вел болгарский патриарх Кирилл со своими собеседниками по поводу легализации автокефальности МПЦ, стало ясно, что вопрос церковного характера принял отнюдь не церковное, а скорее политическое направление. Согласно все тому же принципу поместности и в связи с отрицанием македонской национальной идентичности со стороны руководителей Константинопольской, Элладской и Сербской православных церквей, обнаружились основные причины того, что автокефальность МПЦ не принималась и не принимается до сих пор, и даже само название Македония не может быть использовано. В связи с этим Константинопольская и Элладская православные церкви назвали вардарскую часть Македонии Южной Югославией.

Невзирая на эти политические препятствия, на московском всеправославном юбилейном торжестве заметно актуализировался вопрос о легализации и признании автокефальности МПЦ. Согласно основным источникам, которыми являются дневник и документы патриарха Кирилла, видно, что между позициями отдельных владык существовали прежде всего политические, а не канонические противоречия, существенно тормозившие процесс и не дававшие сделать решающий шаг. Отрицание македонского национального самосознания и македонского языка как славянского языка македонского народа было свойственно отдельным участникам дискуссии и стало главной причиной того, что автокефальность МПЦ не была провозглашена.

Все же несомненно, что Московская всеправославная конференция была очень значима для македонской церковно-национальной истории. Поставленный на повестку дня, хотя и не решенный, македонский церковный вопрос, ведущий к принятию самостоятельности МПЦ, стал более актуальным. Мы считаем, что эта последняя фаза имеет уже довольно зрелый характер, и ожидаем, что долгожданный шаг будет сделан, что приведет к возможному принятию автокефальности МПЦ и ее равноправному включению в союз сестринских православных поместных церквей.

Мы надеемся, что окончательная легализация самостоятельности МПЦ станет красивым жестом в самом начале третьего тысячелетия. Македония – это первая библейская земля на европейском континенте, где после четырех миссионерских путешествий святого апостола Павла в результате его деяний и деятельности его сподвижников и последователей

были основаны первые церковно-религиозные христианские общины и церкви (Филиппийская, Солунская, Берская), первые христианские сообщества на территории Балканского полуострова и вообще Европы. Позже в более благоприятных условиях в Македонии была основана и успешно просуществовала почти восемь веков Охридская автокефальная церковь, а с 1944 г. было провозглашено македонское государство в составе СФР Югославии. В связи со всем этим было бы естественно ожидать, что каноническая наследница Охридской автокефальной Церкви – Святоклиментовская македонская православная церковь будет легализована в ее целостной самостоятельности с соответствующим автокефальным признанием со стороны сестринских православных поместных церквей.

Перевод М. Макарецва, М. Проскурниной

Е.Л. Валева

(Институт славяноведения РАН, Москва),

О.Н. Исаева

*(Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов)*

Македонистика в СССР: к истории политических табу

В статье рассматривается воздействие сложного комплекса политических и идеологических факторов на процесс становления и развития в Советском Союзе македонистики – сравнительно молодой ветви славяноведения.

Изучение Македонии – сердца Балкан – началось еще в конце XIX в., когда российские слависты, в русле целенаправленного изучения культуры, этнографии, языка и литературы южных и западных славян, приступили к исследованию этой сложной в этно-конфессиональном отношении территории. В то время Македония представляла собой эпицентр антиосманской борьбы и «яблоко раздора» между соседними государствами. Этот «гордиев узел» Балкан был разрублен в ходе кровопролитных региональных войн 1912–1913 гг.: область поделили между Болгарией, которой достался Пиринский край, Грецией, получившей Эгейскую Македонию, и Сербией (с 1918 г. – Королевством сербов, хорватов и словенцев), получившей Вардарскую Македонию.

Войны и революции, а также репрессии 1920–1930-х гг. крайне негативно отразились на развитии отечественной славистики, но после Второй мировой войны началось ее фактическое возрождение. Во многих университетах страны восстановили кафедры или группы по изучению южных и западных славян, в 1947 г. был образован Институт славяноведения АН СССР. Именно тогда, в связи с официальным рождением новой южнославянской нации, обретшей свою государственность в составе югославской федерации, в СССР возникла македонистика. Как и другие ответвления славистики, она начала складываться как область взаимодействия гуманитарных дисциплин, связанных с языком, историей, культурой самой молодой в ту пору славянской нации.

Возникновение македонской государственности было напрямую связано с освободительной борьбой югославских коммунистов против немецких оккупантов и их пособников. В середине 1940-х гг. они инициировали создание югославской федерации, в состав которой вошла республика Македония, образованная на территории Вардарской Македонии, составлявшей примерно треть историко-географической области. В рамках этого нового государственного образования местное славянское население впервые обрело свое национальное имя: с 1945 г. определение «македонец» стало этнонимом новой южнославянской нации, проживавшей на территории Народной (с 1963 г. – Социалистической) Республики Македония (НРМ). Македонский язык получил статус государственного, но его кодификация продолжалась еще несколько десятилетий. Власти социалистической Югославии приложили значительные усилия для завершения формирования особой македонской идентичности, она была институализирована в федеральные системы, гарантировавшие республике права, близкие к правам суверенных государств, развивались сферы образования и культуры.

Изучение в СССР всего корпуса проблем, связанных с историческим и культурным прошлым и настоящим Македонии, было сопряжено с немалыми трудностями. Не говоря уже о чрезмерной политизации и идеологизации научной жизни в СССР в целом, исследованию македонской тематики мешало то, что пресловутый македонский вопрос продолжал свое существование в качестве важнейшего фактора балканской политики, значение которого резко возрастало в период международных кризисов.

Конфликт между партийным и государственным руководством СССР и Югославии 1948–1953 гг., сопровождавшийся ожесточенными кампаниями по борьбе с «титоизмом» и «буржуазным национализмом», сделал невозможным объективное изучение в нашей стране истории славянских народов, входивших в югославскую федерацию. После восстановления в середине 1950-х гг. советско-югославских отношений развитию исследований по македонской тематике мешали непрекращающиеся споры между политиками и учеными балканских стран по основополагающему вопросу: существует или нет македонская нация. Вопросы о том, кто такие македонцы, когда появилась македонская нация, какие факторы способствовали ее возникновению, стали предметом острой дискуссии, вышедшей за рамки научного мира и охватившей политические и общественные круги стран балканского региона.

С конца 1940-х гг., когда закончилась гражданская война в Греции и разразился советско-югославский конфликт, македонская проблема перешла в плоскость обсуждения наличия прав македонского меньшинства в Болгарии и Греции. Выступления Белграда (или Скопье) в защиту прав македонцев в соседних странах вызывали у последних подозрения в посягательстве на принадлежащие им части македонских территорий. Наличие македонцев в Болгарии и Греции властями этих стран опровергалось, а македонцы, живущие в Югославии, рассматривались как нация, созданная по политическому заказу.

Следует отметить, что позиция Болгарской коммунистической партии по македонскому вопросу неоднократно и радикально менялась. В середине 1940-х гг. БКП приветствовала создание НРМ как основы для объединения других частей Македонии – Эгейской и Пиринской. Объединение задумывалось в рамках теснейшего союза между Болгарией и Югославией, первый шаг к которому был сделан в 1947 г. при подписании болгаро-югославского договора о дружбе и взаимной помощи. Советско-югославский конфликт 1948 г. прервал наметившийся сценарий развития. Тем не менее, болгарские коммунисты продолжали рассматривать македонцев как особую этническую группу на правах национального меньшинства в Болгарии с правами культурной автономии. Со второй половины 1950-х гг. в рамках новой «апрельской» линии БКП началось отрицание болгарским руководством македонцев Пиринского края как особой этнической группы, македонцы были признаны «этническими болгарамии». Македонцев, живущих в Югославии, стали рассматривать как нацию искусственную, созданную после Второй мировой войны по политическому заказу, а потому ущербную и нежизнеспособную. На позицию болгарских политиков и ученых сильно влияла национальная традиция, в силу которой большинство населения Болгарии смотрело на славянское население Македонии как на неотъемлемую часть болгарского народа.

Разногласия между руководством НРБ и СФРЮ по македонскому вопросу, ослаблявшие «фронт социализма» на Балканах, стали почти непреодолимым препятствием изучению македонской проблематики в СССР. Российский историк Р.П. Гришина вспоминает, что когда она поступила в аспирантуру Института славяноведения в 1957 г., то намеревалась «с молодеческим восторгом и боевым устремлением разрешить, наконец, запутанный македонский вопрос». Полгода она пыталась добиться утверждения желаемой темы будущей диссертации, плохо

понимая, по ее собственному признанию, всю безнадежность этих попыток, так как речь шла о теме непроходной по политическим мотивам. Ее отговаривали, доказывая несвоевременность диссертации на эту тему, невозможность довести ее до защиты. Вынужденная заняться другими вопросами, Р.П. Гришина не выпускала из поля зрения македонскую проблематику, косвенно затрагивая ее в своих работах по истории болгарского фашизма. По ее выражению, «македонская музыка» продолжала играть на всем протяжении ее научного пути, и звучала она подчас довольно «траурно»¹.

1960-е годы были ознаменованы попытками авторитарных режимов Юго-Восточной Европы сплочения населения под лозунгами «единства нации» и «патриотизма». В ходе развернувшейся в НРБ кампании «за патриотическое воспитание болгарского народа» активизировалась болгаро-югославская полемика по македонскому вопросу. В 1968 г. эта полемика вылилась в настоящую кризисную ситуацию с элементами военной истерии. Этому способствовало не только пышное празднование 90-летия Освобождения Болгарии от османского владычества, всколыхнувшее в обществе память о включении почти всей Македонии в границы Сан-Стефанской Болгарии. Свою роль сыграл и чехословацкий кризис 1968 г., в частности, участие Болгарии в военной акции стран Организации Варшавского Договора против Чехословакии.

В Белграде не исключали возможности проведения против Республики Македония подобной акции. Эти опасения были подогреты выходом в 1968 г. в Софии огромным тиражом брошюры БАН «Информационно-политическая информация по македонскому вопросу». В ней Македония характеризовалась исключительно как географическое понятие, обозначающее одну из составных частей исконно болгарской территории. Авторы утверждали, что македонского народа не существует, что две трети населения Республики Македония составляют этнические болгары, против которых проводится политика денационализации, включая и создание искусственного македонского языка.²

Если до 21 августа 1968 г. тема Сан-Стефанского договора и дальнейшего развития македонского вопроса носила более или менее отвлеченный научно-исторический характер и отделялась от текущей политики, то после этой даты данная проблема вплелась как в пропаганду, так

¹ Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007. С. 117.

² Македонският въпрос. Историко-политическа справка. София, 1968.

и в действия политических и государственных органов, временами даже приобретающие военно-политический оттенок. Югославские и западные СМИ запестрели заголовками: «Предстоит ли война на Балканах?», «Концентрация советских войск на болгарской территории», «Болгария – база агрессии». Несмотря на недвусмысленные опровержения правительства НРБ и сделанные через БТА официальные заявления, что Болгария не имеет территориальных притязаний к соседям, накал антиболгарской пропаганды в Югославии продолжал нарастать по крайней мере еще полгода. С обеих сторон начались взаимные обвинения в территориальных притязаниях, во вмешательстве во внутренние дела, в попрании международного права. Подобные отношения, с небольшими изменениями, сохранялись фактически до конца 1980-х годов³. Наблюдателям было очевидно, что запугивание опасностью извне входило тогда в долгосрочный план укрепления внутреннего единства Югославии.

Обострение отношений между Болгарией и Югославией и заметное охлаждение и без того непростых советско-югославских отношений привели к усилению вмешательства ЦК КПСС в деятельность советских научно-исторических учреждений. Нагляднее всего это проявилось в скандале вокруг учебника «История южных и западных славян», подготовленного на историческом факультете Московского государственного университета в 1969 г. Если в предыдущем учебнике по истории зарубежных славян, вышедшем в свет в 1957 г., о Македонии упоминали только в связи с внешней политикой Болгарии в конце XIX – начале XX вв., то в новом учебнике в главах, посвященных югославянским народам с конца XVIII до начала XX вв., для освещения истории Македонии впервые вводились специальные параграфы. В них упоминалось о том, что «основную массу македонского населения составили славяне, говорившие на диалектах, близких к болгарским», что «необычайная этническая пестрота задерживала процесс формирования македонской нации и мешала объединению усилий всего народа в борьбе за освобождение от турецкого ига». Национально-церковная борьба и культурно-просветительское движение в македонских землях развивалось «в тесной связи с болгарским национально-освободительным движением и было направлено прежде всего против засилья греческого духовенства и греческого языка в школьном обучении». Илинденское восстание

³ Подробнее см.: *Исаева О.Н.* Некоторые проблемы македонистики // Славяноведение. 2004. № 5. С. 66–67.

1903 г. обозначалось «как крупнейшее вооруженное восстание македонского народа в его борьбе за национальное и социальное освобождение»⁴. В параграфе, посвященном культуре югославянских народов, появился крошечный раздел «Культура Македонии», в котором говорилось о деятелях культуры и науки, македонцах по происхождению, работавших в соседних странах, главным образом, Болгарии и Сербии. Подчеркивалась большая роль К. Мисиркова в истории формировании македонского языка.

Этот учебник, впервые уделивший внимание македонцам как особому народу, история которого начиналась уже в конце XVIII в., вызвал восторженные отзывы в Югославии. Так, орган югославских коммунистов, газета «Борба», опубликовал большую статью «Объективный подход к македонской истории»⁵. В подзаголовке указывалось, что в «новом учебнике Московского университета реально представлена история македонцев, а в отношении болгарского литературного языка говорится, что он далек от македонского». В статье отмечалось, что «в витринах московских книжных магазинов появилась и быстро исчезла книга, посвященная истории южных и западных славян. [...] Для югославов она интересна не только потому, что в ней подробно говорится об истории всех югославских народов, [...] но и потому, что в ней достаточно широко, корректно и с заметным стремлением представить события реально и объективно написано об истории македонского народа, его борьбе за свободу и национальном “становлении”».

Соответственно, в Болгарии новый учебник по истории южных и западных славян вызвал резкие протесты со стороны политиков и ученых. Возникшая конфликтная ситуация побудила отдел науки ЦК КПСС направить злополучный учебник на рецензию в Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Специалисты Института, подготовили требуемую рецензию, подвергнув критике македонские сюжеты в учебнике, проведя большую работу по их осмыслению и изложив свою точку зрения на проблему становления македонского этноса. Отметив в качестве положительного момента стремление составителей учебника рассматривать вопрос о формировании македонской нации с позиций историзма, авторы рецензии обратили внимание на большую путаницу и многочисленные противоречия в изложении македонских сюжетов,

⁴ История южных и западных славян / Под ред. И.М. Белявской, И.А. Воронкова, В.Г. Карасева, И.В. Созина. М., 1969. С. 250 – 251.

⁵ Борба. 24 и 25 марта 1970 г.

дающие основание для совершенно разных толкований. В качестве примера приводились следующие «туманные рассуждения»: «Национально-освободительное движение в Македонии до конца 70-х гг. XIX в. не было полностью самостоятельным. Основную массу македонского населения составляли славяне, говорившие на местных диалектах, близких к болгарскому. На территории Македонии жили болгары, сербы, греки, а также турки, вlahи, албанцы, евреи, армяне. Необычайная этническая пестрота задерживала процесс формирования македонской нации и мешала объединению усилий всего народа в борьбе за освобождение от турецкого господства»⁶. Дальше речь шла о связи национально-освободительного движения «македонского народа» с борьбой сербов и греков. Дело, писали рецензенты, не только в путанице; «в цитированном месте поставлен – и очень неудачно – вопрос о формировании македонской нации. Из того, что сказано в учебнике, выходит, что уже в первой половине XIX века шел процесс формирования македонской нации, и только этническая пестрота тормозила этот процесс»⁷.

Ввиду новизны, какую на тот момент представлял македонский вопрос в советской научной и учебной литературе, а также недостаточной его изученности, авторы рецензии сочли необходимым изложить подробнее собственную концепцию. Согласно ей, «на протяжении ряда столетий славянское население Мезии, Фракии и Македонии развивалось в тесной связи, составляя, по существу, этнически однородную массу, хотя и имевшую в то же время по отдельным областям некоторые диалектные и бытовые различия». В рецензии подчеркивалось, что «когда речь идет о средневековье, нет оснований говорить о существовании особого македонского народа на территории Македонии». В целом же развитие национально-освободительного и культурно-просветительного движения в Македонии на протяжении большей части XIX в. шло в общем русле болгарского национального Возрождения, начало формирования македонской нации проходило, по мнению авторов рецензии, во второй половине XIX в. Берлинский трактат 1878 г. изменил судьбу македонских земель и их населения. И хотя этническая, языковая, культурная общность Македонии и Болгарии еще сохранялась, раздельное существование их территорий способствовало возникновению особых местных задач и стремлений. Постепенно экономическая, политическая

⁶ История южных и западных славян. М., 1969. С. 250.

⁷ Здесь и далее цитируется верстка рецензии, хранящаяся в личном архиве Л.Б. Валева (1915–1981).

и культурная специфика вела, по мнению рецензентов, к вызреванию элементов македонской нации.

Со времени раздела македонских земель после Второй Балканской войны (1913 г.) социально-экономические и общественно-культурные процессы в разных частях Македонии пошли самостоятельным путем. Македонское национальное самосознание, язык и литература находились в процессе формирования вплоть до Второй мировой войны. Лишь образование Народной Республики Македония в рамках ФНРЮ положило начало «новому этапу развития македонского самосознания и формирования македонской нации в условиях социалистического строительства». Авторы рецензии сочли необходимым четко «констатировать факт: в рамках Социалистической Республики Македония развернулся процесс складывания македонской социалистической нации»⁸.

Рецензия должна была появиться летом 1970 г. в журнале «Вопросы истории», но ее в последний момент сняли по указанию вышестоящих инстанций из-за очевидного нежелания обострять отношения с руководством НРБ, имевшим иную точку зрения на македонскую нацию. Осенью 1970 г. состоялось объединенное заседание представителей исторического факультета МГУ и Института славяноведения и балканистики АН СССР, на котором главным предметом обсуждения был вопрос о том, в каком ключе следует рассматривать историю Македонии – как историю территории, на чем настаивала болгарская сторона, или как историю самостоятельного народа, чего требовала югославская сторона. Несмотря на длительную дискуссию, ее участники так и не смогли прийти к общему заключению. По решению «директивных органов» с учебника сняли гриф министерства образования, а оставшаяся еще не распроданная часть тиража была уничтожена.

Тем не менее, текст рецензии в виде верстки получил распространение среди специалистов и использовался ими в ходе дальнейшей разработки концепции формирования македонской нации. Высказанные в рецензии взгляды заложили основы советской концепции исторического складывания и развития македонского народа. С известными модификациями российские ученые придерживаются этой концепции и сегодня⁹.

⁸ Под рецензией стояли подписи Л.Б. Валева, А.Я. Манусевича, С.А. Никитина, П.И. Резонова, Г.Э. Санчука, Г.М. Славина, хотя к ее подготовке были привлечены все ведущие болгаристы и югослависты Института славяноведения, как историки, так и филологи.

⁹ См.: *Литаеврин Г.Г.* Прошлое и настоящее Македонии в свете современных проблем // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 27–28.

С учетом рекомендаций, изложенных в рецензии, сотрудники кафедры истории южных и западных славян переработали учебник. В нем в главе «Югославянские народы в конце XVIII в. – 40–70-х гг. XIX в.» уже не было параграфа «Македония». Он появился только в главе «Югославянские народы в 50–70-х гг. XIX в. – начале XX в.» и назывался «Македония в последней четверти XIX в. – начале XX в.». Необходимость этого параграфа редколлегия обосновала тем, что после Берлинского конгресса 1878 г. Македония была последней значительной областью с компактным славянским населением, находившимся под полным контролем Османской империи.

Хотя текст главы был подготовлен и утвержден на совместном заседании членов редколлегии учебника и специалистов из Института славяноведения и балканистики в феврале 1973 г., учебное пособие вышло в свет только в 1979 г.¹⁰ Причина очевидна – ЦК КПСС не хотел осложнений отношений с руководством Болгарии. Следует отметить, что и в современном двухтомном учебнике по истории южных и западных славян, изданном в МГУ в 2001 г. и переизданном в 2007–2008 гг., параграф о Македонии остался под названием «Македонские земли в 1878–1914 гг.». В нем сообщается, что «длительное время здесь происходили сложные этносоциальные процессы, положившие начало в последней трети XIX в. складыванию македонской нации»¹¹.

В 1974 г. в свет вышел 15 том Большой советской энциклопедии (БСЭ) со статьями о Македонии и СР Македонии¹². Эти материалы вызвали в Югославии настоящий скандал. Газета «Нова Македония» опубликовала по этому поводу комментарий, в котором, в частности, отмечалось, что каждый, кто внимательно проанализирует статьи в БСЭ, «должен прийти к двум основным выводам: первый, что это фальсификация истории и немарксистский подход к вопросу о нации, и второй – что это поддержка националистических сил, являющихся сейчас фактором нестабильности на Балканах»¹³. Авторы БСЭ, указывалось в комментарии, «внушают, что македонская нация начала создаваться в период между двумя мировыми войнами в результате борьбы в Вардарской Македонии против великосербского гнета. Тем самым хотят сказать, что македонская нация возникла в борьбе с сербской нацией, а это имеет совершенно

¹⁰ История южных и западных славян. (Курс лекций) / Отв. ред. И.В. Созин. М., 1979.

¹¹ История южных и западных славян / Ред. Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева. М., 2001. С. 519.

¹² Автор исторического очерка – Л.Я. Гибианский.

¹³ Нова Македония. 1974. 6 апреля.

открытую и прямую политическую подоплеку. [...] А из некоторых соседних стран не однажды путем присвоения македонской национальной истории и отрицания национальной самобытности македонского народа выражались и выражаются территориальные притязания в отношении Югославии. Поэтому изложенные в БСЭ позиции мы считаем поощрением тех националистических сил, которые высказывают именно такие притязания»¹⁴.

В газете «Политика» московский корреспондент ТАНЮГ писал, что в статье БСЭ «особенно бросается в глаза то обстоятельство, что возникновение и развитие македонской нации связано лишь с Вардарской Македонией и не касается эгейской и пиринской частей Македонии. Относительно последней употребляется нынешний болгарский термин «Пиринский край»... В БСЭ говорится, что в Македонии живет 1 млн. 149 тыс. македонцев, и не упоминается, что они живут еще как в Болгарии, так и в Греции. Тем самым, продолжал он, БСЭ вносит поправки в свои предыдущие издания и «по примеру болгарской статистики приводит данные, согласно которым за последние десять лет в Болгарии исчезли македонцы».

Столь острая и негативная реакция Болгарии и Югославии на тексты о Македонии справочного или учебного характера, их попытки придать политическое звучание любым советским публикациям по македонской тематике привели к тому, что советская партократия наложила фактический запрет на публикацию исследований в области македонистики. В основе такой позиции лежал тезис о нежелании вмешиваться в отношения между социалистическими странами, выступать в роли арбитра в научном споре. На деле же господствовала бюрократическая перестраховка – «как бы чего не вышло»¹⁵. В данных обстоятельствах драматически сложилась судьба первого в советской/российской историографии монографического исследования по истории Македонии XIX в., подготовленного в конце 1960-х годов сотрудником Института славяноведения и балканистики К.Л. Струковой (1922–1984). Рукопись долгие годы лежала «в столе» и вышла в свет только в 2004 г., через 20 лет после смерти автора¹⁶.

¹⁴ Нова Македония. 1974. 6 апреля.

¹⁵ Волков В.К. Македонский вопрос в политике и науке // Македония: проблемы истории и культуры. С. 7.

¹⁶ Струкова К.Л. Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70 гг. XIX в. М., 2004.

Более того, согласно указаниям, исходившим от соответствующих директивных органов, издательства запрещали даже простое упоминание в текстах слов «Македония» и «македонский». В тех случаях, когда в научной работе без этих слов нельзя было обойтись, от автора требовали расписку в том, что данное название употребляется лишь в чисто географическом смысле этого слова. Болгарист Г.К. Венедиктов вспоминал, как Н.П. Бобрик, курировавший в академическом издательстве «Наука» труды по истории, требовал убрать из текста его статьи цитату из болгарской газеты «Македония», издававшейся в 60-х гг. XIX в. Лишь после письма дирекции Института славяноведения и балканистики, снимавшей с издательства ответственность за упоминание крамольного слова, цитату оставили. В воспоминаниях Венедиктова приводится и более курьезный случай, произошедший в издательстве одного периферийного университета. Редактор, увидев в готовившейся к печати статье упоминание Александра Македонского, сократил имя знаменитого античного полководца до одного слова – Александр¹⁷.

Усиление цензуры сопровождалось резким ограничением допуска исследователей к архивным документам. Одному из авторов этой статьи пришлось работать в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в начале 1980-х гг. над донесениями российских дипломатов в балканских странах начала XX в. Все выписки из документов, сделанные в пронумерованной тетради, тщательно проверялись сотрудниками архива, которые либо вырезали ножницами любое упоминание о Македонии, либо просто вырывали всю страницу, если там имелась какая-то информация о ней. Даже во времена перестройки, когда подобные проверки прекратились, просьба того же автора разрешить публикацию некоторых документов по истории Македонии начала XX в. встретила отказ руководства АВПРИ, откровенно заявившего, что это чревато международными осложнениями.

В 1970–1980-х гг. на международных съездах славистов и других научных мероприятиях между югославскими и болгарскими учеными постоянно вспыхивала острая полемика по разным аспектам македонского вопроса. В таких случаях советским делегатам согласно инструкциям директивных органов надлежало покидать зал заседания. Подобная позиция советских ученых, навязываемая им сверху, осложняла межличностные отношения в научном сообществе.

¹⁷ Как это было... С. 64–65.

Весьма драматично проходило обсуждение македонского вопроса и в рамках двусторонней Комиссии историков СССР и НРБ, о чем следует сказать подробнее. К заседанию Комиссии в октябре 1971 г. в Москве болгарские ученые предварительно направили для обсуждения доклад «Общественно-экономическое, культурно-просветительское и политическое развитие Македонии от Берлинского конгресса 1878 г. до Второй мировой войны» (223 стр. текста и резюме на 36 стр.). К докладу прилагалась также подборка из 40 документов по македонскому вопросу.

В этих материалах детальным образом излагалась точка зрения болгарской части комиссии по вопросам социально-экономического и этнического развития Македонии в указанный период, культурно-просветительного движения, освободительной борьбы против султанской Турции. Там же давалась оценка «македонизма» как политической концепции конца XIX – начала XX вв. Особое внимание уделялось позиции Коммунистического Интернационала, рабочего и коммунистического движения балканских стран по македонскому вопросу.

Постановка этих вопросов на повестку дня работы советско-болгарской комиссии по инициативе болгарской ее части объяснялась последней тем, что «извращение исторической правды в трудах югославских и греческих историков оказывает влияние на международную историческую мысль и на позиции отдельных научных работников». В докладе с сожалением отмечалось, что «югославские историки с особенным усердием рекламируют в советской исторической литературе все то, что поддерживает их позицию, замалчивая, разумеется, то, что не говорит в их пользу. Они используют представителей советской исторической науки для создания широкого общественного мнения против НР Болгарии как страны, которая держит “в рабстве” часть “македонской нации”. И если дело будет продолжаться в таком духе, то югославские руководители, используя “аргументы” исторической науки, могут создать большие неприятности нашей партии и стране» (резюме, с. 35). Доклад завершался патетической просьбой о поддержке: «Мы верим, что советские историки-болгаристы поймут наше положение и помогут нам в борьбе в защиту исторической правды» (резюме, с. 36)¹⁸.

С учетом вышеописанной конъюнктурной ситуации в советской науке советская часть комиссии оказалась в затруднительном положении. Ее

¹⁸ Текст доклада и материалы заседания Комиссии историков хранятся в личном архиве Л.Б. Валева.

члены уже излагали свою точку зрения на предшествующем заседании Комиссии в мае 1970 г. в Софии, когда состоялся весьма откровенный обмен мнениями и были выявлены разногласия по тем или иным, конкретным или общим проблемам¹⁹. Но поскольку болгарские коллеги выразили настойчивое желание услышать общую позицию советской части Комиссии о концепции, сформулированной в представленных материалах, советским ученым пришлось согласиться на включение обсуждения доклада в повестку дня заседаний.

Прежде всего, они отметили, что центральное место в докладе, по существу, занимает отрицательное отношение его авторов к самой проблеме зарождения и развития македонской нации. Так, в докладе утверждалось: «Мы отвергаем, как ненаучное, распространенное в научной литературе мнение, согласно которому в Македонии в результате ее отрыва от Болгарии и оставления под турецким владычеством якобы создались условия для превращения болгарской нации в какую-то другую неболгарскую, македонскую нацию... Нет в истории случаев, чтобы сформировавшаяся нация в краткий исторический срок, за 2–3 десятилетия, начала превращаться закономерно в свою противоположность, в другую нацию» (резюме, с. 4). Советские коллеги сочли нужным возразить, что при рассмотрении процесса формирования македонской нации речь должна идти не о 2–3 десятилетиях, а о более длительном периоде – примерно со времени окончания Берлинского конгресса. Не согласилась советская сторона и с тезисом, что в истории не было случаев естественного превращения в сравнительно короткий срок части одной сформировавшейся нации в другую нацию. Ведь в формировании нации большую роль играл политический фактор – прежде всего, изменение государственных границ (в частности, этот фактор сыграл огромную роль в обособлении из немецкоязычного массива отдельных немецкой и австрийской наций, люксембургского народа).

Далее, советские историки выступили против категоричного утверждения авторов доклада о том, что в период развития Македонии от

¹⁹ На I конгрессе Болгарского исторического общества в Софии в январе 1970 г. ведущие болгарские историки Димитр Косев, Христо Христов, Воин Божинов и др. большое внимание в своих докладах уделили критическому разбору выпущенной в 1969 г. в Скопье «Истории македонского народа» и призвали своих коллег защитить историческую истину. На конгрессе была прямо поставлена задача завоевывать союзников прежде всего среди советских историков-болгаристов, добиваться их поддержки, в частности в ходе работы советско-болгарской комиссии историков. Такая попытка и была предпринята на заседаниях Комиссии в мае 1970 г.

Берлинского конгресса до Балканских войн нельзя обнаружить «никаких признаков какого-либо закономерного превращения болгарской нации в некую другую, неболгарскую нацию» (резюме, с. 21). Соглашаясь, что на протяжении большей части XIX в. национально-освободительное движение болгарской части населения Македонии шло в общем русле болгарского национального Возрождения, советские болгаристы подчеркивали, что было бы неправильно игнорировать некоторые существенные особенности. Главная из них заключалась в том, что населенные болгарами территории, на которых в течение XIX в. шел процесс национальной консолидации, не были однородными в экономическом, культурном и диалектно-языковом отношении. Обращает на себя внимание серьезная социально-экономическая отсталость македонских земель в сравнении с рядом расположенных к востоку от них болгарских районов. Отсюда вытекает замедленность и отставание всего процесса национального возрождения на территории Македонии. Национальное культурно-просветительское движение, развернувшееся в Болгарии в первой трети XIX в., в македонских землях началось позднее и развивалось медленнее, чем на остальных болгарских территориях. Подъем массовой вооруженной освободительной борьбы, охватившей Болгарию в 1860-х и особенно 1870-х годах, почти не затронул Македонию.

Советские болгаристы высказали мнение, что авторы доклада недооценивают значение различных условий, которые сложились после Берлинского конгресса для существования болгарского народа в независимой Болгарии и на македонских землях. Между тем именно эти условия определили дальнейшее развитие отдельных частей болгарского народа в разных плоскостях и выдвинули разные общественные задачи. Развернувшееся с конца XIX в. массовое национальное и антифеодальное освободительное движение, в первую очередь среди болгарского населения Македонии, происходило, с точки зрения советских историков, не в рамках общebolгарского процесса, а в местных локальных пределах. И цели, и задачи этого движения определяла прежде всего собственная, территориально-македонская конкретная политическая и экономическая специфика положения, в котором оказалась Македония. Этническая общность с населением независимой Болгарии, разумеется, продолжала играть важную роль. Но различие и противоречивость объективных экономических и политических условий вызывали разные тенденции в освободительном движении на территории Македонии. С одной стороны, проявлялось стремление к освобождению от турецкого господства

с присоединением к Болгарии. С другой стороны, в определенных общественных слоях, прежде всего среди части интеллигенции, зарождалось постепенное осознание известной политической обособленности Македонии и ее освободительного движения. Эта мысль все более выкристаллизовывалась и распространялась среди революционно-демократических деятелей, представлявших наиболее активное направление в созданной в 1893 г. Внутренней Македонской революционной организации (ВМРО).

Члены советской части Комиссии отметили далее, что авторы доклада стремятся доказать исключительно болгарский национальный характер революционно-освободительного движения в Македонии в конце XIX – начале XX вв. и ВМРО. Такое стремление сказалось и на характеристике Илинденского восстания 1903 г. Не согласились советские болгаристы и с тезисом об отсутствии каких-либо внутренних предпосылок для возникновения среди части македонской интеллигенции так называемого «македонизма» как политического течения. По их мнению, трудно согласиться с тем, что он появился лишь в результате влияния сербской пропаганды и деятельности сербской дипломатии. Были высказаны замечания и по другим поднятым в болгарском докладе проблемам.

Эмоциональное обсуждение доклада и несбывшиеся надежды болгарской части Комиссии на полную поддержку ее позиции советскими коллегами привели даже к некоторому охлаждению взаимоотношений. В связи с поручением вышестоящей инстанции из Управления внешних сношений АН СССР в марте 1973 г. было направлено письмо председателю советской части Комиссии академику Е.М. Жукову с просьбой представить в УВС отчет о деятельности Комиссии за 1972 год и планы ее работы на пятилетний период и на 1973 год. В отчете, после констатации того, что не состоялись предусмотренные планом на октябрь 1972 г. научная конференция в Софии с участием советских историков-болгаристов и очередное заседание Комиссии в Софии, делался следующий вывод. На основании этих фактов, а также частных бесед с некоторыми болгарскими учеными, создается впечатление, что интерес болгарской стороны к работе Комиссии несколько снизился после того, как в октябре 1971 г. на заседании Комиссии в Москве был обсужден заранее представленный болгарской стороной доклад «Общественно-экономическое, культурно-просветительское и политическое развитие Македонии от Берлинского конгресса 1878 г. до Второй мировой войны» и выявлены взаимоисключающие позиции сторон по вопросу о формировании македонской нации.

Таким образом, доклад фактически перерос научные рамки. Однако сразу же стоит отметить, что, несмотря на означенные напряженные моменты, работа Комиссии все же продолжалась и личные отношения между советскими и болгарскими историками не пострадали.

Все вышеописанное свидетельствует о том, что чрезмерная политизация македонского вопроса крайне затруднила его изучение в Советском Союзе, по сути это была запретная тема. Опасение вызвать болезненную реакцию со стороны балканских стран, стремление последних решать научные проблемы на государственном или партийном уровне приводили к административному сдерживанию публикаций советских специалистов по македонской проблематике. В итоге, как писал прежний директор Института славяноведения РАН (с 1987 г.) В.К. Волков (1930–2005), возникла парадоксальная ситуация: советские ученые, много сделавшие для изучения македонского вопроса и создавшие научно обоснованную концепцию его развития, были обречены на молчание²⁰.

Негласный запрет на изучение македонской проблематики в Советском Союзе сняла эпоха перестройки. Все ненаучные, политические причины, связанные с советской системой, исчезли вместе с ее крахом. Открытие прежде недоступных архивных фондов активизировало научную деятельность исследователей. Дополнительным стимулом для развития македонистики стало и образование в 1991 г. независимой Республики Македония (РМ).

«Первой ласточкой» стала статья «К истории македонского вопроса», подготовленная в связи с установлением дипломатических отношений между РФ и РМ²¹. В 1997 г. российские ученые при сотрудничестве с македонскими коллегами выпустили в свет сборник документов «Македония. Путь к независимости», освещающий основные вехи становления независимого македонского государства. В коллективных трудах по истории Югославии и истории международных отношений на Балканах, изданных в постсоветский период, появились главы, посвященные истории Македонии²². Македонская проблематика была затронута в серии

²⁰ Волков В.К. Македонский вопрос в политике и науке. С. 7.

²¹ Едемский А.Б., Карасев А.В., Цехмистренко С.П. К истории македонского вопроса // Советское славяноведение. 1993. № 3.

²² См.: Косик В.И. Македония – споры, соглашения, войны // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997; Ямбаев М.Л. Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914. М., 2003.

книг, объединенных общим названием «Человек на Балканах» и посвященных различным аспектам балканской модернизации. В рамках этого крупномасштабного проекта, подготовленного в Институте славяноведения РАН, основное внимание уделялось проблемам политической модернизации, строительству и функционированию национальных государств на Балканах²³. В университетах Саратова, Самары, Екатеринбурга, Краснодара появились исследователи, разрабатывающие различные темы, так или иначе связанные с историей Македонии XIX–XX вв.²⁴

Указанные авторы много внимания уделяют изучению путей разрешения македонской проблемы, предлагавшихся на рубеже XIX–XX вв. как внешними, так и внутренними силами. Результаты их анализа показали, что тупиковыми оказались оба пути решения македонской проблемы – и революционный, и эволюционный. В первом случае у балканских революционеров не хватало собственных сил, решению же вопроса дипломатическими и политическими средствами мешало недоверие великих держав друг к другу и их соперничество в регионе²⁵.

Осмысливая исторический феномен «македонского вопроса», вышеназванные авторы совершенно справедливо отмечают, что в разные исторические периоды он имел различное содержание. В настоящее время сложилось устойчивое представление о том, что после 1878 г. главным было политическое содержание, то есть политическое будущее трех македонских вилайетов, входивших в ту пору в состав Османской империи и на обладание которыми претендовали все соседние государства.

²³ См.: Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.). СПб., 2004; Человек на Балканах. Государство и его институты. Гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). СПб., 2006; Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). СПб., 2009.

²⁴ *Исаева О.Н.* Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999; *её же.* Национальное самосознание славянского населения Македонии в начале XX века // Славяноведение. 2002. № 3; *Её же.* Основная проблема македонистики // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. М., 2005; *Её же.* Македонский ответ на македонский вопрос // Историки-слависты МГУ. Кн. 6. Б.Н. Билунов. М., 2008; *Лабаури О.Д.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг.: идеология, программа, практика политической борьбы. София, 2008; *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010.

²⁵ *Гришина Р.П.* Заметки об изданиях, посвященных 130-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Освобождению Болгарии // Славяноведение. 2010. № 3.

Политическая составляющая неизбежно вызывала актуализацию и другого аспекта македонского вопроса – этнического, связанного с определением национальной принадлежности местного славянского населения. В ряде работ показывается, что неопределенность национального самосознания, присущая преобладающей части македонских селян, создавала благоприятную почву для деятелей болгарской, греческой и сербской пропаганд, а те, в свою очередь, способствовали развертыванию в Македонии этнически мотивированного терроризма.

Вопрос о времени появлении на исторической сцене македонской нации до сих пор сохраняет свою дискуссионность и требует углубленного изучения. Но исследователям, занятым поисками конкретных дат или событий, так или иначе связанных с этим процессом, следовало бы прислушаться к мнению авторитетного российского болгариста Р.П. Гришиной, полагающей, что в условиях Балкан «с их этнической чересполосицей, с частой вынужденной многотысячной миграцией населения с места на место, из страны в страну особенно трудно определить, когда “начинается” собственно нация, и также затруднительно сказать, когда строительство ее более или менее состоялось»²⁶.

Современные российские исследователи, обратившиеся к македонской проблематике, стремятся объективно осмыслить ключевые моменты македонской истории на основе современного уровня научных знаний. Конечно, далеко не все выдвигаемые авторами вопросы, получили окончательное разрешение, но сама их постановка имеет несомненное позитивное значение для дальнейших научных изысканий.

²⁶ Гришина Р.П. Лици модернизации в Болгарии (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 101.

Политическая борьба между балканскими государствами за македонские земли в конце XIX – начале XX вв.

В конце XIX – начале XX столетия Македония – историческая область на юге Балканского полуострова, входившая в состав трех вилайетов (областей) Османской империи (Салоникского, Битольского и Косовского) и населенная, в основном, славянами православного вероисповедания (болгарами и сербами), а также греками и румынами.

Национально-освободительная борьба христианского населения Македонии против турецкого гнета, тесно переплетавшаяся с экспансионистскими устремлениями балканских государств (Болгарии, Греции, Сербии и Румынии) в отношении македонских земель и затрагивавшая интересы великих держав, имевших свои планы в отношении Македонии как важнейшего стратегического региона на Балканах, составила сущность так называемого македонского вопроса.

С конца XIX в. в связи с ожидаемым кризисом и распадом Османской империи¹ в европейской политике возникла проблема определения будущих границ балканских государств (Болгарии, Греции, Сербии и Румынии), интересы которых в случае раздела балканских владений Османской империи должны были неизбежно столкнуться в Македонии. В связи с этим, Македония в конце XIX – начале XX вв. становится объектом острого политического, религиозного и культурного соперничества между вышеназванными государствами, претендовавшими на владение этой областью или ее частью.

Для обоснования своих территориальных притязаний в Македонии Афины, София, Белград и Бухарест использовали различные аргументы: этнические, конфессиональные и так называемое «историческое право».

В самосознании греков Македония всегда отождествлялась с национальной историей и государственностью. Греки заявляли о том, что

¹ См. об этом: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / Отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978; *Кинросс Л.* Расцвет и упадок Османской империи. Нью-Йорк, 1977 / Пер. с англ. М. Пальникова. М., 1999; В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2003.

Македония, являясь колыбелью эллинской цивилизации, есть исконная территория проживания греческого народа.

Болгары, основываясь на языковом, религиозном и культурном родстве с македонскими болгарами, безапелляционно объявляли Македонию неотъемлемой частью Болгарского государства.

Сербы базировали свои претензии в основном на кратковременном сербском господстве в Македонии во время правления Стефана Душана (1327–1358), а также исходя из того, что Македония перешла в руки турок в конце XIV в. не из-под болгарского, а из-под сербского владычества².

Вплоть до последней четверти XIX в. наиболее сильные позиции в Македонии имела греческая сторона. Это было связано с тем, что все христианское население Македонии подчинялось Константинопольской патриархии, которая активно проводила политику эллинизации подвластных ей христиан, открывая греческие школы и церкви в тех областях Османской империи, где преобладало православное славянское население. Еще в 1844 г. официальной программой греческого национального движения на Балканах стала так называемая «Великая идея» (Мегали идея), которая предполагала воссоздание «Великой Греции» в границах бывшей Византийской империи. В состав нового греческого государства, согласно «Великой идее», должны были войти и македонские земли, а славянское население, живущее в Македонии, предполагалось насильно эллинизировать³.

В 1870 г. был издан фирман (указ) турецкого султана об учреждении самостоятельной болгарской церкви – Болгарского экзархата. Вслед за этим начался переход значительной части православного населения Македонии под юрисдикцию болгарской церкви, что привело к заметному ослаблению греческого влияния в македонских землях.

Экзархат способствовал открытию в Македонии болгарских школ с целью формирования болгарского национального сознания у славянского населения Македонии. В связи с этим десятки тысяч македонских славян-патриархистов (причем не обязательно этнических болгар) с радостью приняли «схизму» и стали называться болгарами только ради того, чтобы слушать богослужение и получать образование на родственном и понятном им болгарском языке. Православных христиан,

² См. об этом: Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. 192. Миссия в Софии. Оп. 527/1. 1905. Д. 10. Л. 183, 291.

³ *Тошев Д.* Гръцката въоръжена пропаганда в Македония (1903–1912 гг.) // Военноисторически сборник. София, 1998. №5. С. 26.

перешедших под юрисдикцию болгарской церкви, стали называть «болгароманами», в отличие от патриархистов, именуемых «грекоманами»⁴.

Константинопольская патриархия крайне болезненно отреагировала на появление Болгарской экзархии: болгары были объявлены схизматиками и отлучены от Вселенской церкви.

В свою очередь греческое правительство после создания болгарской экзархии, активизировало деятельность в Македонии и Фракии, где началась настоящая «битва за умы и сердца» местного христианского населения.

В 1894 г. в Афинах была создана греческая националистическая организация *Ethnike Hetairia* («Этники Этерия») или «Национальное общество». Главной целью данной организации было провозглашено освобождение всех греков от турецкого гнета, но ее первоочередная задача состояла в том, чтобы противостоять болгарскому влиянию в Македонии. С этой целью Национальное общество Греции стало щедро финансировать греческие школы в Македонии. В результате, к началу XX в. в Македонии действовало, согласно греческим данным, свыше 1 400 школ, где обучались 80 000 учеников⁵.

Сербия включилась в борьбу за установление своего влияния в Македонии в конце 60-х годов XIX в. В 1868 г. в Сербии был создан специальный «Комитет школ и учителей в Старой Сербии и Македонии», деятельность которого была сосредоточена в северо-западных районах Македонии, прежде всего в Косовском вилайете.

В 1887 г. при министерстве просвещения Сербии было создано «Отделение школ и церквей вне Сербии», называемое также «Политико-просветительским отделением» при МИД, ставшее вскоре руководящим органом всей сербской национальной пропаганды в Македонии. Главными ее проводниками стали сербские консульства, открытые в 1886 г. в Скопье (Ускюбе) и в Солуни, а в 1889 г. в Битоли и Приштине⁶.

О том, насколько сильны были сербские притязания на македонские земли, говорит следующий факт. В апреле 1901 г. король Сербии Александр Обренович в частной беседе с российским публицистом А.В. Амфитеатовым заявил, что Македония наряду со Старой Сербией

⁴ *Теллов В.* Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам. СПб., 1889. С. 80.

⁵ *Stavrianos L.S.* The Balkans 1815–1914. New York, 1963. P. 100.

⁶ *Косик В.И.* Македония – споры, соглашения, войны // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997. С. 323.

(Косово и Метохия) является исконной землей сербского народа, которую Сербия никому не уступит⁷. При этом сербский генеральный консул в Салониках Ненадович в доверительной беседе с российским генконсулом А.А. Гирсом в декабре 1902 г. признавал, что «хотя в Солуни и ряде других пунктов Солунского вилайета открыты сербские гимназии и школы, настоящих сербов там не имеется»⁸.

Центральное правительство и местные турецкие власти Македонии для ослабления позиций болгар, в которых они видели основных своих противников, действуя по принципу «разделяй и властвуй», стали в противовес им поддерживать в Македонии влияние Белградской митрополии и деятельность сербских школ. В результате северо-восток Македонии стал главным полем столкновения болгарской и сербской националистической пропаганды.

Таким образом, турецкие власти, умело используя в своих интересах борьбу балканских государств, добивались одновременно самоистребления христиан в Македонии.

Главным проводником идеологического и политического влияния балканских государств в Македонии, как мы видим, была церковь и подчиненные ей школы. В каждом македонском селе, насчитывавшем не менее 30 семей, та или иная христианская община имела право открыть свою школу. По отзывам русских консулов, школа в Македонии стала своеобразным «национальным знаменем»: посылая своих детей в то или иное училище, родители тем самым выражали свое политическое тяготение к той или иной национальности. Жители Македонии окрещивали себя своеобразными этнографическими названиями «грекоманов», «болгароманов», «сербоманов», в зависимости от принадлежности к той или иной националистической идее⁹. По словам российского консула в Солуни А.М. Петряева, большая часть населения Македонии представляла собой «благодатную почву для национальной агитации, поскольку не имело ярко выраженного национального самосознания».

Американский корреспондент «Daily Express» Фредерик Моор, посетивший Македонию в 1903 г., отмечал необычный феномен,

⁷ Амфитеатров А.В. В моих скитаниях. Балканские впечатления. СПб., 1903 // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары / Сост. А.Л. Шемякин. СПб., 2006. С. 456.

⁸ Ямбаев М.Л. Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914. М., 2003. С. 301.

⁹ Исаева О.Н. Исторические перипетии формирования македонской нации // Новая и новейшая история. Выпуск 20. Саратов, 2002. С. 166.

присутствующий во многих частях Македонии: «три брата из одной семьи придерживаются разных национальных предпочтений, принадлежат к трем разным национальным партиям»¹⁰. Подобную же ситуацию описывал и А.В. Амфитеатров, побывавший в Македонии в начале XX в. По его словам «македонцы не имеют национального сознания, для македонца не важно считать себя болгаринном или сербом. В Македонии можно найти семейства, в которых один брат скажет: «я болгарин», а другой будет уверять, что он серб»¹¹. Следует заметить, что сам Амфитеатров склонен был считать македонцев «самостоятельной ветвью славянства, промежуточною между болгарством и сербством»¹².

Интересное наблюдение в связи с этим сделал во время поездки в Македонию в 1897–1899 гг. известный русский историк и политический деятель П.Н. Милюков: «“Патриархисты”-сербоманы высмеивали “эксархистов” насмешливой фразой: «Ке дадеш пари, биту булгаринном», то есть «дашь денег, стану болгаринном»¹³.

Обосновывая свои претензии на македонские земли, Сербия, Греция и Болгария ссылались также на этнический состав населения Македонии, который трактовался ими в соответствии с собственными интересами. Так, по болгарским данным, опубликованным в 1900 г., в Македонии всего проживало 2 258 224 чел. В том числе: 1 181 336 болгар, 228 702 грека, 700 сербов, 80 767 влахов, 128 711 албанцев, 499 204 турка, 67 840 евреев¹⁴. Официальной сербской статистикой в Македонии насчитывалось 2 048 320 сербов, 57 600 болгар, 201 140 греков, 165 620 албанцев, 231 400 турок, 69 665 влахов, 64 645 евреев¹⁵. В свою очередь, греческая сторона исходила из того, что в Македонии (без Косовского вилайета) проживало 1 724 818 чел.: из них 652 795 греков, 332 162 болгарина, 634 017 турок, 25 101 валах, 53 147 евреев¹⁶.

Таким образом, искаженные статистические данные о национальном составе населения Македонии, где каждая из сторон старалась преувеличить численность своего этноса, использовались балканскими государствами в качестве идеологического обеспечения их территориальных

¹⁰ The Macedonian question: Culture, Historiography, Politics / Edited by Victor Roudometof. New York, 2000. P. 103.

¹¹ Амфитеатров А.В. Страна раздора: Балканские впечатления. СПб., 1907. С.13.

¹² Там же. С. 238.

¹³ Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917): в 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 193.

¹⁴ История южных и западных славян в 2-х т. Т. 1. М., 1998. С. 522.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

претензий на македонские земли. При этом у нас не вызывает сомнений тот факт, что болгарское население в Македонии превалировало. Об этом же свидетельствуют более достоверные данные российских консулов в македонских землях¹⁷.

Позднее других балканских государств в борьбу за македонские земли вступила Румыния, действовавшая через влахов, говоривших на одном из диалектов румынского языка, имеющих румынские корни и проживавших в основном на юге Македонии.

В начале XX в. вlahи упорно добивались от османских властей признания за ними прав отдельной народности и независимости от Греческой патриархии.

Греки, с огромным беспокойством взиравшие на пробуждение национального самосознания влахов в Македонии и не без основания опасавшиеся потерять свое вековое влияние на них, всячески старались отследить и сдерживать это движение. Греческое духовенство в начале XX в. заявляло, что все вlahи, домогающиеся богослужения на своем родном языке, будут отлучаться от церкви¹⁸. Несмотря на это, румынское правительство намеренно поощряло употребление румынского языка при богослужении в церквях, находящихся в центрах проживания вlahского населения в Македонии, полагая, что со временем Патриархия вынуждена будет признать независимость румынской церкви как в самой Македонии, так и в остальных частях Европейской Турции.

В начале мая 1905 г. правительство Румынии обратилось к Порте с нотой, в которой содержалось требование об официальном признании румынской народности в Османской империи. В ноте указывался срок ответа – до 10 мая 1905 г. и добавлялось, что в случае отказа Румыния разорвет дипломатические отношения с Османской империей¹⁹. Порта, имея свои собственные политические расчеты в отношении македонских влахов, приняла это ультимативное требование.

10 мая 1905 г. султан Абдул-Хамид II подписал ирадэ (указ), в котором официально признавалось наличие вlahской (румынской)

¹⁷ См., например: *Ростковский А.А.* Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 г. // *Живая старина.* 1899. № 1. С. 62–112; *Его же.* Распределение жителей Солунского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1899 г. // *Живая старина.* 1904. № 4. С. 393–425, 565–583.

¹⁸ *Депеша И.А.* Зиновьева – В.Н. Ламздорфу. 5 мая 1907 г. // АВПРИ. Ф. 166. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. 1907. Д. 114. Л. 56.

¹⁹ *Новое время.* 1905. 3 мая. С. 2.

национальности в Турции и в частности в Македонии²⁰. Влахам были предоставлены те же права, которыми пользовались в Османской империи прочие немусульманские народности: право вести богослужение на родном языке и иметь своих делегатов в административных советах вилайетов²¹. Влашские общины в Турции, в том числе в Македонии, получили также право открывать свои национальные школы, но при условии, что вlahи останутся в подчинении Греческой патриархии²².

Официальное признание турецкими властями влашской народности позволило Бухаресту открыть в Македонии свои консульства, что, в свою очередь, дало румынскому правительству легальные основания для поддержки своих единоплеменников – вlahов. Расходы румынского правительства на содержание в Македонии румынских школ росли и достигли к 1912 г. 1 млн. франков в год. В Македонии в начале XX в. функционировало уже свыше 30 румынских школ²³.

Порта сочувственно отнеслась к усилению деятельности румын в Македонии и косвенно оказывала им поддержку, так как последние, как и греки, были более лояльно настроены к турецким властям, нежели другие христианские народности Македонии.

После открытия румынских консульств в Македонии, румынская пропаганда там значительно активизировалась, а это дало повод для новых враждебных акций со стороны греков в отношении вlahов. Греческие четы, пользуясь негласной поддержкой греческого правительства, стали совершать карательные акции против влашских сел в Македонии, изъявивших желание выйти из-под юрисдикции Греческого патриархата. В ответ на это в румынских городах прошли массовые антигреческие митинги. Греки, проживающие в Румынии, стали подвергаться гонениям²⁴. В свою очередь, греческие общины Македонии (в Монастыре, Крушеве, Преспе) стали решительно требовать у патриархата отмены льгот, предоставленных вlahам (право открывать свои национальные церкви, школы и проч.)²⁵.

Греко-румынский конфликт из-за Македонии достиг своего апогея в сентябре 1905 г. 8 сентября Румынию неожиданно покинул греческий

²⁰ *Arslan Ali*. Greek-Vlach conflict in Macedonia // *Etudes Balkaniques*. Sofia, 2003. № 2. P. 85.

²¹ Новое время. 1905. 13 мая. С. 2.

²² Новое время. 1905. 14 мая. С. 2.

²³ *Stavrianos L.S.* The Balkans ... P. 101.

²⁴ *Първанов А.* Македонският въпрос от освобождението 1878 до Балканската война 1912 г. // *Изследвания по македонския въпрос*. Книга I. София, 1993. С. 409.

²⁵ Новое время. 1905. 21 мая. С. 2.

посланник Томбазис. В ответ румынское правительство отозвало из Афин и своего дипломатического представителя. Фактически это был разрыв дипломатических отношений, хотя официально обе стороны не объявили об этом. 13 сентября Бухарест объявил о закрытии всех существующих в Румынии греческих школ и церквей, а 22 сентября румынское правительство заявило о расторжении греко-румынского торгового договора 1900 г., что впоследствии нанесло существенный урон греческой экономике²⁶.

Следует отметить, что румынское движение в Македонии в начале XX в. встретило сочувствие и поддержку у македонских болгар. В этот период наблюдается сближение вlahов и болгар на фоне общего соперничества с греками в Македонии. Болгарский экзархат в 1904 г. разрешил даже вlahским священникам проводить службы на их родном языке в церквях, принадлежащих болгарам²⁷. В свою очередь, руководители болгарских революционных комитетов в Македонии, ослабленных после разгрома Илинденского восстания 1903 г., в лице македонских вlahов нашли себе надежных союзников для совместной борьбы с греками. Следствием этого союза стало появление в Македонии смешанных болгаро-вlahских чет, сражавшихся с греческими отрядами²⁸.

Греческая сторона, наблюдая за успехами болгарской и румынской пропаганды в македонских землях, способствовавшей переманиванию славян и вlahов в свой лагерь, стала прибегать к насилию, чтобы, запугав болгарское и вlahское население Македонии, удержать их на своей стороне. Так, например, в начале марта 1906 г. греческие четники вырезали 60 человек беззащитного болгарского населения в селе Загоричани Костурской казы²⁹, а в конце июня 1907 г. греческие четы сожгли весь сжатый хлеб на полях, арендованных болгарами в селе Карлыкеей Сереской казы³⁰. В одном только Битольском вилайете в 1905–1906 гг.

²⁶ Новое время. 1905. 22 сентября. С. 2.

²⁷ Управляющий российским Генеральным консульством в Салониках Дьяченко – российскому поверенному в делах в Константинополе А.Н. Свечину. 18 мая 1904 г. // АВПРИ. Ф. 319. Гражданское агентство в Македонии. Оп. 631. Д. 14. Л. 27 об.

²⁸ Руски документи за Македонија и македонското прашање (1859–1918). Скопје: Державен архив на Република Македонија. 2004. С. 372–373.

²⁹ Н. Демерик – И.А. Зиновьеву. 4 марта 1905 г. // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1907. Д. 2865. Л. 58.

³⁰ Генконсул России в Солуни Н.Н. Кохманский – российскому послу в Константинополе И.А. Зиновьеву. 21 июля 1907 г. // АВПРИ. Ф. 319. Гражданское агентство в Македонии. Оп. 631. 1907. Д. 14. Л. 294.

действовало от 800 до 1000 греческих четников (андартов)³¹. По сведениям австро-венгерского гражданского агента в Македонии, в 1906–1908 гг. андарты убили 531 и ранили 175 жителей Македонии (в основном болгар)³². Греческие четы придерживались той же тактики, что и болгарские – они старались избегать стычек с подразделениями турецкой армии и полиции, нападая в основном на болгарские села и заставляя болгар-экзархистов переходить в подчинение греческого Патриархата³³. По сведениям российского генерал-майора Ф.А. Шостака, участвовавшего с 1904 г., наряду с представителями других европейских держав, в реорганизации турецкой жандармерии в Македонии, греческие четы, прибывавшие в Македонию из Греции, состояли в основном из жителей острова Крит, получавших за свое участие в четах солидное для того времени вознаграждение – по 50 франков в месяц³⁴. По данным российского консула в Солуни А.М. Петряева, каждый грек, арестованный турецкими властями за свое участие в деятельности чет на территории Македонии, получал от греческого правительства за все время нахождения в тюрьме от 50 до 100 франков в месяц³⁵.

В ответ на действия греческих чет, направленных на истребление болгарского населения Македонии, в некоторых болгарских городах в июле 1906 г. прошли антигреческие митинги. Так, 16 июля состоялся антигреческий митинг в городе Филиппополе, в ходе которого в домах греческого квартала были перебиты стекла. Кроме того, в городе было разгромлено более 60 греческих лавок, несколько кофеен и две греческие школы³⁶. 17 июля в результате греческих погромов в городах Бургас и Станисмак было убито несколько греков, а 23 июля 1906 г. в Софии прошел крупный антигреческий митинг, в котором участвовало более 20 000 человек³⁷. Собравшиеся на митинге составили обращение к болгарскому правительству, в котором потребовали: 1) прервать с Грецией дипломатические отношения; 2) уволить всех греков, состоящих на

³¹ История македонского народа. Скопье, 1986. С. 152.

³² Австриски документи за историјата на македонскиот народ 1907–1908. Т. 2. Скопје, 1981. С. 110–111.

³³ Ямбаев М.Л. Македония в 1878–1912 гг. С. 313.

³⁴ Рапорт Ф.А. Шостака – Начальнику Главного управления Генерального штаба России. 25 июля 1906 г. // АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1905/1906. Д. 2726. Л. 237.

³⁵ А. Петряев – И.А. Зиновьеву. 17 июля 1907 г. // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1907. Д. 2867. Л. 112.

³⁶ Новое время. 1906. 18 июля. С. 2.

³⁷ Там же. 25 июля. С. 2.

службе в болгарских правительственных учреждениях; 3) изгнать из Болгарии греческих епископов и учителей, «сеющих смуту и вражду к болгарам». Собрание также предложило болгарскому народу бойкотировать греческие товары³⁸.

Необходимо отметить, что отношение центральной турецкой власти к различным оттенкам националистической пропаганды в Македонии было далеко не одинаковым. Это было типичным приемом национальной политики Турции – поддерживать слабую, менее опасную национальную группу, против сильной. Осуществлялось это при помощи армии и посредством поддержки прочих национальных течений. Так, например, в Косовском вилайете, где сербское население преобладало над болгарским, турецкие власти в церковном и школьном вопросах становились на сторону болгар. В центральной части Македонии, где основную массу населения составляли болгары, турецкие власти поддерживали греков, а в греческих районах, на юге Македонии – влахов³⁹.

Корреспондент российской газеты «Новое время» Н.И. Рус в связи с этим отмечал, что «нельзя не заметить по меньшей мере странного отношения турецких властей к греческим бандам. Вторжение их в Македонию из Греции продолжается постоянно... Редкий день проходит без того, чтобы в одном или другом болгарском селе не было убийства. Турецкие власти оказываются не в состоянии им помешать, а арестованных греческих четников зачастую отпускают»⁴⁰.

Период начала XX в. в истории Македонии был справедливо охарактеризован российскими консулами как «смута». Македонская смута была вызвана целым рядом причин.

В начале XX в., по словам министра иностранных дел России В.Н. Ламздорфа, в Македонии «прорвалась наружу давнишняя взаимная ненависть разноплеменных христианских народностей, в результате чего несчастная страна стала ареной братоубийственных кровавых распрей»⁴¹. В свою очередь, российский посланник в Болгарии Ю.П. Бахметьев отмечал, что «злоба христианских рабов против угнетателей

³⁸ Новое время 1906. 25 июля. С. 2.

³⁹ Управляющий российским Гражданским агентством в Македонии А. Петряев – российскому послу в Константинополе И.А. Зиновьеву. 6 января 1909 г. Годовой отчет за 1908 г. о политическом положении в Македонии // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1909. Д. 2869. Л. 2 об.

⁴⁰ Новое время. 1905. 27 января. С. 2.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1904/1905. Д. 3386. Л. 57.

турок была менее сильна, чем фанатическое соперничество между различными ветвями православной церкви, в особенности болгарами и греками»⁴². И в этом российский дипломат был абсолютно прав. К антагонизму между двумя ветвями одной религиозной конфессии прибавлялась еще и национальная ненависть между греками и славянами, последние только совсем недавно избавились от многовекового засилья греческого духовенства на Балканах и в частности в Македонии.

Российские консулы, начиная с 1904 г., в своих донесениях постоянно сообщали о взаимных убийствах и нападениях друг на друга греков, болгар, сербов и владх в Македонии. Российский гражданский агент в Македонии Н. Демерик, в свою очередь, отмечал, что убийства, поджоги и насилия являются обыденными средствами «патриотической» пропаганды, а местное духовенство, особенно греческое, «открыто проповедует племенное ненавистничество»⁴³.

Наиболее ожесточенная борьба происходила в центральной части Македонии, где в период с 1904 по 1908 гг. совершались самые жестокие насилия и массовые убийства. «Пуля, нож, поджог и новомодная бомба, а с другой стороны – доносы властям, угрожающие письма и взаимное бойкотирование получают все большее употребление между христианами-соперниками», – отмечал Н. Демерик.

Необходимо отметить, что наиболее ожесточенная борьба в Македонии происходила между греками с одной стороны и болгарами и владхами – с другой, а также между болгарами и сербами. Отношения греков с сербами в Македонии были не так напряжены, благодаря заключенному в начале XX в. между греческими и сербскими консулами в Македонии и одобренному обоими правительствами негласному соглашению о разграничении сфер влияния и совместной борьбе с болгарами. По этому соглашению сферы влияния и пропаганда греческой церкви простирались на юг от Битоли, сфера же сербской пропаганды – на север от Крушева и Прилепа. Однако на территории между Крушевом, Прилепом и Битоли все же происходили отдельные столкновения между греками и сербами⁴⁴. Российский посол в Константинополе И.А. Зиновьев в связи

⁴² Ю.П. Бахметьев – И.А. Зиновьеву. 11 мая 1904 г. // АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1904. Д. 2648. Л. 159 об.

⁴³ Выписка из донесений Н. Демерика – И.А. Зиновьеву. 9–10 августа 1905 г. // АВПРИ. Ф. 165. Миссия в Афинах. Оп. 507. 1905. Д. 1369. Л. 184 об.

⁴⁴ А.К. Беляев – И.А. Зиновьеву. 9 марта 1904 г. // АВПРИ. Ф. 319. Гражданское агентство в Македонии. Оп. 631. 1904. Д. 15. Л. 56 об.

с этим справедливо отмечал, что вооруженные столкновения между «экзархистами» и «патриархистами» в Македонии приводят лишь к их взаимному уничтожению и ослаблению местного христианского населения, а также к обострению отношений между Сербией и Болгарией, «что, в свою очередь, как нельзя более на руку Австро-Венгрии и Турции»⁴⁵.

Следует отметить, что борьба между различными христианскими народностями за преобладание в македонских землях способствовала в начале XX в. активизации в Македонии и албанского национального движения. Лидеры македонских албанцев с начала XX в. стали настойчиво требовать от турецких властей официального признания существующих в Македонии албанских национальных общин и предоставления им тех же прав, которые имели остальные общины Македонии, прежде всего, возможность открывать свои национальные школы⁴⁶. Управляющий российским Гражданским агентством в Македонии А.М. Петряев в связи с этим пророчески отмечал в 1908 г., что теперь «албанский элемент будет играть весьма важную роль в дальнейшей судьбе Македонии»⁴⁷.

В результате младотурецкой революции в Османской империи в 1908–1909 гг. национальный вопрос в Македонии получил новый виток своего развития. Младотурки, придя к власти, объявили своей официальной доктриной в национальном вопросе «османизм», зародившийся в Османской империи еще в 1830-е гг. и предполагавший объединение всех народностей, проживающих в Османской империи, в один «оттоманский» народ на основе всеобщего равенства перед законом. Так, согласно 8 статье младотурецкой конституции «все подданные Османской империи, без различия и независимо от исповедуемой ими религии», называются «оттоманами»⁴⁸. Однако, как справедливо отмечал А.М. Петряев, равенство всех национальностей в Македонии, как и во всей Османской империи, было вряд ли достижимо, поскольку «сами турки стремятся к преобладанию над остальными народностями»⁴⁹.

⁴⁵ Секретная депеша И.А. Зиновьева – А.П. Извольскому. 9 мая 1907 г. // АВПРИ. Ф. 166. Миссия в Белграде. Оп. 508/1. 1907. Д. 114. Л. 77.

⁴⁶ Российский генконсул в Солуни А. Петряев – российскому консулу в Битоли А.Н. Свечину. 21 июля 1906 г. // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1906. Д. 2866. Л. 128–128 об.

⁴⁷ Управляющий российским Гражданским агентством в Македонии А. Петряев – российскому послу в Константинополе И.А. Зиновьеву. 6 января 1909 г. Годовой отчет за 1908 г. о политическом положении в Македонии. // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1908. Д. 2869. Л. 6 об.

⁴⁸ *Миллер А.Ф.* Турция: актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983. С. 62.

⁴⁹ Турецкая революция 1908–1909 гг. Документальная публикация // Красный архив. Т. 6. 1930. С. 36.

Следует заметить, что смена турецкого правительства летом 1908 г. и провозглашение нового курса в национальном вопросе привели к временному ослаблению кровавых межнациональных усобиц в Македонии. Лидеры враждующих в Македонии национальных общин заняли выжидательную позицию, решив пока не распускать четы, а лишь временно прекратить вооруженные действия.

С введением в Османской империи конституционного строя, запрещенные ранее болгарские, греческие, сербские, румынские и албанские национальные комитеты в Македонии превратились в различные политические клубы и начали легально осуществлять свою национальную пропаганду.

Наиболее активно свою национальную пропаганду в Македонии после младотурецкой революции стали осуществлять албанцы. В сентябре 1908 г. в Солуни был учрежден албанский национальный комитет Македонии. Наряду с комитетом в Македонии были также открыты албанские политические клубы в Солуни, Битоли, Ускюбе и в некоторых других городах. На заседаниях этих клубов обсуждалась необходимость политической консолидации македонских албанцев, принадлежавших к разным религиозным конфессиям (мусульман, католиков, православных). С этой целью предполагалось активно способствовать открытию в Македонии большого числа албанских национальных школ и широкому распространению албанского языка⁵⁰.

Албанская национальная пропаганда в Македонии, по словам А.М. Петряева, достигла при младотурках значительных успехов. Лидеры македонских албанцев вновь заговорили о создании «Великой Албании» (впервые идея создания на Балканах «Великой Албании» была озвучена во время заседания Албанской (Призренской) лиги в 1878 г. в Косово и Метохии – С. А.). «Албанцы, – писал Петряев, – делают то, что в свое время делали болгарские и греческие четы, т. е. угрозами или обещаниями привлекают на свою сторону македонские села, пытаются доказать, что населяющие Македонию болгары, греки, сербы и вlahи – не что иное, как распропагандированные албанцы»⁵¹.

По инициативе младотурок различные национальные клубы Македонии осенью 1908 г. разработали и представили на рассмотрение

⁵⁰ А. Петряев – И.А. Зиновьеву. 13 сентября 1908 г. // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1908. Д. 2868. Л. 258–258 об.

⁵¹ *Исаева О.Н.* «Македонская смута»: взгляд русских консулов // Славянский сборник. Саратов, 2003. Выпуск 6. С. 116.

турецкому правительству свои проекты по решению остро стоящего в этом крае национального вопроса. Основным пунктом во всех национальных программах различных общин Македонии было право открывать в Македонии средние и высшие учебные заведения с преподаванием на родном языке. Младотурки выступили против такого предложения, заявив, что образование на всей территории Турции, в том числе в Македонии, должно быть унифицированным и осуществляться только на государственном турецком языке⁵².

Таким образом, младотурки, формально выступая за равенство всех народностей в Турции, фактически стали под лозунгом «османизма», проводить политику насильственного отуречивания христианского населения Турции, в том числе Македонии.

Нежелание младотурецкого правительства решать в Македонии национальный вопрос приемлемым для проживающих там народов способом привело к тому, что к концу 1908 г. в Македонии после кратковременного затишья вновь вспыхнули межнациональные распри.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что обострение борьбы между балканскими государствами (Болгарией, Грецией, Сербией и Румынией) за преобладание в Македонии превратило эту область в начале XX в. в арену братоубийственной войны между балканскими народами, невинными жертвами которой стало население этого края и, в первую очередь, славянское, как наиболее многочисленное.

⁵² А. Петряев – И.А. Зиновьеву. 6 января 1909 г. Годовой отчет за 1908 г. о политическом положении в Македонии // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. 1908. Д. 2869. Л. 5 об.

Македония в 1989–1992 гг.: «подаренная независимость» или политическое искусство?

Появление независимой Республики Македония на политической карте Балкан стало закономерным результатом распада Югославской федерации в начале 90-х гг. XX в. Точно так же, как и в других бывших «братских» республиках, процесс государственного строительства сопровождался здесь серьезными внешне- и внутривнутриполитическими проблемами – от систематического противодействия Греции любым попыткам Македонии добиться международного признания и стать полноправным членом мирового сообщества до проявлений сепаратизма и откровенной враждебности значительной части албанского национального меньшинства.

Вместе с тем необходимо отметить тот факт, что Македония оказалась единственной республикой, которая смогла избежать вооруженного конфликта с другими членами Югославской федерации и мирным путём получить государственную независимость. Именно поэтому исторический опыт становления и развития македонского государства представляется нам очень актуальным и ценным, а проблема «бескровного» обретения независимости заслуживающей самого пристального научного внимания.

К сожалению, из-за политических соображений большинство документальных первоисточников по этой теме недоступны для исследователей, что не позволяет в полной мере объективно проанализировать путь Македонии к независимости. Однако с помощью открытых материалов прессы, мемуаров современников, некоторых опубликованных документов можно составить довольно точную картину тех событий.

После смерти Й.Б. Тито Югославия начала все глубже погружаться в пучину межнационального противостояния. В конце 80-х гг. XX в. в различных национальных республиках уже открыто разрабатывали собственные платформы реструктуризации СФРЮ и планы достижения суверенитета, жестко критикуя не только существующий общественно-

политический строй или социально-экономическую систему, но и само федеративное устройство государства.

Однако в этот период в Македонии так и не было разработано никакой программы национального развития по примеру «Декларации о названии и положении хорватского литературного языка», «Исламской декларации», «Меморандума Сербской академии наук и искусств» о статусе сербов в Югославии и т.д. Выход из федерации для этой республики означал потерю важных источников финансирования экономического развития, разрушение отлаженной и действующей на протяжении десятилетий сети коммуникаций и промышленной инфраструктуры. Македония оставалась открытой перед претензиями соседних государств и, собственно, угрозой возобновления «македонского вопроса».

Политика югославского руководства способствовала укреплению и развитию македонской национальной идентичности¹. Благодаря финансовой поддержке центра, аграрная Македония преобразовалась в аграрно-промышленную республику. За период с 1966 по 1990 гг. из союзного бюджета она получила около 2,6 млрд. долларов инвестиций и кредитов². Ежегодный рост выпуска промышленной продукции в Македонии, Боснии и Герцеговине, Черногории и Косово превышал среднегодовые темпы роста Югославии в целом. В то же время Македония оставалась одной из наименее развитых республик федерации³. Экономическая отсталость привела к зависимости от капиталовложений союзного Фонда для неразвитых регионов.

¹ В югославский период кодифицирован македонский язык (1945 г.), построена сеть средних образовательных учреждений, открыт первый македонский университет свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (1949 г.), основан Союз писателей Македонии (1947 г.), Институт национальной истории (1948 г.), Институт фольклористики имени Марка Цепенкова (1950 г.), Государственный архив НР Македонии (1951 г.), Союз историков Македонии (1952 г.), Институт македонского языка имени Крсте Мисиркова (1953 г.), учреждена Македонская академия наук и искусств (1967 г.), университет св. Климента Охридского в Битоле (1979 г.).

² Грујоски Т. Распадот на СФРЈ, студија и сведоштво. Скопје, 2003. С. 307.

³ Доля совокупного ВВП Македонии (территория которой по отношению к федерации составляла 10,1 %, а население – 8,8 %) насчитывала 5,8 % от общего показателя союзного бюджета. См.: Узунов Н. Стопанството на Република Македонија: 1945–1990 // Statistički godišnjak Jugoslavije 1988. Скопје, 2001. С. 163. Доля ВВП на душу населения в Македонии составляла 62,4 % от общего показателя по федерации, тогда как в Хорватии он был равен 128 %, а в Словении – 226,2 %. См.: Узунов Н. Стопанството на Република Македонија. С. 165.

Демографические показатели также не являлись стабилизирующими факторами. Население Македонии было одним из наиболее этнически пестрых среди других югославских республик, поэтому волна нарастающего национализма в Словении, Хорватии, Сербии и Косово не могла не повлиять на события в республике. В ответ на массовые демонстрации албанцев в Косово и Западной Македонии в 1981 г. Президиум Центрального комитета Союза коммунистов Македонии (ЦК СКМ) официально заявил, что «албанский национализм и ирредентизм» может вызвать значительные последствия и в Македонии⁴. Албанский сепаратизм, который вылился в массовые демонстрации в 1988–1989 гг., заставил республиканское руководство изменить конституцию и назвать македонский народ государствообразующей нацией. Так, Конституция Социалистической Республики Македония 1974 г. определяла ее как «государство македонского народа, албанской и турецкой народностей в ней»⁵. Согласно же поправке LVI Конституции СРМ (принятой в июле 1989 г.), Македония провозглашалась «национальным государством македонского народа», а также «союзом рабочих и граждан, македонского народа и равноправных с ним других народов и народностей»⁶.

С углублением кризисных явлений во всех сферах жизнедеятельности югославской федерации, радикально настроенные руководители компартий Словении и Хорватии под лозунгом «Европа сегодня» требовали самостоятельности в пределах Союза коммунистов Югославии, приватизации народного хозяйства, реструктуризации политико-правовой системы СФРЮ на конфедеративных принципах. Противоположного мнения придерживались сербские лидеры, которые отстаивали политику дальнейшей централизации федерации и проведения экономических реформ в рамках социалистической модели. У партийного руководства Македонии не было единой позиции относительно реформирования структуры партии, общественно-политической и социально-экономической системы СФРЮ, а в самом ЦК СКМ выделились два течения – консерваторов и реформистов. В результате жесткой дискуссии относительно будущих преобразований был достигнут компромисс, который предусматривал реформу экономической системы с учетом «всех видов

⁴ Милосавлевски С. Албанците во Република Македонија 1945–1995: легислатива, политичка документација, статистика. Скопје, 1997. С. 150.

⁵ Устав на Социјалистичка Федеративна Република Југославија; Устав на Социјалистичка Република Македонија. Чл. 1. 2. изд. Скопје, 1978.

⁶ Службен весник на Социјалистичка Република Македонија. 1989 г. Бр. 29.

собственности», а также либерализацию общества на основе «свободы политической организации», однако «в рамках социализма»⁷.

X Конгресс Союза коммунистов Македонии 25–27 ноября 1989 г. отверг партийную монополию и утвердил «либеральную» концепцию политической организации общества. СКМ признал существующую модель социализма (общественную собственность, самоуправление, однопартийную систему) исторически устаревшей и провозгласил, что единственным выходом из сложившегося политического и экономического кризиса в стране является проведение структурных реформ, развитие смешанной системы хозяйствования, рыночной экономики и многопартийной системы⁸. Впервые в СКМ произошли кадровые перемены. Выборы главы и членов руководства партии были проведены на основании тайного голосования при участии нескольких кандидатов. Главой македонских коммунистов был избран сторонник реформ П. Гошев⁹.

Для сравнения можно отметить, что словенские партийные лидеры действовали куда более решительно. 27 сентября Словения в одностороннем порядке приняла поправки к республиканской конституции, которые задекларировали экономическую независимость страны, верховенство права республики над союзным законодательством, а также право на самоопределение с возможностью выхода из СФРЮ.

Углубляющийся югославский кризис заставил македонское руководство активнее искать возможные пути его решения. В составе СКМ во главе с П. Гошевым была сформирована Комиссия по вопросам реформ в составе ученых, культурных деятелей и политиков, призванная решить проблемы дальнейшего общественно-политического и социально-экономического развития республики¹⁰. Комиссия так и не завершила свою работу, однако она, работая в контексте программы реформ премьер-министра Югославии А. Марковича, внесла свой вклад в дискуссию о механизмах внедрения рыночных отношений, проведения приватизации, становления демократических институтов.

Македонские интеллектуалы также включились в обсуждение планов преобразования Югославии и будущего Македонии в составе

⁷ Македонија: 1989–1999. Скопје, 2001. С. 60–63.

⁸ Там же.

⁹ Милосавлевски С. Источна Европа помеѓу егалитаризмот и демократијата. Скопје, 1993. С. 140.

¹⁰ Глигоров К. Македонија е сè што имаме. Скопје, 2001. С. 147.

федерации. В декабре 1989 г. в Скопье по инициативе академика Б. Ристовского был сформирован Форум по подготовке национальной программы Македонии, в который вошли академики Г. Старделов, К. Богоев, Г. Ефремов, Ц. Грозданов, А. Христов, Е. Димитров, а также ряд политических деятелей. На его заседаниях активно дискутировались возможность трансформации Югославии на конфедеративных началах и необходимость провозглашения независимости Македонии. Как вспоминает один из участников Форума К. Глигоров, главной задачей было «не принимать поспешных решений», но, ввиду очевидной дезинтеграции СФРЮ, ориентироваться на создание самостоятельного государства¹¹. Недостатком Форума была его непрозрачность, поскольку материалы работы собраний не освещались в прессе и были недоступны широкой общественности.

XIV съезд Союза коммунистов Югославии в январе 1990 г. закончился полным провалом. Позиция македонской делегации в моменты острой внутривластной конфронтации свелась к тому, что, ввиду отсутствия словенской и хорватской делегаций (которые покинули зал заседания), нет «конституционных и политических оснований продолжать работу конгресса»¹². Отстаивая нейтральную позицию, македонские лидеры тем самым фактически поддержали линию Словении и Хорватии.

Распад СКЮ имел существенные последствия и для Македонии. Он привел к массовому росту новых политических партий и окончательно повлиял на поворот в официальной позиции Македонии относительно будущего Югославии. Через месяц после январского съезда СКЮ в интервью газете «Вечер» лидер македонских коммунистов П. Гошев заявил, что СКМ трансформируется в новую социал-демократическую партию и будет принимать участие в многопартийных выборах. Как отмечает македонский исследователь Ж. Даскаловский, македонский путь к демократии прямо зависел от того, насколько «либералы» в СКМ были уверены в том, что демократизация обеспечит им победу на выборах¹³. Вслед за Союзной Скупщиной СФРЮ Собрание СР Македонии 13 апреля приняло поправки к Закону о гражданских организациях, разрешающие формирование политических партий¹⁴.

¹¹ Там же. С. 149.

¹² Нема услови за продолжување со работата // Нова Македонија. 24 јануари 1990 г.

¹³ *Daskalovski Z. Democratisation in Macedonia and Slovenia // South-East Europe Review. Vol. 2. N. 3. October 1999. P. 39.*

¹⁴ Службен весник на Социалистичка Република Македонија. 1990 г. Бр. 12.

Тем самым открылась возможность альтернативного выражения гражданской позиции через общественные организации и объединения. С начала 1990 г. активную деятельность начали такие общества как «Оп-станок», «Вевчани», «Молика-Битола», «Вино жито»-Штип, Союз безработных, Лига защиты прав граждан и демократических преобразований и т.д. Только на протяжении 1990 г. были созданы 23 политические партии и объединения¹⁵. Периодическим изданием, сыгравшим важную роль в формировании благоприятного «климата» для свободы слова в Македонии, стал вестник «Млад борец», на страницах которого обсуждались ранее запрещенные темы. Активизировала свою деятельность и Македонская православная церковь. По согласованию с республиканским руководством в 1990 г. началось строительство кафедрального собора в Скопье. Важным моментом деидеологизации государствообразующих традиций македонского народа была реабилитация македонского политического деятеля Методии Андонова-Ченто, главы первого правительства Македонии времен Второй мировой войны, борца за независимость республики, репрессированного югославским руководством как враг государства.

Предвестником большинства партий националистического толка стала ассоциация МААК (Движењето за Семакедонска Акција – МААК), провозгласившая необходимость полного духовного объединения всех македонцев, интернационализацию македонского национального вопроса и урегулирование отношений с соседними государствами. В свою очередь программа Внутренней македонской революционной организации – Демократической партии македонского национального единства (ВМРО–ДПМНЕ), считавшей себя наследницей одноименной исторической организации, обрисовывала Югославию как конфедерацию, в которой Македония наделялась суверенным государственным статусом, при этом союзное государство должно было гарантировать целостность македонского суверенитета и начать переговоры с соседними странами относительно объединения Македонии¹⁶.

Под влиянием тенденций в македонском обществе республиканское руководство начало активно проявлять заботу о македонском национальном меньшинстве в соседних государствах. По инициативе

¹⁵ *Мојаноски Ц.* Социјален и политички профил на политичките партии во Македонија. Шибер, Скопје, 1996. С. 6.

¹⁶ *Избори '90, Политичките партии во Македонија (изборни програми, изборни закони, кандидати по изборни единици).* Скопје, 1990. С. 136–147.

Македонии Скупщина СФРЮ в феврале 1990 г. направила письменное обращение Народному собранию Болгарии об обеспечении прав развития и сохранения идентичности македонского меньшинства. Также в июне на конференции ОБСЕ по правам человека югославская делегация предоставила меморандум, подготовленный в Скопье, о дискриминации македонского национального меньшинства в Албании, Болгарии и Греции¹⁷.

В это время события в Любляне и Загребе развивались невероятно быстро. 2 июля 1990 г. Скупщина Словении провозгласила Декларацию о суверенитете, 25 июля Сабор Хорватии принял поправки к конституции, а также утвердил новые государственные символы. Македонское же руководство заняло выжидательную позицию. По мнению ее лидеров, ни конфедеративная, ни федеративная концепции политического устройства Югославии не могли быть полностью приемлемыми для выхода из кризисной ситуации и требовали более детального рассмотрения¹⁸. Фундаментальными основами будущего конституционного преобразования югославской федерации должны были стать «гарантия интересов и равноправие республик и народов Югославии», сбережение суверенитета республик и действующих внутренних границ¹⁹.

Конституция Сербии от 28 сентября 1990 г. задекларировала ее как «демократическое государство всех граждан», а также лишила значительной части автономии Косово и Воеводину. Новая Конституция Хорватии от 22 декабря провозгласила ее «национальным государством хорватского народа». На референдуме 23 декабря в Словении 86 % граждан высказались за независимость государства. В такой ситуации, чтобы выступать равноправным участником переговорного процесса по трансформации Югославии, Македонии нужно было конкретизировать собственную позицию. К концу 1990 г. во всех республиках прошли выборы, в результате которых, за исключением Македонии, к власти пришли националистические партии.

Первые многопартийные выборы в Македонии 25 ноября 1991 г. не принесли абсолютного большинства голосов ни одной из партий. Хотя ВМРО–ДПМНЕ и получила наибольшее количество мест (38), но из-за идеологических противоречий с другими партиями она не смогла

¹⁷ Документи за Република Македонија 1990–2005. Скопје, 2008. Док. 13.

¹⁸ Там же. Док. 15.

¹⁹ Там же.

сформировать парламентскую коалицию. Кроме националистов в парламент попали реформированные коммунисты из Союза коммунистов Македонии – Партии демократических преобразований (31), албанская Партия демократического прогресса (17), Союз реформистских сил Македонии (11), Социалистическая партия (4) и пр. Такой баланс сил усложнял процесс назначения на ключевые государственные посты. 73-летний кандидат от СКМ–ПДП К. Глигоров только со второй попытки был избран президентом страны из-за несогласия ВМРО–ДПМНЕ, считавшей его номенклатурным югославским политиком, действовавшим в сербских интересах²⁰. Фрагментированный и полицентрический парламент на протяжении четырех месяцев не мог назначить правительство, а также достигнуть единства в вопросах позиции Македонии относительно будущего СФРЮ.

Еще на первом учредительном собрании многопартийного парламента Македонии 9 января 1991 г. ВМРО–ДПМНЕ предложила собственный вариант «Декларации о независимости и суверенитете», согласно которой Собрание СРМ должно было в одностороннем порядке провозгласить независимость республики²¹. Однако вся полнота власти находилась в руках коммунистов, поэтому их политический опыт и влияние на инфраструктуру государственного управления предопределили официальную линию Македонии, которая двигалась в фарватере политики СКМ–ПДМ, рассматривая будущую Югославию как федеративное демократическое объединение, «новое союзное государство». При этом в программе партии указывалось, что при подписании межреспубликанского договора СКМ–ПДП готова принять конфедеративный статус Югославии или поддержать самостоятельность македонского государства²².

После длительного обсуждения первым шагом на пути утверждения государственного суверенитета Македонии стала единогласно принятая 25 января 1991 г. Собранием СРМ «Декларация о суверенитете Социалистической Республики Македония». Этим политико-правовым документом подтверждалось право македонского народа на самоопределение, в том числе право на выход из федерации. Декларация предоставила

²⁰ Не е избран Претседател на Републиката // Нова Македонија. 20 јануари 1991 г.

²¹ ВМРО–ДПМНЕ предлага декларација за независност на Македонија // Нова Македонија. 10 јануари 1991 г.

²² Избори'90, Политичките партии во Македонија. С. 6–35.

приоритет верховенству права республики над правовым порядком союзного государства²³. Декларация о суверенитете, проявляя политическую волю македонского народа, стала фундаментом строительства будущих отношений между федерацией и Республикой Македония, которая выступала за равноправные отношения между республиками и мирное разрешение противоречий.

В этот день парламент республики также принял «Платформу СРМ о будущем устройстве Югославии», основанную на определении Македонии как суверенного национального государства. В документе речь шла о готовности республики к участию в переговорах. Согласно с текстом «Платформы», будущая Югославия в пределах существующих границ преобразовывалась в «содружество суверенных государств», объединенных на основании общих, в первую очередь экономических интересов. Единными должны были стать валютная и таможенная системы, рынок со свободным передвижением товаров, капитала и труда, а также вооруженные силы. Представление интересов республик на международной арене возлагалось на югославское содружество. В то же время каждое из суверенных государств наделялось правом устанавливать отношения и сотрудничать с другими государствами и экономическими группами в сфере экономики, культуры и пр. Подчеркивалось, что до подписания договора о будущем устройстве Югославии федерация должна исполнять свои обязательства по отношению к Македонии, которая осуждает односторонние действия отдельных республик, разрушающих экономическую систему югославского государства²⁴.

Следует отметить, что во время обсуждения текста «Платформы» в парламенте большинство депутатов албанцев отмечали антиалбанскую направленность документа. По их мнению, упомянутый союз суверенных государств стал бы одной из форм дискриминации албанского населения, разделенного в трех республиках с доминирующим «славянским элементом», делая невозможным создание их собственного этнического государства на югославском пространстве²⁵. Обеспокоенность соседних государств вызвало неоднозначное положение «Платформы» о твердом намерении Македонии заботиться и отстаивать права собственного национального меньшинства в других странах²⁶.

²³ Документи за Република Македонија 1990–2005. Док. 16.

²⁴ *Максимовски И.* Македонија во стратегијата на Претседателот. Скопје, 1995. С. 351.

²⁵ *Андов С.* На мој начин. Скопје, 2003. С. 313.

²⁶ *Глигоров К.* Македонија е сè што имаме. С. 171.

Однако по своей сути «Платформа» была декларативным документом и не являлась инициативой или проектом трансформации СФРЮ.

В ходе переговоров на высшем уровне все более очевидным оказывалось желание Словении и Хорватии выйти из СФРЮ. Напротив, Сербия и Черногория пытались уберечь государство от дезинтеграции. В то же время Македония, Босния и Герцеговина свое участие в переговорах обуславливали обязательным участием всех республик. После заседания Президиума СФРЮ 22–23 февраля 1991 г., на котором обсуждались принципы конституционного преобразования Югославской федерации, президент Македонии К. Глигоров заявил, что Македония выступает за «союз суверенных государств» и не приемлет вариант «асимметричной федерации», если Словения и Хорватия выйдут из Югославии²⁷.

Так, во время пребывания главы Македонии в Сараево в январе 1991 г. президенты договорились уважать интересы республик²⁸. В начале февраля 1991 г. Скопье и Любляна определили, что новый договор о будущей Югославии должен быть заключен мирным путем и с согласия всех сторон. А объединение республик в союзном государственном образовании возможно на основании их полного суверенитета. После этого 9 февраля в интервью газете «Нова Македония» К. Глигоров еще раз подчеркнул, что существование СФРЮ без одной или двух республик невозможно. В конце месяца на встрече президентов Македонии и Хорватии стороны договорились, что существующие административные границы между республиками должны стать границами между суверенными государствами²⁹.

В это же время Скопье начинают активно посещать зарубежные делегации из Германии, США, Турции, России, Болгарии и других стран, которые выражали заинтересованность своих государств и международного сообщества в позиции Македонии относительно будущего Югославской федерации³⁰.

Очередное обострение югославского кризиса последовало за уходом в отставку главы Президиума СФРЮ Б. Йовича. Следует отметить, что Македония высказалась за легитимное избрание главой Президиума

²⁷ Македонија не е за делумна федерација: Претседателот на Македонија Киро Глигоров, по седницата на Претседателството на СФРЈ // Нова Македонија. 24 февруари 1991 г.

²⁸ Почитување на интересите на двете републики // Нова Македонија. 30 јануари 1991 г.

²⁹ Сувереноста на републиките основа за идниот договор: македонско-хрватски разговори // Нова Македонија. 20 февруари 1991 г.

³⁰ Тунтев А. Македонија: прва декада: 1990 – 1999. Скопје, 2005. С. 105–152.

СФРЮ хорватского делегата С. Месича (который не набрал нужное количество голосов) как необходимого условия преодоления конституционного и политического кризиса, обеспечения дальнейшей работы Союзного Исполнительного Веча и Скупщины СФРЮ³¹.

С началом вооруженных столкновений в Хорватии в марте 1991 г. группа депутатов ВМРО–ДПМНЕ выдвинула требование вывода подразделений Югославской народной армии с территории Македонии³². Кульминационным моментом для проявления недовольства македонского общества выжидательной политикой собственного руководства стало сообщение о гибели 19-летнего македонского военнослужащего С. Гешовского во время конфликта в Сплите³³. Вследствие эскалации военных действий президент К. Глигоров заявил, что Македония выйдет из Югославской федерации, если это сделают Словения и Хорватия. Парламент Македонии обязал правительство обратиться в Союзный секретариат народной обороны и Генштаб СФРЮ для подтверждения факта роста численности македонских призывников в ЮНА³⁴. Также правительство обязывалось урегулировать вопрос о прохождении службы македонскими военными на территории республики³⁵.

В начале июня 1991 г. на саммите «шестерки» президентов югославских республик Македония совместно с БиГ представили для рассмотрения собственную инициативу трансформации СФРЮ. Названная именами своих творцов «Платформа Глигорова–Изетбеговича» была компромиссным решением между моделями конфедеративного и федеративного устройства Югославии. Концепция этого проекта предусматривала сохранение территориальной целостности Югославии только путем ее преобразования в союз суверенных республик, которые будут

³¹ Документи за Република Македонија 1990–2005. Док. 19.

³² Повлекување на ЈНА од Македонија: соопштение од Централниот управен одбор на ВМРО–ДПМНЕ // Нова Македонија. 5 март 1991 г.

³³ Македонските војници нема да бидат жртви на политички игри // Нова Македонија. 10 мај 1991 г.

³⁴ 6 марта Скупщина Словенији ввела мораториум на отправка призывников в ЮНА. За период с 6 мая 1991 г. по 27 февраля 1992 г. в военных действиях на территории Югославии погибло 44 солдата и офицера из Македонии. См.: *Марковски С.* Татковино, за кого се бориме: (за македонските војници кои беа последни регрути во ЈНА и кои загинаа или останаа тешки инвалиди во туѓите војни низ СФР Југославија во 1991–1992 година). Скопје, 1999. С. 213.

³⁵ Документи за Република Македонија 1990–2005. Док. 18.

обладать государственно-правовым статусом³⁶. За народами оставалось право на самоопределение, которое могло быть осуществлено путем референдума. При этом подчеркивалось, что право его организации принадлежит гражданам на уровне республик, а не «разделенному народу», который реализует свои права в нескольких республиках³⁷. Это положение было особенно важным, принимая во внимание расселение албанцев и сербов в Югославии.

Общие экономические интересы должны были организационно преобразовать Югославию по примеру ЕС. В будущем югославском союзе оставались едиными рынок, связь, транспортная сеть и энергетика, валюта, банковская система, таможенная политика и оборонная система. Союзные органы власти (парламент, коллективный глава государства, совет министров и др. ведомства) должны были отвечать принципам равноправного представительства всех республик³⁸.

В сфере внешней политики членам союза предоставлялась самостоятельность. При этом часть своего суверенитета республики должны были передать содружеству, преемнику СФРЮ. Подчеркивалось, что республики будут выступать как международно-правовые субъекты согласно их признанию со стороны мирового сообщества. В условиях, когда все очевиднее становилась международная поддержка независимости Словении и Хорватии, их признание не противоречило бы функционированию югославского содружества. Параллельно другие республики могли входить в союз без статуса международно-признанных государств³⁹. Таким образом, «Платформа Глигорова–Изетбеговича» о будущем устройстве Югославии предусматривала ее трансформацию в «асимметричную конфедерацию», в которой члены содружества обладали бы различным международно-правовым статусом.

Президенты югославских республик позитивно восприняли общую концепцию БиГ и Македонии. Союзное исполнительное вече СФРЮ было готово приступить к формированию экспертных групп по разработке функций будущего содружества. Также «Платформа» получила положительные отзывы со стороны международного сообщества⁴⁰.

³⁶ Там же. Док. 20.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ По поводу «Платформы» как альтернативного плана выхода из югославского кризиса в своих мемуарах К. Глигоров вспоминает трагико-анекдотичные слова сопредседателя

Однако конфликт интересов республик predetermined как неудачу «Платформы Глигорова–Изетбеговича», так и провал других концепций компромиссного урегулирования югославского кризиса.

После заявления Словении и Хорватии о выходе из Югославии Собрание Республики Македония⁴¹ опубликовало заявление о готовности страны защищать собственные интересы. На расширенном собрании Президиума СФРЮ, при участии президентов всех республик, 22 июля 1991 г. в Охриде представитель Македонии предложил подписать «Охридское заявление» о неприменении оружия, функционировании федеральных органов власти на время действия моратория и отсутствия договора о будущих отношениях⁴².

В меморандуме к странам-членам Европейского содружества Македония раскрыла свое видение Югославии как равноудаленного союза суверенных государств. Указывалось, что будущее Македонии зависит от результатов референдума, то есть воли ее граждан⁴³. В этом смысле Македония не поддержала «Белградскую инициативу по мирному и демократическому решению югославского кризиса», предложенную в августе 1991 г. Сербией, Черногорией и БиГ.

Следует отметить, что проведение референдума как необходимого условия провозглашения независимого государства остро дискутировалось на политической сцене Македонии. В парламенте обговаривалось участие республики в «укороченном» варианте Югославии (без Словении и Хорватии), а также выбор из двух альтернатив: вхождение в союз шести независимых государств или строительство независимой и суверенной Республики Македония. Албанские партии оставались в стороне от этих дебатов, выступая с позиции «права на самоопределение албанского народа в Югославии»⁴⁴.

МКБЮ лорда Карингтона: «Господин Глигоров, все это хорошо, но имеет один большой недостаток – это все рационально. А ситуация в Югославии таковой не является!» Цит. по: *Глигоров К.* Македонија е сè што имаме. С. 257.

⁴¹ С принятием поправки LXXXII Конституции СРМ от 07.06.91 г. из названия республики исключалось слово «социалистическая», с этих пор конституционное название страны фигурирует как «Республика Македония». См.: *Службен весник на Република Македонија.* 1991 г. Бр. 27.

⁴² Средба во Охрид // *Нова Македонија.* 23 јули 1991 г.

⁴³ Документи за Република Македонија 1990–2005. Док. 25.

⁴⁴ *Андов С.* На мој начин. С. 324.

С одной стороны, 26 июля 1991 г. на рассмотрение парламента был представлен проект депутатской группы СДСМ (Социал-демократический союз Македонии, ранее СКМ–ПДП) и СРСМ – Либеральной партии о проведении всенародного референдума. Предусматривалось, что граждане будут отвечать на следующий вопрос: «Выступаете ли вы за создание независимого и суверенного государства Македония и ее вступление в союз суверенных государств Югославии?»⁴⁵. С другой стороны, депутаты ВМРО–ДПМНЕ высказались за принятие декларации о независимости Республики Македония непосредственно парламентом без проведения референдума. При этом указывалось, что Антифашистское собрание народного освобождения Македонии еще 50 лет назад провозгласило Македонию государством, поэтому ее суверенитет и потерянные права может вернуть парламент при помощи конституции. Наконец, согласившись на референдум, ВМРО–ДПМНЕ сформулировала следующие вопросы для граждан: 1) «Выступаете ли вы за суверенную и самостоятельную Республику Македония?» и 2) «Выступаете ли вы за шесть югославских суверенных государств?»⁴⁶. В парламенте также высказывались опасения о риске вооруженного конфликта, поскольку ЮНА все еще оставалась на территории Македонии, а также о возможном провале референдума, что могло вызвать претензии со стороны соседних государств⁴⁷.

В результате столкновения различных подходов между левыми и правыми партиями решение о проведении референдума было принято, но вопрос, на который должны были ответить граждане, обрел новую формулировку: «Выступаете ли вы за независимое и суверенное государство Македонию с правом вступления в будущий союз суверенных государств Югославии?»⁴⁸. Данная постановка вопроса оставляла место для маневра македонской политики на переговорах относительно государственного единства Югославии и в случае заключения договора о союзном государстве.

Успешное завершение референдума 8 сентября 1991 г., на котором за независимость государства проголосовало более 75 % граждан,

⁴⁵ *Кљусев Н.* Патот кон независноста на Република Македонија // 100 години Илинден. Скопје, 2005. Том 1. С. 107–108.

⁴⁶ Там же. С. 108–110.

⁴⁷ *Кoj ja предава Македонија* // Нова Македонија. 7 август 1991 г.

⁴⁸ *Службен весник на Република Македонија.* 1991 г. Бр. 37.

и новая конституция от 17 ноября, задекларировавшая национальный характер македонского государства, знаменовали окончательное оформление нормативно-правовых основ независимой Республики Македония. Однако тот факт, что формирования Югославской народной армии оставались на территории страны, значительно ограничивал политическую свободу действий македонского руководства. В течение года выход ЮНА из Македонии, вместе с решением имущественных вопросов, преднамеренно затягивался как югославским командованием, так и македонским правительством.

В январе 1992 г. Македония получила позитивные заключения Международной арбитражной комиссии о выполнении необходимых критериев международного признания независимости государства⁴⁹. Собрание РМ 14 февраля 1992 г. приняло закон, утвердивший оборонную самостоятельность государства⁵⁰. Но Президиум СФРЮ в противовес самостоятельным действиям македонской стороны определил, что ЮНА покинет территорию республики только после подписания окончательного договора о решении югославского кризиса. Такое заключение обосновывалось нарушением Македонией конституционно-правовой системы Югославии, поскольку республика в одностороннем порядке приняла акты о создании независимого государства, а также прекратила финансирование и мобилизацию призывников в ЮНА⁵¹. И это несмотря на то, что по оценкам министерства обороны РМ на начало 1992 г. около 80 % вооружения, медицинского оборудования и прочих материально-технических средств, предназначенных для нужд армии, было вывезено из Македонии⁵².

После напряженных переговоров между македонской стороной, возглавляемой президентом К. Глигоровым, и представителями ЮНА во главе с генерал-лейтенантом Б. Аджичем (и.о. союзного секретаря Народной обороны Югославии), удалось достичь соглашения о выводе подразделений югославской армии из Македонии. Согласно договору от 21 февраля 1992 г. формирования ЮНА должны были покинуть территорию

⁴⁹ Документи за Република Македонија 1990–2005. Док. 64.

⁵⁰ Службен весник на Република Македонија. 1992 г. Бр. 8. 17 септември 1991 г. Парламент Македонија запрети да се призиваат македонски војнослужбеници во југословска армија.

⁵¹ *Кљусев Н.* Предизвици. Кн. 2, Бессони ноќи. Скопје, 1998. С. 151–159.

⁵² *Кљусев Н.* Патот кон македонската независност. Скопје: Матица македонска, 2001. С. 246–247.

государства до 15 апреля 1992 г.⁵³ Потеряв оружие, все военное имущество, оставшееся в собственности ЮНА, Республика Македония все же обрела окончательную самостоятельность.

Можно обвинять македонское руководство в отсутствии решительных действий в борьбе за государственную независимость. Однако Македония не имела столь влиятельных покровителей, которыми для Словении и Хорватии являлись ключевые государства Европейского сообщества. К тому же страна обладала гораздо меньшим экономическим потенциалом, как уже говорилось выше. В окружении далеко не доброжелательных соседей, любые резкие действия могли вызвать их негативную реакцию с непредсказуемыми последствиями. Отметим, что в силу сложившихся обстоятельств, политические лидеры Македонии действовали достаточно последовательно, придерживаясь главного принципа – достижения независимости «малой кровью», чтобы уберечь страну от вовлечения в братоубийственное кровопролитие. Не отрицая политическое искусство македонского руководства, следует также учитывать и тот факт, что сербское меньшинство не составляло скольконибудь значительной политической силы в этой югославской республике и не имело предпосылок присоединения к Сербии или организации собственной автономии. Театр военных действий в результате дезинтеграции Югославии развернулся далеко от македонских границ, в отличие от проходившего в непосредственной близости Косовского кризиса, последствия которого в 2001 г. обернулись для «мирной» Македонии вооруженным этнополитическим конфликтом.

⁵³ Документи за Република Македонија 1990–2005. Док. 44.

Россия и «новый македонский вопрос»: российско-македонские отношения в 1991–1994 гг.

Македонский вопрос в XIX – начале XX вв. традиционно считался одной из самых сложных проблем Балканского полуострова¹. После некоторого затухания остроты конфликта или скорее утраты интереса к нему из-за глобальных потрясений XX в. теперь уже «новый македонский вопрос»² становится предметом изучения ученых. Провозглашение независимого македонского государства осенью 1991 г. внешне произошло достаточно спокойно. Новое балканское государство не имело таких проблем, как западные республики Югославии. Если в Хорватии и Боснии шли кровопролитные межэтнические гражданские войны, то в Македонии Югославская народная армия (ЮНА) покидала свои казармы без единого выстрела. Однако именно Республика Македония (РМ) осталась единственной республикой бывшей Югославии, которая до сих пор не признана под своим конституционным названием ООН.

В конце XIX – начале XX в. интерес к Македонии, находившейся в то время в составе Османской империи, стали проявлять как разные политические силы в России, так и первые серьезные исследователи³. После Первой балканской войны Македония оказалась разделенной между Сербией (Вардарская Македония), Грецией (Эгейская Македония) и Болгарией (Пиринская Македония), а после Первой мировой войны Вардарская Македония вошла в Королевство сербов, хорватов и словенцев. После Октябрьской революции и весь межвоенный период

¹ «Македонский вопрос» – спор об этнической (национальной) принадлежности славянского населения Македонии и об ее истории в целом.

² Термин, введенный в современную историографию Джеймсом Петтифером в сборнике *The New Macedonian question* / Ed. by J. Pettifer. New York, 2001.

³ Македонското прашање во документите на коминтерот / Под ред. Поповски В., Жила Л. Т. 1. Скопје, 1999. С. XXVII–XXIX.

в Македонии проживало значительное число русских беженцев – сторонников белого движения, особенно, священнослужителей и монахов⁴.

Но если православных людей интересовала вера, то тех, кто изгнал их из России, интересовала политика: македонский вопрос активно обсуждался на заседаниях Коминтерна и позднее фигурировал в планах коммунистического движения⁵. После Второй мировой войны в составе Югославии была образована Социалистическая Республика Македония. Конфликт между Сталиным и Тито в 1948 г. привел к замораживанию отношений между СССР и Югославией и, соответственно, Македонией. Одновременно, после Гражданской войны в Греции (1946–1949 гг.) СССР принимает значительное число беженцев из северных областей Греции.

В рамках нормализации советско-югославских отношений во второй половине 50-х годов XX в. развивалось и сотрудничество с Республикой Македонией. Однако македонский вопрос в СССР старались не затрагивать из-за крайне болезненной реакции на него в Болгарии. Соответственно, македонская тематика практически исчезла из отечественной историографии вплоть до распада СФРЮ⁶.

Начало последнего десятилетия прошлого века коренным образом изменило соотношение сил на Балканах. Однако для Министерства иностранных дел сначала СССР, а затем и РФ проблема Югославии при всей ее драматичности и остроте явно была вторичной, несмотря на традиционный интерес России к балканскому региону. Причины этого вполне ясны – крайне сложная внутренняя ситуация в стране и курс на стратегическое партнерство с США, идеологом которого был министр иностранных дел РФ А.В. Козырев⁷. В связи с этим многие отечественные исследователи и публицисты вполне обоснованно констатировали пассивность российской внешней политики на Балканах и в бывшей

⁴ Трајковски Н. Свата Русија. Записи од Македонија. Скопје, 2009. С. 24–25.

⁵ Македонското прашање во документите на Коминтерот. С. XCIV–XCV.

⁶ Наилучшей иллюстрацией отечественной македонистики, пожалуй, служит монография К.Л. Струковой, опубликованная лишь в 2004 г. через много лет после смерти автора: Струкова К.Л. Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XIX века. М., 2004.

⁷ Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002. В 3 т. Т. 3. С. 407.

Югославии в тот период⁸. На периферии внимания российского МИД оказалась и Македония.

Стоит отметить, что Республика Македония фактически сама стала инициатором установления дипломатических отношений между двумя государствами. Причины этого были очевидны: обретя независимость после референдума 8 сентября 1991 г., Македония к началу следующего года сумела добиться весьма ограниченного числа признаний (впоследствии РФ оказалась лишь шестой страной, признавшей РМ). В условиях нарастания кризиса на просторах бывшей Югославии и греческого давления через международные институты в связи с названием нового государства ситуация в Македонии была очень сложной. В такой момент установление дипломатических связей с Россией как постоянным членом СБ ООН значительно укрепило бы положение молодого государства. Необходимо учитывать и тот факт, что в массовом сознании македонцев Россия по-прежнему воспринималась традиционным покровителем славян и православия.

Первые попытки (или скорее прощупывание почвы) предпринимались македонской стороной еще до провозглашения независимости. Так, К. Глигоров пишет о своем разговоре с советским послом в Белграде Г.С. Шикиным в декабре 1990 г.⁹ В мае следующего года в Россию ездил (по собственной инициативе¹⁰) вице-премьер Блаже Ристовский¹¹. Ему удалось установить контакт с Д.А. Волкогоновым (советник президента по оборонным вопросам), Б.Л. Колоколовым (заместитель министра иностранных дел), Р.И. Хасбулатовым (и.о. председателя Верховного совета)¹². 12 августа 1991 г. Скопье посетил советский посол в Югославии Вадим Логинов. 26–28 сентября 1991 г. Б. Ристовский в очередной раз посетил Москву, где добился обещания поддержки от

⁸ См. например: *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М., 2011. С. 510–511; *Никифоров К.В.* Между Кремлём и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999. *Романенко С.А.* Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX — начало XXI века. М., 2002.

⁹ *Глигоров К.* Македонија е се што имамае. Скопје, 2002. С. 511–512.

¹⁰ Интервью с Б. Ристовским // В личном архиве автора.

¹¹ *Глигоров К.* Указ.соч. С. 512.

¹² Там же. Интервью с Б. Ристовским // В личном архиве автора.

Р.И. Хасбулатова, и после возвращения объявил о готовности России признать РМ¹³.

Эпизодические контакты Москвы со Скопье остались почти незамеченными для большинства отечественных ученых или обросли рядом мифов. Недостаток внимания к Македонии в России дополнялся и некой «исторической обидой» македонских интеллектуалов на политику еще царского правительства в начале позапрошлого века, которое сомневалось в возможности создания независимого македонского государства.

После первых контактов в марте 1992 г. в МИД РФ уточнялись основные внешнеполитические ориентиры македонского руководства¹⁴. В частности, российскую сторону интересовали действия Македонии после признания ее независимости мировым сообществом и ситуация на постюгославском пространстве. В этой связи поездки в регион совершали российские дипломаты: Ю.С. Дерябин – в Белград, Загреб и Любляну и Г.С. Шикин – в Скопье.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на всю сложность внутривосточной ситуации в России и традиционное видение македонцами российской внешнеполитической линии, как ориентированной на сотрудничество с Грецией и Сербией¹⁵, македонское руководство ожидало от Москвы признания едва ли не в ближайшие дни после обретения независимости¹⁶.

16 апреля 1992 г. А.В. Козырев направил президенту РФ Б.Н. Ельцину предложение о признании Македонии сразу после ее признания со стороны ЕС и США, на что было дано согласие¹⁷. После же второго посещения Б. Ристовским Москвы (в мае 1992 г.) и его просьбы, чтобы «признание независимости Македонии со стороны России опередило аналогичное решение других европейских государств», Козырев изменил свою позицию. Он писал Ельцину, «что нам стоило бы откликнуться на просьбу македонцев, исторически дружественно расположенных к России, не имеющих проблем с Сербией и Черногорией, не возражающих

¹³ Тунтев А. Република Македонија. Прва декада (1990–1999). Скопје, 2005. С. 110.

¹⁴ Интервью с Д. Малеским // В личном архиве автора; Интервью с К. Глигоровым // Там же.

¹⁵ Интервью с Д. Малеским // Там же; Интервью с Л.Д. Фрчковским // Там же.

¹⁶ Глигоров К. Указ. соч. С. 512–514.

¹⁷ Документ находится в личном архиве автора.

против признания Союзной Республики Югославии и заявляющих о готовности в договорном порядке подтвердить нерушимость нынешней македонско-греческой границы»¹⁸. На данное предложение также был дан положительный ответ президента РФ.

Посещение 27 мая 1992 г. Македонии Козыревым, казалось, окончательно убедило македонское правительство в скором российском признании (Глигоров в своих мемуарах писал о «воодушевлении» министра иностранных дел РФ при виде историко-культурных достопримечательностей Охрида и о его обещании объявить о признании Македонии после возвращения в РФ)¹⁹. В то время в России еще оставался Б. Ристовский, который продолжал добиваться признания независимости своей страны²⁰. Результатом его активности стало послание Козырева греческому премьеру Мицотакису от 29 мая, в котором министр иностранных дел РФ отмечал, что задержка с признанием может ухудшить ситуацию в Македонии²¹.

Однако, по всей видимости, российская дипломатия все же решила выждать некоторое время. Для македонцев подобная осторожность была крайне неприятна, учитывая блокирование границы со стороны Греции²² и, что гораздо более значимо, объявление Лиссабонской декларации 27 июня 1992 г., в которой подтверждалось решение стран ЕС признать РМ, только под наименованием, «не содержащим слово “Македония”»²³. В таких условиях 3 июля К. Глигоров отправил Б.Н. Ельцину послание с просьбой о признании независимости Македонии. Касательно июльских событий, нужно отметить и несколько преувеличенное заявление Ассоциации российских писателей о том, что «Македония – основное условие мира и спокойствия и в Европе, и на Балканах»²⁴.

¹⁸ Документ находится в личном архиве автора.

¹⁹ Глигоров К. Указ. соч. С. 513.

²⁰ Интервью с Б. Ристовским // В личном архиве автора.

²¹ Тунтев А. Указ. соч. С. 114.

²² Там же. С. 118.

²³ Документи за Република Македонија 1990–2005 / Под ред. Георгиевски С., Додевски С. Скопје, 2008. С. 333–335; Глигоров К. Указ. соч. С. 302–308; Тунтев А. Указ. соч. С. 118.

²⁴ Декларация российских писателей: Опасные игры вокруг Македонии // Македония: Путь к самостоятельности. Документы / Сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1997. С. 419.

И все же для сторонних наблюдателей долгожданное признание Македонии Россией произошло неожиданно – в последний день визита Б.Н. Ельцина в Болгарию 4 августа 1992 г.²⁵ Сам факт признания РМ в Софии и некоторая поспешность оформления этого акта²⁶, а также последующие претензии президента Болгарии Ж. Желева на решающую роль его страны в разрешении этого вопроса²⁷, породили в македонской общественной мысли и литературе устойчивое клише о спонтанности поступка Ельцина, откликнувшегося на просьбу болгарского коллеги²⁸.

В частности, Ж. Желев, подробно описывая свою роль в признании РМ Россией, приводит следующий диалог, в котором Козырев пытается убедить Ельцина отказаться от данного решения:

– Козырев...

– Что, Борис Николаевич?

– Пиши Указ!

– Какой Указ, Борис Николаевич?

– Указ о признании Македонии Российской Федерацией...

– Знаете, Борис Николаевич, греки очень чувствительны на эту тему.

Они на нас рассердятся...

– В данном случае, меня греки не интересуют. Болгарская позиция самая правильная. Пиши Указ! Я должен показать его журналистам...

– Но это невозможно сделать, Борис Николаевич, потому что печать осталась в самолете...²⁹

К слову сказать, очевидцы с российской стороны также отметили некоторое сопротивление Козырева, упомянув, правда, что «тут были элементы игры»³⁰.

²⁵ Указ президента РФ «О признании Республики Македонии» (копия) // В личном архиве автора.

²⁶ Встреча Б. Ельцина с Ж. Желевым в Софии 4 августа 1992 г. (по записям очевидца) / Автор выражает благодарность К.В. Никифорову за возможность использования его личного архива.

²⁷ *Zhelev Z. Macedonia Today and the Future of Macedonia* // *Crossroads*. Vol. 1 (1). P. 38–41.

²⁸ Интервью с Д. Малеским // В личном архиве автора; Интервью с Л.Д. Фрчковским // Там же.

²⁹ *Zhelev Z. Op. cit.* P. 40.

³⁰ Встреча Б. Ельцина с Ж. Желевым в Софии 4 августа 1992 г. (по записям очевидца).

Повторим, несмотря на критические замечания ряда македонских политиков и публицистов, сюжет о роли Ж. Желева в признании Македонии РФ до сих пор является достаточно популярным в массовом сознании македонцев. Видимо, сложившийся образ первого президента России позволял македонским политикам и общественным деятелям предполагать возможность спонтанного признания Македонии³¹.

Однако задолго до поездки Ельцина в Болгарию правительства РФ и РМ проделали большую работу на этом направлении. По всей видимости, проект признания Македонии был разработан в конце мая 1992 г., но в силу энергичного противодействия греческой дипломатии подписан не был³². Причины же, побудившие Ельцина объявить о признании РМ именно в Софии, точно не известны, но кажется достаточно логичным, что этот шаг был сделан как своего рода благодарность за болгарское гостеприимство или даже с целью польстить Желеву и стимулировать развитие сотрудничества с болгарской стороной.

Уже на другой день после заявления Ельцина, 5 августа 1992 г., в Скопье прибыл заместитель министра иностранных дел РФ В.И. Чуркин, который и «привез пресловутую ноту, ожидаемую еще в мае»³³, о признании Македонии³⁴. Это событие положило начало новому этапу развития отношений между двумя близкими по духу странами. 26 ноября 1993 г. в Скопье начал работать первый официальный представитель РФ Ю. Трушин³⁵, 28 января 1994 г. было сделано предложение по установлению дипломатических отношений³⁶, 31 января 1994 г. между государствами были установлены дипломатические отношения на уровне посольств³⁷, 1 апреля 1994 г. македонское представительство стало

³¹ Например: интервью с Л.Д. Фрчковским // В личном архиве автора; Интервью с Д. Малеским // Там же.

³² Интервью с Б. Ристовским // В личном архиве автора.

³³ Глигоров К. Указ. соч. С. 515.

³⁴ Документи за Република Македонија ... С. 340–341.

³⁵ Там же. С. 341.

³⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). Фонд 894. О. 2. П. 2. Д. 1. Л. 1.

³⁷ Основные памятные даты новейшей истории русско-македонских отношений // Посольство Российской Федерации в Республике Македония. URL:

<http://www.russia.org.mk/rus/vest.asp?id=402>

посольством³⁸, 6 октября 1994 г. российское представительство также было официально преобразовано в посольство³⁹.

Для российско-македонских отношений после состоявшегося признания наиболее важными аспектами, по нашему мнению, стали быстрое установление дипломатических отношений и как следующий шаг – участие РФ в решении спора о названии РМ. При этом Скопье не учитывало как сложное положение РФ, в частности тяжелейший внутриэкономический кризис, так и политическую традицию, унаследованную Россией у СССР, которая предполагала решение внешнеполитических вопросов Восточной Европы, в том числе и Балкан, через Вашингтон.

Македонское руководство явно и осознанно стремилось к максимально быстрому развитию дипломатических отношений с Россией. В частности, Скопье в лице своего президента К. Глигорова неоднократно предпринимало попытки ускорить открытие посольства РФ в РМ. В своих посланиях, адресованных Б.Н. Ельцину, К. Глигоров указывал, что «откладывание установления дипломатических отношений [...] создает колебание среди нашего народа, а также в ряде других стран в связи с вопросом отношений РФ к РМ. Этот шаг представляется необходимым, поскольку концепция приема РМ в ООН [...] крайне неблагоприятна для РМ»⁴⁰. Таким образом, по мнению македонского президента, установление полноценных дипломатических отношений могло в тот момент сыграть значительную роль в столь важном для РМ вопросе, как признание под конституционным названием. В заключение своего послания К. Глигоров писал, что «судьба нашего государства находится под знаком вопроса, и македонский народ с полным правом ожидает решающего участия РФ в данном вопросе»⁴¹.

Стоит отметить, что традиционно прорусски настроенная часть македонской интеллигенции также активно стремилась побудить представителей РФ в Македонии к более решительным действиям. Однако

Билатерални односи // Министерство за надворешни работи на Република Македонија.
URL: <http://www.mfa.gov.mk/default1.aspx?ItemID=265>

³⁸ АВПРФ. Фонд 894. О. 2. П. 2. Д. 1. Л. 21.

³⁹ Основные памятные даты ...

⁴⁰ АВПРФ. Фонд 894. О. 1. П. 1. Д. 1. Л. 27.

⁴¹ Там же. Л. 28.

провоочки сначала с открытием посольства, а потом с назначением посла РФ в РМ (Ю.П. Трушин был официально назначен послом лишь в 1996 г.)⁴² и фактическое нежелание высших представителей руководства РФ приезжать в Македонию вызывали как крайнее недовольство македонского руководства, так и разочарование интеллигенции.

Так, по мнению известного писателя Й. Павловского, в кругах македонской интеллигенции складывалось мнение, что «Россия отдала Македонию на откуп американцам»⁴³. Вкупе с опасениями, что Москва, играя на стороне сербов, вернет или согласится на возврат Македонии под власть Белграда, вышеуказанная пассивность российской дипломатии стала впоследствии важной составляющей концепции македонской внешней политики, согласно которой Россия не воспринималась как важный стратегический партнер.

Помимо длительного процесса решения вопросов с посольством и послом, крайне негативным фактором развития отношений между Россией и Македонией стало невыполнение договоренностей о поставках нефти в Македонию в сложный период весны 1993 г.⁴⁴, отказ от экономической помощи РМ в 1994 г. (на просьбу Б. Црвенковского 29 декабря 1993 г. о предоставлении технической, финансовой и материальной помощи⁴⁵ В.С. Черномырдин 7 марта 1994 г. ответил, что «у нас имеются определенные трудности, обусловленные нашей собственной, также весьма непростой, внутренней ситуацией»)⁴⁶ и до сих пор не решенный вопрос об открытии в Скопье культурного центра.

Таким образом, можно сделать вывод, что Македония не являлась важным элементом балканской политики России. Эта политика рассматривалась, прежде всего, через призму российско-американских отношений. На самих же Балканах приоритетнее были российско-сербские и российско-болгарские отношения. Подобное пренебрежительное отношение крайне болезненно воспринималось в Македонии.

⁴² Основные памятные даты ...

⁴³ АВПРФ. Фонд 894. Референтура по Македонии. О. 2. П. 2. Д. 1. Л. 29.

⁴⁴ АВПРФ. О. 1. П. 1. Д. 1. Л. 38.

⁴⁵ Там же. О. 2. П. 2. Д. 1. Л. 57–58.

⁴⁶ Там же. Л. 61–62.

Помимо субъективных причин замедленного развития российско-македонских отношений, следует отметить и объективные. В первую очередь это были огромные экономические трудности, переживаемые Россией, когда на активную балканскую политику, учитывавшую интересы всех стран региона, не было ни времени, ни сил. Трудности России охотно использовали для продвижения своих интересов на Балканах США и другие государства западного блока. Переломный для югославского кризиса 1994 год – вовлечение НАТО в Боснийскую войну – стал, пожалуй, самой яркой иллюстрацией все возрастающего стремления США к проведению собственной политической линии в регионе.

**Роль российской славистики в кодификации
современного македонского литературного
языка и орфографии
(по поводу 100-летия со дня рождения
проф. С.Б. Бернштейна)**

По решению первого заседания АСНОМ (Антифашистского собрания народного освобождения Македонии) от 2 августа 1944 г. впервые в македонских школах в качестве учебного предмета был узаконен македонский язык. Сразу же был поставлен актуальный вопрос об утверждении единого алфавита и орфографических норм. Несмотря на то, что македонский письменный язык имел многовековую историю, а кодификация Крсте Мисиркова, осуществленная во время пребывания в России в 1903 г. и в 1905 г., насчитывала почти полвека, было необходимо государственное урегулирование и узаконивание в этом вопросе. Процесс начался сразу после первого заседания АСНОМ, но окончательные решения нескольких комиссий по языку были вынесены лишь 3 и 7 мая 1945 г.

История окончательного узаконивания современного македонского литературного языка и орфографии все еще не изучена до конца. Только частично известно об участии в этом процессе советского слависта-лингвиста Самуила Борисовича Бернштейна (1911–1997), мало известно о роли русского филолога и историка Николая Севастьяновича Державина (1877–1953), не до конца исследована роль в македонском общественно-политическом процессе деятельности в Москве Димитра Иванова Влахова (1878–1953). Чтобы разобраться в этом процессе, нужно иметь в виду связи между С.Б. Бернштейном и Н.С. Державиным, а также их отношения с македонским деятелем Д. Влаховым.

1.

Роль Влахова в нашей истории и особенно его участие в ЦК ТМОРО (Центральном комитете Тайной Македонско-Одринской революционной организации) в илинденский и постилинденский периоды, особенно в связи с формированием и представлением разносторонней деятельности ВМРО(Об), в целом известна. С 6 декабря 1935 г. он жил в Москве. Позднее он стал старшим научным сотрудником в секторе славистики Института истории АН СССР, где работал над темой «Балканские государства между двумя мировыми войнами». В 1944 г. на основании монографии «Историческо-географический и проч. очерк о Греции» (уже отданной в печать в Госполитиздат в Москве) он стал кандидатом на присуждение ему степени доктора исторических наук. Его богатая и разносторонняя публицистическая деятельность, а также то, что он представлял Македонию во Всеславянском комитете, заменившем Коминтерн в Москве (1943–1944), все еще ожидают своих исследователей.

В 1934 г., когда С.Б. Бернштейн работал в Одесском педагогическом институте (1934–1938), проводя исследования в местном архиве, он нашел часть корректур журнала К.П. Мисиркова «Вардар». Это, вероятно, и была его первая встреча с языком Мисиркова, которая усилила его интерес к македонскому языку. Бернштейн является воспитанником известного слависта-македониста А.М. Селищева и автором статей «Македония» и «Македонский язык» в первой советской энциклопедии (1938). Поэтому еще в 1941 г. Бернштейн готовит к печати особый справочник «Славянские языки и народы», где вторая глава под названием «Южные славяне» начинается с подзаголовка «Болгары и македонцы».

29 марта 1944 г. на заседании Славянской комиссии АН СССР Димитар Влахов прочитал доклад под названием «Македонский вопрос». На лекции присутствовали профессора Бернштейн и Державин. В своем дневнике С.Б. Бернштейн, кроме всего прочего, заметил, что с македонцем из Кукуша «я встречался прежде, много обсуждал различные аспекты балканской политики». «Влахов, – пишет он, – играет крупную роль в политической жизни Балкан, в деятельности коммунистических партий нескольких стран. С 1935 г. живет в Москве. Его позиция по македонскому вопросу хорошо мне известна. Тем не менее я пошел на доклад, так как меня больше заинтересовала реакция на доклад других членов Славянской комиссии... Начиная с XIX в. начался процесс обособления

македонцев от болгар. Они стали чувствовать себя самостоятельной нацией. Процесс этот был длительным и сложным. О нем четко свидетельствует Петко Славейков в своей статье 1870 г.¹, настроения многих представителей македонской интеллигенции второй половины XIX в., важные исследования Кр. Мисиркова и его последователей²... В будущей балканской федерации Македония должна быть самостоятельным государством, она должна объединить все земли в границах исторической Македонии. После доклада наступило длительное молчание. Первым слово взял я, осветив лингвистический аспект македонской проблемы. В центре моего выступления стоял вопрос о македонском литературном языке. Влахов с большим вниманием слушал этот раздел моего выступления. После меня говорили Франич³ и Густинчич⁴, которые решительно отвергли основные положения докладчика о прошлом Македонии и македонских славян. Никаких доказательств они предложить не смогли. Беличизм сидит крепко даже в югославских коммунистах. После них выступил с кратким и очень неквалифицированным словом болгарский коммунист Р. Караколов⁵. Последним говорил Державин. Он вспоминал

¹ Насколько нам известно, это первое публичное упоминание о статье П.Р. Славейкова «Македонский-тъ Въпросъ» (изданной не в 1870, как указано в записи Бернштейна, а 18. I 1871 г.). Пять лет спустя эта статья частично была опубликована Блаже Конеским (Македонските учебници од 19 век – еден прилог кон историјата на македонската преродба. Скопје, 1949. С. 73–76).

² И это, насколько нам сейчас известно, первое публичное акцентирование места и роли исследовательской деятельности К.П. Мисиркова и его последователей в процессе признания македонской национальной мысли.

³ Н.П. Франич – югославский историк-эмигрант в Москве, сотрудник центра славистики в Институте истории АН СССР (1943–1945), исследовавший тему «Формирование Югославии».

⁴ Драгутин Густинчич (1882–1958) – один из основателей КП Словении, который будучи политическим эмигрантом был сотрудником Сектора славистики в Институте истории АН СССР (1943–1945) и одним из главных сотрудников московского Радио Югославия и органа Всеславянского комитета журнала «Славяне». Он работал над темами «Балканский союз 1912–1913 гг.» и «История словенского народа». После войны вернулся в Югославию.

⁵ Райчо Кирчев Караколов (1898 – ?) – болгарский историк, философ-марксист и общественный деятель. В качестве члена БКП участвовал в Сентябрьском восстании (1923), а потом через Югославию эмигрировал в СССР, где окончил Институт красной профессуры в Ленинграде (1933), защитил кандидатскую диссертацию по философским (1939) и докторскую по историческим наукам (1942). Преподавал в университетах в Ленинграде, Ташкенте и Москве, был научным сотрудником в Центре славистики

свою книгу по македонскому вопросу⁶, говорил о своих симпатиях к болгарскому народу, ругал Белича, утверждал, что в современной Македонии живут болгары, а затем совершенно неожиданно сказал, что поддерживает тезис болгарской компартии о самостоятельной македонской нации. Это полностью противоречило основному содержанию первой части его выступления. В заключение Державин сказал, что необходимо издать монографию о македонских говорах. Все это выглядело очень странно»⁷.

5 сентября 1944 г. после доклада В. Коларова о событиях на Балканах Д. Влахов попросил Бернштейна «в письменном виде изложить все свои соображения о македонском литературном языке. Скоро он будет в Македонии, и ему важно иметь мнение авторитетного специалиста-языковеда, стоящего в стороне от острых национальных проблем Балкан». Влахов, говоря с ним, подчеркнул: «Ваши соображения, которые вы высказывали на моем докладе, мне представляются совершенно верными. Однако мне известно, что в настоящее время в Македонии сильна группа, которая ориентируется на скопский диалект и на сербский литературный язык. Мне очень важно получить текст, на который я мог бы опираться»⁸. Текст Влахову был нужен в течение нескольких последующих дней.

11 сентября 1944 г. Бернштейн записал в дневнике: «Сегодня я передал Влахову текст под названием «Несколько замечаний о македонском литературном языке». Исхожу из следующих положений. Новый литературный язык должен опираться на наиболее характерные, типичные говоры, отражающие самые существенные признаки македонского языка. Новый литературный язык должен существенно отличаться как от болгарского языка, так и от сербского. Поэтому в основе македонского литературного языка должны лежать говоры Прилепа, Битоли и соседних областей. Это соответствует и традиции,

Института истории АН СССР и сотрудником московского радио «Христо Ботев» (1942–1943), а после 1945 г. вернулся в Болгарию и работал преподавателем в университете и в БАН. В особенности он изучал творчество Димитра Благоева, а в Москве был рецензентом работ Д. Влахова при защите его докторской диссертации.

⁶ *Державинъ Н.С.* Болгарско-сербскія взаимоотношенія и македонскій въпросъ. Петроградъ, 1914.

⁷ *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. Воспоминания, дневниковые записи. М., 2002. С. 39–40. – Так как у нас нет в распоряжении первоначального текста Влахова, мы указываем последние свободные интерпретации участника конференции, как свидетельство этого события.

⁸ *Бернштейн Б.С.* Зигзаги памяти. С. 54.

идушей как от братьев Миладиновых, так и прежде всего от Кр. Мисиркова. Пытался свои положения обосновать по возможности популярно. Не знаю, что из этого получится»⁹.

С заметным нетерпением С.Б. Бернштейн 11 декабря записал в дневнике: «До сих пор нет никаких сведений от Влахова. Он обещал мне написать. Жаль, если из всей нашей затеи ничего не получится. Нельзя допустить, чтобы македонский литературный язык стал полусербским»¹⁰.

2.

Письмо С.Б. Бернштейна Димитар Влахов отвез в Македонию, но на нем стоит дата 12 сентября 1944 г.¹¹ В нем Бернштейн, между прочим, предлагает, чтобы в качестве литературной нормы были приняты «центральные говоры», и предлагает употребление глагольных форм, выдвинутое Мисирковым, 3-го лица ед. ч. с окончанием *-m*¹². При этом очень

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 56.

¹¹ *Ристески С.* Создавањето на современиот македонски литературен јазик. Скопје, 1988. С. 222–225. – Письмо от Бернштейна у нас есть только в неполной его копии (на русском языке и в македонском переводе), но сам Д. Влахов в своей книге «Kroz historiju makedonskog naroda (Zbirka članaka)» (Zagreb, 1949. С. 26–27) цитирует (в переводе) и другие части этого письма и указывает: «При выборе диалекта нужно, конечно, принимать во внимание то, что новый язык имеет такие характерные особенности, которые дадут ему право на самостоятельное существование. Такой диалект может быть только центральным македонским диалектом, который занимает большую часть территории Македонии – битольский, поречский и прилепский. К этому диалекту близки диалекты охридской группы, которые также нужно принимать во внимание при создании литературного языка. – Все эти диалекты имеют свою литературную традицию, чье начало датируется еще временем Климента».

¹² Это решение С.Б. Бернштейн подчеркивает и три года спустя в статье «К вопросу о форме 3-го лица ед.ч. настоящего времени в македонском литературном языке» («Вестник Московского университета», 2. М., 1948. С. 13–21): «В основу македонского литературного языка, – пишет он, – положены центральные говоры Македонии. Эти говоры в 3-м лице ед.ч. настоящего времени имеют окончание *-m*. Эту же форму найдем в языке старых македонских книжников и писателей XIX столетия. Несмотря на это, в новом македонском литературном языке глаголы в 3-м лице ед.ч. настоящего времени оканчиваются на гласную... (13). Говоры центральной и западной Македонии знали *-m* в глубокой древности, знают и в настоящее время. Отсутствие его в отдельных говорах в той или иной степени связано с иноязычными и инодиалектными воздействиями... (17). Отбросив окончание *-m* в 3-м лице ед.ч. создатели македонского литературного языка

важно, что автор в качестве «образца текста центрального говора» указывает целых две строфы перевода Мисирковым стихотворения «Путник» П. Прерадовича, взятого из находящегося в корректуре номера журнала «Вардар». Об этом свидетельствует и монография Бернштейна, посвященная «изучению македонского литературного языка и некоторым другим вопросам в связи с ним» — он окончил ее в 1947 г. В ней IV глава была посвящена журналу «Вардар»¹³. Этот текст Бернштейн передал тогда в печать в люблянском «Славянском обзоре» (за 1948 г.), но он был издан только десять лет спустя¹⁴. С небольшими изменениями и дополнениями позже, при изменившихся политических обстоятельствах, эта статья была издана в московском сборнике «Славянская филология» (1960)¹⁵.

7 декабря 1944 г., после аннулирования решений Первой языковой комиссии по кодификации македонского языка, Президиум АСНОМ предлагает «пригласить из Москвы двух ученых с мировым именем по славянской филологии и лучших знатоков языков всех балканских народов: Бернштейна и Державина»¹⁶. Еще 16 декабря ЦК КПМ сообщает ЦК БРПК, что «делегировал товарища Густава Д. Влахова в Софию, чтобы пригласить от имени маршала Югославии, народного героя Иосипа Броз Тито, товарища академика Н.С. Державина, чтобы он приехал в Македонию и помог в создании македонского литературного языка»¹⁷. Одновременно Канцелярия маршала Тито посредством телеграммы просит Всеславянский комитет в Москве «сделать все возможное в содействии с нашей миссией и советскими властями, чтобы академики Державин и Бернштейн были посланы в Македонию. Они об этом договорились с Влаховым»¹⁸.

нарушили одну очень важную и характерную для живых македонских говоров закономерность. Я имею в виду соотношение форм 3-го лица ед.ч., с членными формами и муж.р. ед.ч.» (19). (Статья передана в печать 19. XII 1947 г.).

¹³ Бернштейн С.Б. Македонский язык // Вестник Академии наук СССР. № 4. М., 1948. С. 85–86.

¹⁴ Бернштейн С.Б. «Вардар» К.П. Мисиркова // Slavistična revija s prilogu Linguistica. XI. 3–4. Ljubljana, 1958. С. 178–186. Редакция отмечает: «Razprava je bila poslana za Nahtigalov zbornik 1957, a je prišla prepozno, zato je objavljujemo naknadno (op. ur.)» (178).

¹⁵ Бернштейн С.Б. Из истории македонского литературного языка. «Вардар» К.П. Мисиркова // Славянская филология. Сборник статей. М., 1960. С. 70–79.

¹⁶ Ристески С. Указ. соч. С. 332.

¹⁷ Там же. С. 334.

¹⁸ Ристески С. Указ. соч. С. 335. — Это значит, что инициатива принадлежала Д. Влахову, когда он находился в Москве.

Следовательно, «Вардар» мог быть знаком кому-то в Македонии (хотя бы только как языковая концепция с особенно наглядным примером – цитируемыми стихами в письме Бернштейна) еще задолго до Первой языковой комиссии, и, следовательно, до знакомства с «*Македонской орфографией*» (1945). Но и книга «За македонските работи» К.П. Мисиркова была известна не только К. Рацину¹⁹, К. Неделковскому²⁰, В. Марковскому²¹ и членам Македонского литературного кружка в Софии, особенно после начала 1940 г., когда те, кто контактировал лично с супругой и сыном Крсте Мисиркова, не только переписывали рукописи наследия Мисиркова, но и рассматривали, перепечатывали всю книгу и отправляли ее македонским студентам в Белград для того, чтобы переиздать ее в югославской части Македонии. Впрочем, и член Филологической комиссии Блаже Конеский, еще будучи софийским студентом, писал курсовую работу именно о языке Крсте Мисиркова²² на основании рецензии его профессора А. Теодорова-Балана²³. Кроме того, о книге и идеях Мисиркова точно были проинформированы и Георги Киселинов²⁴, Георги Шоптраянов²⁵ и Даре Джамбаз²⁶, а также другие члены Филологической комиссии по установлению македонского

¹⁹ Там же. С. 174–176, 380–385.

²⁰ *Ристовски Б.* Мисирков Крсте. Нови истражувања и сознанија. Скопје, 2000. С. 479–486.

²¹ Венко Марковский из Македонского литературного кружка в Софии в мае 1940 г. отправился к супруге Мисиркова, посвятил сборник стихов сыну Мисиркова – Сергею. Он участвовал в дискуссиях, посвященных книге «За македонските работи» в кружке (*Ристовски Б.* Крсте Мисирков. Нови истражувања и сознанија, 480–485), а в споре с комиссией по языку (1944) он цитировал и мнение Мисиркова (*Ристовски С.* Указ. соч. С. 245–246, 316, 323).

²² *Андреевски Ц.* Разговори со Конески // *Култура*. Скопје, 1991. С. 124–125; *Ристовски Б.* Мисирков во истражувачката визура на Конески (Обид за споредбено видување) // Дело-то на Блаже Конески (Остварување и перспективи). Меѓународен собир по повод 80-годишнината од раѓањето на Блаже Конески. Скопје, 2002. С. 95–108.

²³ *Теодоров-Балан А.* Една македонска теорија // *Периодическо списание*. LVX (XVI), 9–10. София, 1905. С. 780–833.

²⁴ Георги Киселинов, будучи студентом в Одессе (1910–1913), был близок с Мисирковым, переписывался с ним и в 1922 году (в связи с желанием перевестись из Болгарии в Югославию) [*Ристовски Б.* Крсте П. Мисирков (1874–1926) ... С. 479, 577]. В дискуссии в комиссии по языку помимо идей Мисиркова о македонском литературном языке он упоминает и сербскую форму его имени – Краста Петкович (*Ристовски Стојан*. Указ. соч. С. 274).

²⁵ *Ристовски Б.* Рацин Кочо. Историско-литературни истражувања. Македонска книга. Скопје, 1983. С. 174–176.

²⁶ *Ристовски Б.* Крсте П. Мисирков (1874–1926) ... С. 708, 835.

алфавита и македонского литературного языка в Скопье (1944). Это недвусмысленно подтверждает и сохранившийся протокол выступлений и дискуссий заседаний, а также текст их заключений.

После проведения этой очень важной филологической конференции (27 ноября – 3 декабря 1944 г.)²⁷, а также и после многих других споров и решений, на основании особого закона народного правительства Македонии, имея в виду именно кодификацию Крсте Мисиркова 1903–1905 гг., Комиссия по языку и орфографии при Министерстве народного просвещения 3 мая 1945 г. приняла Решение об узаконивании македонского алфавита²⁸, а 7 июня – Решение о македонской орфографии²⁹.

При этом очень важно иметь в виду, что и в 1945 г. были взяты буквально те же три основных принципа узаконивания современного македонского литературного языка и орфографии, которыми заканчивается книга Мисиркова «За македонските работи»: 1. Центральные говоры как основа; 2. Фонетическая орфография как принцип и 3. Общепринятая основа словаря от всех македонских диалектов³⁰.

И при узаконивании современного алфавита реализовались те же принципы Мисиркова, предложенные и С.Б. Бернштейном: были взяты те же формы букв для мягких согласных в македонском языке, с тем, что были приняты его решения только относительно графем *k* и *g* таким образом, как они были определены в журнале «Вардар». В качестве компромисса с «новой политической реальностью» (относительно чего высказывает сомнение и Бернштейн) были взяты графемы из сербского алфавита *љ* и *њ*. При этом были добавлены буквы *и* (вместо *дж* у Мисиркова) и *ј* (вместо *ј* у Мисиркова), относительно которых велись долгие дискуссии, также включена и старославянская буква *ѕ* (вместо *дз*). Из алфавита после долгих дискуссий и сложных перипетий был убран и знак темного полувокала *ѝ*, который мы находим в «Вардаре» в форме у.

²⁷ Там же. С. 228–331.

²⁸ Там же. С. 447–451.

²⁹ Там же. С. 454–456. – В 1945 г. Государственное издательское предприятие напечатало и отдельное издание «Македонски правопис», составленное Комиссией по языку и орфографии при Министерстве народного просвещения.

³⁰ Резолуција на Комисијата за јазик и правопис при Министерството на народна просвета, донесена на заседанието на 3 мај 1945 година, по прашањето на македонската азбука, зб. Документи од создавањето на Н.Р. Македонија (1944–1946). Скопје, 1949. С. 64–65. – Немного в другой формулировке то же самое вносит и Блаже Конский в свою Грамматику македонского литературного языка. I часть (Државно книгоиздателство на Н.Р. Македонија. Скопје, 1952. С. 46–47).

В первой изданной «Македонской орфографии» в качестве нормы была взята форма глаголов (и отглагольных существительных) *-ue(т)е*, но как Мисирков спустя два года в «Вардаре» (1905), так и доктор Михаил Петрушевский, Блаже Конеский и Крум Тошев 20 ноября 1947 г. провели корректировку орфографической нормы³¹, и в новом издании «Македонски правопис» (1950) форма *-ueтe* заменена современной формой на *-uvaтe*.

Это и было по сути реализацией языковой и орфографической нормы, созданной в Македонском научно-литературном обществе в Санкт-Петербурге. Ее концепция была разработана Мисирковым, впервые она была официально введена в служебное употребление статьей 12 Устава Общества (принят 16 декабря 1903 г.) и на практике использована в книге «За македонските работи» и в журнале «Вардар», а также поддержана Македонским литературным кружком в Софии (1940).

Таким образом, идея узаконивания македонского литературного языка во время установления основ современного македонского государства, предложенная Димитром Влаховым в Москве, научно верифицированная филологом С.Б. Бернштейном и поддержанная академиком Н.С. Державиным, наконец была реализована в аснововской Демократической Федеральной Македонии.

3.

С.Б. Бернштейн долго проводил исследования и серьезно работал над своей докторской диссертацией «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Язык валашских грамот XIV–XV вв.», которую защитил в декабре 1946 г.³² Третьим оппонентом на его защите был академик Н.С. Державин. Но при этом он не забыл и своего обязательства по исследованию македонского языка. 2 ноября 1945 г. Бернштейн записал: «После завершения диссертации начну новую, очень важную работу, которую я обещал Влахову. Речь идет о грамматике македонского языка. Эта тема представляет для меня большой интерес, так как здесь воочию видно, как создаются литературные языки. Нужно будет эту тему включить в план славяно-балтийского сектора Института русского языка, куда меня обещают зачислить после завершения

³¹ Ристески С. Указ. соч. С. 461–465.

³² Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. С. 35.

докторантуры. Я был принят в докторантуру еще в Свердловске 15 марта 1943 г. Таким образом, срок завершается 15 марта 1946 г.»³³

Кроме всех служебных и других обязательств 1 августа 1946 г. Бернштейн записал в дневнике: «С большим удовольствием работаю над описанием грамматического очерка македонского языка. Морфология готова. Один вопрос хочу осветить подробнее в специальной статье. Имею в виду окончание 3 л. ед.ч. настоящего времени. Вопреки старой традиции, опыту Мисиркова, данным диалектологии, в современном литературном языке окончание *-т* упразднили. Для этого нет никаких оснований»³⁴. 10 августа упорный Бернштейн снова записал: «Сию за письменным столом с утра до позднего вечера. Перемежаю работу над македонским языком с составлением и редактированием болгарско-русского словаря. Пока все идет по плану. Усталости не чувствую»³⁵.

Процесс защиты докторской диссертации С.Б. Бернштейна все усложнялся: отзыв оппонента акад. Булаховского пришел, а главный оппонент проф. М.В. Сергиевский написал отзыв, но после этого умер, а с третьим оппонентом Н.С. Державиным при посещении Болгарии и Югославии случился инсульт, и он был неподвижен. Тем не менее 9 декабря 1946 г. защита была успешно проведена. Отзыв Сергиевского прочитал Державин³⁶, а Бернштейн написал ему рекомендацию на получение Сталинской премии за книгу «История Болгарии»³⁷.

При этом Бернштейн не оставлял работы над македонским языком. 25 апреля 1947 г. он записал: «Теперь моя главная задача – завершение монографии «Македонский язык». Я должен сдать рукопись в издательство осенью этого г.»³⁸. Для «Вестника МГУ» подготовил статью из монографии «К вопросу о форме 3-го лица единственного числа настоящего времени в македонском литературном языке». Пытаюсь доказать, что в этой форме литературный язык должен иметь *-т*. Работаю над монографией с большим подъемом. К сожалению, нет в моем распоряжении источников, на основе которых я мог бы охарактеризовать орфоэпические аспекты. В центре описания грамматики нового языка будет стоять

³³ Там же. С. 73.

³⁴ Бернштейн С.Б. Зигзаги памяти. С. 82.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 89–90.

³⁷ Там же. С. 99.

³⁸ В примечании написано, что из-за политических причин книга не была издана. Это было время Информбюро и крайнего ухудшения отношений между СССР и СФРЮ.

морфология. Специальная глава посвящена анализу языка Мисиркова. В книге будет хрестоматия и македонско-русский словарь к текстам хрестоматии. Недавно рассказывал о своей работе Велчеву³⁹. Он восторженно ее приветствует. Искренне ли? Во время болгарской оккупации Македонии он был доцентом Скопского университета»⁴⁰, – добавляет Бернштейн.

Так, усиленно работая, Самуил Борисович 28 августа 1947 г. записал: «Близка к завершению книга «Македонский язык». Закончено грамматическое описание литературного языка, написано введение, составлена хрестоматия. Общий объем книги 10–12 листов»⁴¹. Остался только словарь. 9 ноября он записал: «Сижу с утра и допоздна над «Македонским языком»»⁴², а 2 декабря добавил: «Последнее время работаю сверх всякой меры, по 12 часов в день. Вчера поставил точку в рукописи «Македонский язык». Нужно написать аннотацию для Ученого совета Института и издательства. Пошли гранки учебника болгарского языка, читаю верстку болгарско-русского словаря. И все это после лекций и заседаний»⁴³. Наконец, 28 декабря он удовлетворенно написал: «Вчера за свой «Македонский язык» получил премию в 4 000 рублей. Рукопись уже утверждена к печати. Ответственным редактором назначен С.П. Обнорский»⁴⁴.

Но бурный энтузиазм С.Б. Бернштейна был неожиданно пресечен. С выходом резолюции Информационного бюро относительно Югославии резко ухудшились советско-югославские отношения, и подготовленный макет был уничтожен в типографии. Кроме тех фрагментов книги, которые появились в научной периодике, эта рукопись до сих пор остается неизвестной общественности. Даже неясно, сохранилась ли она и где она находится. А это очень важная часть не только истории современной македонской нормы, но и существенная часть научно-исследовательской работы С.Б. Бернштейна и одновременно важный момент в истории русско-македонских связей.

³⁹ Велчо Петров Велчев (1907–1991) – болгарский историк литературы в Москве, преподавал в Скопском (1943–1944), а после 1945 г. в Софийском университете.

⁴⁰ *Бернштейн С.Б.* Зигзаги памяти. С. 102.

⁴¹ Там же. С. 111.

⁴² Там же. С. 114.

⁴³ Там же. С. 115.

⁴⁴ Там же.

Три названные личности, каждая из которых определенным образом внесла свой вклад в знакомство с Македонией и в принятие этой страны, македонского народа, языка, истории и культуры, до сих пор остаются мало исследованными. Д. Влахов активно включился в строительство современного македонского государства. Авторитетный славист С.Б. Бернштейн оказался в центре событий при конструировании и принятии македонского литературного языка и орфографии и после весьма драматичных личных и политических сложностей позднее в 1969 г. был избран иностранным членом Македонской академии наук и искусств.

Вклад в македонистику третьего ученого – Н.С. Державина – менее известен не только македонской историографии, но и вообще нашей широкой общественности. А его задачей было составление текста об истории Македонии. Сохранившиеся документы, хотя бы те, что хранятся в Санкт-Петербурге, подтверждают, что он тоже пытался выполнить взятую на себя задачу, хотя и с известным опозданием.

Кроме отдельных фрагментов в фонде Державина есть машинописный текст под названием: *«История Македонии»* (от заселения ее славянами до Первой мировой войны). *Научно-популярный очерк»*⁴⁵. В Архиве он датирован 1940 г., из содержания ясно, что он закончен не ранее 31 декабря 1946 г., после принятия первого Устава Народной Республики Македонии в составе Федеративной Народной Республики Югославии. Текст содержит всего 89 печатных страниц и охватывает историю, как пишет вначале автор, «не всей области Македонии в ее исторически созданных и природно-географических границах, но только ее большей северной части. Южная, или так называемая Эгейская Македония находится под властью Греции, а малая часть ее северно-восточной части, то есть Пиринская Македония, входит в состав Болгарии. Судьба всех этих трех частей Македонии в течение многих веков была одинаковой, поэтому мы и рассматриваем историю не только одной части Македонии, но ее историю в целом как единой страны», – объясняет Державин.

После определения геополитических параметров Державин делит историю Македонии на три основных раздела с внутренним разделением на эпохи. Первая часть называется *«Борьба македонских славян*

⁴⁵ Петербургский филиал Архива РАН (ПФАРАН). Ф. 827. Оп. 5. № 203.

в союзе с Болгарией и Сербией против византийского владения», с шестью разделами:

1. *Македонские славяне и Византия в VI–VIII вв., их племенные союзы, борьба за Солунь и христианизацию.*
2. *Македония в составе Первого болгарского царства (IX–X вв.).*
3. *Западно-болгарское (Славяно-македонское) царство (969–1018 г.).*
4. *Македония под властью Византии (XI–XII вв.).*
5. *Македония в составе Второго болгарского царства (XIII в.).*
6. *Македония в Сербском государстве (XIV в.).*

Вторая, более объемная часть рукописи носит название «*Македония под турецким игом (1430–1912)*», состоит из четырех разделов, с весьма детальным представлением всей ситуации в Македонии, особенно в период возрождения и пропагандистской деятельности, вплоть до Балканских войн:

1. *Завоевание Македонии турками.*
2. *Македонский народ под гнетом турецких феодалов.*
3. *Национально-культурное возрождение македонских славян в XIX веке.*
4. *Борьба македонского народа за национальную независимость и социальное освобождение.*

Третья часть книги рассматривает *Балканские войны и разделение Македонии* и состоит всего из двух разделов:

1. *Балканские войны и ликвидация турецкого феодального режима в Македонии.*
2. *Бухарестский мирный договор 1913 г. и разделение Македонии между Сербией, Грецией и Болгарией.*

Четвертую и заключительную часть представляет единственный раздел под названием «*Македония во время Первой мировой войны*» и заканчивается выводом: «Первая мировая война не принесла македонскому народу освобождения от гнета балканских монархий».

Очевидно, что русский историк-болгарист Н.С. Державин за десять лет до своей смерти превратился в корректного македониста⁴⁶. Но и он

⁴⁶ *Ристовски Блаже*. Рускиот историчар Николај Державин и Македонија (Низ оставни-ната на Н. Державин, С. Бернштејн и Д. Влахов) // Балканот и Русија: општо и специфично во историскиот и културниот развој (Прилози од заедничкиот проект помеѓу Институтот за национална историја и Институтот за славистика при РАН). Скопје, 2010. С. 177–200.

не смог напечатать свой труд по тем же причинам, которые явились препятствием изданию «Македонского языка» С.Б. Бернштейна. Но все же они вместе с македонским национальным деятелем и государственнымником Димитром Влаховым сыграли важную роль в истории российско-македонских отношений и, особенно, в истории кодификации македонского литературного языка и орфографии и ожидают особого внимания нашей науки. Столетний юбилей со дня рождения проф. С.Б. Бернштейна – это только повод поговорить о подзабытых заслугах. Было бы полезно в качестве культурного наследия полностью (с комментариями) опубликовать рукописи Бернштейна и Державина по македонистике, а также рукопись защищенной диссертации Н.И. Толстого, сохранившуюся на филологическом факультете МГУ в Москве.

Перевод Е. Обуховой

Этапы развития македонского литературного языка (1945–1991)

С образованием македонского государства – Народной республики Македонии в составе ФНРЮ – в 1945 г. была создана комиссия по созданию литературного македонского языка. После трений и споров правительственным декретом от 5 мая 1945 г. литературный язык и его основные нормы были утверждены и литературный язык был введен официально в языковую практику. Были созданы правила графики (кириллическая плюс специфические графемы *ѐ, ѝ, џ, љ њ, ѓ, к, s*). Были опубликованы созданные Комиссией «Основные правила правописания» (1945 г., 20 стр.). Язык был введен в государственных учреждениях, появились газеты, передачи по радио; началось основное образование на македонском в школах и на курсах македонского литературного языка для подготовки преподавателей и для деятелей культуры. В январе 1946 г. Министерство народного просвещения одобрило в качестве школьного учебника «Македонска граматика» Круме Кепеского. С научной точки зрения это была, мягко говоря, не совсем научная грамматика: в ней описывались падежные формы существительных (вероятно, для грамотных со знанием сербского языка), а также формы глагола, правила синтаксиса, пунктуации. Содержались формы, впоследствии утраченные литературным языком (глаголы на *-уе* затем были заменены формами на *-ува*, например, *зборуе–зборува* и т.д.).

Введение литературного языка и основные правила правописания были недостаточны для овладения языком массами населения. В конце XIX – начале XX в. школьное образование в Македонии велось то на сербском, то на болгарском языке, то на смеси этих языков. Большое влияние в создании литературного языка в Македонии играли церковно-славянский и греческий языки, а также различные македонские диалекты. В середине XIX в. возникают зачатки национального возрождения и идея создания общего болгаро-македонского книжного языка (Партевий Зографский). В последней трети XIX в. появляются книги на македонском языке, созданные Георгием Пулевским, но он не был профессиональным специалистом и его опыт не был удачным. В 1903 г.

К.П. Мисирков написал книгу «За македонските работи», где обоснованно доказал, что македонцы не сербы и не болгары, а особая, македонская нация, и создал литературный македонский язык на базе центральных западных македонских говоров. Но книгу К.П. Мисиркова болгарские власти сожгли сразу после выхода из печати, и о ней стало известно только из отрицательной рецензии Теодорова-Балана. Экземпляр книги был найден уже после создания современного литературного македонского языка. В 40-х годах XX в. появляются произведения художественной литературы (поэзия и драматургия), листовки и газеты партизанских органов, боровшихся против фашизма. Сразу после кодификации литературного македонского языка в газетах и журналах публикуются научно-популярные работы Блаже Конеского «За македонскиот литературен јазик» (1945), «Одживените речници елементи во нашиот јазик» (1945), «Употребата на релативните заменки» (1946 и 1950), «Македонскиот литературен јазик денеска» (1950) и нек. др. Эти работы были нацелены на обучение грамотности на македонском языке служащих, учителей и т.п.

Македонский литературный язык типологически очень близок к народно-разговорному и основан на базе центральных западных македонских говоров. Поскольку общегосударственным языком в ФНРЮ был сербохорватский язык, а македонцы в большинстве своем были двуязычны и в разговорном бытовом языке использовали многие сербизмы, македонский литературный язык многое воспринял из сербского языка, главным образом, лексику (политические, научные термины, названия учреждений и т.п., например, *уметник* ‘деятель искусства’, *авион* ‘самолет’, *идентитет* ‘идентификация, самосознание’, *итрајк* ‘забастовка’, *Устав* ‘Конституция’, *заедница* ‘общество, объединение, союз’, *влада* ‘правительство’ и т.д.). В первый период из политических соображений много лексики было заимствовано также через болгарский язык из русского языка (терминологическая лексика), которая была актуальна до 1948–1949 гг., пока политически Югославия и СССР не отдалились друг от друга. Многие русизмы были заменены сербизмами, например, *урок – лекција, час; више образование на високо образование* (*више* стало среднетехническим, а *високо* – университетским образованием), *убедителен – убедлив* и т.д. Из русизмов остались отдельные слова, означающие русские реалии – *колхозник, уравниловка* и нек. др. (омоним *урок* в народном македонском разговорном языке означает ‘сглаз’).

На всех этапах развития (с 1945 до 90 гг.) бытовые сербизмы в большом количестве были распространены в македонском разговорном

языке, но постепенно, с развитием македонского литературного языка сербизмы приспособлялись к правилам македонского языка (суффиксы, род существительных и т.п.). Например, научные термины: вместо *именица* – *именка* ‘существительное’, *придев* – *придавка* ‘прилагательное’. В бытовом разговорном языке была сильная интерференция с сербским языком, например, *сообраќај* ‘движение, транспорт, связь’, *карта* (вм. *билет*), *млати пари* ‘заколачивать деньги’ и др.

Большое влияние на бытовую разговорную и диалектную лексику оказывал турецкий язык в результате пятисотлетнего господства (например, *каши* ‘ремень’, *таван* ‘потолок’, *занаетчија* ‘ремесленник’). Но литературный македонский язык заменял многие турецкие термины. Так благодаря литературному языку появились синонимы *странка* ‘клиент в государственном учреждении’ и тур. *муштерија* ‘клиент в парикмахерской, ресторане’ и т.п. Сербизмы также частично заменялись в литературном языке на македонские термины (например, русизм и болгаризм *собрание* и серб. *догађај* были заменены на термин *настан*). Литературный язык принял термин *сосед* с политическим значением, оставив турцизм *комишија* ‘сосед’ в общебытовом значении. Книжные славянские слова типа *положение, состояние, течение* заменялись на македонские модели типа – *положба, состојба, тек*. Подобные лексические изменения происходили с самого начала развития македонского литературного языка в разговорной практике и письменном языке. Впоследствии, с 1991 г., когда Македония стала самостоятельным государством, сербизмы стали постепенно утрачиваться и заменяться македонскими словами или английскими заимствованиями (этот период развития македонского языка не входит в задачи данной статьи).

Уже в первый период развития литературного языка (1945–1950) выходят из печати поэтические, прозаические и драматургические произведения художественной литературы (стихи Блаже Конеского, Кочо Рацина и других поэтов, рассказы Йована Бошковского (1947), Коле Чашуле, Ивана Точко, роман Славко Яневского «Село зад седумте јасени» (1952 г.) и другие произведения. Драматургические произведения создавались еще до образования литературного языка (драмы и комедии В. Ильоского, Ристо Крле, А. Панова до 1945 г. сербские власти разрешали играть в театрах потому, что считали, что они написаны «на южносербском диалекте»).

На втором этапе развития литературного македонского языка с 50-х гг. открываются издательства, университет, который готовит

специалистов и преподавателей по македонскому языку. В 1950 г. Б. Конески и К. Тошев опубликовали новый, подробный Орфографический справочник с небольшим словарем. Филологический (сначала назывался философский) факультет был открыт в 1949 г. в г. Скопье, тогда же в нем была создана кафедра македонского языка. С 1950 г. начинает издаваться «Годишен зборник на филозофски факултет» и бюллетень кафедры южнославянских языков «Македонски јазик». В этих научных изданиях освещались проблемы современного литературного македонского языка, истории языка, диалекты, язык разных деятелей македонской культуры в истории создания языка, методические материалы по преподаванию македонского языка и т.п. Наиболее активными авторами журналов на начальном этапе были Б. Видоески, Б. Корубин, Т. Статоски, Т. Димитровски, Б. Конески, Р. Угринова-Скаловска и нек. др. У истоков филологического факультета и кафедры македонского языка стоял Блаже Конески, сыгравший важнейшую роль в кодификации, распространении и утверждении литературного языка. В 1952 г. вышла двухтомная грамматика македонского литературного языка Блаже Конеского – фундаментальный научный труд, на основе которого писались учебники и другая литература о македонском языке. Вскоре открывается Научный институт македонского языка при филологическом факультете, в котором начинают работать уже первые выпускники-филологи. В 1954 г. открывается научный журнал «Литературен збор». Эти научные журналы сыграли большую роль в развитии македонской науки о македонском языке. В этих журналах в разные годы и разными авторами публиковались статьи по проблемам грамматики литературного языка, фонологии и фонетики, кодификации и культуры языка, о диалектах, о лексикологии, лексикографии, об этимологии, стилистике и языке различных писателей, об учебниках для школ, научно-популярные материалы для массового читателя и т.п. Много статей было посвящено отдельным фактам литературного языка – лексемам, суффиксам и т.п. Эти работы носили научно-популярный характер и способствовали развитию преподавания македонского литературного языка в школах, на курсах и т.д. Например, в 1953 г.: Б. Видоески «За образувањата на *-иво* и *-ло*» (Мјаз), Б. Марков «Предлогот *за* и неговото значење» (Мјаз); в 1954 г.: Б. Ристовски «Околу правописот на броевите» (Лзб.) и многие другие.

Третьего апреля 1954 г. произошло важное культурное событие: в Скопье – со спектаклями на литературном македонском языке открылся Македонский народный театр. До этого спектакли на некодифицированном

македонском языке македонских авторов ставились во многих театрах в провинции и в Скопье, но Македонский народный театр стал ставить не только македонские пьесы, но и пьесы иностранных авторов в переводе на македонский литературный язык. Мне довелось присутствовать на нескольких репетициях в театре в 1967 г. За правильным произношением актеров следил специальный редактор, особенно за артистами, приехавшими из районов, где литературный язык был неизвестен, а диалекты далеки от литературных правил (в частности, в Пиринской Македонии в конце сороковых годов театр был закрыт болгарскими властями). Для приехавших оттуда талантливых актеров и актрис такие указания и поправки ошибок в произношении были очень важны и полезны.

В начале шестидесятых годов (начало третьего периода) Тодор Димитровски, Благодя Корубин и Трайко Стаматоски под редакцией Блаже Конеского издают солидный трехтомный Словарь македонского языка с сербскохорватскими толкованиями («Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања», т. I – 1961 г., т. II – 1965 г., т. III – 1966 г.). Этот словарь сыграл большую роль в развитии лексики литературного македонского языка, в представлении македонского языка в мире, хотя с лексикографической точки зрения он содержит немало недостатков: некоторые словарные статьи разработаны как в двуязычных словарях, некоторые как в толковых словарях, но с сербскохорватскими переводами и толкованиями. Первый том этого словаря послужил основой для первого македонско-русского словаря В.М. Иллича-Свитыча и Д. Головского, изданного в Москве в 1963 г. Этот македонско-русский словарь достаточно полно отразил лексику литературного македонского языка второго и начала третьего этапа его развития (до 1961 г.).

С конца 60-х гг. начинает работать телевидение на македонском языке, что сыграло важнейшую роль в распространении и утверждении македонского литературного языка среди широких слоев населения. После провозглашения автокефальной македонской православной церкви в 1968 г. богослужение начинает частично вестись на македонском языке и создается тем самым церковный (ритуальный) стиль македонского литературного языка, близкий к живому разговорному языку.

Создание новых учебных и научных заведений, театров, музеев, появление новых поколений грамотных носителей македонского языка способствовало расширению практики функционирования литературного языка, развитию лексики, а также функциональных стилей литературного языка. Под влиянием знания литературного языка люди в быту

переходят с родного диалекта на наддиалектный народно-разговорный язык или на молодежный (или иной) жаргон со специфической лексикой: создаются новые слова, связанные с сербскими или турецкими, но получающие новое значение и оформление, например, *кафуле* вм. сербск. *кафић*, *млекара* вместо лит. *млекарница*, *железара* вместо *железарница*. Слово *патешествие* (русизм) получило ироничную окраску, вместо него как нейтральный термин употребляется *патување*, иронически звучит *фестивалиција* и под. Продолжается заимствование интернациональной лексики, главным образом в терминологии: *супермаркет*, *минимаркет*, *реципроцитет*, *дизајн* и т.д. В заимствовании иностранной лексики большую роль продолжал играть сербский язык как посредник (*амандман* ‘поправка к закону’, *интервенира* ‘вмешаться; содействовать’, *амбасада* ‘посольство’, *режија* ‘режиссура’, *биро* – *бѝра* ‘бюро’, (но *ниво* – *ниво́а* ‘уровень’). Формы некоторых подобных заимствований омонимичны русскому языку, но отличаются от русского по значению, например, макед. *актер* не только рус. ‘актер’, но и ‘участник чего-л.’, макед. *афера* ‘поступок, вызывающий шок; скандал’.

Расширение практики преподавания македонского языка, появление новых поколений специалистов, работающих в различных учреждениях образования и культуры, а также появление телевидения на македонском языке улучшало условия для практического функционирования литературного языка, а затем и для формирования общенационального народно-разговорного и литературного языка. В 1963 г. в г. Скопье случилось катастрофическое землетрясение, во многом разрушившее город. Для его восстановления из разных районов Македонии приехало много людей, что способствовало формированию наддиалектного народно-разговорного языка на базе скопского городского говора. Это уже расцвет третьего периода развития македонского литературного языка, становящегося общенациональным бытовым.

В 70-е гг. в Скопье на базе скопского городского говора и молодежного жаргона благодаря большому количеству приезжих в столицу из разных регионов со своими диалектами и под влиянием сербской интерференции возникает субстандартный наддиалектный идиом, который в 80-е гг. становится общенациональным народно-разговорным языком. В 80-е гг. в литературном языке развиваются функциональные литературные стили – административно-деловой (он возник еще в первый период развития литературного языка), общественно-политический (в газетах, на радио, телевидении, в парламенте и т.п.), научный (в научной

литературе и в учебном процессе в вузах), разговорный, который близок народно-разговорному субстандарту. Кроме этих функциональных стилей литературный язык выполнял функцию художественной и духовной литературы как орудия национальной культуры.

Македонские филологи с филологического факультета и из Института македонского языка писали научные труды по проблемам македонского языка, создавали учебники для школ и вузов. Благоя Корубин в 60-е – 80-е гг. писал в газетах научно-популярные статьи «Јазикот наш денешен», которые затем вышли в виде монографии. Издавались учебники по македонскому языку для студентов-филологов, а также учебники по македонскому языку для иностранцев. Первый такой учебник был написан Р. Пановской и А. Джукеским (я по нему училась македонскому языку во время стажировки в Скопье). В Москве в МГУ на филологическом факультете открылась специализация по македонистике, и лекторат по македонскому языку был открыт в 1973 г. Первым лектором македонского языка был доцент Киро Конески, впоследствии написавший учебник по македонскому языку для русских студентов. Затем лектором в Москве была проф. Л. Минова-Гюркова, которая тоже написала практический учебник для иностранцев с учетом программы по македонскому языку в МГУ. Македонский язык начинают изучать в университетах разных стран. Таким образом, третий и последующие этапы развития македонского литературного языка свидетельствуют об углублении и расширении функционирования литературного македонского языка не только в республике, но и в международном аспекте.

Созданная в ноябре 1967 г. Македонская академия наук и искусств явила новый этап в развитии македонской науки и культуры. Работы македонских и иностранных ученых в академических изданиях сделали новый шаг в развитии македонского языка и науки о македонском языке, литературы и культуры (например, труды Блаже Ристовского о К.П. Мисиркове и Д. Чуповском), о развитии македонской культуры, национального мышления, о личностях и процессах македонской литературной и национальной истории; работы Блаже Конеского об истории литературного македонского языка, о македонском периоде возрождения и учебниках 19 века и др. работы; фундаментальные работы Божо Видоеского и З. Тополинской о македонской диалектологии; Петре Илиевского о памятниках истории македонского языка, а также труды других ученых о научных проблемах македонского языка и культуры, например, О. Яшар-Настевой о турцизмах в истории языка и в современном

македонском языке. Работы Т. Димитровского, Т. Стаматовского, О. Ивановой, Б. Корубина, Х. Поленаковича, Б. Маркова и др. также внесли неоценимый вклад в развитие науки о македонском языке.

В научных изданиях других стран также публиковались труды о македонском языке и культуре иностранных ученых, их авторами были: С.Б. Бернштейн, Н.И. Толстой, В.М. Иллич-Свитыч, Р.П. Усикова (СССР); Зб. Голомб, В. Пьянко (Польша); И. Доровский, Ф. Мареш (Чехословакия); Х. Лант (США) и другие.

Итак, с 1945 до 1990 г. литературный македонский язык прошел несколько этапов в своем развитии:

1) Начальный этап, когда появляются первые издания о македонском языке – Орфографические справочники 1945 г. и 1950 г., первая грамматика К. Кепеского, первые издания произведений художественной македонской литературы. На начальном этапе образование на македонском языке было организовано в школах и на первичных курсах. Даже преподаватели вначале не знали достаточно хорошо литературный язык. Важное значение для популяризации и углубления знания литературного македонского языка имели работы Блаже Конеского (о них мы писали выше).

2) Второй этап 1950–1960 гг. – открытие македонских высших учебных заведений и научных учреждений, публикации фундаментальных научных работ по македонскому языку, прежде всего двухтомной Грамматики македонского языка Б. Конеского, появление научных периодических изданий по македонскому языку и литературоведению, где публикуются разнообразные научные труды македонских ученых старшего и нового поколений. Начало работать телевидение на македонском языке, что имело очень большое значение для введения в практику широкого употребления литературного языка. Открытие македонского театра со спектаклями на македонском языке классических македонских авторов, чье творчество относится к периоду македонской культуры до формирования литературного языка, а также пьес новых поколений македонских драматургов и иностранных авторов в переводе на литературный язык было шагом вперед в развитии македонского языка и культуры.

3) В начале третьего периода в Скопье выходит из печати фундаментальный трехтомный словарь македонского языка с сербохорватскими толкованиями (составители Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски; ред. Б. Конески) "Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања", т. I – 1961 г., т. II – 1965 г., т. III – 1966 г.

Несмотря на лексикографические недостатки значение этого словаря для македонского литературного языка было велико. После него, на основе этого словаря появляются издания небольших двуязычных словарей – Малый македонско-французский словарь Б. Груича и Д. Китановского (1962 г.), Немецко-македонский словарь Л. Алексовского, Б. Груича и Г. Милошева (1962 г.). Следует отметить и изданный в СССР Македонско-русский словарь В.М. Иллича-Свитыча и Д. Толовского под ред. Н.И. Толстого как один из лучших словарей македонского языка начала 60-х гг. О нем мы уже упоминали. В 1970 г. выходит из печати «Правопис на македонскиот литературен јазик со правописен речник», редакционную комиссию которого возглавлял Божо Видоески. Орфографический словарь довольно солидный, книга содержит 607 стр.

С середины 1950-х гг. и в последующие этапы развития македонского литературного языка бурно развивается македонская художественная литература, обогащающая македонскую культуру и литературный язык. У истоков поэзии стоят имена Б. Конеского, А. Шопова, М. Матевского, Й. Павловского (первый период развития литературного языка), прозы Й. Бошковского, К. Чашуле, И. Точко, С. Яневского. Ко второму периоду и дальнейшим периодам развития литературного языка относится творческое становление нового поколения поэтов и прозаиков – Р. Павловского, П. Бошковского, Й. Котеского, П. Андреевского, В. Урошевича, Б. Гюзела и др. Некоторые авторы, в частности, С. Яневски, описывая исторические события, используют архаизмы и церковнославянскую лексику, что не мешает, по нашему мнению, а наоборот, обогащает литературный македонский язык. Жанровое обогащение прозы свойственно произведениям С. Попова, Г. Абаджиева. На тему современности писали С. Яневски, Д. Солев. М. Фотев. Каждый из писателей обладал собственным языковым стилем. Этапные произведения прозы 60-х гг. принадлежат яркому самобытному писателю Ж. Чинго, которому была свойственна народная поэтика прозы. К 60-м гг. относятся прозаические произведения Й. Павловского, В. Малеского. В 80-е гг. художественная литература всех жанров – поэзии, прозы, драматургии – успешно развивалась, что способствовало дальнейшему развитию литературного македонского языка в четвертом и дальнейших этапах его развития.

Таким образом, за относительно короткий срок своего существования литературный македонский язык стал настоящим современным развитым общенациональным языком. Развились функциональные стили литературного языка. Кроме диалектов, существовавших тысячу лет,

благодаря развитию литературного языка образовался общенациональный разговорно-бытовой (субстандартный) стиль, социальные жаргоны и сленги. Разговорный язык имеет варианты, зависящие от языковой компетенции говорящего. В конце 80-х гг. и начале 90-х гг. под влиянием процесса всеобщей глобализации в македонский литературный и разговорный язык попадает огромное число интернационализмов английского происхождения. Это четвертый период развития литературного македонского языка. Следует еще раз отметить, что в этот период македонский литературный язык вошел как нормально развитый язык современного типа, не отстающий в своем развитии от других современных литературных языков.

Наибольшее значение для развития македонского литературного языка, литературы и культуры, несомненно, имели работы Блаже Конеского. Он был не только великим ученым, но и организатором науки. При этом интересно рассказать об одном эпизоде из моего общения с Б. Конеским, с которым мы были большие друзья еще с того момента, когда он был моим руководителем во время моей стажировки в Скопье в 1967 г. Незадолго до его неожиданной смерти в 1993 г. мы разговаривали за ужином летом на террасе ресторанчика в Скопье. Я спросила: «Блаже, ты великий ученый, специалист во многих областях науки о македонском языке и культуре, а также славистики. Так что для тебя является главным в твоём творчестве?» Он ответил: «То, что я поэт. Потому что даже те стихи, которые я писал в свои 20 лет, современная молодежь знает и любит».

Блаже Конески был гением, но очень скромным человеком.

Македонский язык в советской лингвистике (1945–1991)

Мое исследование затрагивает вопросы из истории славистики и лингвистики.

Я хотел бы отметить, что среди российских лингвистов особое внимание славистическим исследованиям посвящал С.Б. Бернштейн, а история языкознания как отдельная дисциплина первоначально была предметом российского языкознания.

Немалое число российских лингвистов серьезно занимаются этой проблематикой. Помимо Жоржа Мунена редко кто из лингвистов отдельно исследует историю языкознания.

Отношение к истории языкознания и славистики – это, прежде всего, отношение к традиции, а также завет на будущее. Через историю этих наук, особенно в современных лингвистических исследованиях, выражается совокупность всех идей и теорий о языке.

В этом смысле непосредственный толчок моему докладу дали две (относительно новые) книги на русском языке. Первая из них – монография «Филологический факультет Московского университета, очерки истории» [Филологический факультет, 2007], в которой среди прочего описана история кафедры славянского языкознания, а в ее рамках – специальности «Македонский язык и литература», начиная с семинара по македонистике А.М. Селищева в двадцатых годах XX в. В этой монографии приводятся слова С.Б. Бернштейна о том, что значительное место в занятиях по славистике в МГУ, проводимых А.М. Селищевым, занимали курсы по македонистике: «Большой популярностью у студентов... пользовался семинарий, посвященный Македонии – области, изучению которой Селищев отдал всю свою жизнь» [Бернштейн, 1979: 56]. Данные о том, что в произведениях Селищева помимо выражения *македонская диалектология* употреблялось слово *македонистика*, мы находим в рецензии Селищева на книгу Й. Иванова «Български старини из Македония», опубликованной в журнале «Македонски преглед» (София, 1933). Таким образом, курс по македонистике был составной частью специального «цикла южных и западных славян» [Бернштейн, 1979: 184]. Этот цикл впоследствии стал основой для возобновления кафедры

славянской филологии в 1922 г. Это возобновление безусловно связано с именем А.М. Селищева.

Повторное возрождение славистики в Москве в 1943 г. связано с именем С.Б. Бернштейна. Бернштейн стал автором первой статьи о македонском языке в «Большой советской энциклопедии» [БЭС, 1938: 743–744]. Бернштейн проявлял особый интерес к формированию современных славянских литературных языков (болгарского, македонского, польского) и типологии их развития. Этой теме был посвящен его курс в рамках преподавания славянской филологии. Значительным событием в развитии македонистики в России, а также всей заграничной македонистики в целом стало введение специальности по македонскому языку на филологическом факультете Московского государственного университета. Начала преподавать эту специальность Р.П. Усикова, а продолжила ее дело Е.В. Верижникова. Ср. «В 1943 г. был определен перечень языков, по которым начала проводиться подготовка на славянском отделении... На последующем этапе этот список языков пополнился еще двумя. Македонский язык (с 1954 г. курс по выбору на русском отделении и второй язык на славянском, с 1975 г. – специализация на славянском отделении) преподает Р.П. Усикова, с 1979 г. иностранный член Македонской академии наук и искусств, с 1996 г. почетный доктор Университета им. свв. Кирилла и Мефодия в Скопье. С 1990-х гг. македонский язык преподает также ученица Р.П. Усиковой Е.В. Верижникова, защитившая кандидатскую на тему «О македонских глагольных формах с компонентом *ke*» (1997)» [Филологический факультет, 2007: 191].

В период с 1945 г. по 1991 г. ключевую роль в развитии македонистики в России играли С.Б. Бернштейн и Р.П. Усикова. Бернштейн занимался, прежде всего, трудами своего учителя А.М. Селищева по македонистике, балканистике и диалектологии, он рассматривал их в контексте структурной типологии славянских языков и формирования литературных языков (эти исследования проводились на материале македонского и болгарского как южнославянских языков и польского как западнославянского языка). Добавим, что структурно-типологические исследования славянских языков являются основой для сравнительно-грамматических исследований С.Б. Бернштейна, а теории литературных языков посвящены социолингвистические исследования македонского языка Р.П. Усиковой.

В Санкт-Петербурге македонистику представляет Зоя Шанова. Она активно занимается македонским языком, начиная с защиты диссертации на тему «Аудитив в македонском языке» в 1980 г.

В период с 1945 г. по 1991 г. вопросы, связанные с македонским языком, затрагивали такие видные советские и русские ученые, как Н.И. Толстой, В.М. Иллич-Свитыч, Т.В. Цивьян, Г.А. Цыхун.

Македонистика занимает особое место в этнолингвистических исследованиях Н.И. Толстого и трудах по балканистике Т.В. Цивьян.

В описываемый период македонским языком также занимался А.А. Кретов из Воронежского государственного университета.

Важной вехой в развитии македонистики в России стал 1976 г., когда на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством Р.П. Усиковой была открыта специализация по македонскому языку. Учениками Р.П. Усиковой являются такие македонисты, как О.В. Панькина из первого поколения македонистов, Е.В. Верижникова, М.А. Поварницына, Е.В. Степаненко и др.

Вторая книга, привлекающая мое особое внимание, – это «Теория языка» Хроленко и Бондалетова [Хроленко, Бондалетов, 2004], а точнее глава «Социальная лингвистика» в разделе «Современный период в истории языкознания. 70-е гг. XX в. – начало XXI в.».

Внимание зарубежных и российских социолингвистов в последние годы привлекли: 1) варианты языков... 2) языковые ситуации... 3) международные языки... 4) литературные языки как с многовековой традицией, так и молодые. Из славянских языков самым молодым является македонский язык, возникший в 1945 г. Изучается его грамматика, словарный состав (составлен новый «Македонско-русски речник. Македонско-русский словарь» под ред. Р.П. Усиковой (Скопье, 1977), в котором 65 тыс. заглавных слов: «В него включено большое число фразеологизмов и он хорошо освещает современную македонскую лексику» [ВЯ, 2001, № 3: 41]) ...

[Хроленко, Бондалетов, 2004: 115].

Эти две книги ясно указывают на место македонистики в российской лингвистике в рамках славянской филологии и социолингвистики.

Очевидно, что социолингвистические работы, особенно на темы, связанные с теорией литературных языков, невозможны без серьезных структурно-функциональных и глубоких функционально-стилистических исследований, которые тесно связаны с историей литературных языков – одной из ключевых тем в российской лингвистике, особенно в русистике. История литературных языков основывается не только на лингвистической географии, но и на сравнительной грамматике славянских языков. В этом контексте я хотел бы подчеркнуть, что изучение славянских языков занимает важное место в русской лингвистике,

особенно в области взаимоотношений между диалектами и литературным языком (исследования на эту тему есть и на материале неславянских языков) и в вопросе дифференциации языков в мире (славянские языки дают прекрасный материал для изучения этой темы).

Значительный вклад в определение структурных особенностей македонского языка и в изучение истории македонского литературного языка сделал С.Б. Бернштейн. Еще в 1938 г. в одной из статей он указал на основные структурные особенности македонского языка, определив при этом соотношение диалект – литературный язык. Особенное внимание этим вопросам С.Б. Бернштейн уделял в семидесятых годах, исследуя морфонологические особенности славянских языков. В своих работах он рассмотрел несколько существенных черт македонского языка, отличающих и сближающих его с южными и другими славянскими языками.

В «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» [Бернштейн, 1974] С.Б. Бернштейн использовал богатый материал македонского языка, почерпнутый им в словаре македонского языка и грамматике Б. Конеского. С этой точки зрения особенно интересны те слова, чья форма представляет интерес для сравнительной грамматики славянских языков (например, *бреме, време, виме, брадва, морков, бочва, вепар, вошка* и *вдовица*).

Из «Очерка сравнительной грамматики славянских языков» мы хотели бы выделить следующие интересные замечания С.Б. Бернштейна:

1. Различия между македонским и другими славянскими языками.

«В большинстве македонских говоров основа [mus] совсем утрачена. Широко известен *glúšec*, что нашло отражение и в новом литературном языке: во празен амбар глушец не влегува. Представлены от данной основы и различные деривационные образования: *глувчарник, глувчарнице, глувче, глувчица, глувчовина* (Речник на македонскиот јазик)» [Бернштейн, 1974: 258]. Это слово характерно только для македонского (диалектного и литературного) языка.

2. Схожие морфонологические черты в южнославянских языках (различные фонетически).

С.Б. Бернштейн приводит вариант *покъть* (по-македонски *нокот*) [Бернштейн, 1974: 23].

3. Слова, характерные для южнославянских языков.

Брдоква. «Слово известно только болгарскому, македонскому и словенскому языкам» [Бернштейн, 1974: 232].

4. Черты, свойственные славянским языкам.

Рассматривая deverбатив *бой*, Бернштейн дает пример префиксных форм из русского, польского и сербскохорватского языков, к которым можно добавить и соответствующие македонские эквиваленты (например, *разбој*).

5. Влияние аналогии в македонском языке в примерах с чередованиями, свойственными болгарскому и македонскому языкам.

Болгарский и македонский языки могут представлять звенья чередований [k : c], [g : z], [x : s] только в соотношении общей формы ед. и мн. чисел... В македонском широко представлены в аналогичных условиях звенья [k : c], [g : z]: *волк – волци, јунак – јунаци, внук – внуци, председник – председници, податок – податоци, Грк – Грци; белег – белези, бубрег – бубрези, митинг – митинзи*. Звено [x : s] встречается в единичных примерах чрезвычайно редко в связи с тем, что обычно конечный *x* изменялся в *v*: например, *Чех – Чеси*. Чаше найдем звено [v : s] – *Влав – Власи, сиромав – сиромаси, кожув – кожуси*... Литературный язык и многие говоры показывают аналогичное выравнивание: *пердув – пердуви, трбув – трбуви*.

[Бернштейн 1974: 81]

6. Ограничение чередования из-за морфологического фактора в болгарском и македонском языках: мак. *смок – смокови, знак – знакови, зрак – зракови, рак – ракови, брег – брегови* и т.д. при отсутствии чередования у глаголов в македонском языке (у глаголов и-группы) [Бернштейн, 1974: 126].

7. Продуктивные словообразовательные модели в южнославянских языках, имеющие в македонском языке высокую продуктивность.

Говоря о южнославянских языках, С.Б. Бернштейн особо отмечает суффикс *-ица* (мак. *нивица, буквица, секирица*) [Бернштейн, 1974: 313]. По частотности в македонском языке выделяется суффикс *-еж*. «Наиболее многочисленны и активны основы на *-еж* в южнославянских языках... Много их в мак.: *лаеж, грабеж, бавеж, бодеж, валеж, годеж, смрдеж, дележ, грмеж* и др.» [Бернштейн, 1974: 280].

Бернштейн приводит и другие примеры из области деривации, например, в качестве отличительной черты македонского языка он указывает суффикс *-ка* в слове *оска* (*земјата се врти околу својата оска*) [Бернштейн, 1974: 273].

8. Различия в ступенях семантической эволюции отдельных слов в македонском в отличие от других славянских языков.

«Одну из ступеней данной семантической эволюции находим в македонском: ср. *твар* 'здоровое и румяное лицо' и *-ако се богати, децата*

им се слаби, бледи, нема твар (Речник на македонскиот јазик)» [Бернштейн, 1974: 272].

Бернштейн специально выделяет македонские примеры и при описании других специфических черт славянских языков, которые представляют особый интерес для индоевропеистики. Например, он рассматривает судьбу индоевропейских именных основ, заканчивающихся кратким -y: *boъ*, в македонском языке *борун* 'сухое место в болоте' [Бернштейн, 1974: 248].

Особый интерес представляют и характерные черты македонского языка. По этому поводу Бернштейн пишет:

Специалисты по македонской диалектологии уже давно обратили внимание на своеобразную судьбу в этих говорах старых основ на -et. Эти основы во множественном числе имеют окончание -in'a. Это окончание «в именах среднего рода является по всей Македонии» (Селищев, Очерки по македонской диалектологии, 176). Данная особенность македонских говоров, естественно, получила отражение в македонском литературном языке: *тиле* – *тилиња*, *јагне* – *јагниња*, *теле* – *телиња*, *прасе* – *прасиња*, *копче* – *копчиња*».

Конеский отмечает, что обычными для современного македонского литературного языка являются *смокови*, *ракови*, тогда как *раци*, *смоци* утрачиваются (см. Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик, II: 35).

В ряде случаев слова среднего рода во множественном числе на -in'a приобретают гипокористический оттенок: *срце* – мн. *срца* и *срциња*, *јајце* – мн. *јајца* и *јајциња* (см. Конески, Граматика..., II, 41).

Морфология – одна из основных областей, к которым проявлял научный интерес С.Б. Бернштейн. Именно этой области была посвящена его открытая лекция в качестве академика Македонской академии наук и искусств. Отметим, что морфологией особенно интересовались такие лингвисты, как Роман Якобсон и Ноам Хомский. Нет сомнений, что между Якобсоном, Бернштейном и Конеским, интересовавшимися морфологией, существует некая связь.

Бернштейн внес значительный вклад и в теорию литературных языков, исследуя принципы, по которым выбиралась диалектная база македонского языка. В этом отношении особенно важна его статья «К вопросу о форме 3-го л. ед. ч. настоящего времени в македонском литературном языке» в «Вестнике Московского университета» (1948, №2), а также его архивные, историографические и лингвистические исследования работы Крсте Петкова Мисиркова.

Бернштейн исследовал македонский язык, прежде всего, по имеющимся у него данным. Кроме того, его заслугой стало также признание и укрепление македонистики в советской и российской науке и образовании.

Огромный вклад в изучение македонского языка в рамках советской и российской лингвистики внесла Р.П. Усикова – первый русский слаvist, защитивший кандидатскую и докторскую диссертации по литературному македонскому языку и ставший специалистом по этому молодому славянскому языку.

В кандидатской диссертации на тему «Морфология имени существительного и глагола в современном македонском литературном языке» Р.П. Усикова рассматривает македонский язык в структурно-функциональном аспекте и использует таблицы в представлении морфологии македонского языка.

Важной заслугой Р.П. Усиковой является изучение истории македонского литературного языка. Она исследует изменения в развитии литературной нормы македонского языка на протяжении 20 лет, отмечает этапы в установлении нормы македонского языка и ее применении в речи носителей языка. Р.П. Усикова обращает особое внимание на функционирование нормы в речи носителей языка и их языковое чутье, не позволяющее им ошибаться в употреблении, например, постпозиционного артикля.

В сферу научных интересов Р.П. Усиковой также входит теоретическая и практическая стилистика македонского языка. Она исследует художественный стиль, изучая язык македонских писателей, и научный стиль, а также анализирует влияние этих стилей на укрепление нормы и их отличия друг от друга, прежде всего, в связи с непересказывательными глагольными формами.

Активно изучая функционирование македонского языка в македонской языковой среде, Р.П. Усикова исследует разговорный стиль и вопросы на стыке социолингвистики и стилистики (разговор с иностранцем, разговор по телефону).

Р.П. Усикова – фактически первый социолингвист в мире, который еще до Вильяма Лабова заинтересовался изменениями в языке на протяжении 20 лет (минимум диахронии в синхронии). При этом Р.П. Усикова рассматривала важный вопрос из теории литературных языков: становление литературной нормы за очень короткий период, что не может не вызывать восхищения.

Р.П. Усикова дает обзор истории письменного и литературного македонского языка и обзор основных отличительных черт македонского литературного языка, его истории и диалектологии в монографии

«Славянские языки» [Усикова, 1977]. В предисловии к этой книге четко сформулирован интерес составителей: «В каждой славянской стране в процессе формирования литературных языков было много своеобразного и отличного. Вот почему в типологическом плане славянские литературные языки представляют значительно больше расхождений, нежели славянские диалектные языки» [Усикова 1977]. Более детальный обзор македонского языка, а также тексты на македонском языке Р.П. Усикова дает в книге «Македонский язык» (Скопье, 1985). Эта книга представляет собой справочное учебное пособие для филологов-славистов.

В рассматриваемый период также вышел «Македонско-русский словарь» В.М. Иллича-Свитыча и Д. Толовского под редакцией Н.И. Толстого. Это первый двуязычный словарь македонского языка, он имеет большое значение для афfirmации македонского языка. Этот словарь также содержит краткий грамматический справочник, разработанный В.М. Илличем-Свитычем.

Результаты многолетних исследований македонского языка Р.П. Усиковой становятся особенно заметными после 1991 г. В это время македонистикой в России начинают заниматься и ее ученики.

Перевод Т. Ганенковой

Литература

1. *Бернштейн С.Б.* «Вардар» К.П. Мисиркова // *Lubljana. Slavistichna revija.* XI. 3–4. 1958. S. 178–186.
2. *Бернштейн С.Б.* Из истории македонского литературного языка. «Вардар» К.П. Мисиркова // *Славянская филология.* Вып. III. М., 1960. С. 70–79.
3. *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974.
4. *Бернштейн С.Б.* Афанасий Матвеевич Селищев // *Вестник Моск. Ун-та. Филология.* 1979. № 6.
5. Большая советская энциклопедия. Том 37. М., 1938.
6. *Славянские языки* / под ред. Широковой и Гудкова. М., 1977.
7. *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
8. *Усикова Р.П.* Македонский язык // *Славянские языки: Очерки грамматики западно-славянских и южнославянских языков.* М., 1977.
9. Филологический факультет Московского университета, очерки истории, 3-е издание, исправленное и дополненное. М., 2007.
10. *Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д.* Теория языка. М., 2004.
11. *Цивьян Т.В.* Имя существительное в балканских языках. К структурно-типологической характеристике балканского языкового союза. М., 1965.

Русистика в Македонии (1945–1991)

С момента формирования философского факультета в Университете имени свв.яных Кирилла и Мефодия (первом македонском университете) в декабре 1946 г. начинается официальное университетское образование на македонском языке в Республике Македонии. Первые занятия были проведены 16 декабря 1946 г. До отделения филологического факультета в 1974 г. в рамках философского факультета функционировали филологические кафедры и велись занятия по русскому языку. С 1949 г. по 1950 г. помимо Маргариты Неверовой (до 1961 г.) и Тамары Гнуни (с 1950 г. по 1970 г.) занятия вели проф. д-р Фран Петре, приехавший из Любляны, чтобы помочь в организации учебного процесса в Македонии, а также Цветанка Органджиева, Лильяна Мойсова и Вера Янева (преподаватель чешского языка и литературы).

В 1950 г. из Загреба приехала проф. д-р Серафима Полянец, которая взяла на себя большую часть занятий по языку и литературе, сформировала кафедру славистики и установила принципы ее работы. С. Полянец самоотверженно работала до ухода на пенсию в 1955 г. Она оставила неизгладимый след в истории македонской русистики. С. Полянец завещала свою личную библиотеку кафедре, после смерти в 1964 г. ее воля была выполнена: личная библиотека стала частью особого фонда в рамках славистической библиотеки.

Первый период развития кафедры славистики и македонской русистики, начавшийся в 1956 г., закончился в 1961 г., когда заведующий кафедрой профессор Блаже Конеский принял на кафедру новых преподавателей, защитивших докторские диссертации. Приход новых преподавателей ознаменовал начало второго периода в развитии кафедры славистики и македонской русистики.

С конца 1961 г. русский язык преподавал д-р Борис Марков, первый заведующий кафедрой славистики в ее новом составе, а русскую литературу преподавали д-р Милан Гюрчинов и д-р Цветанка Органджиева. Занятия по языку вели ассистенты Мария Сидоровская и Спиро Накев, занятия по литературе – Ефтим Кафеджиский и Димитар Бошков, на кафедре также работал Ташко Белчев (преподаватель польской литературы и русского языка). В этот период начали работать лекторы Нина Чундева и Таисия Поп-Спирова. С 1975 г. русский язык стали преподавать маг. Максим Каранфиловский и маг. Маргарита Пашоская. Во второй период

кафедра славистики была полностью укомплектована, что положительно повлияло на македонскую русистику.

С 1965 г. в преподавание русского языка включились русские лекторы (носители языка) на основе межгосударственного договора. Они внесли свой вклад в развитие преподавания русского языка македонским студентам. Это был период, когда русский язык пользовался большой популярностью в Македонии. С того времени и до 1991 г., а точнее до 1996 г. в качестве лекторов русского языка из СССР работали:

- Зоя Свирина, 1965–1967 гг.;*
Владимир Лирниченко, 1967–1969 гг.;
Тамара Глазнева, 1969–1971 гг.;
Николай Ковалев, 1971–1973 гг.;
Николай Белоусов, 1973–1974 гг.;
Марина Тверитинова, 1974–1976 гг.;
Лиля Ермакова, 1976–1978 гг.;
Нинель Макаренко, 1978–1980 гг.;
Елена Кууз, 1980–1982 гг.;
Лидия Ветошкина, 1982–1984 гг.;
Нина Кохтарева, 1984–1986 гг.;
Анастасия Сухих, 1986–1989 гг.;
Наталья Федотова, 1989–1996 гг.

В описываемый период Борисом Марковым и Лилей Ермаковой был создан первый краткий русско-македонский фразеологический словарь, практически все члены кафедры участвовали в многочисленных македонских и международных научных конференциях, а также в других научных и культурных мероприятиях. Их занятия в различных иностранных университетах в качестве приглашенных преподавателей внесли большой вклад в становление македонской русистики. Особое значение имело международное межуниверситетское сотрудничество, в котором активно участвовали македонские русисты. Университет имени святых Кирилла и Мефодия успешно сотрудничал и сотрудничает с университетами в Москве (МГУ им. М.В. Ломоносова), Санкт-Петербурге, Воронеже, Перми, а также с русистами в Белграде, Загребе, Любляне, Сараево, Новом Саде, Нише, Софии, Галле, Берлине, Варшаве, Кракове, Познани и многих других.

В 1970 г. была подписан межуниверситетский договор с Воронежским государственным университетом, на основе которого в течение многих лет осуществлялся регулярный обмен студентами, имевший особое значение. В семидесятых годах важную роль в развитии македонской русистики сыграли стипендии для повышения квалификации преподавателей русского языка: с их помощью преподаватели могли обновить и улучшить свои знания по русскому языку, а также повысить свою квалификацию.

Кафедра славистики, флагман македонской русистики, издает единственный в Македонии журнал «Славистички студии», посвященный русистике, богемистике и полонистике. Журнал издается с 1976 г. До 1996 г. было издано 7 номеров, на настоящий момент вышло 14 номеров. Последние несколько номеров, изданных после 2001 г., посвящены выдающимся македонским русистам – Милану Гюрчинову, Борису Маркову, Марии Найческой-Сидоровской и Маргарите Пашоской. Таким образом, кафедра и редакция журнала «Славистички студии» отдает дань уважения своим преподавателям, взявшим на себя тяжелым труд по развитию кафедры с 1961 г. по 1991 г.

Библиотека кафедры славистики обладает самой богатой коллекцией книг на русском языке и книг по русистике в Республике Македонии. Ее собрание насчитывает более 20 000 книг и содержит книги, изданные в разные периоды (самые старые датируются второй половиной XIX в., а самые новые изданы в наши дни). В библиотеке также есть огромное количество литературоведческих и лингвистических изданий. Библиотека представляет собой настоящую сокровищницу русской литературы и литературы по русистике.

В конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века ситуация с изучением иностранных языков в Республике Македонии изменилась. Популярность русского языка уменьшилась за счет резкого повышения интереса к английскому языку на всех уровнях образования. Родители стали выбирать для своих детей английский язык, который благодаря глобализации стал наиболее привлекательным иностранным языком. Директора школ, а также Министерство образования пошли самым легким путем и начали нарушать ранее принятый принцип равного положения иностранных языков в системе образования. Постепенно число изучающих русский язык уменьшилось до 2% от общего числа учеников начальных и средних школ. Такое положение дел вынудило кафедру изменить политику приема новых студентов, в результате чего количество поступивших студентов увеличилось и была найдена основа для дальнейшего развития кафедры, а шире – всей русистики в Республике Македонии. Так начался третий период в истории кафедры славистики, специализации по русскому языку и русистики в Республике Македонии.

Наиболее популярным (100%) в системе образования русский язык был в период сразу после Второй мировой войны. После резолюции Информбюро в 1948 г. интерес к русскому языку упал и в первой половине 60-х годов русский язык преподавался в 0,38% 5–8 классов начальных школ и в 6,4% 1–4 классов средних школ.

Во второй половине 60-х годов русский язык вновь укрепил свои позиции и стал преподаваться в 21,5% 5–8 классов начальных школ и 18,4% 1–4 классов средних школ. С тех пор и до начала 90-х годов

XX в. процент изучающих русский язык остается стабильным и составляет около 12% в начальных и 14–18% средних школах.

Что касается преподавания русского языка в вузах, то опорой русистики является кафедра славистики на филологическом факультете имени Блаже Конеского в рамках Университета имени свв. Кирилла и Мефодия в г. Скопье. Обучение по специализации «Русский язык и литература» длится 4 года, по окончании – выдается диплом преподавателя, филолога или переводчика. Кафедра является единственным местом в Республике Македонии, где можно получить диплом по специализации «Русский язык и литература».

На других факультетах в рамках Университета им. свв. Кирилла и Мефодия русский язык изучается как дополнительный предмет (иностранный язык по специализации). Интерес студентов к русскому языку очень высок: студенты выбирают его по своему желанию среди четырех предлагаемых иностранных языков. Основная причина, по которой студенты выбирают русский язык, – богатство литературы на русском языке и переводной литературы во всех научных областях и ее доступность в библиотеках.

Русский язык также преподается во втором университете Республики Македонии – в Университете им. св. Климента Охридского в Битоле (на педагогическом факультете и на факультете туризма и гостиничного бизнеса, размещенного в г. Охриде). Причины, по которым студенты выбирают русский язык, и процент изучающих примерно совпадают с данными по Скопье, т.е. в обоих университетах русский язык котируется высоко.

Период с 1945 г. по 1991 г. – это период становления русистики в Республике Македонии, введения русского языка в систему высшего образования, появления первых русистов с докторской степенью и званием профессора, которые взяли на себя ответственность за формирование и стабилизацию македонской русистики, обеспечение кадрами македонского образования, а также подготовку переводчиков и других специалистов со знанием русского языка для македонского общества и его экономики. Преподавание русского языка и литературы сыграло важную роль в популяризации русской культуры, и заслуга македонских русистов в этом неоценима.

В научном плане отметим работы в области сравнительного изучения русского и македонского языков, критического анализа русских произведений, переводов с русского на македонский язык большого числа классической и современной русской литературы, лексикографических трудов и т.д. Издание научного журнала «Славистички студии» также является одним из успешных начинаний македонской русистики.

Перевод Т. Ганенковой

**«Грамматика македонского литературного
языка» Б. Конеского и «Русский язык
(грамматическое учение о слове)»
В.В. Виноградова (влияние и традиции)**

«Грамматика македонского литературного языка» в двух томах (1952–1954 гг.), написанная Блаже Конеским¹, сыграла основополагающую роль в истории кодификации македонского языка.

Как известно, официальная кодификация македонского литературного языка происходит в 1944–1945 гг., после образования независимой Республики Македония в составе Югославии. Хотя сам процесс выбора диалектной основы для македонского литературного языка начинается еще в середине XIX в., когда Партений Зографский (1818–1876) говорит о «среднем» болгаро-македонском языке, в котором в одинаковой степени должны быть представлены черты обеих языковых систем. А в начале XX в. Крсте Петков Мисирков (1874–1926) в книге «За македонските работи» (1903) формулирует принципы кодификации литературного языка на основе черт центральных говоров западной диалектной группы. Принципы, сформулированные К.П. Мисирковым, были положены

¹ Конеский Блаже (1921–1993) – македонский поэт, прозаик, эссеист, лингвист, историк литературы, переводчик. Профессор и первый ректор Университета им. свв. Кирилла и Мефодия в г. Скопье (Р. Македония). Академик, первый президент Македонской академии наук и искусств, член академий наук Загреб, Белграда, Сараево, Чикаго, Лодзи. Один из основателей Союза писателей Македонии и первый его председатель. Редактор журналов «Нов ден» и «Македонски јазик». Один из кодификаторов македонского литературного языка. Основные труды в области лингвистики: «Македонски правопис со правописен речник» (соавт. К. Тошев, 1950), «Грамматика на македонскиот литературен јазик» (1952–1954), «За македонскиот литературен јазик» (1952), «Речник на македонскиот јазик» (Ред. Т. 1 (1961), Т. 2 (1965), Т. 3 (1966)), «Историја на македонскиот јазик» (1965), «Јазикот на македонската народна поезија» (1971), «Македонскиот 19. век, јазични и књижевно-историски прилози» (1986), «Тиквешки зборник» (1987) (инф. по «Кратка Ми-Анова енциклопедија: македонски писатели»: 47–48).

в основу концепции македонского литературного языка, разработанной комиссией по вопросам языка и орфографии в 1944–1945 гг.²

В конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. македонские исследователи начинают активно работать над созданием нормативных кодексов, школьных грамматик и учебников, словарей македонского языка (Круме Кепеский, Крум Тошев, Блаже Конеский, Божидар Видоеский, Тодор Димитровский, Кирил Конеский, Радмила Угринова-Скаловска, Благоя Корубин, Трайко Стаматоский и др.). Наиболее авторитетным трудом по грамматике македонского языка стала работа Б. Конеского. Охват материала, экскурсы в историю и балканские параллели, обзор развития македонского языка со времен создания славянской письменности и до 1945 г., а также ярко выраженная авторская позиция по ряду теоретических вопросов делают эту работу центральной в дальнейшем ходе развития македонского литературного языка и теории грамматики.

В предисловии ко второй части своего исследования Б. Конеский отмечает, что при трактовке частей речи он опирался на достижения современной ему славянской грамматики, прежде всего на книгу акад. В.В. Виноградова «Русский язык (грамматическое учение о слове)» (1947 г.), конечно же, учитывая при этом специфику грамматической структуры родного языка. Вторая грамматика, которая послужила ему теоретической основой, – это работа американского лингвиста Х. Ланта (1952)³. Именно эта отсылка автора к теоретическим источникам подтолкнула нас к мысли о сопоставительном исследовании грамматических трудов Б. Конеского и В.В. Виноградова в русле общей темы македонско-русской конференции.

Различным аспектам грамматики Б. Конеского посвящено немало работ как македонских, так и зарубежных исследователей. Так, роль грамматики Конеского в процессе кодификации македонского литературного языка рассматривается в статьях Б. Видоеского (Видоески 1997), Р.П. Усиковой (Усикова 2002), П. Гарда (Гард 1999), Л. Макарийской

² Правила македонского литературного языка были зафиксированы в орфографических кодексах 1945 г. и 1948 г. В 1950 г. К. Тошев и Б. Конеский издадут расширенный орфографический кодекс македонского языка, включающий краткое грамматическое описание и словарь (См. Конески, Тошев. 1950).

³ См. Конески Б. 1967. С. 7.

(Макаријоска 2002); специфике научного стиля грамматики посвящены труды Л. Миновой-Гюрковой (Минова-Ѓуркова 1999) и В. Пянки (Пјанка 2002); отдельные грамматические аспекты в трактовке Б. Конеского становятся предметом исследований З. Тополинской (Тополинска 1999) и Н. Чундевой (Чундева 2002). История создания и наиболее полное структурное и содержательное описание грамматики Конеского представлено в работе Р.П. Усиковой (Усикова 2002). В статье мы не будем подробно останавливаться на описании содержания теоретической грамматики Конеского, обратимся лишь к ряду аспектов, которые позволят нам сопоставить исследование Конеского с работой В.В. Виноградова. Это – цель грамматического описания языков; предмет исследования; подходы к отбору и описанию материала; принципы классификации частей речи и трактовки грамматических явлений.

Книга В.В. Виноградова «Русский язык (грамматическое учение о слове)» выходит в 1947 г., она представляет собой переработку предыдущего труда автора «Современный русский язык» (1938. Вып. I и II). Параллельно Виноградов занимается проблемами исторической лексикологии русского языка, что не могло не сказаться на его грамматическом учении о слове. Автор в предисловии пишет, что он поставил перед собой задачу не только изложить собственную систему грамматического учения в виде целостного монографического исследования о слове, но и показать те пути, по которым двигалась лингвистическая мысль в поисках решения основных вопросов русской грамматики (см. Виноградов 1947: 2). По словам Виноградова, «...составление грамматики любого языка сопряжено с величайшими трудностями – теоретическими и практическими. Объем и задачи грамматики не очерчены с достаточной ясностью. Приемы грамматического исследования у разных лингвистов очень разнородны. Так, в грамматике современного русского языка разногласий и противоречий больше, чем во всякой другой науке. Почему так? Можно указать две общие причины. Одна чисто практическая. Грамматический строй русского языка плохо изучен. Освещение многих грамматических вопросов основывается на случайном материале. <...> Фактический языковой материал, на который опираются русские грамматики разных направлений, беден и однообразен. Многие светлые идеи, открытые прежней грамматикой и вновь выдвигаемые общим

языкознанием, не находят применения в современных грамматических учениях. Поэтому необходимо при построении грамматической системы современного русского языка глубже использовать лингвистическое наследие и шире привлекать свежие факты живого языка. Другая причина блужданий современной грамматики – в отсутствии прочных теоретических основ, в отсутствии определения или точного описания основных грамматических понятий <...> ... исследователь грамматики современного русского языка обязан раскрыть содержание тех грамматических понятий, которые он кладет в основу своего построения» (Виноградов 1947: 3–4).

Задачи, поставленные автором, были успешно реализованы в его исследовании. Как отмечает Е.М. Галкина-Федорук, «в книге “Русский язык” В.В. Виноградов обобщил весь предшествующий опыт русского языкознания» (Галкина-Федорук 1956: 8). Кроме того, ученый сопоставляет труды отечественных лингвистов с историческими и современными достижениями западноевропейских ученых, что позволяет ему дать описание языка на широком общетеоретическом фоне. Ю.В. Рождественский в статье «Лингвистического энциклопедического словаря», посвященной идеям виноградовской школы в отечественной лингвистике, пишет, что «книга Виноградова послужила научной основой для создания последующих грамматик русского языка и грамматик языков народов СССР» (Рождественский 1991: 84). По словам Ю.В. Рождественского, «идеи Виноградова о грамматике современного русского литературного языка легли в основу общей и частной дидактики русского языка и многих учебных (школьных и вузовских) пособий. Были созданы серии учебников для средней и высшей школы (А.М. Земский, С.Е. Крючков, Л.Ю. Максимов, Н.М. Шанский, Л.А. Чешко и другие)» (Там же: 85). Кроме того, учеными виноградовской школы написана описательно-нормативная «Грамматика русского языка» АН СССР (1952–1954). Под руководством Н.Ю. Шведовой были созданы академические грамматики – «Грамматика современного русского литературного языка» (1970), «Русская грамматика» (т. 1–2, 1980). В этих грамматиках способы описания словообразования, частей речи, морфологии, синтаксиса во многом опираются на научную концепцию Виноградова.

Что касается работы Б. Конеского, то автор определяет свою цель следующим образом: создать такую грамматику, которая по охвату материала и по способу его интерпретации послужила бы на современном этапе теоретической основой для школьных грамматик и в то же время могла бы познакомить каждого образованного человека с македонским литературным языком (см. Конески 1967: 5). Автор подчеркивает, что он основывается на достижениях лингвистики в области македонского языка современного ему периода⁴, что неизбежно приводит к неполноте охвата всех возможных грамматических явлений. Однако исчерпывающее описание македонской языковой системы в столь краткий период – это непосильная для одного человека задача, она требует координации усилий целой группы лингвистов и бóльшей затраты времени.

По мнению Б. Конеского, для того чтобы добиться известной унификации в трактовке языковых явлений молодого литературного языка, в грамматике должна отражаться активная авторская позиция по всем теоретическим вопросам. Объяснение грамматических терминов не может стать основной задачей подобной грамматики⁵, однако, как отмечает автор, в ряде случаев он делает и это (Там же: 6).

Таким образом, принципиальное отличие в подходах авторов к задачам грамматического описания находится в зависимости от степени разработанности национальной лингвистической традиции. Цель Виноградова состоит в том, чтобы проследить линию развития грамматической науки в отечественном и зарубежном языкознании и высказать собственное мнение по тому или иному вопросу, опираясь на богатый иллюстративный материал. Основная же задача Конеского – дать такое

⁴ В 1946 г. выходит первая грамматика македонского языка, предназначенная для школ. Автор – Круме Кепеский (1909–1988). В учебнике в сжатой форме (объем грамматики всего около 80 страниц) излагаются сведения о месте македонского языка среди других славянских языков, о его диалектном членении и истории развития, вводится основная грамматическая терминология, необходимая для школьного обучения, перечисляются основные разделы грамматики в соответствии с традиционным лингвистическим подходом (фонетика, этимология (в разделе речь идет о словообразовании), морфология, синтаксис (и пунктуация), орфография). Далее автор дает краткое описание этих разделов. Принципы грамматического описания, предложенные Кепеским, становятся традиционными в македонской лингвистике.

⁵ По этому вопросу Б. Конеский полемизирует с К. Кепеским, который в своей грамматике особое внимание уделяет объяснению основной лингвистической терминологии.

описание языка, которое стало бы основой для развития теоретической грамматики и, несомненно, для практики преподавания. И если принять во внимание, что это первое теоретическое исследование на материале македонского языка⁶, то задачи автора вдвойне усложняются: нужно выбрать способ описания материала, теоретическую концепцию, а среди всего многообразия языковых явлений отобрать те, которые следует возвести в ранг нормы.

Как известно, В.В. Виноградов предложил деление грамматики на грамматическое учение о слове, учение о словосочетании, учение о предложении и учение о сложном синтаксическом целом. В качестве предмета исследования книги «Русский язык» Виноградова выступает грамматическое учение о слове. Виноградов показал, что «границы между морфологией и синтаксисом очень неустойчивы и неопределенны. Часть грамматических явлений, относимых к морфологии, легко находит себе место в синтаксисе и лексикологии. Синтаксис не может обойтись без учения о слове как о составной части предложения. <...> Другая часть морфологии, исследующая и излагающая методы образования слов, может войти в лексикологию, т.е. в учение о словаре, о закономерностях изменений лексической системы языка. Таким образом, положение морфологии как науки о строении и образовании слов и форм слов оказывается непрочным» (Виноградов 1947: 4). В историческом развитии языка грамматические и лексические формы и значения органически связаны, влияют друг на друга, поэтому, по мнению Виноградова, изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны невозможно (Там же: 7). Это теоретическое положение Виноградова предопределяет его подход к материалу и выводит за рамки лингвистических традиций того периода.

Грамматика Конеского, как мы уже говорили, состоит из двух частей. Первая включает краткий обзор истории становления македонского литературного языка и раздел, посвященный сегментным и несегментным

⁶ Конечно, не следует забывать, что к тому времени выходит научное описание македонского языка, сделанное американским лингвистом Х. Лантом, поэтому в трактовке некоторых грамматических явлений Б. Конеский опирается именно на это исследование. Однако, как отмечает в предисловии к своей работе Х. Лант, Б. Конеский был одним из его консультантов по вопросам грамматики македонского языка (Lunt 1952: III–XII).

единицам фонетического уровня. Предметом же второго раздела являются формы и их использование. *Форма* Конеским понимается достаточно широко – это и формы словоизменения, и формы словообразования. Автор достаточно подробно останавливается на лексико-грамматической и собственно грамматической семантике каждой формы и обращается к их синтаксическим функциям. Конечно же, «системное изложение синтаксической материи» – это дело будущего, как говорит Б. Конеский (Конески 1967: 7), однако практически все исследователи лингвистического наследия Конеского отмечают его несомненный вклад в развитие синтаксиса в македонистике (см. Тополињска 1999; Ускова 2002). Подход к слову как к центральной грамматической единице опирается на виноградовскую концепцию, и хотя многие историографы отмечают дескриптивный характер описания материала: от формы к семантике, – хотелось бы подчеркнуть, что грамматика Конеского выбивается из структурального описания материала. Автор не пытается построить упрощенную схематическую модель описания языка, а показывает языковое явление во всей его сложности и многообразии, обращаясь к разговорной речи, диалектным формам, делая отсылки к истории и сопоставляя данные македонского языка с языковыми фактами других балканских языков⁷. Кроме того, он говорит о функционально-семантическом варьировании тех или иных явлений в македонском языке (например, о способах выражения свидетельской модальности и результативности, категорий количества и качества), что делает его подход актуальным и с точки зрения современной функциональной парадигмы лингвистических исследований.

Приемы подачи и описания материала Конеского сближают его исследование с виноградовским. Основу выбора исследовательского метода в обоих случаях составляет специфика языкового материала. В качестве иллюстративных примеров в грамматиках используются не искусственные, сконструированные примеры, а поэтические и прозаические художественные тексты, живая разговорная речь. Так, в работе Конеского приводятся примеры из художественного творчества прозаиков, поэтов и драматургов современного ему периода: С. Попова, К. Чашуле,

⁷ Впоследствии эти «замечания» станут предметом исследования в труде Б. Конеского «Историја на македонскиот јазик» (1965).

Е. Спространова, В. Малеского, А. Шопова, Й. Бошковского, В. Илѣского и др. В грамматике широко представлены также фольклорные записи братьев К. и Д. Миладиновых, М. Цепенкова, что свидетельствует о понимании Б. Конеским народной основы македонского литературного языка⁸. Вторая цель, которую он преследует, опираясь на такой материал, – сделать язык описания более доступным и понятным рядовому читателю, а использование диалектных примеров, по мнению Б. Конеского, только упрощает его задачу.

В.Г. Костомаров в своей статье о Виноградове писал: «...оставаясь на почве фактов во всем их многообразии, он (Виноградов – вставлено мной. – Н.В.) стремится разрешить тот или иной вопрос в его реальной структурной сложности» (Костомаров 1971: 4). Это высказывание Костомарова, на наш взгляд, в полной мере применимо и к подходу Конеского. Несмотря на прескриптивный характер грамматики, Конеский пытается показать отступления от кодифицированных норм в разговорном узусе и диалектах, представляя общенародный язык во всем богатстве форм. Например, в разделе, посвященном категории определенности-неопределенности имен существительных в македонском языке, Конеский отмечает, что в речевой практике возможно использование члена в тех случаях, которые не предусмотрены стандартом. Так, в разговорной речи член употребляется с полными формами личных имен или же с географическими названиями, которые обычно встречаются только в общей форме: *Натема ти Стојанот. – Ај да се сневиди и Скопјево. – Ај да се запусти и Вардарот* (Конески 1967: 228). В данном случае членные формы не имеют семантики определенности, потому что имена собственные являются определенными по своей сути, назначение членных форм заключается в выражении какого-либо эмоционального отношения говорящего к предмету речи (негодования, иронии, подчеркнутой интимности и т.п.). Еще один случай нестандартного употребления членной формы – это одновременное использование указательного местоимения и члена в составе одной именной группы (*Тој човекот дојде*). По мнению Б. Конеского, здесь происходит перераспределение функций

⁸ См. соответствующий раздел в грамматике Б. Конеского, с. 59–75. Особую роль в формировании литературного языка Б. Конеский, вслед за К.П. Мисирковым, отводит прилепско-битольским говорам, которые были родными для него (Конески 1967: 69).

детерминативов, роль члена – выражение грамматической определенности, местоимение же выполняет функцию указателя, усиливая значение определенности, выраженной в членной форме (Там же: 230). Любопытны также замечания Б. Конеского по поводу широкого распространения в разговорной речи результативных конструкций с глаголом *има*, автор предполагает их дальнейшее развитие и вхождение в литературный язык (см. Конески 1967: 503); это предположение находит свое подтверждение в современных лингвистических исследованиях.

Что касается грамматической классификации слов (форм), то Виноградов создал новую систематизацию частей речи, применив предложенный Л.В. Щербой⁹ критерий синтаксических свойств слова: в систему частей речи были включены «частицы речи», модальные слова и категория состояния. По мнению Виноградова, при классификации частей речи нужно учитывать ряд критериев: 1) синтаксические функции слов; 2) морфологические значения слов и форм слов; 3) вещественные (лексические) значения слов; 4) способы отражения действительности; 5) природу соотносительных и соподчиненных грамматических категорий, которые связаны с той или иной частью речи (см. Виноградов 1947: 38–39). Таким образом, система частей речи в теории Виноградова приобретает следующий вид: 1. *Части речи*: 1) имена (существительное, прилагательное, числительное); 2) местоимение (находящееся в состоянии разложения); 3) глагол; 4) наречие; 5) категория состояния; 2. *Частицы речи*: 1) частицы в собственном смысле: модальные связки, предлоги, союзы; 2) междометия; 3. *Модальные слова* (Там же: 42–44). В основной части грамматики Виноградов описывает систему частей речи русского языка, раскрывая понятийную и грамматическую природу каждой категории, выделяя лексико-грамматические разряды слов, входящих в состав данной категории; описывая систему форм и их значения, а также основные словообразовательные модели каждой части речи. Как отмечает Виноградов, «не надо думать, что части речи одинаковы по количеству и качеству во всех языках мира. В системе частей речи отражается стадия развития данного языка, его грамматический строй» (Виноградов 1947: 39).

⁹ Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 63–84.

В основе классификации частей речи Б. Конеского лежит виноградский подход (с известными допущениями), который представлял на тот период одну из самых современных грамматических теорий на материале славянских языков. Этот подход существенно отличался от трактовки частей речи в школьных грамматиках македонского языка того периода (см. Кепески 1946: 27¹⁰). Допущения касаются количества частей речи (исключение из состава частей речи категории состояния, традиционно рассматриваемой только в русской грамматике), места междометий среди частей речи и состава грамматических категорий, что обусловлено, конечно же, грамматическим строем македонского языка (флективный язык аналитического типа). Так, Конеский, исходя из семантики части речи и ее функций в предложении, делит все слова на *полнозначные* и *служебные*. В состав полнозначных слов входят имя существительное, имя прилагательное, числительное, местоимение, глагол и наречие. К служебным словам относятся предлоги, союзы и частицы. Функционально и семантически противопоставлены этим двум группам модальные слова и междометия. Кроме того, Конеский отмечает, что строгой границы между частями речи провести невозможно, что существуют переходные случаи, обладающие свойствами нескольких частей речи (например, формы причастия) (Там же: 213–214).

Описание грамматических классов слов строится по тому же принципу, что и у Виноградова: общее значение грамматической категории, лексико-грамматические (семантические) разряды, форма и семантика грамматических категорий части речи, функции в предложении и основные словообразовательные модели. Это описание, на наш взгляд, отнюдь не вписывается в дескриптивистскую модель, а скорее напоминает описательный подход с элементами функционализма.

Итак, подведем итоги нашего краткого сопоставления двух грамматических исследований. Труды В.В. Виноградова и Б. Конеского, несомненно, сыграли ведущую роль в становлении грамматических традиций русского и македонского языков. Если грамматика Виноградова – это своеобразное обобщение и подведение итогов многовековых лингвистических исследований русского языка, то работа Конеского стала отправным

¹⁰ Ср. формально-морфологическую классификацию частей речи на изменяемые-неизменяемые у К. Кепеского.

толчком для дальнейших более специализированных в какой-либо конкретной области исследований в македонистике, поскольку является первой теоретической работой на материале македонского языка, созданной македонским ученым. Несомненна ее ведущая роль в процессе кодификации македонского литературного языка, а многие из гениальных предвидений автора нашли свое подтверждение в ходе дальнейших научных изысканий.

В обеих грамматиках задается основа для описания языка, упорядочивается терминологический аппарат, прослеживается дальнейшая перспектива исследований (изучение синтаксиса и стилистики). Работы опираются на изучение живой, многогранной и постоянно изменяющейся языковой материи, что предопределяет подход к описанию материала, классификацию и трактовку языковых явлений. Широта взглядов, глубина трактовок, тонкие и точные лингвистические замечания, использование стилистически разнородного материала делает эти труды классическими, не теряющими своей значимости и для современных лингвистических исследований.

Литература

1. *Видоески Б.* По повод 25-годишнината од излегувањето на Граматиката на македонскиот литературен јазик од Блаже Конески // Македонски јазик. XXVIII. 1977. Скопје, 1977. С. 203–206.
2. *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947. 784 с.
3. *Галкина-Федорук Е.М.* Творческий путь академика В.В. Виноградова // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей. М., 1956. С. 3–11.
4. *Гард П.* Блаже Конески и стандартизацијата на јазикот // Придонесот на Блаже Конески за македонската култура: Меѓународен научен собир 17 и 18 декември 1998 година. Скопје, 1999. С. 159–164.
5. *Кенески К.* Македонска граматика. Скопје, 1946. 78 с.
6. Кратка Ми-Анова енциклопедија: македонски писатели. Скопје, 2008. 137 с.
7. *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Дел I и II. Скопје, 1967. 552 с.
8. *Конески Б., Тошев К.* Македонски правопис со правописен речник. Скопје, 1950. 178 с.
9. *Костомаров В.Г.* Слово о Викторе Владимировиче Виноградове // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова: Сборник статей. М., 1971. С. 3–13.

10. *Макаријоска Л.* Придонесот на Блаже Конески за македонската наука за јазикот // Блаже Конески: осумдесет години од раѓањето: материјали од научен собир одржан во МАНУ. Скопје, 20 декември 2001. Скопје, 2002. С. 43–49.
11. *Минова-Ѓуркова Л.* Кон јазикот на Блаже Конески во неговата граматика // Придонесот на Блаже Конески за македонската култура: Меѓународен научен собир 17 и 18 декември 1998 година. Скопје, 1999. С. 201–205.
12. *Пјанка В.* Народното и интелектуалното во граматиката од Блаже Конески // Делото на Блаже Конески: остварувања и перспективи: Меѓународен научен собир по повод 80-годишнината од раѓањето на Блаже Конески. Скопје, 2002. С. 401–412.
13. *Рождественский Ю.В.* Виноградовская школа // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 84–85.
14. *Тополињска З.* Синтакса во граматиката на Б. Конески // Придонесот на Блаже Конески за македонската култура: Меѓународен научен собир 17 и 18 декември 1998 година. Скопје, 1999. С. 133–137.
15. *Усикова Р.П.* Значењето и улогата на «Граматиката на македонскиот јазик» од Блаже Конески за кодификацијата и афирмацијата на македонскиот литературен јазик // Делото на Блаже Конески: остварувања и перспективи: Меѓународен научен собир по повод 80-годишнината од раѓањето на Блаже Конески. Скопје, 2002. С. 391–400.
16. *Чундева Н.* За третманот на морфонолошките појави во граматиката на македонскиот литературен јазик од Блаже Конески // Делото на Блаже Конески: остварувања и перспективи: Меѓународен научен собир по повод 80-годишнината од раѓањето на Блаже Конески. Скопје, 2002. С. 419–434.
17. *Lunt H. G.* Grammar of the Macedonian literary language. Skopje, 1952. 302 p.

Македонская православная церковь и македонский язык в богослужении (1945–1991)

Вера и язык – это душа народа

(Мисирков «О македонском вопросе», 2003: 290)

Это высказывание Мисиркова подтверждает, что церковь имела исключительное влияние на национально-культурное становление македонского народа, а язык имел огромное значение для исторической и духовной судьбы православия на наших землях. В этой работе мы кратко осветим одну из самых важных проблем периода с 1945 г. по 1991 г. – проблему признания автокефалии Македонской православной церкви (МПЦ), языка богослужения и перевода Библии, что тесно связано с формированием национального самосознания у македонцев¹.

Македонский народ сталкивается с тем, что его этническая, национальная, языковая и даже религиозная самоидентификация оспаривается. Один из наиболее важных вопросов – признание автокефалии МПЦ – возник тогда, когда в рядах МПЦ начался процесс получения самостоятельности. Однако его корни уходят в прошлое², а именно – к периоду падения Османской империи и создания независимых национальных

¹ С исторической точки зрения самым важным элементом реализации различных национальных программ был язык богослужения и язык в церковных училищах. В македонской историографии встречаются примеры, когда местное население выражало протест против священников, которые вели богослужения на чужом и непонятном языке [Трајановски 2001: 123].

² В рамках национального возрождения в Македонию в XIX веке велась деятельность по созданию македонской национальной церкви для македонских верующих. Крсте П. Мисирков пишет о пропаганде различных православных церквей в Македонии, которая сильно влияла на этническую и национальную самоидентификацию македонцев: «Православие, самая старая, наиболее распространенная и основная религия всех македонских народностей, к сожалению, совсем потеряло из виду свою главную цель – устанавливать братство между народами... Православие в Македонии сейчас настолько искажено, что и речи быть не может об одной православной церкви – там три церкви, но не православные, а греческая, болгарская и сербская». Мисирков предложил следующее: «Если пропаганда церквей постарается помешать объединению македонской интеллигенции и македонского народа, то первое, что им потребуется, – это образование в Македонии единой соборной и апостольской церкви, т.е. восстановление Охридской архиепископии, которая будет Архиепископией всей Македонии» [Мисирков 2003: 62–64].

государств на Балканах³. Говоря о языке богослужений и церковной официально-деловой переписке, отметим решение, принятое на собрании священников в селе Издеглавье (западная Македония) в 1943 г. В нем говорится, что «при богослужениях будет использоваться церковнославянский язык, а в официально-деловой переписке – македонский язык». Все священники и другие участники этого собрания предложили свои услуги в качестве учителей по македонскому языку на освобожденной территории.

После освобождения Македонии христианские общины, насчитывавшие по 150–200 членов в большинстве македонских городов (Скопье, Прилеп, Штип, Битола), представляли собой народно-священнические собрания, на которых читались проповеди и книги церковно-религиозного и исторического содержания, церковными хорами пелись религиозные и исторические песни. Таким образом, македонский народ хранил и поддерживал свои духовные традиции и обряды [Трајановски 2008: 237].

Сразу после освобождения Македонии 4 и 5 марта 1945 г. в Скопье был проведен первый македонский Церковно-народный собор (более 300 делегатов – священники и миряне), на котором была сформирована Инициативная комиссия по созданию МПЦ. В программе было указано, что в МПЦ должен использоваться македонский язык. Собор единогласно принял резолюцию об обновлении Охридской епископии в виде МПЦ, которая не будет подчинена ни одной из поместных национальных православных церквей⁴.

³ На протяжении XIX века вместе с созданием новых балканских национальных государств были созданы и поместные церкви, в названии которых есть указание на национальность: Сербская, Греческая, Болгарская, Албанская, Румынская православные церкви. Каждая из них взяла за основу одну из прежних местных патриархий или архиепископий, например, Печская патриархия – СПЦ, Тырновская – БПЦ и т.п. [Димевский 1965: 34].

⁴ Согласно Резолюции, у МПЦ должны быть македонские епископы и священники, чтобы народ был ближе к своей родной церкви, первый македонский архиерей должен носить титул «Охридский архиепископ», Македонская православная церковь должна называться «Охридской архиепископией святого Климента». Кроме того, было решено, что Охридский архиепископ будет рукоположен в Охриде, а об обновлении Охридской архиепископии будут извещены все автокефальные православные церкви.

Сразу после освобождения Македонии существовало две точки зрения на организацию МПЦ. Сторонники первой считали, что МПЦ должна быть независимой (автокефальной) церковью. Сторонники второй полагали, что автономная МПЦ может быть канонически связана с Православной церковью в Югославии, при этом в ее главе должен стоять избранный македонский священник, который автоматическим образом становился бы членом Архиерейского собора Югославии.

Нерешенный вопрос о македонской церкви рассматривался на многих заседаниях и пленумах Центрального комитета Коммунистической партии Македонии. Резолюция Конференции священников в мае 1945 г. подтвердила, что македонское священничество не намерено отступать от своего основного принципа: будущая Македонская автономная православная церковь должна сохранять свои народные и национальные черты [Димовски 1989: 1034–1037; Трајановски 2008: 240].

Архиерейский синод Сербской православной церкви выступил против признания самостоятельности и независимости МПЦ, утверждая, что епархии в Македонии все еще находятся под юрисдикцией СПЦ. Синод СПЦ призвал православный македонский народ вернуться к положению дел, существовавшему между двумя мировыми войнами.

В 1957 г. СПЦ признала право на использование македонского языка в богослужении и в официально-деловой переписке МПЦ, но по-прежнему настаивала на том, чтобы за СПЦ сохранилось право предлагать три кандидатуры в епископы в каноническом единстве с СПЦ⁵. В июле 1958 г. Инициативная комиссия МПЦ объявила о созыве второго македонского Церковно-народного собора в церкви святой Софии в Охриде, на котором повторно было принято решение об обновлении Охридской архиепископии, а епископ Топличкий Досифей был избран главой МПЦ с титулом «Охридский архиепископ». 6 октября 1958 г. Церковно-народный собор принял Устав МПЦ, ставший основой для дальнейшего развития македонского церковного права, для стабильного функционирования МПЦ и всех ее органов [Трајановски 2008: 247].

В Уставе МПЦ, принятом на этом соборе, среди прочего было отмечено, что «на Церковно-народном соборе епархии Скопская, Охридско-битольская и Злетовско-струмицкая выделены в самостоятельную МПЦ, которая управляется Уставом, принятом на этом соборе». Было также решено, что МПЦ остается в каноническом единстве с СПЦ через ее главу.

Архиерейский собор СПЦ согласился с решениями македонского Церковно-народного собора, что фактически означало разрешением на отделение македонских епархий. Решение о самостоятельности МПЦ было подтверждено проведением совместной архиерейской литургии

⁵ Отдельные французские дипломатические источники свидетельствуют о вмешательстве сербских властей в церковные вопросы и о решении СПЦ принять использование македонского языка в богослужении и официально-деловой переписке; использование печати, содержащей название Республики Македонии; избрание Скопского, Охридского и Злетовско-струмицкого епископов македонским священством. Это означало «формальное признание Македонской церкви» [Лазаров 1988: 139–140].

с сербским патриархом Германом 19 июля 1959 г. в церкви святой Мины в Скопье⁶. Считалось, что благодаря этому визиту преодолены разногласия между МПЦ и СПЦ и признана независимость МПЦ.

В мае 1962 г. в сопровождении патриарха Германа и некоторых епископов СПЦ визит МПЦ нанесли Патриарх Московский и всея Руси Алексей Первый, митрополит Никодим, епископ Пимен и многие другие иерархи Русской Православной Церкви. На праздник святых Кирилла и Мефодия в церкви Пресвятой Богородицы в Каменском в Охриде архиерейскую литургию отслужили Патриарх Московский и всея Руси Алексей I, Патриарх Сербский Герман и Архиепископ Охридский и митрополит Македонский Досифей. Впервые глава МПЦ отслужил совместную литургию с главами других автокефальных церквей.

Вплоть до 1966 г. МПЦ ожидала от СПЦ, что СПЦ представит ее другим православным поместным церквям в качестве автокефалии.

Вопреки мнению, что македонский народ, наконец, разрешит свою церковную проблему, руководство СПЦ вновь попыталось воспрепятствовать развитию МПЦ. В связи с этим Святейший архиерейский синод МПЦ был вынужден созвать третий македонский Церковно-народный собор 17 июля 1967 г. в Охриде. На нем в Уставе было отмечено создание двух новых епархий: Дебарско-кичевской и Американско-канадско-австралийской. Собравшиеся единогласно приняли резолюцию об автокефальности МПЦ. Первый пункт резолюции гласит: «МПЦ, наследница обновленной Охридской архиепископии, провозглашается автокефальной». *Святейший архиерейский синод МПЦ руководствовался тем, что корни христианства в Македонии уходят еще во времена апостолов.* Такое решение восстановило справедливость, нарушенную в 1767 г.

Глава Македонской автокефальной церкви получил звание Архиепископа Охридского и Македонского. Было решено, что границы МПЦ будут совпадать с границами македонского национального государства – Социалистической Республики Македония (пункт 3). Автокефальная МПЦ будет управляться в соответствии со священным писанием и Уставом МПЦ. Решение собора заканчивалось следующими словами: «Святейший архиерейский синод МПЦ от имени богоспасаемой паствы для

⁶ На этой службе в епископы был рукоположен Преспанско-бительский владыка Климент. Тем самым Святейший архиерейский синод СПЦ дал автокефалию МПЦ. Через несколько дней в церкви святого Николы в г. Штипе после рукоположения владыка Наум стал епископом Злетовско-струмицкой епархии. Наконец был учрежден Синод МПЦ согласно Уставу МПЦ.

блага и преуспевания учения нашего Спасителя Иисуса Христа утверждает и верит в то, что акт провозглашения автокефальности МПЦ, произошедший на архиерейской литургии в церкви святого Климента Охридского 19 июля 1967 г. в Охриде, будет принят и признан всеми поместными православными церквями и получит их благословение».

В это время массово формировались новые церковные общины, исполнявшие роль церковно-народных и культурно-просветительских центров, которые выражали и удовлетворяли духовные, культурно-просветительские потребности и национальные чувства македонцев.

С 1967 по 1991 гг. МПЦ стремилась установить диалог с СПЦ, но, к сожалению, в этот период были проведены только две встречи на уровне комиссий: в 1978 г. в монастыре святого Прохора Пчиньского и в 1979 г. в монастыре Пресвятой Богородицы близ Струги. На этих встречах комиссия СПЦ высказала мнение о том, что право давать автокефальность «принадлежит Вселенской патриархии или будущему Вселенскому собору». Такая позиция противоречила ранее высказанному мнению о том, что этот вопрос «относится к компетенции матери церкви». В связи с такой позицией СПЦ делегация МПЦ 16 марта 1992 г. посетила патриарха Константинопольского Варфоломея в Фонаре. Там на встрече с патриархом Сербским Павлом была достигнута договоренность о том, что проблема с автокефальностью МПЦ должна быть решена путем диалога между СПЦ и МПЦ.

15 и 16 апреля 1992 г. в монастыре Пресвятой Богородицы в Калиште была проведена встреча между комиссиями СПЦ и МПЦ. По инициативе председателя комиссии СПЦ митрополита Загребско-люблянского Йована было предложено восстановить евхаристическое единство между архиереями и священниками СПЦ и МПЦ, а вопрос с автокефальностью решать путем диалога. Синод МПЦ принял это предложение, но Архиерейский собор СПЦ проголосовал против него. Синод СПЦ также назначил куратора так называемых сербских епархий в Республике Македония. МПЦ продолжила развивать диалог с СПЦ, которая навязала позднее свой проект соглашения. Это соглашение дорабатывалось на каждой последующей встрече.

Сегодня МПЦ насчитывает десять епархий, ее духовно-просветительская деятельность активно развивается. Все епархии МПЦ издают свои епархиальные журналы, духовную литературу, информационные брошюры о православной жизни, издания о православной вере, культуре, образовании и искусстве. В 1967 г. для нужд МПЦ была основана Средняя

богословская школа им. св. Климента Охридского, а десять лет спустя и Православный богословский факультет им. св. Климента Охридского.

Сегодня вопрос с автокефальностью МПЦ чрезвычайно актуален не только как церковная проблема. Он связан с открытым национальным вопросом и с другими актуальными вопросами о македонском этническом и национальном самосознании и языке.

Об использовании македонского языка в богослужении известно, что во время войны священники совершали церковные таинства в домах верующих (освящение воды, крещение, венчание, погребение) исключительно на родном македонском языке, на котором они также беседовали с паствой. Защищая право на использование македонского языка, священники ссылались на слова Христа и апостолов о распространении христианской веры и жизнедеятельности церкви.

Учитывая значение, которое имеют язык и просвещение в целом, Инициативная комиссия по восстановлению православной церкви в Македонии еще на третьем заседании Пленума 24 октября 1945 г. вынесла на рассмотрение вопрос о просвещении и языке. Тогда же было принято решение сформировать Просветительский отдел при Инициативной комиссии для развития церковно-просветительской деятельности в Македонской церкви. В обязанности отдела входило: издание календарей и книг с религиозно-нравственным содержанием, работа над «Церковным голосом» (служебным органом Инициативной комиссии). В связи с нехваткой образованных кадров было достигнуто соглашение о том, что священники могут назначаться учителями в местах их служения, если это не мешает их работе в приходе (решение пленума от 19.06.1945 г.). После освобождения Македонии от фашистов некоторыми гимназиями руководили дипломированные теологи.

Для поддержания нормального хода административной работы предпринимались такие действия, как перевод и издание полезных книг, церковных документов по сбору за оказание услуг, изготовление штампов и печатей соответствующего содержания на македонском языке и др. Одновременно с деятельностью по введению македонского языка в официальное обращение и необходимую церковную литературу Инициативная комиссия начала замену иностранных книг, хранящихся в монастырях и церквях, книгами на македонском языке. Восстановив Охридскую архиепископию, Синод официально начал использовать македонский язык в качестве языка богослужений и официально-деловой переписки (пункт 5 Устава МПЦ) и принял решение о переводе необходимых

богослужебных книг на современный македонский язык, например, Евангелий, Деяний апостолов, псалмов, служебника, требника и разных молитвословов.

Славянская Библия – уникальная книга религиозного и общечеловеческого значения, свидетельство самой старой библейской традиции, присутствующей в культуре всех славянских народов. В каждой национальной культуре перевод Библии отражает отношение к религии, своему языку и традиционной культуре как к самым большим ценностям. Библия переводится с целью сделать ее язык более современным, а ее текст – более понятным. Включение македонского перевода Библии в богослужение является частью деятельности по применению македонского языка в богослужении.

Перевод Библии на современный македонский язык происходил в три этапа. В первый – период оккупации (1942–1944 гг.) – переводился Новый завет, а точнее Евангелия. На втором этапе (после освобождения Македонии от фашистов в 1944 г. и до 1957 г.) были переведены Деяния апостолов и Откровение: таким образом, был закончен перевод Нового завета. В третий период с 1957 по 1990 гг. переводился Старый завет. Указанная последовательность при переводе обусловлена потребностями богослужения: сначала переводились евангельские тексты, Деяния апостолов и псалмы. Такого же порядка при переводе придерживались свв. Кирилл и Мефодий, которые прежде всего взялись за перевод библейских текстов, необходимых для богослужения. В этом смысле кирилло-мефодиевская переводческая традиция была полностью соблюдена при переводе Библии на македонский язык. Издание современного перевода Евангелий и Деяний апостолов имело большое значение для введения македонского языка в богослужение.

В период с 1952 по 1967 гг. периодически появлялись избранные тексты из Евангелий на македонском языке. В 1967 г. был полностью издан Новый завет в переводе Георгия Милошева. Более 30 лет длился перевод Библии на македонский язык. Первое полное издание Священного писания на македонском языке появилось в 1990 г.⁷

При переводе библейских текстов требовалось, чтобы весь переводимый текст был написан на церковнославянском языке, был правильным и точным. Проводилось его сравнение с сербским, болгарским, русским и другими переводами для того, чтобы перевод был как можно

⁷ Этот перевод стал основой для первого исправленного издания македонской Библии в 2006 г. и для последующих исправленных изданий.

более точным. Перед переводчиком стояла задача создать текст на литературном македонском языке. При переводе Священного писания Милошев не использовал перевод Нового завета Вукова, чтобы не попасть под влияние народного языка и диалектных слов, часто встречающихся в переводе последнего [Гиревски 2004: 204, 2006: 79].

Согласно договору от 1 июля 1960 г. Митрополитская соборная управляющая комиссия доверила перевод Старого завета Георгию Милошеву, архиепископу Гавриилу, который половину века усердно работал над переводом. Архиепископ Гавриил отмечал, что различия между церковнославянским текстом и русским текстом Библии незначительны и носят скорее терминологический характер.

Издание современного перевода Евангелия и Деяний апостолов способствовало проведению богослужений на македонском языке. Церковнославянский язык считается нашим духовным культурным богатством. Священники имеют право выбирать язык, на котором совершают богослужения, и в некоторых храмах использование церковнославянского не ограничено. Церковнославянскому языку приписывается выраженная символическая функция, а также связующая функция: он объединяет православные славянские народы и языки в соответствии с идеей славянского единства, укрепления духовной жизни и т.п.

Использование современного македонского языка считается оправданным в моментах с выраженной дидактической функцией, при чтении Священного писания и молитв для того, чтобы они были ближе к верующим в языковом плане. В частях, посвященных возвеличиванию Бога (похвалы, антифоны, тропари, кондаки, стихиры), может использоваться церковнославянский язык.

Македонский перевод Библии был включен в богослужение для того, чтобы «верующие могли не только понимать Слово Божие, но и применять его в своей жизни». Мотивы, таким образом, являются «богословскими и пастырскими»: для исправления неверной литургической практики, с одной стороны, и для приближения литургических догм к верующим, с другой стороны. Церкви легче поддерживать связь с верующими, говоря на их языке [Гиревски 2006: 83].

Протоиерей Александр Торик высказал следующее мнение о двух аспектах описываемого вопроса (огромные стилистическо-выразительные возможности церковнославянского языка, с одной стороны, и плохое понимание его носителями македонского языка, с другой стороны): «Будет ли это сказано на македонском или на церковнославянском

языке, Господь, конечно же, вас услышит. Однако пользуясь молитвословом, вы можете заметить, что церковнославянский язык благодаря своей образности, точности в выражении мыслей, художественной выразительности и красоте намного больше подходит для обращения к Богу, нежели современный язык» [Торик 2004: 13]. Протоиерей Ацо Гиревский также отметил: «Для понимания богослужений очень важно, чтобы они совершались на современном македонском языке. Понимание языка позволяет верующим вникнуть в проповедь. Догмы и нравственное учение церкви содержат символы, которые обычно не понятны христианам. Необходимо объяснить содержание и глубокий смысл литургии и других отдельных богослужений – в этом случае литургические догмы станут живыми и близкими для верующих». Проповедуя на родном языке, священники обычно ссылаются на слова святого апостола Павла: «В церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке» [Первое послание Коринфянам 14: 19].

Очень важно, чтобы язык был простым и доступным для обычного верующего, поскольку тот недостаточно разбирается в некоторых абстрактных понятиях догматического характера. С другой стороны, содержание церковных и библейских текстов должно быть передано как можно более точно.

При переводе библейского текста следует соблюдать дух современного македонского языка в лексическом, словообразовательном и синтаксическом отношении, следует избегать неславянской лексики, немакедонских словообразовательных средств (например, *апси*, *силеџија*), если есть македонские соответствия (например, *зароби*, *насилник*), вульгаризмов и разговорной лексики, учитывая священный характер Библии и ее использование в богослужении. По возможности следует заменять архаичные формы соответствующими, более нейтральными словами и терминами.

Выбор лексем должен соответствовать содержанию Библии. Так, мы считаем несоответствующим использование слов *камата*, *гаранџија*, *амбасадор*, *резиденџија*, *аргумент*, *принцип*, *авторитет*, *офицер* и других⁸ в некоторых более поздних переводах вместо *добивка*, *залог*,

⁸ *Зошто не ги стави моите пари во банка, та кога се вратив, со ние ќе добиев и каматата* ‘почему ты не положил мои деньги в банк, тогда бы, когда я бы вернулся, я получил и проценты’ [Матфей 25: 27]. *Ни го даде Светиот дух како гаранџија* ‘он дал нам Святой дух в качестве гарантии’ [Второе послание Коринфянам 5: 5]. *Ние сме Божји*

пратеник, двор, покорно признавање, повод, власт, стотник в переводе Гаврилова под предлогом того, что они более современные. Приведем примеры различий (в основном лексических) между переводом Международного общества «Гидеоны» (1999 г.) и македонским переводом Гаврилова (1990 г.):

Ова овластување го примив од Мојот Татко и Оваа заповед ја примив од Својот Отец [Иоанн 10: 18]; *Јас ве сакам исто како што и Таткото Ме сака Мене и Како што Ме возљуби Отецот, и јас ве возљубив вас* [Иоанн 15: 9]; *Галилејци, зошто стоите и зјапате во небото и гледате кон небото* [Деяния апостолов 1:11]; *Продај го сиот свој имот ти ќе добиеш имот на небото и Продај се што имаш ќе имаш сокровиште на небото* [Марк 10: 21].

Без сомнения, в македонской церковной терминологии должны сохраниться лексические элементы абстрактного содержания, составляющие наше общее церковнославянское наследство и употребляемые в русском, болгарском и сербском языках. Несоответствующая замена церковнославянизмов может изменить смысл библейского текста. В македонском переводе Библии были заимствованы некоторые выражения из церковнославянского языка, поскольку их соответствия в современном македонском языке имеют другое значение: например, *благод* в церковнославянском языке обозначает *доброту, любовь*, а в современном македонском языке – *сладость, сладкий вкус*; *посредство* – в церк. *среда*, в мак. *помощь, посредничество*. Мы считаем, что о Боге, творце всего мира и спасителе человеческого рода, следует говорить *создатель* вместо *спасувач, победител* вместо *победник, утешител* вместо *утешувач*.

Отдельно мы хотели бы подчеркнуть необходимость более детального изучения языка современных переводов Священного писания и других текстов церковно-религиозного содержания для определения отличительных черт религиозного стиля, а точнее языка, который в различных языках имеет общие характеристики и свои особенности. Определение отличительных черт религиозного стиля имеет большое значение и с точки зрения выбора языковых средств для выражения церковно-религиозного содержания и актуализации религиозных вопросов.

амбасадори ‘мы послы Бога’ [Второе послание Коринфянам 5: 11]. *Во резиденција на Првосвештеникот Кајафа* ‘в резиденции первосвященника Каяфы’ [Матфей 26:3]. *Сум го истакнувал авторитетот што Господ ни го даде* ‘я хвалился авторитетом, который дал нам Господь’ [Второе послание Коринфянам 10: 8]. *Офицерот испрати луѓе* ‘офицер послал людей’ [Лука 7:6].

Отметим некоторые особенности языка религиозных текстов. Например, все местоимения, связанные с Иисусом, пишутся с большой буквы (*Он, Негов, Него, Го, Твој*) как и все эпитеты Иисуса, Богородицы и святой церкви (*Света Македонска Православна Црква, Мајката Божја Пресвета Богородица Марија*). К морфологическим особенностям относится употребление личного местоимения 3-го лица единственного числа *Он* по отношению к Иисусу, остатки старых генетивно-аккузативных форм на *-а* у отдельных существительных и имен собственных мужского рода: *Исуса, Марка* и т.д. Среди синтаксических отличительных черт отметим более частое употребление союзов, нейтральный порядок слов, связанный с порядком слов в старославянском языке и со стремлением добиться выразительности. Говоря о порядке слов, следует отметить, что чувствуется потребность в приближении синтаксиса переводного текста к синтаксису современного македонского языка с целью сделать его более понятным современному читателю. Мы считаем, что порядок слов может быть изменен, если того требует богослужение: ср. порядок слов в схожих контекстах *Да му се помолме на Господа – на Господа да му се помолме*. Милошев особенно подчеркивал, что порядок слов также важен для сохранения музыкальности и ритмичности поэтического текста Евангелия [Гиревски 2004: 191].

Среди стилистических особенностей религиозного стиля мы хотели бы упомянуть использование синонимов и антонимов для большей выразительности, частое употребление фразеологических выражений, эпитетов и метафор, интенсивное использование определенных словообразовательных моделей, повторение местоименных форм, вызванное некоторыми ритмико-синтаксическими правилами и т.д.

Используемая терминология должна соответствовать библейской эпохе, она не должна отражать современные понятия и соответствовать современной терминологии [Гиревски 2004: 191, 201]. Есть необходимость в унификации нашей церковной терминологии, в соблюдении определенных правил при употреблении специфических слов и терминов в наших церковных изданиях – газетах, журналах и трудах, опубликованных в церковных центрах, и кроме того, в обучении молодых богословов для того, чтобы они умели проповедовать на хорошем, ясном и понятном македонском языке. При исследовании разнообразной македонской церковной терминологии следует иметь в виду, что, с одной стороны, язык должен быть простым и понятным обычному верующему, стремящемуся узнать больше о христианской вере и морали, но не

достаточно искушенному в догматических вопросах. С другой стороны, не следует забывать о том, что церковное учение и библейское содержание должны быть переданы как можно более точно.

И в Русской православной церкви (РПЦ) многократно рассматривался вопрос о языке богослужения, а точнее богослужебных текстов, поскольку их понимание необходимо для понимания всего богослужения. После Второй мировой войны существовала инициатива по формированию комиссии по пересмотру перевода богослужения (с греческого языка). В 1957 г. была сформирована Календарно-богослужебная комиссия, которая активно работала в 1958 г., а затем в 1969 г. [Байић 2007: 104]. Вопреки тенденции по введению русского языка в богослужение было принято решение о применении церковнославянского языка в богослужении в качестве элемента, объединяющего православный мир и имеющего чрезвычайно важное значение для России. Использование русского языка в богослужении сравнивается с заменой священных одежд обычной повседневной одеждой. В РПЦ есть сторонники того, чтобы церковнославянский язык в богослужении сохранялся в монастырях [Балашов 2001: 132].

Важно, чтобы и МПЦ, и РПЦ одобряли новые переводы, следя за их качеством: язык этих переводов более понятный, что вызывает благодарность в сердцах верующих, сознательно выбирающих молитву на языке, который они понимают (ср. [Балашов 2001: 114]). Необходимо создание особого церковно-богослужебного стиля: он должен быть специфическим, должен отличаться от разговорного языка, языка повседневного общения и должен быть защищен от влияния иностранных языков и неологизмов⁹.

В 1980 г. митрополит Казанский Дионисий перевел литургию на современный русский язык для нужд РПЦ. И в России рассматривался вопрос об использовании современного русского языка. Впервые этим вопросом занялся Поместный собор РПЦ в 1917/1918 гг. Мнения о том, следует ли использовать современный язык в богослужении, разделились. Несомненно, церковнославянский язык – часть «великой культуры», поэтому было сделано предложение «русифицировать старославянский язык» при помощи «экспериментальных форм», а церковнославянский сохранить в монастырях. По мнению РПЦ, перевод представляет собой серьезную, но не неразрешимую проблему. До сих пор многие считают, что должны быть

⁹ Ср. о религиозном стиле [Pranjković 2006: 23–32] и [Макарийска 2007: 119–130].

опубликованы параллельные богослужебные тексты – на церковнославянском и современном русском языках [Гиревски 2011: 56]¹⁰.

По решению Святейшего архиерейского синода СПЦ от 1964 г. священникам предоставляется право решать, на каком языке они совершают богослужение (и до этого употребление церковнославянского языка в богослужениях не было последовательным). Решение Синода СПЦ о введении сербского языка в богослужение сравнивается с переводом церковных книг с греческого на славянский святыми братьями Кириллом и Мефодием [Живановић 1968: 4] и считается самым великим и полезным делом со времен святого Саввы [Никитовић 1963: 2].

Учитывая позиции по использованию церковнославянского языка, а точнее современных славянских языков (сербского, русского и других) в богослужении, кажется несправедливым утверждение о том, что вопреки тенденции к объединению всего православного мира МПЦ пытается использовать македонский язык в богослужении для разъединения (см. [Бајић 2007: 180]). В своем учении МПЦ следовала и следует канонам, которые обуславливают единство святой православной церкви и позволяют литургической и активной христианской жизни приносить свои благодатные плоды.

Литература

- Бајић Р., 2007: *Богослужбени језик*, Манастир Бањска, Институт за српски језик САНУ, Београд.
- Балашов, 2001: *На пути к литургическому возрождению*, Москва.
- Баталден С.К., 1997: *Преиспитување на традицијата. Есеи за историјата на православие*, Култура, Скопје.
- Бошкоски Б., 1990: *Православната црква во Македонија во минатото и денес*, Скопје.
- Гиревски А., 1995: *Чист македонски збор и во нашите црковни проповеди*, Скопје.
- Гиревски А., 1995: Улогата на македонскиот јазик во светите богослужби и црковните проповеди, – В: *Образованието и воспитанието на македонското иселеништво*, Друштво, наука и уметност, Битола, 279–289.
- Гиревски А., 2004: *Македонскиот превод на Библијата*, Православен богословски факултет «Св. Климент Охридски», Скопје.
- Гиревски А., 2008: Употребата на македонскиот јазик во црквата, – В: *Македонскиот јазик во современиот превод на Библијата*, Православен богословски факултет «Св. Климент Охридски», Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“ Скопје, Скопје.
- Гиревски А., 2011: Приближувањето на богослужението на современите говорни јазици – предуслов за духовна обнова, – В: *Предавања на XLIII меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура*, Скопје, 51–60

¹⁰ Такого мнения по отношению к некоторым богослужебным книгам (служебник, требник) сегодня придерживается и часть священников МПЦ.

- Димевски С., 1965: *Црковна историја на македонскиот народ*, Скопје.
- Димевски С., 1989: *Историја на Македонската православна црква*, Македонска книга, Скопје.
- Живановиќ, 1968: Историјски корак наше цркве, *Весник свештеничког удружења Југославије*, XX, 463, 4, Београд.
- Илиевски Д., 1987: *Македонското православно свештенство во борба за национална и црковна слобода*, Скопје.
- Кончаревиќ К., 1997: Расправе о богослужбеном језику у Срба (1868–1969), *Српски језик*, Београд, 1–2, 197–211.
- Лазаров Л., 1988: *Општествено-економскиот развој на Македонија*, Институт за национална историја, Скопје.
- Лазаров Л., 1994: Макотрпниот пат на црквоното осамостојување – погледи и мислења. Односите меѓу МПЦ и СПЦ во минатото и денес, *Нова Македонија*, 29 јуни 1994, Скопје.
- Макаријоска Л., 2007: Јазикот и стилот на текстовите со црковно-религиозна содржина, *Croatia et Slavica Iadertina*, Zadar, 119–130.
- Мисирков К.П., 2003: *За македонците работи*, фототипно издание, МАНУ, Скопје.
- Михаил архиепископ, 1996: *Нашето свето православие*, Матица македонска, Скопје.
- Никитовиќ 1963: Осврт на питање богослужбеног језика нашој Цркви. *Весник свештеничког удружења Југославије*, XV, 4, Београд.
- Периќ М., 1998: *Историско-правните аспекти на односите помеѓу Српската православна црква и Македонската православна црква*, Мисла, Скопје.
- Pranjković I., 2006: Hrvatski jezik i biblijski stil, – В: *Raslojavanje jezika i književnosti*, Zbornik radova 34. seminara Zagrebačke slavističke škole, Zagreb, 23–32.
- Ристески Љ., 2009: Признавањето на автокефалноста на Македонската православна црква (МПЦ) како прашање на македонскиот национален идентитет, *ЕтноАнтропозум*, бр. 6/2009, Скопје, 144–188.
- Ристовски Б., 1975: Народната култура во изградбата и афирмацијата на македонската национална мисла, – В: *Гласник на ИНИ*, XIX/3, Скопје.
- Свето писмо* 1990: *Свето писмо на Стариот и Новиот завет*, Скопје.
- Таковски Ј., 1999: Терминологија од областа на теологијата, *Македонска терминологија*, 102, МАНУ, Скопје.
- Торик А., 2004: Однесувањето во храмот, *Гласник*, 8, Скопје.
- Трајановски А., 2001: *Црковната организација во Македонија и движењето за возобновување на Охридската архиепископија од крајот на XVIII и во текот на XIX век – до основањето на ВМРО*, Институт за национална историја, Скопје.
- Трајановски А., 2008: *Возобновување на Охридската архиепископија како Македонска православна црква и нејзиниот шематизам, 50 години од возобновувањето на Охридската архиепископија како Македонска православна црква (1958–2008)*, Институт за национална историја, Скопје, 232–260.
- Црвенковска-Ристеска И., 2005: Антрополошки поглед врз процесот на создавање на македонскиот национален идентитет во периодот на преродбата, *ЕтноАнтропозум*, бр. 5/2008, Скопје, 72–114.

Предлоги со значением траектории движения в современном македонском языке

В современном литературном македонском языке есть несколько предлогов, которые используются для обозначения траектории движения: *по, низ, вдоль, крај, покрај и преку*. Такое разнообразие средств указывает на особую важность значения траектории для носителей языка. За каждым из предлогов закреплён особый тип траектории, при этом в некоторых контекстах эти предлоги синонимичны. Целью данной работы является определение признаков, разграничивающих предлоги со значением траектории в современном македонском языке.

Наше исследование опирается на теоретическую базу когнитивной лингвистики, в частности мы используем термины Р. Лангакера [Langa-sker 1991] *траектор* (trajectory, TR) и *ориентир* (landmark, LM). Траектором является предмет/лицо, положение/, движение которого определяется относительно другого предмета/лица, называемого ориентиром. Термин *пространство* в данной работе понимается очень широко, в него включены пространства, описываемые не только «в координатах высоты, длины или одного из этих параметров («геометрическое пространство»), но и, например, в таких параметрах, как набор действий, входящих в некоторый событийный фрейм, исполнители этих действий (это могут быть те, кто оценивает уровень выполнения, зрители и т.д.)» [Селиверстова 2000: 191].

Материалом для анализа послужили произведения современной художественной литературы «Зима свободы» Д. Солева [ДС], «Девочка с двумя именами» Я. Владовой [ЯВ], а также четыре номера газеты «Утрински весник» [УВ]. Дополнительно проводился поиск соответствующих предлогов в поисковой системе www.google.mk (в дальнейшем [ИН]). В некоторых случаях для уточнения значения того или иного предлога проводился опрос носителей македонского языка. В анкетировании участвовало 100 человек в возрасте от 20 до 35 лет с высшим или незаконченным высшим филологическим образованием. Все указанные примеры помечены в тексте работы как [АН].

1. Основным средством выражения значения траектории в современном литературном македонском языке является предлог *по*.
 - 1) *Се враќаа в град со полни торби бостан – мавајќи по пат врапчиња со жолти жили* ‘они возвращались в город с полными сумками арбузов и дынь, подбивая по пути воробьев с желтыми полосками’ [ДС];
 - 2) *Работите во него постојано одат по нагорна линија* ‘его дела постоянно идут все лучше и лучше (букв. по возрастающей)’ [УВ];
 - 3) *Двете големи топки од бетон се стркалаа по скалите и се раздробиле* ‘два больших шара из бетона скатились по лестнице и разбились’ [ДС].

Ориентир представляет собой пространство, где происходит однонаправленное движение траектора. В качестве ориентира выступают два типа объектов. Это может быть объект типа линии (1, 2) или пространство, воспринимаемое как поверхность (3). Из примера (2) видно, что в качестве ориентира выступают также абстрактные объекты. Интересно, что в качестве места движения не может выступать время (**патува по време* *‘путешествует по времени’), поскольку оно воспринимается как объемный объект, *внутри* которого происходит движение (в этом случае используется *низ*).

Траектория движения может состоять из нескольких однотипных объектов:

- 4) *Од дома до реката се скокаше по сенките како по камчиња во лошо време* ‘от дома до реки все прыгали по затененным местам словно по камням в дождливое время’ [ДС];
- 5) *Тетка Фаника пребаруваше по полиците со книги како да пребира по полици со тенџериња* ‘тетя Фаника шарила по полкам с книгами как по полкам с кастрюлями’ [ДС].

В (4) однонаправленное движение соединяет объекты и образует линию. В (5) движение более хаотичное, однако траектор по-прежнему движется из одного ориентира в другой.

Движение может происходить не по поверхности ориентира, а вдоль него:

- 6) *Луѓето одеа сè понагоре, по текот на реката, надевајќи се дека ќе дојдат до поголема вода* ‘люди шли все выше по течению реки, надеясь, что дойдут до высокой воды’ [ДС].

2. Предлог *преку* обозначает преодоление препятствия, которым является ориентир. В зависимости от ориентира выделяется несколько типов траектории. Если в качестве ориентира выступает линия (7)

или объект, который условно можно принять за линию (8), предлог *преку* обозначает пересечение:

- 7) *Сакал слонот да помине илегално преку граница, ама не знаел како* 'хотел слон перейти **через** границу, но не знал как' [ИН¹];
- 8) *Изведба на челичен патен мост преку река Сава* 'сооружение стального пешеходного моста **через** реку Саву' [ИН²].

Ориентир-линия отличает предлог *преку* от предлога *низ*, обозначающего пересечение объемных ориентиров.

Существуют, однако, контексты, где возможно употребление как предлога *преку*, так и предлога *низ*:

- 9) *Не пуштам злото да помине преку мојата врата* 'я не позволяю злу войти в мой дом (букв. пройти **через** мою дверь)' [ИН];
- 10) *Не пуштам злото да помине низ мојата врата* 'я не позволяю злу войти в мой дом (букв. пройти **через** мою дверь)' [АН].

Поскольку дверь является отверстием, для обозначения движения сквозь него в македонском языке обычно используется предлог *низ* (10). Употребление предлога *преку* в этой ситуации (9) возможно благодаря тому, что происходит переосмысление самого ориентира. Дверь, окна и некоторые другие отверстия в этом случае воспринимаются как объекты, имеющие поверхность (поверхность состоит из рамы и пространства внутри нее).

В примере (8) пересечение происходит при помощи движения поверх ориентира. Подобное употребление привело к развитию у предлога *преку* значения преодоления ориентира сверху:

- 11) *Во последниот обид Грифин успеа да прескокне преку автомобил* 'в последнем броске Гриффин успел перепрыгнуть **через** автомобиль' [ИН³].

В качестве ориентира могут выступать объекты различной формы, не только линии. В отличие от предлога *над* предлог *преку* обозначает такую траекторию, при которой движение поверх ориентира является

¹ Из анекдота: URL:

<http://www.brkajrabota.mk/zabava/vic-na-denot/6834-vic-na-denot-slonot-preku-granica>.

² Из публицистической статьи: URL:

http://www.porta3.com.mk/index.php?option=com_content&task=view&id=1924&Itemid=122.

³ Из публицистической статьи: URL:

http://daily.mk/cluster/006296a8aea1f84bcf67a8cd3d37dbf0/grifinov_let.

только частью пути: после преодоления ориентира траектор возвращается на прежнюю высоту.

Значение пересечения также реализуется, если в качестве ориентира выступают двухмерные объекты с единой границей. При движении траектор пересекает границу ориентира дважды: сначала оказывается на поверхности ориентира, затем покидает ее:

- 12) *Ќе ја пренесува нафтата од бугарското пристаниште Бургас, преку Македонија, до Валона во Албанија* 'будет транспортировать нефть от болгарского порта Бургас **через** Македонию до Влеры в Албании' [УВ].

Поскольку ориентир является препятствием на пути траектора, траектория движения обычно представляет собой самый короткий из возможных путей через ориентир.

Идея промежуточного этапа движения, возникающая у предлога *преку* в примерах типа (12), способствует появлению нового значения – значения промежуточного участка траектории. Ориентир осмысливается не только как препятствие на пути между объектами А и Б, но и как пространство, соединяющее А и Б:

- 13) *Необележаниот премин, преку кој постојано минуваат луѓе* 'неотмеченный переход, **через** который постоянно проходят люди' [УВ];
 14) *Игор и Нико одеа сè погоре по реката – од Руска плажа, преку Герче Петров, до Бел Камен* 'Игорь и Нико шли все выше по реке – от Русского пляжа **через** Герче Петров до Белого Камня' [ДС].

В (13) в качестве ориентира выступает пешеходный переход, при этом пешеходы пересекают не переход, а улицу. Употребление предлога *преку* в этой ситуации объясняется языковой экономией: пример (13) является допустимой сокращенной версией предложения *минуваат преку улицата по необележаниот премин* 'переходят **через** улицу по неотмеченному переходу'. В (14) район Герче Петров – это промежуточный пункт движения, соединяющий начальный и конечный участки пути. При наличии нескольких возможных путей к цели движения предлог *преку* вводит точку, отличающую описываемый маршрут от других:

- 15) *Патувањето ќе се продолжи преку Струга кон Драч* 'наш автобус продолжит путешествие **через** Стругу в направлении Драча' [УВ].

3. Предлог *низ* является одним из предлогов со значением траектории движения. Прототипической траекторией для этого предлога является движение сквозь:

- 16) *Крадецот влегува низ прозор* ‘вор влезает **через** окно’ [УВ];
 17) *Провирајќи се низ оштрбената ограда, Нико тропаше со наланите* ‘пролеза **сквозь** щербатую ограду, Нико стучал деревянными сандалиями’ [ДС];
 18) *Татко ми секогаш долго фрчеше низ нос* ‘мой отец всегда долго фыр-кал носом (букв. **через** нос)’ [ЯВ].

Траектор входит в ориентир с одной стороны, а выходит с другой, чаще всего противоположной. В (16-18) траектория движения проходит через отверстие. Существительное, вводимое предлогом *низ*, обозначает само отверстие (16) или объект, частью которого является отверстие (17), (18). Отверстие может быть неотъемлемой (18) или же необязательной (17) частью ориентира. Глубина отверстия зависит от толщины ориентира. При условно плоском ориентире глубина отверстия близка к нулю (16), (17). Если у ориентира есть объем, глубина может быть весьма значительна (18).

Ориентир также может быть цельным объектом, если траектория движения остается прежней: траектор входит с одной стороны ориентира, а выходит с другой:

- 19) *Боите кои стануваат видливи кога бела светлост ќе помине низ призма* ‘цвета, которые становятся видны, когда белый свет пройдет **сквозь** призму’ [УВ].

Благодаря тому, что предлог *низ* регулярно обозначает движение через отверстие (16-18), у него развилось значение пересечения. Это объясняет употребление предлога *низ* с условно двухмерными объектами в случае, когда необходимо подчеркнуть факт пересечения границы ориентира:

- 20) *Дел од него [гасоводот] ќе поминува и низ Бугарија* ‘часть него [газопровода] будет проходить и **через** Болгарию’ [УВ].

В (20) движение не только проходит по территории Болгарии, но и пересекает ее. Ориентир является только частью траектории. Этим предлог *низ* отличается от предлога *по*, который просто обозначает поверхность движения.

Чаще всего предлог *низ* употребляется, если ориентир является (или мыслится) объемным объектом. В качестве объемных ориентиров могут выступать такие объекты как парки, здания, деревни, города и т.д.:

- 21) *Војските што се врвчеа низ градот* ‘войска, которые шли **через** город’ [ДС];
 22) *Сте тргнале на прошетка низ градскиот парк* ‘вы отправились на прогулку **по** городскому парку’ [АН].

В (22) возможна замена предлога *низ* предлогом *по*, обозначающим движение по поверхности, так как ориентир *парк* можно трактовать и как объемный объект, и как поверхность. В (21) такая замена невозможна, поскольку многочисленные здания образуют вертикаль, которую нельзя игнорировать.

В качестве ориентира также выступают различные состояния, поскольку они могут быть переосмыслены как объемные объекты:

- 23) *Повторував јас низ солзите* ‘... повторяла я **сквозь** слезы’ [ЈВ];
 24) *Како патува воз низ снег ИН* ‘... как едет поезд **сквозь** снег’ [ИН⁴];
 25) *Сенките имаа само една насока: да им дошепнат – низ вревата на играта* – *кога се гладни* ‘у теней была одна только цель: достучаться **сквозь** шум игры, когда они голодны’ [УВ].

В (23-25) предлог *низ* обозначает преодоление состояния. Идея преодоления вырастает из значения пересечения, траектории сквозь отверстие. В (23) повторение вклинивается в состояние слез как чужеродный элемент, прерывает его. В (24) поезд движется сквозь снег. В (25) состояние игры воспринимается как объемная сфера, внутри которой находятся дети. Информация о времени находится вне этой сферы. Для того чтобы информация достигла детей, она должна пересечь сферу.

В македонском и во многих других языках время воспринимается как объект, имеющий объем и длину. Наличие этих признаков у времени позволяет использовать предлог *низ* для обозначения явления или действия, которое сохраняется по всей длине, т.е. на всем протяжении указанного временного отрезка:

- 26) *Дури низ многу милијарди години настанал и Сончевиот систем* ‘только за многие миллиарды лет возникла и Солнечная система’ [ИН⁵].

Предлог *низ* регулярно употребляется, если в качестве траектории выступает множество временных единиц (26) или другое событие, явление.

⁴ Название видео: URL: <http://www.cmobelo.com/video/viewvideo/1366>.

⁵ Из статьи в Википедии: URL:

<http://mk.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B5%D0%BC%D1%98%D0%B0%28%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%B0%29>.

Переосмысление траектории движения как способа действия дает основу для возникновения значения инструмента у предлога *низ*:

27) *Игор сакаше низ игра, небаре случајно, да дојде до оној допир* ‘Игорь хотел, чтобы прикосновение произошло словно бы случайно, как элемент игры (букв. **через** игру)’ [ДС].

В некоторых случаях трудно разграничить значение временной протяженности и инструмента:

28) *Нашите пазари низ транзицијата се претворија во нешто што не е блиску до дефиницијата за зелен пазар ‘из-за переходного периода / за време* переходного периода наши рынки превратились в нечто очень далекое от рынка овощей и фруктов’ [УВ].

В (28) переходный период можно толковать двояко. В первом случае он играет роль фильтра, инструмента, повлиявшего на изменение рынков. Во втором – предлог *низ* вводит явление, на протяжении которого происходили изменения.

4. Основное значение предлога *крај* – значение близости к ориентиру. Употребление предлога *крај* для обозначения движения рядом с ориентиром встречается крайне редко (все встреченные нами примеры – цитаты из народных песен). Предлог *крај* сигнализирует о том, что часть траектории проходит рядом с ориентиром. В этом значении предлог *крај* практически вытеснен предлогом *покрај*.
5. Предлог *покрај* возник в результате слияния предлога *по*, обозначающего траекторию движения, и слова *крај* ‘конец’. Первоначально, по-видимому, предлог *покрај* обозначал только движение вблизи ориентира, т.е. по его краю. Как и предлог *крај* предлог *покрај* сигнализирует о том, что часть траектории проходит рядом с ориентиром.

29) *Задолжително шетајте покрај вода, таа ќе ве поттикне да размислувате повеќе* ‘обязательно гуляйте **поблизости от** воды, она подтолкнет вас к размышлениям’ [ИН⁶].

Интересно, что предлог *покрај* обозначает также движение траектора вблизи движущегося ориентира:

⁶ Из гороскопа: URL:

<http://www.utrinski.com.mk/?ItemID=3ED120C0A9FA6147BD8660ACE335870B>.

30) *Веслал покрај бела ајкула за да докаже дека не е опасна* ‘плыл на лодке **рядом с** белой акулой, чтобы доказать, что она не опасна’ [ИН⁷].

В (30) траектор движется таким образом, чтобы все время быть вблизи движущегося ориентира. В этом случае вся траектория, а не ее часть проходит вблизи ориентира.

6. Предлог *вдолж* (в речи употребляется более разговорная форма *долж*) связан со значением движения или нахождения вдоль линии, по которой рассчитывается длина ориентира, т.е. вдоль самой большой по размеру стороны ориентира.

В качестве ориентира обычно выступают весьма протяженные ориентиры, представляющие собой линию:

31) *Го подобри јавниот превоз на патници вдолж источното крајбрежје* ‘улучшил работу общественного транспорта **вдоль** восточного побережья’ [ИН⁸].

Ориентир-линия может состоять из ряда однотипных объектов:

32) *Вдолж ваквите раседи можно е движење на подземните води* ‘**вдоль** таких посадок возможно движение подземных вод’ [ИН⁹].

В отличие от предлога *по*, задающего направление движения траектора (*оди по реката* ‘идет по течению реки’), предлог *вдолж* не определяет направление ориентира (*оди вдолж реката* ‘идет вдоль реки’).

В качестве ориентира также выступают двух- и трехмерные объекты. В этом случае длина измеряется по границе ориентира (33) или же по прямой, проведенной через ориентир (34):

33) *По овој настан пајонските племиња Сиропажони, Пеопли и оние што биле населени вдолж езерото Прасијада биле преселени во Мала Азија* ‘после этого события пеонийские племена сиропеонийцы, пеопли и те, что жили **вдоль** озера Прасијада, были выселены в Малую Азию’ [ИН¹⁰];

⁷ Из публицистической статьи: URL:

<http://www.dnevnik.com.mk/default.asp?ItemID=69A9D2BF81A1E14AB091B271BF764DCA>.

⁸ Из публицистической статьи: URL: <http://www.ohrid.gov.mk/index.asp?PodatociID=1551>.

⁹ Из научной статьи: URL: <http://geografija.pmf.ukim.edu.mk/IZDANIJA/Bilten%20na%20Fizgeo/bilten%201/07%20Slatinski.pdf>.

¹⁰ Из статьи в Википедии: URL: <http://mk.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%98%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B8>.

- 34) *Ке дува слаб до умерен ветер од југоисточен правец, особено **вдолж** Повардарие* ‘будет дуть юго-восточный ветер от слабого до умеренного, особенно **на территории** (букв. **вдоль**) Повардария’ [ИН¹¹].

В (33) за длину озера принимается длина его береговой линии. В (34) Повардарие – это долина реки Вардар, следовательно, ориентир можно условно принять за линию.

Весьма редко предлог *вдолж* употребляется с ориентирами, отличными от линии. Нам встретился всего лишь один такой пример:

- 35) *Под ветер се подразбира струењето на воздухот **вдолж** земјината површина и во најголем дел е хоризонтално* ‘под ветром понимается движение воздуха **вдоль** поверхности Земли, в основном горизонтальное’ [ИН¹²].

В (35) ориентир представляет собой большую поверхность. Непонятно, в каком направлении определяется длина: это может быть любое из направлений. Движение траектора, весьма протяженного объекта, повторяет все изгибы ориентира.

Благодаря анкете удалось уточнить, что предлог *долж* (все анкетированные предпочли эту форму форме *вдолж*) «охотнее» употребляется с горизонтальными поверхностями (36). По-видимому, это связано с тем, что использование предлога *покрај* в этой ситуации может описывать движение не только по всей длине крыши, но и слева, справа и т.д.

- 36) *Малото летало лета **долж** покривот на нашата куќа* ‘маленький самолет летает **вдоль** крыши нашего дома’ [АН].

Примеры с вертикальной поверхностью (37) анкетированные оценили как приемлемые, при этом отметили, что предлог *покрај* в этом случае «звучит» лучше:

- 37) ? *Оди **вдолж** зградата на факултетот, потоа сврти лево и ќе го видиш влезот* ‘иди **вдоль** здания факультета, потом поверни налево и увидишь вход’ [АН].

Область употребления предлога *вдолж/долж* весьма ограничена, в основном этот предлог встречается в научном стиле. Ориентир обычно представляет собой линию. С другими типами ориентира предлог *вдолж/долж* встречается очень редко, его вытесняет предлог *покрај*.

¹¹ Из прогноза погоды: URL: <http://daily.mk/cluster/7319c0f1c4d40ee551e74e69136bf983>.

¹² Из научной работы: URL: <http://www.tfb.edu.mk/files/rezultati/48d0abd8ba0cd.pdf>.

Подводя итоги анализа предлогов со значением траектории движения, можно отметить, что за каждым предлогом закреплен достаточно специфический тип траектории и/ или ориентира. Предлог *по* является наименее маркированным и обозначает движение по поверхности ориентира. Использование предлога *преку* сигнализирует о том, что ориентир является препятствием/промежуточным этапом траектории движения. Предлог *низ* обозначает движение сквозь ориентир, при этом чаще всего в качестве ориентира выступают объемные объекты (оцениваемые как объемные). Предлоги *крај* и *покрај* указывают на движение вблизи ориентира, при этом предлог *покрај* практически вытеснил предлог *крај* в этом значении. Предлог *вдолж* (*долж*) употребляется преимущественно в научном стиле и обозначает траекторию движения вдоль прямой, по которой определяется длина ориентира. Отдельно следует отметить тот факт, что в отличие от предлогов *по* и *вдолж* (*долж*) предлоги *преку*, *низ*, *крај* и *покрај* могут сигнализировать о том, что ориентир является только частью траектории.

Литература

1. Владова Ј. Девојчето со две имиња. Скопје: Магор, 2002.
2. Селиверстова О.Н. Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов. Сборник статей. М.: Русские словари, 2000.
3. Солев Д. Зима на слободата. Скопје: Мисла, 1987.
4. Утрински весник. 2007. №2420, 2423, 2424, 2427.
5. Langacker R. Foundations of cognitive grammar. Vol.I: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1991.

История сотрудничества Македонии и Библиотеки Российской Академии наук

Восстановление и стабилизация нормальных дипломатических отношений между СССР и Югославией в конце 1953–1954 гг. привели к восстановлению торговых и культурных связей. Библиотека Российской академии наук возобновила книгообмен с научными учреждениями Югославии уже в конце 1953 г. Если в 1954 г. книгообмен велся с 4 научными учреждениями Югославии, в основном с Сербской академией наук и искусств, как с крупнейшим научным учреждением Югославии, объединяющим целую сеть научных учреждений по всем отраслям знания, то в 1955 г. в планы Библиотеки Академии наук входило «установление обмена с академиями наук других республик, входящих в состав Социалистической Федеральной Республики Югославия (Хорватии, Словении, Македонии)»¹. Благоприятная международная обстановка способствовала дальнейшей активизации книгообмена, и уже к концу 1955 г. было установлено сотрудничество с 14 научными учреждениями Югославии, при этом значительную инициативу в возобновлении международного книгообмена с СССР проявили сами научные учреждения.

В начале 50-х годов происходил не только количественный рост книгообмена, но и совершенствовались его формы и методы. Важную роль в увеличении книгообмена БАН сыграла реорганизация сектора международного книгообмена в самостоятельный Отдел международного книгообмена, произведенная в 1952 г по указанию Президиума Академии наук.

Основной формой общения с иностранными учреждениями являлась переписка с предложением регулярного обмена научными публикациями. Первоначально все учреждения, выразившие желание получать издания Академии наук СССР, включались в рассылочные списки. Академические издания направлялись в национальные библиотеки, в библиотеки Академии наук, высшие учебные заведения, на факультеты университетов и даже кафедры университетов. Как правило, соглашений о книгообмене с такими учреждениями не заключалось; некоторые из них даже не имели возможности вести обмен изданиями. По распоряжению Президиума АН СССР

¹ Текущий архив Отдела международного книгообмена.

многим крупным учреждениям народно-демократических стран был представлен полный комплект академических изданий. Так, в 1955 г Библиотекой был выслан комплект всех академических изданий и в Федеративную Республику Югославия². Стремясь компенсировать посылки Библиотеки Академии наук, библиотеки и научные учреждения социалистических стран присылали в БАН большое количество изданий своих стран. Поступление литературы из Югославии в 1955 г. по сравнению с 1954 г. возросло в 2 раза³. Необходимо отметить, что международный книгообмен являлся тогда основным источником приобретения зарубежной литературы, обеспечивая большой процент всех поступлений иностранной литературы по централизованному комплектованию. Основную массу поступлений по международному книгообмену составляли периодические и продолжающиеся издания, дающие наиболее оперативную научную информацию.

Начиная с 1956 г., важное место в системе международных связей Библиотеки занял и международный абонемент. Библиотека Академии наук установила связи с Народной и Университетской библиотекой в г. Скопье уже в 1957 г.

С 1955 г. было установлено сотрудничество по линии постоянного книгообмена с Народной и Университетской библиотекой им. св. Климента Охридского (г. Скопье), с Библиотекой Македонской академии наук и искусств (г. Скопье), с факультетом естественных наук и математики Университета им. свв. Кирилла и Мефодия (г. Скопье), с Македонским естественнонаучным музеем (г. Скопье)⁴. В 1957 г. переписка о регулярном книгообмене велась с Институтом национальной истории (г. Скопье), Обществом математиков и физиков Македонии⁵ и факультетом земледелия и лесного хозяйства Университета им. свв. Кирилла и Мефодия (г. Скопье). В 1958 г. Библиотека установила регулярный обмен с Институтом геологических исследований Македонии (г. Скопье)⁶ и библиотекой факультета сельского хозяйства (г. Скопье)⁷. В 1959 г. по просьбе Зоологического института Академии наук СССР был налажен книгообмен с Институтом рыбного хозяйства Македонии (г. Скопье) с целью

² Архив Библиотеки Академии наук (далее – Архив БАН). Фонд № 1. Опись 3. Дело 679. Л.102.

³ Там же. Дело 471. Л. 181.

⁴ Текущий архив Отдела международного книгообмена.

⁵ Архив БАН. Фонд № 1. Опись 11. Дело 561. Л. 29–31.

⁶ Архив БАН. Фонд № 1. Опись 11. Дело 561. Л. 37.

⁷ Там же. Л. 29–31.

получения издания этого института «Фолиа Балканика»⁸. Кроме того, в 1959 г. на предложение об установлении постоянного обмена откликнулись Гидробиологический институт (г. Охрид)⁹ и Математический институт философского факультета (г. Скопье)¹⁰. Помимо договоренности о регулярном обмене публикациями, в архиве Библиотеки сохранилась переписка о разовом обмене изданиями, например, с Македонским экономическим институтом (г. Скопье) в 1958 г.¹¹

Укреплению установившегося сотрудничества и активизации работы по линии международного книгообмена способствовало подписание Президиумом АН СССР распоряжения «О научном сотрудничестве между АН СССР и научными учреждениями Югославии в 1959 году». Энергичное развертывание книгообмена с научными учреждениями Македонии оказало несомненную помощь в организации научных библиотек Македонии и развитии науки. БАН СССР и советские академические учреждения со своей стороны получили доступ к изданиям, издававшимся в самой Македонии и в Югославии вообще.

Однако организация связей БАН с научными учреждениями вскоре потребовала внесения определенных поправок. Стихийный рост числа учреждений, получающих издания Академии наук СССР, расплывал усилия и возможности Библиотеки, снижал эффективность помощи основным научным учреждениям социалистических стран. В то же время это серьезно мешало правильному комплектованию литературой советских академических учреждений. Научные учреждения присылали большое количество изданий без заказа со стороны Библиотеки АН СССР и в дар. Среди таких книг и журналов оказывалось много непрофильных для Библиотеки Академии наук публикаций, а также дублетов. Поэтому необходимо было более строго подойти к выбору партнеров по обмену изданиями, а также оформить существующие отношения соглашениями, определяющими конкретные обязательства сторон.

Вскоре со всеми учреждениями, с которыми Библиотека вела книгообмен, были заключены соглашения. Они строились на взаимном учете интересов и возможностей каждой из сторон. Необходимо отметить, что соглашения предусматривали различный порядок взаимного предоставления изданий, который зависел от вида изданий, а также от характера

⁸ Там же. Л. 90–91.

⁹ Там же. Л. 39–40.

¹⁰ Там же. Л. 86.

¹¹ Там же. Л. 66.

самих учреждений. Журналы Академии наук СССР, как правило, рассылались на базе ежегодно возобновляемых заказов. Журналы из всех социалистических стран Библиотека получала на базе долгосрочных заказов. Серийные издания рассылались и получались также на основе долгосрочных заказов. Что касается монографий, то все академии наук и национальные библиотеки социалистических стран получали полные комплекты монографий Академии наук СССР. Другие крупные учреждения получали эти издания по согласованной тематике. Специализированные учреждения использовали для заказов на монографии списки, которые рассылала Библиотека по мере поступления в её распоряжение новых изданий. Сама Библиотека получала монографии либо на основе генеральных, либо тематических, либо разовых заказов.

Интерес советских ученых к научной литературе, издаваемой в братских социалистических странах, возрос настолько, что уже в 1960–1961 гг. поступление изданий из некоторых стран почти равнялось рассылке советской литературы в эти страны¹². Важно заметить, что при подсчете полученной литературы во внимание принималась только литература, заказанная академическими учреждениями. Особенно большим спросом пользовались издания по биологии, физико-математическим, химическим, геолого-географическим наукам, издания по технике.

Насильственно прервали быстрые темпы развития книгообмена с Македонией наводнение в ноябре 1962 г. и сильнейшее землетрясение в Скопье 26 июля 1963 г. В те трагические дни неопределимым был самоотверженный труд работников библиотек г. Скопье, которые спасали то, что оставалось от практически уничтоженного книжного фонда. Помощь в пополнении фонда оказали библиотеки многих стран мира, в том числе и Библиотека Академии наук СССР.

В 1970-е годы Библиотека Академии наук продолжала развивать международные связи с Македонией, были подписаны соглашения с новыми научными учреждениями: Институтом фольклора им. Марко Цепенкова, биологическим факультетом Университета им. свв. Кирилла и Мефодия, Институтом македонского языка им. Крсте Мисиркова, Народным музеем (г. Прилеп).

В 1980-е годы среди партнеров Библиотеки Академии наук появились Институт исследований по старославянской культуре (г. Прилеп)

¹² История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 гг. М.–Л.: Наука, 1964. С. 565.

и Институт защиты памятников культуры и музея (г. Прилеп), а также филологический факультет Университета им. свв. Кирилла и Мефодия.

В начале 1990-х годов переписка с научными учреждениями Македонии заметно сократилась, архив БАН практически располагает только письмами, посылаемыми из БАН в научные учреждения Македонии. В дальнейшем переписка была возобновлена лишь с некоторыми научными учреждениями Македонии.

В настоящее время Библиотека Академии наук продолжает постоянное сотрудничество по линии книгообмена с 6 научными учреждениями Македонии. Наиболее крупными партнерами выступают Библиотека Македонской академии наук и искусств и Народная и Университетская библиотека им. св. Климента Охридского. Кроме того, соглашения о постоянном книгообмене поддерживаются с отдельными факультетами Университета им. свв. Кирилла и Мефодия: естественно-математическим, философским, географическим, а также с Обществом математиков и физиков Македонии.

Согласно соглашениям о книгообмене, подписанным с вышеуказанными научными учреждениями, в Библиотеку Академии наук и ее сетевые библиотеки поступает 34 названия македонских периодических изданий в 39 комплектах. Как правило периодические издания направляются в основной фонд Библиотеки. Некоторые издания параллельно рассылаются в сетевые библиотеки или же только в сетевые библиотеки в зависимости от их профильной тематики. Так, в Институт русской литературы поступают издания «Современост», «Македонски фолклор», «Литературен збор»; в Институт лингвистических исследований – «Македонистика», «Македонски јазик», «Прилози на Македонската Академија на науките. Отделение за лингвистика»; в Петербургское отделение Математического института – издания «Математички билтен» и «Годишен зборник на институтот за математика»; в Музей антропологии и этнографии – журнал «Етнолог». По последним статистическим данным за 2010 г., по линии международного книгообмена из Македонии было получено 62 издания: 29 периодических изданий и 33 монографии. Научные учреждения Македонии также направляют свои издания в Библиотеку Академии наук в дар.

Кроме того, международные связи между Македонией и Библиотекой Академии наук поддерживаются в форме личных контактов. 9 июня 2009 г. директор Библиотеки Академии наук Валерий Павлович Леонов на презентации, проходившей в Македонской академии наук и искусств

(г. Скопье), представил македонской общественности факсимильное издание «Лицевой летописный свод XVI века». Этот проект был осуществлен в России издательской фирмой «Актеон» при участии Государственного исторического музея, Библиотеки Российской Академии наук и Российской национальной библиотеки. Македония стала первой страной, где было представлено это издание. На презентации В.П. Леонов выступил с докладом «БАН – книжная память науки». Особый интерес у слушателей вызвали старые карты Македонии из фондов БАН.

Безусловно, международные связи между научными учреждениями Македонии и Библиотекой Российской Академии наук интересны и полезны обеим сторонам и способствуют развитию науки наших стран, их необходимо поддерживать и укреплять.

В завершение хотелось бы выразить благодарность сотрудникам Отдела Международного книгообмена и Архива Библиотеки Академии наук за неоценимую помощь в поиске материалов.

Литература

1. История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 гг. М.–Л.: Наука, 1964.
2. Архив БАН. Фонд № 1. Опись 3, 11.
3. Текущий архив Отдела международного книгообмена.
4. www.rasl.ru/content/news/news_detail.php?ID=4057.

Учитель пения

Опера, оперное искусство всегда есть элемент цивилизации, Европы. До Великой войны, начавшейся в 1914 г., в Белграде певцы-любители ставили «Трубадура» Дж. Верди, да еще две-три оперы и оперетты. Ситуация резко изменилась с образованием Королевства сербов, хорватов и словенцев, в котором, как во всяком европейском государстве, должна быть опера! И тут помог «случай» под названием «русский исход» (после 1917 г.), когда в столицу прибыли русские певцы и певицы и «сразу же организовалась опера уже не на любительский лад».

Выступлениям русских оперных певиц и певцов аплодировали в Белграде и Загребе, в Нови-Саде и Любляне, в Скопле (совр. Скопье) и Сараево, в больших и маленьких городках Югославии. Русские принесли с собой не только итальянскую школу пения, но и традиционный для отечественных спектаклей русский исполнительский стиль, служивший образцом для сербских артистов.

Только для примера три имени. Борис Павлович Попов (1888, Новогеоргиевск — ?), баритон. Он исполнял романсы, русскую оперную классику, пел на французском, испанском, итальянском языках. Муж знаменитой балерины Нины Кирсановой, он удостаивался в прессе не менее лестных отзывов: «Попов, артист Московского Большого театра. Редкий среди русских певцов вокалист, обладатель чарующего тембра музыкального баритона. Выдержанный, стильный Онегин, прекрасный Фигаро, отличный Елецкий»¹. Выступал в Скопле в 1930-х гг.

В Македонии с 1921 г. работал Сергей Николаевич Михайлов (1885–1975) педагог, организатор музыкальной жизни, сначала в глухих Кавадарцах, потом в Джевджелии, а с 1924 г. в Штипе. В тамошнем театре организовывал оперные представления. Занимался и сочинительством – написал детскую оперетту «Ружанка». Сейчас его именем названа основанная им музыкальная школа, в которой он преподавал.

¹ Театрал. Русское искусство в Королевстве С. Х. С. // Призыв (Белград). 1926. № 4. Июль. С. 47.

Ветераном сербской оперы был один из любимцев столичной публики баритон Павел Федорович Холодков (1888, Рязань – 1967, Белград), почти без перерывов выступавший с 1921 по 1951 гг. на сцене оперного театра. Искусству пения он учился в Санкт-Петербурге и Москве. В частности, окончил в 1913 г. Музыкально-драматическое училище при Московском филармоническом обществе, где учился по классу Лаврентия Дмитриевича Донского². Пел в знаменитой опере Сергея Зимина, в годы Гражданской войны выступал в «белой» Одессе (1918–1919 гг.). В эмиграции Холодков обосновался в Белграде. Он спел на разных сценах Югославии около тридцати партий, исполнение которых, по мнению публики и критики, всегда было безукоризненным. Гастролировал Холодков по Европе, где был желанным гостем ее оперных сцен. Павел Федорович принадлежал к тому поколению оперных артистов, которые расширяли интерес к музыкальной культуре среди сербов. В его репертуаре были Риголетто, Жермон, Онегин, Мефистофель, Эскамильо, Яго, Валентин, Грязной, Игорь, Писарро, Бег Пинтарович в «Хасанагинице» и пр.³

После смены власти в 1944 г. многие русские артисты покинули Балканы, некоторые остались, среди них был и Павел Федорович. В конце первого десятилетия уже XXI в. я был в Белграде, где продолжал свои поиски материалов по истории русской эмиграции. В музее театрального искусства Сербии в числе других документов мой интерес вызвали принадлежащие П.Ф. Холодкову бумаги, точнее, дневник – «Книга за евиденција на педагош. Работа на друг Павла Холодкова за 1949–1950 г.». («Книга учета педагогического труда товарища Павла Холодкова за 1949–1950 г.»), с обширным введением. Само официальное название говорило о том, что «книга учета», как я вначале думал, была предназначена автором для органов госбезопасности, конечно, не прямо, но на всякий случай. В то время отношение к русским было

² Российский Государственный архив литературы и искусства. Ф. 2098. Д. 10. Л. 62 об. – 63, 66 об. – 67.

³ Турлаков С. Руски уметници у Београду // Руси без Русије Српски Руси / Изд. Д. Јнићивич, З. Шлавик. Београд, 1994. С.37; Петровић В. Руски оперски певачи и београдска музичка критика и публика // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 2. Београд, 1994. Зборник радова. С. 174; Арсејевић А. Биографски именик руских емиграната // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 1–2. Београд, 1994. С. 319.

весьма настороженным, «охота за ведьмами» или за «шпионами Коминформбюро» тогда была весьма актуальна в политической жизни титовской Югославии. Поэтому я предположил, что сама «книга учета» велась именно для того, чтобы обезопасить себя от возможных доносов. Тем более, это выглядело логичным, исходя из того, что Павел Федорович тогда еще не решил проблемы со своим гражданством. Однако после внимательного прочтения стало ясно, что «книга учета» велась по просьбе руководства театра. Чем вызвана была? Видимо, чтобы иметь «документ», если таковой понадобится, при разговоре с компетентными органами. Надо сказать, что если вначале записи носили дневниковый характер, и можно было узнать определенную информацию о характере занятий, мнение Холодкова о способностях своих учеников и пр., то через некоторое время они стали чисто формальными: указывалась только фамилия ученика и время проведения уроков.

Возвращаясь к самому П.Ф. Холодкову, скажу, что к концу 1940-х гг. оперная карьера шестидесятилетнего русского певца была на излете, и приглашение из столицы новой республики Македония для работы с молодыми певцами оперной труппы Македонского театра во время летних каникул (с 9 июля по 10 октября 1949 г.) в Охриде и Скопье, было как нельзя кстати.

Здесь добавлю, что оперная труппа в Македонском театре была создана в 1947 г. Поэтому театр нуждался в таком педагоге, который мог бы помочь воспитать македонских певцов и певиц.

По договоренности с дирекцией оперы Македонского театра и при согласии министерства просвещения ФНР Югославии Холодков 9 июля прибыл в Скопье.

16 июля он начал работу в древнем Охриде. Во введении «книги учета» русский преподаватель пения писал: «К моему большому сожалению, организация этих курсов была весьма слабой, но не обращая внимания на трудности, которые не хочу упоминать, я смело приступил к своей работе. В Охриде, вместо, как было предусмотрено, шести учеников я нашел только четырех. Причина неприбытия еще двух учеников – пропаганда и недоверие со стороны многих оперных певцов к моей педагогической деятельности».

Тема недоверия не нова в истории живших на территории Югославии русских мастеров искусств, особенно оперного. Причины просты: русские певцы были выше классом и «затирали национальные кадры» в Королевстве. Возможно, что и в новой Югославии приглашение чужака из Белграда, даже на короткий срок, воспринималось некоторыми македонскими мастерами как вторжение в их монопольную сферу.

К этому добавлю, что и сама приглашающая сторона не решилась заключить с русским певцом письменный договор: была лишь устная договоренность. Скорее всего, это было вызвано ситуацией, связанной с гонениями на русских после фактического разрыва советско-югославских отношений.

Тем не менее, педагогическая работа П.Ф. Холодкова началась. Его первыми учениками стали Бора Ацевский, Артур Сурмеян, Стефан Русяков, Десанка Георгиевская. 20 июля в Охрид прибыл Йордан Митровски, присоединившийся к ним 22 июля. Учеба продолжалась в Охриде до 14 августа, т. е. ровно месяц, можно было бы и дальше, но не было фортепиано, что усложняло обучение.

Поэтому уже 16 августа Холодковым с руководством театра было достигнуто соглашение о продолжении работы в Скопье.

Объем работы русского преподавателя пения впечатляет: с 16 июля по 1 октября 1949 г. им было проведено 360 лекций. Вернее, надо говорить, уроков по постановке голоса.

Надо сказать, что в македонской столице деятельность Холодкова контролировалась директором театра Коле Чатуле, руководителем оперы Тодором Скаловским, дирижером Ловром Матачичем.

По их мнению, как утверждал в своем «дневнике» Холодков, его педагогическая деятельность дала «позитивные результаты, и он получил от них много похвал». «После этого, – продолжал русский певец, – мне было предложено приехать сюда для работы с солистами оперы в качестве педагога пения при опере македонского театра и как солист оперы – драматический баритон, на что я дал согласие прибыть сюда и служить македонскому народу на культурном поле и свой долголетний опыт и знания отдать здесь».

Хотя и здесь есть странность. Холодков пишет о том, что вначале с руководством театра была достигнута устная договоренность на работу

в течение двух лет. Однако потом именно отсутствие письменного договора послужило причиной того, что достигнутое соглашение было обязательным для обеих сторон только на один год, с 1 ноября 1949 г. до 1 ноября 1950 г. Возможно причинами этого двойного сокращения сроков договора были указанные выше обстоятельства.

Представляется необходимым подчеркнуть, что Павел Федорович, работая приглашенным педагогом, имел возможность появляться на сцене Македонского театра в двух оперных постановках – «Травиата» и «Тоска». Судя по «книге учета», он в 1950 г. пел в знаменитом творении Дж. Верди 14 мая, 20 мая, 24 сентября, 1 октября, 12 октября, 27 октября, 12 ноября; в изумительной опере Дж. Пуччини – 23 ноября, 1 декабря, 13 декабря. Много это или мало, мне судить трудно. Тем не менее, представляется, судя по его урокам, его голос мог бы звучать чаще и радовать любителей классики.

Возвращаясь к занятиям, следует сказать, что они проходили с 9 часов до 13 часов и с 16 часов до 20 часов. Длительность индивидуального занятия – один час. Восемь часов – восемь учеников, причем их количество постепенно увеличивалось. В своей «книге учета» Холодков записал: «Две трети успеха зависят от меня и одна треть от ученика».

В 1950 г. в его учениках были Бора Ацевский, Артур Сурмежан, Стефан Русяков, Десанка Георгиевская, Йордан Митровский, Зина Митровская, Илия Бувалекевич, Ана Липша, Данка Фирфова, Коста Шувакович, Миха Христовский, Данчо Митровский, Яня Ханжек, Чортошов Васил, Петре Богданов-Кочко, Петров Благое, Миле Поповский, Янко Зембра, Роза Сотирова, Мария Христова, Павлина Апостолова, Йосип Фишер, Василка Биджева, Евдокия Медведова, Евгения Симева, Медведова Евгения.

Среди них он особо отличал Данку Фирфову: «весьма быстро прогрессирует – отлично все схватывает». Холодков не обманулся в своих оценках. Данка Фирфова (02.02.1918 – 02.05.2003) принадлежала к первому поколению образованных македонских певиц. Первая македонская Тоска в одноименной опере, первая Леонора в «Трубадуре», первая Ева в опере «Никола Шубич Зрински», первая Шарлотта в «Вертере», первая

Аида... В 1976 г. получила Гран при на международном конкурсе в Бельгии⁴.

Среди других воспитанников назову еще несколько имен.

Павлина Апостолова – примадонна в 1960–1990-х гг. Пела в сотнях оперных спектаклей.

Петр Богданов Кочко, президент ассоциации музыкантов Македонии, много сделавший для искусства театра.

В энциклопедию македонского оперного искусства вошли имена Василки Биджовой, Анны Липша, Павлины Апостоловой.

В декабре 1950 г. Павел Федорович закончил свою работу. Он ушел в тень своих ставших знаменитыми учеников и учениц.

Буду надеяться, что македонские историки театра все же посвятят свое внимание личности Павла Федоровича Холодкова, много сделавшего для становления македонской оперы.

⁴ Павловска-Шулајковска М. Данка Фирфова. Живот посветен музика. Скопје, 2009. С. 6.

Елена Лужина

*(Университет им. свв. Кирилла и Мефодия,
Скопье)*

Культ К.С. Станиславского и македонский театр 1945–1970-х гг.

Осмелюсь начать мой текст в согласии с правилами театроведения, то есть «театрально», с эмоциональной, драматичной, патетичной, но при этом совершенно правильной констатации. Однажды – не так давно, где-то на рубеже XIX–XX вв., всего каких-то сто с небольшим лет назад, Москва (вдруг) стала центром тогдашнего театрального мира. Это было воспринято как сенсация международного масштаба. Когда сегодня об этом говорят опытные театроведы, пытаясь трактовать это событие с большой временной дистанции, то они как будто пытаются внушить нам, что все произошло неожиданно, почти в одну ночь. Тогдашняя Москва по законам некоей странной игры и случая буквально за ночь стала мировым театральным центром. Настоящим центром больших театральных переворотов, которые существенно повлияли на эстетику, а следовательно, и на историю всего мирового театра. Театральная Москва того времени долгое, очень долгое время оставалась аутентичной театральной Меккой. Почти полвека! Все, что происходило в мировом театральном искусстве, – тогда! – было значительным, но все, что произошло в Москве, действительно оказалось наиболее значимым. Я знаю, что этот тезис ассоциативно связан с той ключевой репликой из «Трех сестер» А.П. Чехова, которая мифологизировала название города: «В Москву, в Москву, в Москву!»

Можно было бы сказать – в некоем ненаучном, более простом выступлении не на литературном языке, – что все то, что оказалось важным, заставило развиваться и радикально изменило в целом мировую театральную практику, поэтику и эстетику двадцатого века, началось именно в Москве. Самая существенная реконструкция, которую пережил новейший европейский театр, была инициирована, придумана и испробована именно в Москве. Радикальные подвижки и изменения, вызванные этой реконструкцией, произошли не только в сфере так называемой практической театрализации (области актерского и режиссерского мастерства), но и в сфере драматургии, драматургического письма, драмы как рода литературы.

После цикла «великих пьес» Чехова, «собственноручно» поставленных К.С. Станиславским в течение всего шести судьбоносных театральных лет (с 1898 по 1904 гг.) на сцене легендарного МХАТ¹, и европейская, и американская драматургия совершенно изменили свой подход к технике и технологии не только написания пьес, но и осмысления драматического текста. Проще говоря, драматургия Чехова полностью изменила авторский и зрительский подход к тому, что феноменология называет драматургическим мышлением. После Чехова драматургическое письмо и драматургическое мышление полностью трансформировались.

Как же произошло, что именно Москва стала центром тогдашней мировой театральной жизни?

Легенда гласит, что все началось ровно 115 лет назад, довольно неформально, буквально в ресторане, где два незнакомых человека назначили свою первую встречу. Инициатива исходила от первого «неизвестного», отправившего второму некую записку, в которой он приглашал на встречу и обсуждение своих театральных позиций, идей, поскольку чувствовал, что они могли бы понять друг друга. Второй «неизвестный» приглашение принял. Мотивом обоих было неясное предчувствие, что они разделяют взаимные интересы, что их интересы направлены на создание некоего нового, иного театра.

Встреча этих двух людей, которые действительно до того времени не были знакомы, произошла 19 июня 1897 г. в известном тогда ресторане «Славянский базар», находившийся в центре Москвы. Позже оба рассказывали, что их встреча длилась целых 18 часов (с двух пополудни до восьми утра без перерывов), но по сути никогда и не закончилась, поскольку связала их на всю оставшуюся жизнь. Да, разумеется, это были актер и режиссер Константин Сергеевич Станиславский (1863–1938) и драматург и писатель Владимир Иванович Немирович-Данченко (1858–1943), легендарные основатели МХТ и всего того, что мы сейчас называем «русской драматической школой».

¹ Первоначально он назывался Художественно-общедоступный театр. С 1901 г. — Московский Художественный театр (МХТ), с 1919 г. — Московский художественный академический театр (МХАТ), с 1932 г. — МХАТ СССР им. М. Горького. В 1987 г. разделился на два театра, взявших себе официальные наименования: Московский художественный академический театр им. М. Горького (МХАТ им. М. Горького) и Московский художественный академический театр им. А. П. Чехова (МХАТ им. А.П. Чехова). В 2004 г. МХАТ им. А.П. Чехова отказался от слова «академический», и теперь именуется Московский художественный театр им. А.П. Чехова (МХТ им. А.П. Чехова) (примечание переводчика).

В одной из своих книг Станиславский написал, что ни одна международная конференция не рассматривала так внимательно важные стратегические и государственные вопросы, как они с Немировичем-Данченко обсуждали тогда основные постулаты, на которых должна была основываться их будущая деятельность (Stanislavski, 1988: 172). Именно благодаря такой точности и внимательности тандем уже в течение тех первых восемнадцати часов смог детально обдумать и утвердить не только организационные, но и эстетические принципы театра, который они начали «придумывать». Эти принципы Станиславский резюмировал с помощью четырех мотивирующих прилагательных, которые сегодня написаны на фасаде их театра – красивого здания, скрытого в одной из улочек, выходящих на большую и мощную Тверскую улицу. Это Камергерский переулок. В хорватском переводе одной из книг Станиславского он записан как «Камергерская улочка» (мк. «сокак») (Stanislavski, 1988: 10). Когда я впервые попала в этот переулок (почти сорок лет назад, одним холодным ноябрьским днем...), это место показалось мне каким-то маленьким, узеньким для расположения театра с таким грандиозным реноме и капитальным значением. Но каким бы элитарным и центральным (театр находится в самом центре Москвы) МХАТ ни был, этот переулок и сегодня воспринимается мною как несоответствующий местоположению столь культового театра! Театра, на чьем фасаде написаны четыре слова, ставших эстетической программой Станиславского: «Проще, легче, больше, радостнее...».

Через полтора года после описанной встречи Станиславского и Немировича-Данченко, как только молодой театр поднялся на ноги и начал развиваться именно так, как задумывали его основатели, жизнь последних начала складываться так счастливо, как это происходит с редкими и самыми храбрыми людьми: свои высокие идеалы они имели возможность воплощать в жизнь. Разумеется, это было бы совсем невозможно, если бы Станиславский и Немирович не имели бы молчаливую и безоговорочную (дисциплинированную) поддержку десяти прекрасных актеров, которых смогли мобилизовать, делая из них не только высоких профессионалов, но и своих последователей. И даже более – слушников.

14 октября 1898 г., спустя почти два года после «марафонского» ужина в «Славянском базаре» (ресторан уже не существует, теперь на его месте на улице Никольской находится торговый центр), МХАТ официально поднял свой легендарный занавес (на котором позже была изображена легендарная чеховская чайка). Театральная история зафиксировала,

что в тот вечер с большим успехом была сыграна трагедия А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». В музее МХАТ сегодня выставлены костюмы и реквизит с того легендарного спектакля, очень долго и основательно подготавливаемого. Интересно отметить, что первой репликой спектакля были слова: «...на это дело крепко надеюсь я...» После Станиславский записал, что эта фраза в прямом смысле воспринималась всеми не просто очень значимой, но и пророческой (Stanislavski, 1988: 182). То, что они были правы, подтверждает и факт, что в тот момент, когда я пишу этот текст, в МХТ успешно идет 144-й сезон!

Европа и Америка о МХАТ и Станиславском впервые узнали опосредованно: через рассказы о них, но с «системой Станиславского», с феноменом мхатовского реализма и с сенсационной русской актерской школой – со всем тем, что театроведение сегодня называет техникой «если бы», – Запад напрямую столкнулся только в начале 1920-х годов. Как только советская власть поняла, что мхатовский реализм и русская актерская школа, которые чаще всего называют системой Станиславского, могут стать явлением, благодаря которому постреволюционная страна, окруженная общемировым недоверием к ее идеологическим постулатам и суровой политической практике, могла бы успешно себя пропагандировать, МХАТ получил указание начать длительные и невероятно успешные гастроли на Западе. Они длились два сезона (1922/23, 1923/24), в течение которых театр посетил четыре европейских страны (Берлин в Германии, Прагу в Чехии, Загреб в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, Париж во Франции) и 12 крупнейших американских городов. В процессе таких продолжительных гастролей, сопровождавшихся немедленным и неизменным успехом, актеры театра дали 564 спектакля!

И до зарубежных гастролей, и особенно после их сенсационного успеха, революционный метод создания театра, утвержденный Станиславским, имел своих эпигонов.

Одним из них стал Ричард Болеславский, поляк по происхождению, участник пресловутой Первой студии Художественного театра, из которой позже вышли все первенцы МХАТа. Непосредственно после революции 1917 г. Болеславский эмигрировал сначала в Польшу, а затем в Америку, где успешно построил впечатляющую кинематографическую карьеру режиссера и актера (работал в качестве режиссера с Гретой Гарбо, Шарлем Буайе и Марлен Дитрих). После приезда в Новый свет, до которого слава о системе Станиславского шла бы еще годы, Болеславский

точно оценил, что и сам может использовать ауру все еще не известной русской актерской школы. А затем и большой интерес к самому Станиславскому и его спектаклям, во время гастролей на Западе, сделали свое дело. Пока Станиславский и его актеры все еще путешествовали и играли в крупных европейских и американских городах, Болеславский сформировал свою театральную школу, в которой начал учить согласно принципам мхатовского реализма и читать лекции по актерскому мастерству (всего шесть), почерпнутому в годы его московской молодости. Благодаря актуальной американской «инициации» русской актерской школы, которую реализовал и сформулировал в Америке именно Богуславский, 1930–1940-е годы остались в истории как годы сильнейшего влияния Станиславского на американский театр и кино. Разумеется, это влияние переносилось через посредников – прежних учеников и последователей, которые разными путями успешно представляли русскую актерскую школу.

Среди наиболее известных последователей системы Станиславского – Михаил Чехов и Стелла Адлер. Члены знаменитой Актерской студии, которую в 1947 г. сформировали Элиа Казан, Роберт Льюис и Шерил Кроуфорд (позже к ним присоединился и Ли Страсберг, который очень быстро стал там настоящим гуру), настаивали на том, что следуют модифицированному методу Станиславского. Студия, которая на долгие десятилетия стала самой авторитетной актерской школой Америки, обучала своих студентов главному принципу: настоящая творческая актерская игра должна быть основана на подлинности переживаний, на специфическом эмоциональном опыте, приобретенном в некоей жизненной ситуации, похожей на ту, которая отражена в драматургическом тексте. Принцип, быстро ставший основой метода, несомненно, показал свою успешность, достаточно вспомнить звездные карьеры некоторых учеников Ли Страсберга, увенчанных мировой славой и «Оскаром». Это Марлон Брандо, Джеймс Дин, Мэрилин Монро, Роберт Де Ниро, Аль Пачино...

Несколько театральных деятелей высокого ранга, являющихся в то же время и теоретиками, которые отметили своей деятельностью наиболее значимые фазы развития европейского театра второй половины XX в., интенсивно комментировали и творчески использовали великое наследие Станиславского, обращаясь к нему не только с уважением, но и с критикой. Среди них были Бертольд Брехт, Ежи Гротовский, Эудже-нио Барба, Питер Брук.

Если перелистать европейскую и мировую театральную историю, то легко согласиться, что скорее можно пересчитать на пальцах тех, кто не обращался к системе Станиславского, чем тех, кто делал это. Культ Станиславского был и остается своеобразным источником света, некоей осью, по отношению к которой европейский театр долго измерял свои достижения.

Македонский театр разделил общий европейский и американский восторг от русского театра, точнее от реалистического театра Станиславского и его культа. Действительно, македонский театр присоединился к этому тренду с запозданием примерно в двадцать лет. Меж тем, в отличие от остальных народов, культур и традиций, которые так или иначе присоединились к традициям русской театральной школы (чаще через «посредников» или с известной «безопасной» критической дистанции), македонцы соединили свое театральное искусство с мхатовским реализмом по-своему, выбрав более короткий и совершенно аутентичный путь.

Из-за ряда специфических историко-политических обстоятельств Македония успешно сформировала свои первые театральные сообщества, которые осуществляли деятельность на македонском языке, только после освободительной войны 1944–1945 гг. Чтобы иметь возможность строить национальные культурные институты, Македония прежде всего должна была обрести государственность. Будучи в течение 44 лет федеральной республикой в составе тогдашней Югославии, Македония все же функционировала как государство! К сожалению, упомянутые исторические обстоятельства, которые не облегчали статус и положение македонского народа, а драматично его отягощали, непосредственно обусловили следующую ситуацию: вся культурная продукция, которая появлялась на македонской почве до 1945 г. – времени вхождения Македонии в состав Югославии и кодификации македонского литературного языка, – десятилетиями осуществлялась на иных языках в зависимости от того, в состав какого государства входила территория Македонии. И театр не мог быть исключением. Именно поэтому все театральные представления с конца XIX в. до 1945 г. проходили на болгарском или сербском языках. Вплоть до 1941 г. все профессиональные театры в Скопье и Битоле, работавшие еще с 1913–1918 гг., играли спектакли на сербском языке. Позже, после капитуляции первой Югославии и установления четырехлетней болгарской власти на территории Македонии (1941–1944 гг.), в театрах игрались спектакли на болгарском языке.

Лишь некоторые путешествующие труппы, которые в то время и в предыдущие два десятилетия бороздили Македонию, иногда осмеливались играть некоторые пьесы так, как те были написаны, то есть на македонских диалектах.

Чтобы македонские диалекты оказались оформлены в литературный язык, македонцы прежде всего должны были дождаться формирования собственного государства: исторического заседания АСНОМ 2 августа 1944 г., на котором, среди прочих судьбоносных для македонцев решений, было вынесено решение об официальном установлении македонского языка как государственного. Только весной 1945 г., сразу после того как язык получил собственную грамматику и орфографический кодекс, македонский язык был кодифицирован (Лужина, 2002).

Первый македонский профессиональный театр, задуманный как национальный институт самого высокого ранга, был сформирован, по решению государственной власти, в начале 1945 г. Звучит, на первый взгляд, парадоксально, но именно этот первый национальный македонский театр определил свои принципы в русле эстетики мхатовского реализма. Это зафиксировано и в сохраненных программных документах, прежде всего в отчетах о текущей драматургической программе и ее реализации согласно принципам мхатовского реализма, которые еще 19 июня 1887 г. в «Славянском базаре» сформулировали Станиславский и Немирович-Данченко. Македонский народ, последним из славянских народов начавший строительство своего государства и своих культурных институтов, сразу РЕШИЛ сформировать собственный национальный театр согласно высоким профессиональным стандартам, которые в тот момент существовали в театральном мире. Необходимо напомнить, что театр считается одним из сложнейших культурных механизмов не только в организационном и структурном плане, но и в техническом. Начать формировать ПЕРВЫЙ национальный театр, а кроме того СРАЗУ начать делать это амбициозно, согласно самым высоким принципам театральной профессии, – это нельзя назвать иначе, чем героическим поступком.

Свою историю македонский народный театр начал как реалистический театр, основатели которого твердо и верно придерживались принципов Станиславского. Такая решимость была важна для основания собственной модели актерской игры – македонской, которая должна была развиваться в соответствии с правилами русской театральной школы, какой ее создал сам Станиславский. Познавая всю сложность системы

Станиславского, а также высокие профессиональные навыки, которыми должны были владеть исполнители и последователи, современные македонские театроведы искренне восхищаются тогдашними художественными руководителями Македонского народного театра, имевшими смелость стремиться к цели, изначально выглядевшей недостижимой.

Однако все же мы знаем, что это стремление к невозможному является первым условием творчества какого бы то ни было вида. Такое стремление всегда дает результаты, особенно если оно аутентично. Разумеется, достижения не обязательно должны быть высочайшего качества, они могут быть и весьма средними, но опыт подсказывает, что такие достижения всегда подталкивают актеров, а также тех, кто следит за ними. В случае с Македонией всеобщий театральный расцвет 1945 г., общественный и культурный, проистекал из общего воодушевления, связанного с возможностями свободно выражать и доказывать свою национальную идентичность. А национальное начало тогда подталкивало к развитию и укрепляло эстетическое. Это разделяли и все те, кто уже в 1945 г. направляли прямо «к звездам» хрупкий тогда еще македонский театр.

Кто же были те люди, решившие осуществить свой сон о первом македонском театре согласно театральным принципам, считавшимся лучшими в мире? Неужели первые македонские театральные деятели действительно были настолько бесстрашными, что осмелились изучать и одновременно практиковать один из самых сложных художественных методов, которые были известны в истории театра?

Театральные историки называют два имени – Димитар Кёстаров (1912–1997) и Илия Милчин (1918–2002) – настоящих и бесспорных лидеров и основателей македонского театра. Таких людей обычно именуют *decision makers*. В первом составе труппы Македонского народного театра названные деятели и формально занимали лидирующие позиции: Кёстаров был режиссером и директором, а Милчин – актером и режиссером (в некоторых документах он записан как секретарь-драматург). Хотя в те времена все важные решения по какому бы то ни было поводу принимались «наверху» – руководством коммунистической партии, которая фактически управляла государством, все же решения профессионального характера принимали малочисленные специалисты. Под условием, что эти решения не шли вразрез с господствующей идеологией.

И Кёстаров, и Милчин были профессионалами театра, дипломированными актерами. Кёстаров закончил в 1937 г. девятилетнее обучение

актерской игре у Николая Масалитинова (1880–1961), одного из авторитетнейших актеров первой труппы Художественного театра, ученика самого Станиславского, который играл в его самых знаменитых постановках и о котором его учитель написал, что это «крупная фигура мирового размаха» (Stanislavski, 1988: 218). В известной постановке «Гамлета» 1909 г. режиссера Эдварда Гордона Крейга Масалитинов исполнял роль Клавдия. После эмиграции в 1919 г. в Софию Масалитинов занялся работой по улучшению профессионального театра в Болгарии. Разумеется, по системе Станиславского. Кёстаров был одним из лучших учеников Драматического училища, которое Масалитинов организовал при Софийском народном театре.

Илия Милчин изучал юриспруденцию, но кроме юриспруденции он занимался и в театральном отделении Музыкальной академии в Белграде (1939–1941), а позже был ассистентом режиссера в Софии, помогая великому болгарскому актеру, режиссеру Крыстё Сарафову (1876–1952), встречался и дружил с Масалитиновым. В октябре 1946 г., уже будучи актером и режиссером Македонского народного театра, Милчин был отправлен в Москву на шестимесячную стажировку в ГИТИС. Среди сохранившихся фотографий Милчина есть одна, которой он особенно гордился: актер стоит рядом с Ольгой Книппер-Чеховой (1868–1959), покровительственно улыбающейся студентам, впечатленным встречей с живой историей. Великой актрисе в тот момент было 78 лет. Приехав в 2011 г. в Москву, я как всегда посетила могилу Чехова. В отличие от других посещений, в этот раз я выполнила и давнее желание Илии Милчина: я оставила одну белую розу и на могиле Ольги Книппер-Чеховой...

Подробная реконструкция периода становления Македонского народного театра, несомненно, подтверждает, что Кёстаров и Милчин, его первые профессиональные лидеры, действительно были мхатовцами не только в душе, но и по образованию, мировоззрению, эстетике и поэтике. Когда они работали с коллегами – а оба работали режиссерами, когда обучали студентов двух первых выпусков в Государственной средней театральной школе в Скопье (1947–1951), то на практике применяли именно мхатовский реализм, русскую актерскую школу и технику «если бы», ведь оба имели счастье получить эти знания из первых рук великих корифеев. В 1945 г., счастливо встретившись в первой профессиональной труппе первого национального театра в македонской истории, Кёстаров и Милчин с энтузиазмом начали передавать свои знания только что набранным актерам Македонского народного театра.

Если бы этого не произошло, если бы не два мхатовца и их бесценные знания и умения, возможно, македонский театр не стартовал бы так ярко, как это случилось в 1945 г. А о результатах, которых неожиданно быстро добился театр, мы в таком случае вообще не могли бы говорить. Это были не просто эстетические достижения, а прежде всего, настоящие культурные начинания, символические семимильные шаги. Мы не должны забывать и умалять их значение, оценивая сегодня как компромиссные.

Все, кто изучает историю македонского театра – не только времени его создания, – могут засвидетельствовать, что почти каждый эпизод его развития, биография почти каждого его актера закономерно связаны со словом «МХАТ». С его аурой.

Итак, мхатовский реализм стал краеугольным камнем македонской театральной эстетики, мощным поэтическим наследием, которое передала школа Станиславского послевоенному македонскому театру. Глубокие «следы» этого наследия, ощутимые и в некоторых более поздних стиливых направлениях, в биографиях актеров, режиссеров, в личных эстетических и поэтических позициях театральных деятелей (один из них, несомненно, Ристо Шишков), существенно повлияли на македонский театр и определили направление его развития вплоть до наших дней.

Перевод М. Проскурниной

Литература

1. *Boleslawski Richard*. New Features in Acting. New York: Cicero. 1933.
2. *Лужина Елена*. Театарот на македонската почва – енциклопедија. ЦД-Ром; Скопје: ФДУ–Институт за театрологија. 2002.
3. *Stanislavski Konstantin S*. Moj život u umjetnosti / prev. O. Milićević. Zagreb: CKD. 1988.
4. *Стојаноска Ана*. Димитар Костаров / докторска дисертација, ракопис. 2000.

Российские авторы в македонских исследованиях о литературе. 1970–1990 гг.

Наибольшая часть ведущих представителей русской литературы всегда обращала на себя внимание македонских литературных критиков. В одном из ранних литературных обзоров «Крейцеровой сонаты» и «Отца Сергия» Л.Н. Толстого (Культура. Скопье, 1965) Таня Урошевич предлагает наиболее значимые замечания относительно этих произведений. По ее мнению, во время создания этих повестей Толстой стал классиком при жизни, великим именем в русской прозе, воплощением русского духа и его величия, больше мифом, чем человеком из плоти и крови.

«За спиной, – указывается в обзоре, – у него уже долгий путь бунта и борьбы против обычаев и норм своего общества, моральные и эстетические поиски, блуждание в неизвестности и величественные моменты открытий. И как результат этих долгих и мучительных исследований на основании его многочисленных произведений, а особенно на основе романов «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение», еще во время его жизни уже создается целая философия, – толстовский взгляд на мир, не только с точки зрения эстетики, но с точки зрения целого комплекса этических, моральных и религиозных вопросов».¹ Составитель не видит дилеммы в том, что в этих произведениях автор не только дает нам широкую панораму общества и времени, сквозь которое движутся и развиваются герои, но и анализирует, требует милости, морализирует, разрушает традиции и святыни, открывает историю в судьбе человека и роль человека в истории, порывает со старой традицией и создает свою, указывает новые пути, открывает новые ценности, и все это – во имя жизни и оправданности человеческого существования в нем самом, только при более справедливых, более чистых и возвышенных отношениях.

¹ *Урошевич Таня*. Приказ. Отец Сергий, Кройцера соната. Л.Н. Толстой. Скопје, 1965.

* * *

В рассказах и повестях последнего периода, особенно в повестях «Крейцера соната» и «Отец Сергей», ясно видна постепенность развития толстовских этических идей – человека, который в своей жизни столько раз сумел подняться до величайших высот духа, смог посмотреть на них и осветить новые пути человечества, ведущие его сейчас в бездорожье вечных сомнений и в беспокойство...

В «Крейцеровой сонате», – отмечается здесь, – Толстой не просто едкий старик, который измучен многолетними столкновениями со своей средой и с жизнью вокруг себя, уже охвачен старческой немощью, не позволяющую продолжать борьбу, и находится в полном разладе с жизнью, который во имя каких-то смутных и недоступно возвышенных целей извергает желчь и проклятия на все установленные нормы своего времени, на все плоды цивилизации, на институт брака и семейной жизни, отмечая их как крайне лицемерные и нечестные, на любовь и даже на родительскую любовь, который считает, что бессмысленно даже продолжать, настолько безвозвратно грешен человеческий род, находящий большее оправдание для пассивного ожидания уничтожения жизни на земле, чем для любой борьбы за прогресс. Здесь Толстой непревзойденный мастер художественного открытия жизни в ее самых тайных глубинах и открытия человеческой души со всеми ее взлетами и адскими безднами.

Каждое слово этой повести пронизано непримиримым бунтом и неприятием всего, что является общепринятой нормой, – условностями, с одной стороны, но и некоторой грустной отрешенностью и покорностью всему тому, что является судьбой, – предопределенностью, с другой стороны...

В рассказе «Отец Сергей» в поисках выхода Толстой идет еще дальше, изучая возможность найти смысл человеческого существования на земле в еще отдалении от общества и людей. Философия непротивления злу отправляет его искать решение в полной отдаче себя Господу. Но его аналитический дух не может примириться с лицемерными и небожественными доктринами официальной жизни, ее учреждениями, и Толстой возвращает с божественных путей своего монаха-святого через грехопадения и страдания – они должны быть настоящими.

Насколько сильными бы ни были метания Толстого между божественным и всем тем, что ему противно, от чего он хотел бы сбежать, отделиться, но, что ему близко, – все человеческое, в каждом его

произведении побеждает любовь к человеку, к жизни, какими бы пессимистическими ни были позиции, с которых он начал свой путь.

Готовя к изданию «Воскресение» («Мисла». Скопье, 1974 г.), составитель сделал вывод, что в творчестве Толстого не только в произведении «Детство», но и в других произведениях виден оригинальный писательский талант, опыт психологического анализа, способность замечать и выражать словами самые тонкие, часто противоречивые стремления внутренней жизни взрослого человека и ребенка, строгость идейных и моральных требований художника, сила его критической мысли», – делает вывод автор в своем обзоре творчества Толстого относительно «Воскресения»².

Важным вкладом в представление русских авторов является один из довольно длительных споров, которые на эту тему ведет Милан Гюрчинов в связи с публикацией «Преступления и наказания», вышедшего в 1971 г. в издательстве «Македонская книга». Роман «Преступление и наказание», по мнению большинства, – самое характерное и значимое произведение Достоевского, замечает во введении Милан Гюрчинов. По его мнению, «бурная смена света и тени, протеста, негодования и трагичной безысходности человека в одном неприемлемом и абсурдном порядке чего-либо, кажется, ни в одном другом произведении Достоевского не проходит через такое количество сильных и концентрических потрясений. Все, написанное до «Преступления и наказания», выглядит как подготовка, материал, попытка автора собраться с силами, строительство основ, на которых должен вырасти синтез, вершина»³.

«В созидании этой “последовательной непоследовательности” своих беспокойных героев, – пишет Гюрчинов, – Достоевский является перед нами как автор, несравнимый в умении нарисовать разные облики человека, его непредвиденные изменения, непонятные состояния и постоянные перемены. Ядовитый поток идеи врывается в его вены, чтобы замутировать его дух и поднять руку на преступление, но этим его характер только задет. Совершенное преступление только раскрывает тонкую паутину собственного заблуждения – за ней стоит водоворот сюрпризов, которые невозможно предположить, человеческих комплексов, бесконечных загадок личности», – подчеркивает Гюрчинов.

² Толстой Л.Н. Воскресение. Приредувачот. Скопје, 1974.

³ Гюрчинов Милан. Приказ. Ф.М. Достоевски. Злосторство и казна. Скопје, 1971.

В издательском доме «Мисла» в 1974 г. появилась подборка драматических произведений Чехова. Во вступительной статье к драмам «Иванов», «Три сестры», «Чайка», «Дядя Ваня» и «Вишневый сад» сфокусированы наиболее значимые литературные идеи этого автора. Будучи признанным величайшим мастером краткого рассказа в литературе, Чехов добился большого успеха и в области драмы и был провозглашен реформатором драматического творчества, – подчеркивается во вступительной статье. В сущности, Чехов создал новый тип драмы, в которой доминирует психологическое переживание, противопоставленное символике подтекста. Преимущественно лирическая, его драма содержит сильные драматические акценты, выходящие из глубины жизни, а не с поверхности человеческих отношений. В отличие от всех предшественников, которые верили, что эта литературная форма должна отличаться влиянием действия, Чехов предвидит новые возможности, столкновение человеческих состояний, атмосферы, мыслей и чувств, подчеркивается в этом обзоре.

В то время эти новаторские действия не были надлежащим образом оценены, но после, замечает составитель, это сделало возможным развитие новых форм современной драмы и даже драмы абсурда. Чехов, говорится в конце вступительной статьи, дает знать, что новое буйное содержание жизни требует новых форм выражения, и поэтому после него уже невозможно было писать по-старому.

Важным дополнением к той русской литературе, которая была представлена на македонских книжных полках, явилось издание комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» издательством «Македонская книга» в 1974 г.

«Комедия “Ревизор” – исключительная и жестокая сатира на русское провинциальное чиновничество тридцатых годов прошлого века, осмеивающая в сущности весь бюрократическо-чиновничий аппарат тогдашней России», – замечает во вступительном слове к «Ревизору» Александр Ежов. При этом он цитирует самого Гоголя: «В “Ревизоре” я решил собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего от человека требуют справедливости, и за одним разом посмеяться над всем»⁴.

Такое намерение автора, по мнению Ежова, должно было привести к изменению традиционных схем. В комедии нет любовной интриги, нет центрального героя – этим героем является класс чиновников, состоящий

⁴ Ежов Александр. Приказ. Ревизор. Н.В. Гоголь. Скопје, 1974.

из хапуг и лицемеров, грубых и беспощадных к слабым, боящихся и унижающихся перед сильными, масса, которая не может пройти сквозь фильтр человеческого достоинства. По мнению Ежова, комедия «Ревизор» прошла через самое тяжелое испытание для произведения искусства – испытание временем.

В издательстве «Македонская книга» (Скопье, 1974) вышел сборник поэзии Лермонтова в переводе Георги Сталева и с его же вступительной статьей. «Центральное место в поэзии М.Ю. Лермонтова, – замечает Сталев, – занимает, конечно, стихотворение «Смерть поэта», за которое он и получил первую ссылку на Кавказ. Оно представляет собой вопль души молодого автора; из него извергается пламя не протеста, не гнева, а очевидной ненависти. И не случайно эпиграфом стихотворения стала фраза «Отмщенья, государь, отмщенья!» Молодой поэт открыто требует отмщения за смерть великого русского гения Пушкина, он открыто высказал истину о существовании несправедливости, о ничтожном подхалимстве тех, кого он называет: “вы, жадною толпой стоящие у трона”, ждущих, что в их паутину попадет жертва интриги, и те, кто думает и действует иначе.

«Лермонтов, – подчеркивает Сталев, – немилосерден и бескомпромиссен, он бросает вызов «надменным потомкам Известной подлости прославленных отцов», которые в тот момент были на самом деле сильнее его, но слабее его жестокого и справедливого слова. Но по своей сущности Лермонтов – романтик. Очевидны неоспоримые влияния на молодого поэта, который, впрочем, является прямым последователем Пушкина. Именно влияние Пушкина чувствуется в большинстве стихотворений Лермонтова и в более поздний период. Стихотворение «Бородино» представляет собой зрелое произведение и с точки зрения формы, и с точки зрения подхода к содержанию. «Здесь, – считает Сталев, – есть и один персонаж-ветеран, который не только вспоминает эту борьбу, не только рассказывает о героизме своего времени, но стоит перед нами, как будто вытесанный из гранита, из монолитной массы. Он, между прочим, может и укорить, показать новому поколению их слабость, в то же время подчеркивая свою принадлежность к коллективу и сплоченность масс», – указывает в этом контексте Георги Сталев⁵.

В издании НИК «Наша книга» в Скопье в 1976 г. на македонской литературной читательской сцене появляется сборник рассказов

⁵ Сталев Георги. Приказ. Поезија. Лермонтов. Скопје, 1974.

А.П. Чехова. Вступительную статью к этому сборнику написал один из знатоков творчества Чехова – Милан Гюрчинов. «Произнесенное сегодня, даже много лет спустя имя Антона Чехова будит в нас представление о вновь вернувшемся мире искусства, который вознаграждает попытки его непрестанного открытия с его неиссякаемыми потоками новой свежести», – пишет во введении Гюрчинов. Кажущийся парадокс как будто сопровождает процесс принятия этого великого автора в мире, вне границ его отечества. Насколько жизнь, люди и сцены, на которые Чехов изливал бесконечные потоки своего смеха и скрытой иронии, все больше удаляются и теряются из нашего духовного вида, становясь темными тенями безвозвратно ушедшей действительности, настолько из обширного творчества Чехова под патиной времени начинают распространяться какие-то флюиды, все более настойчиво беспокоящие чувства современного человека, требующие истолкования через дилеммы современного человека.

Современный исследователь Чехова, пишет Гюрчинов, с волнующим пиететом находится перед объемным опусом Чехова, состоящим из многочисленных, внешне незначительных единиц, каждая из которых представляет особую целостность. Но монументальность этого опуса вырастает перед нами только благодаря его богатому содержанию и неисчерпаемой тематической широте. Предметом интереса Гюрчинова здесь является и тематическое мастерство Чехова. Поэтому Гюрчинов пишет:

Тематическое разнообразие Чехова, которое на самом деле неисчерпаемо, исходит из полифоничных потоков, которые выделяются из его основных мыслей, из настойчивого желания отразить всесторонность, из неутолимой творческой страсти – поместить под строгий окуляр как можно больше разнородных осколков действительности, как можно большую дозу жизни подвергнуть литературному осмыслению. В этом смысле произведения Чехова до сих пор кажутся нам неповторимыми⁶.

Особым является вклад Чехова в драматическую литературу. Несколько его пьес, встреченных сопротивлением и непониманием вначале, основанные на иной театральной эстетике, только в новейшее время получили мировое признание, вдохновляя своей жанровой комплексностью или лирическими флюидами, исходящими из них, современного

⁶ Гюрчинов Милан. Приказ. Избор. Чехов. Скопје, 1971.

драматического автора. Пьесы основаны на не очень выразительной сценической игре, в которой нет серьезных страстей и обычных столкновений, но в которой все изысканно переплетено, где жизнь протекает внешне просто и монотонно, как будто превратившись в дневниковые записи, но под ее одноцветной серой корой струятся живые токи человеческих драм, поражений и надломов. Пьесы Чехова открыли значение драматического подтекста как сильного стимулятора не прямой сценической речи, подчеркивая значение молчания на сцене, выразительности тишины, внутренней речи, – делает вывод Гюрчинов.

Оказавшись в фокусе внимания национальной образовательной системы, дискуссии о творчестве Николая Васильевича Гоголя, Льва Николаевича Толстого и Федора Михайловича Достоевского, инициированные Георгием Сталевым (учебник по литературе для среднего образования, изданный в 1981 г.)⁷, имели для этой системы очень важное значение.

Первая книга Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» представляет идиллично-фантастическую картину той жизни, обычаев, поверий, фольклора того края, – замечает Георги Сталев. Конечно, это еще далеко не будущий реалист Гоголь. Он еще далеко не реалист и в прекрасной реалистичной повести «Тарас Бульба», о которой Пушкин сказал, что это лучшая выдумка, прочитанная им когда-либо. Но даже в них встречаются реалистические картины, например, пестрая обстановка Сорочинской ярмарки из одноименного рассказа (впрочем, замечено, что во все эпохи у большинства писателей – у Гомера, Данте, Шекспира, Гете – от случая к случаю появляются реалистические описания). Полон творческого духа рассказ о кузнеце Вакуле, вдове-ведьме и ее любовнике Черте («Ночь перед Рождеством»), где в юмористическом ключе показана победа добра над злом.

Повесть «Тарас Бульба», входящая в сборник рассказов «Миргород», украшена романтическим ореолом любви молодого казака к польской аристократке, но здесь важна и эпопея борьбы казачества против иностранных завоевателей. То, что исторические события не точны, истолкованы даже слишком субъективно, «не снижает ценности повести, как произведения, которое восхитило весь мир». «Никакие страдания и муки, никакие жизненные невзгоды не могут сломить силу духа

⁷ *Сталев Георги*. Приказ. Учебник за средно образование. (Николај Василјевич Гогољ, Лев Николаевич Толстој и Фјодор Михајлович Достоевски). Скопје, 1981.

свободолюбивого, сурового и гордого Тараса Бульбы». И насколько правда на стороне влюбленных, настолько правда и на стороне несчастного отца Тараса, который собственными руками убивает сына, оказавшегося предателем рода и народа.

В рассказе «Старосветские помещики» с огромной теплотой и симпатией Гоголь говорит о «будущем» Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны, но с тонкой иронией по отношению к их сентиментальности. С другой стороны, нам показана ассоциативная картина тех, кто является противоположностью этой пары и всю жизнь «их обкрадывал».

И фантастический рассказ «Вий», и незабываемый «Рассказ о том, как поспорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» показывают, с каким мастерством Гоголь соединяет реальное и смешное, реальное и фантастическое, бросая взгляд на абсурдные жизненные ситуации, случающиеся в народе (старые приятели ссорятся из-за «ржавого ружья», а на самом деле «от скуки и крайнего бездействия»).

«Петербургские повести» явились результатом наблюдений над жизнью тогдашней российской столицы Петербурга, где Гоголь прожил семь лет. Гоголь наблюдал за людьми, проходившими по Невскому проспекту, этой петербургской части столицы, с пестрой массой «чиновничьих крыс», безработных лентяев, торговцев и всех прочих. Но, конечно, самой впечатляющей личностью стал Акакий Акакиевич из рассказа «Шинель», карикатура на мелкого чиновника, который имеет право и на свои мечты, несмотря на страх и ограниченность, превратившие его в такое существо.

Гоголь-реалист появляется в своих комедиях «Женитьба» и «Ревизор», а также в романе «Мертвые души». Изображая жизнь, Гоголь в бессмертных персонажах-карикатурах отразил бюрократическое зло среди чиновничества, которое смотрело на жизнь исключительно сквозь призму роста по карьерной лестнице, сквозь призму продвижения по службе.

Говоря о Толстом, Сталев рассматривает трилогию «Детство, Отрочество и Юность». По мнению исследователя, Л. Толстой отразил в образе Николеньки Иртенева свои впечатления детства и юношества. Конечно, этот ребенок живет в практически замкнутом кругу, без контактов с внешним миром, с жизнью сельских жителей. Но то, что он открывает и после говорит нам об отношениях в семье, о воспитании, о любви к ближним и об огромной симпатии по отношению ко всему, что его окружает, а также о детских играх, связано, в сущности, с идеей, которая

уже зародилась у молодого Толстого, – о моральном усовершенствовании личности.

Изучая рассказы с военной тематикой, Сталев делает вывод, что они только подтверждают талант Толстого. Для Толстого истина была самым важным элементом. «Герой моего рассказа – это истина», – замечает он. А эта истина знала о многих страданиях, о множестве кровавых картин и о большом героизме. Круг писателей, собравшихся вокруг журнала «Современник», был поражен реализмом молодого Толстого, несмотря на то, что он в своем дневнике, прочитав «Записки охотника» Тургенева, замечает: «Как-то тяжело писать после Тургенева!»

Лев Толстой вносит свой вклад в анализ общественных изменений в романе «Воскресение». «Проблема, поставленная в романе, куда более сложная. Это произведение, – считает Сталев, – логически замыкает круг толстовских идей об усовершенствовании морали, об «очищении души» (катарсисе) и т.п. Несмотря на то, что и в этот раз главный герой является представителем русского дворянства, Толстой – в своих попытках привести героя к контакту с «обычными людьми» – преобразил его духовно, освобождая его от «полученных привычек» как человека, принадлежащего к людям более высокого сословия».

Еще более широк диапазон общественных отношений в романе «Война и мир». Одна из показанных сфер – отношения дворянства и крестьянства, причем рассматриваемые с точки зрения, специфической для Толстого, – с дворянами из больших городов. Их интриги, оговоры, бесконечные способы обогащения, подлость и нечестность – все это осуждено под пером большого мастера. Их мораль и жизнь, по мнению Толстого, отличались коренным образом от морали и жизни столичного дворянства. Особенности этой части аристократического сословия представлены в изображении жизни семей Болконских и Ростовых: первая семья разумна, горда и имеет сильную волю, вторая – честная, трудолюбивая и справедливая. «Толстой, – говорит Сталев, – только попытался «нырнуть» в проблему крестьянства, но ему не удалось ее раскрыть, потому что он ее избегал. Он создал и свою философию истории, по которой ею, историей, управляют не великие люди, а неосознанная жизнь народных масс, которая пассивно подчиняется воле судьбы или провидения. Здесь столько же правды, сколько и идеализма. И больше идеализма, легшего в основу того, что осталось известным под названием «толстовства», учения этого великого русского писателя.

Многотомные произведения Ф.М. Достоевского являются мировой ценностью, произведения, посредством которых этот русский писатель раскрыл человеческую душу в поисках корня зла, но не только с целью раскрыть это зло, но и показать его действие на психику человека, пишет Георги Сталев. Почти все герои Достоевского окружены этим злом, все события исполнены проявлениями этого зла. А этот насколько абстрактный, настолько и заметный, очевидный, ощущаемый феномен оказывает действие на жизнь, на психику людей, действительно разносторонне. В произведениях Достоевского мало добрых людей. Да и они часто являются жертвами преступлений разного рода.

В романе «Записки из мертвого дома», пишет Сталев, Ф. Достоевский задает вопрос и отвечает на него: как лагерная жизнь влияет на сознание, на психику осужденных, которые уже с первого дня лагерной жизни начинают мечтать о свободе. Автор был свидетелем того, что среди осужденных были разные люди: начиная с обычных убийц и грабителей, разбойников и заканчивая жертвами более высоких идеалов. Но унижение, с которым они встречаются в тюрьме, является общим, а также и оскорбления. Достоевский воспринимал их как атаку на личность. Будучи превосходным психоаналитиком, писатель обнаружил у таких людей психологические реакции и изменения, что нашло свое выражение в его афоризме: «человек – существо, ко всему привыкающее».

В романе «Униженные и оскорбленные» Достоевского, – пишет исследователь, – речь идет о некоторых инновациях в русской литературе вообще. На этот раз те, кто оскорбляет и унижает, почти не отделены от тех, кто унижен и оскорблен. Первые обладают могуществом и находятся на верху общественной иерархической лестницы. Вторые – это маленькие нищие люди, почти всегда зависимые от первых. Достоевский как будто говорит о врожденном зле в некоторых людях, о том фатальном, что они несут в себе и сеют беду. Это является причиной страдания других. Но бедные люди, претерпевая оскорбление, сами подвергают себя унижению.

Ведомый мыслью написать роман о хорошем человеке, Достоевский понял, что доброта изолирована, и его герой из романа «Идиот» живет с идеей творить добрые дела, но из этого ничего не выходит! В извращенном мире, в мире нечестности, пагубного могущества рубля, князя Мышкина с его донкихотскими стремлениями могли считать только идиотом. Все его проявления доброты заканчиваются поражением, не только для него, но и для тех, кому этот акт доброты был предназначен.

На свой роман «Братья Карамазовы» Достоевский возлагал большие надежды. Но при этом, опять же, ни одно другое произведение этого

автора не вызвало столько общественной критики. Даже Горький дал свою негативную оценку в связи с очевидной гиперболизацией зла. Сам Горький, видевший вокруг себя жизнь с разнообразными проявлениями зла, не хотел принять карамазовщины. На это он, конечно, имел право, так как несмотря на все жизненные страдания, он верил в добро и говорил: «Человек – это звучит гордо!» Другие представители критики, напротив, оценивают «Братьев Карамазовых» как «пик творчества Достоевского».

Как бы там ни было, роман потрясающе подействовал на современников и на будущие поколения благодаря рассмотренным проблемам: проблеме свободы, веры, христианской этики, личной и общественной морали.

Другой исследователь, Александр Поповский, обратился к творчеству Пушкина. Во вступительной статье к сборнику сказок Пушкина («Здружиени издавачи», 1987) Поповски указывает на его наиболее заметные литературные особенности. Когда сегодня мы читаем сказки, пишет Поповский, скажем, те, что опубликованы в этой книге: сказку о рыбаке и рыбке, одновременно являющуюся сказкой о жадной жене рыбака, которой ничто не казалось достаточным (она даже захотела, чтобы ей служила дающая дары рыбка); сказку о царе Салтане и его сыне князе Гвидоне, где поэт говорит о том, что подлость и зло всегда оказываются побежденными любовью и упорством, или короткую сказку о золотом петушке, который мстит своему хозяину, убивая убийцу, нельзя не вспомнить, что эти прекрасные литературные произведения Пушкина навеяны тем, что рассказывала ему добрая и любимая им няня Арина Родионовна. Об Арине Родионовне великий поэт всегда вспоминал с любовью, о том, как она до глубокой ночи сидела около его постели, возвращая в нем большую любовь к языку русского народа, к тому великому богатству, которое в ней самой оставили народная мудрость и богатство русского фольклора⁸.

Таким образом, в литературных обзорах македонские критики и литературоведы обстоятельно рассматривали творчество русских авторов, фокусируя свое внимание на специфике их творчества.

Перевод Е. Обуховой

⁸ Поповски А. Приказ. Сказна за рибарот и рипката. Скопје, 1987.

Литература

1. *Ѓурчинов Милан*. Приказ. Избор. Чехов. Скопје, 1971.
2. *Ѓурчинов Милан*. Приказ. Ф.М. Достоевски. Злосторство и казна. Скопје, 1971.
3. *Ежов Александар*. Приказ. Ревизор. Н.В. Гогољ. Скопје, 1974.
4. *Поповски Александар*. Приказ. Сказна за рибарот и рипката. Скопје, 1987.
5. *Сталев Георги*. Приказ. Поезија. Лермонтов. Скопје, 1974.
6. *Сталев Георги*. Приказ. Учебник за средно образование. (Николај Василјевич Гогољ, Лев Николаевич Толстој и Фјодор Михајлович Достоевски). Скопје, 1981.
7. *Толстој Л.Н.* Воскресение. Приредувачот. Скопје, 1974.
8. *Урошевиќ Тања*. Приказ Отец Сергиј. Кројцера соната. Л.Н. Толстој. Скопје, 1965.

Образ голода в македонской литературе XX века (на материале прозы Луана Старовы и Живко Чинго)

В своей книге «Человек и общество в условиях бедствий»¹ Питирим Сорокин пишет: «Мы живем и действуем в эпоху великих бедствий. Войны и революции, голод и эпидемии опять бесчинствуют на нашей планете... Как падший демон, они отбрасывают свою тень на каждую нашу мысль, на каждое действие, которое мы совершаем... Из многочисленных и разнообразных бедствий, которые обрушиваются на род человеческий, [эти] четыре бедствия, вероятно, случаются чаще всего и являются самыми разрушительными и страшными и, вместе с тем, наиболее поучительными и значительными». Надо добавить, что голод, литературный образ которого является предметом данного исследования, преследует человечество с момента его появления, но, по мнению некоторых исследователей, приобрел характер периодических эпидемий начиная с III в. н. э. нашей эры, что связывается с упадком сельского хозяйства². С тех времен и по сию пору голод не прекращает терзать человечество. Так, например, В.В. Кондрашин в своем исследовании, посвященном голоду в СССР в 1932–1933 гг., пишет о том, что в период XI–XX вв. на территории России в общей сложности голодными были 350 лет, т.е. около 1/3 всей истории страны³.

Таким образом, голод стал важнейшим фактором формирования природы человека. Голод можно прежде всего рассматривать как крайнее проявление физиологичности нашего тела. Эта физиологичность, которая, как правило, забывается в обыденной жизни, начинает доминировать

¹ Sorokin P.A. Man and Society in Calamity. New York, 1968. – Цит. по: Сатов В.В., Сычева В.С. Судьба книги – судьба автора // Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003. С. V. (Эта книга Сорокина относится к раннему периоду его научной деятельности и написана с позиции «умеренного бихевиоризма». Выйдя в свет в начале 20-х годов, была сразу же уничтожена советской цензурой.)

² Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб., 2009. С. 9.

³ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 53.

в экстремальных ситуациях. Ей подчиняется наше сознание, которое (то есть самих себя) мы привыкли воспринимать в категориях сугубо духовных. И тут внезапно оказывается, что телесное, физиологическое, которое всегда подавлялось, – грозная, неконтролируемая сила, меняющая всю человеческую личность. Под влиянием голода, точнее, в процессе его перерастания из «голода-аппетита» в «хронический голод»⁴, человек изменяется физически и физиологически, но самыми потрясающими являются его моральные изменения. П. Сорокин описывает общий моральный упадок в условиях голодания – от возрастания случаев карманных краж до каннибализма, разоблачающую натуру голода: «Голод... ненормальность превращает в норму, святотатство – в терпимый и дозволенный акт... Он [голод] безжалостно снимает с человека его пышные «социальные» одежды, ту тонкую пленку культурности, наслаивавшейся веками, и показывает нам «голового человека – животное на голой земле»⁵. Деформирующую силу голода подтверждает и Шарман Рассел: «Общественные реакции на голод различаются... Однако они всегда связаны с телом. Меняются лица, кожа меняет свой цвет. Кости становятся слабыми. И мы по-другому смотрим на наших детей»⁶. Таким образом, голод является экзистенциальной ситуацией, когда под вопросом оказываются не только лично наш нравственный облик, но и в целом цивилизация и ее ценности.

Голод обладает двойственной природой. С одной стороны, его причины кроются во внешних, сугубо экономических и социальных факторах. С другой стороны, он возможен благодаря нашей физиологии, нашей телесной сути, из-за которой человек не может обходиться без еды. Тело порождает голод и им же уничтожается. Эта черта – самоуничтожение организма – не позволяет поставить голод в один ряд с эпидемиями по причине их внешнего происхождения (хотя, как будет показано при анализе текстов, семантически голод и болезнь, телесная слабость размещаются авторами в одном образном ряду). Вероятно, и из-за этой амбивалентности, и из-за отсутствия четкой границы между голодом как пожиранием (неотъемлемая часть каждодневной жизни нашего тела) и голодом пожирающим (ситуация экстремальная, ликвидирующая наше тело), из-за

⁴ Согласно терминологии П. Сорокина, см.: *Сорокин П.* Голод ... С. 11.

⁵ Там же. С. 210.

⁶ *Apt Russell Sharman.* Głód. Historia nienaturalna. Warszawa, 2011. S. 153. – Отношение к детям и старикам в голодные времена отмечается исследовательницей как лакмусовая бумажка гуманности, человечности людей. Образ голодающих детей является ключевым и в македонской литературе, что будет показано ниже.

практической невозможности уловить, когда количество переходит в новое качество, категория голода остается маргинальным явлением в культуре⁷ (возможно, свою роль сыграли также исключительное эстетическое безобразие и мучительность, присущие явлению голода). Несмотря на то, что «любовь и голод правят миром», тема любви не в пример глубже разработана в мировой литературе и культуре.

Голод как явление, меняющее физический и духовный облик человека, интерпретируется прежде всего литературой модернизма, т.е. размышления о голоде в мировой культуре начинаются с того момента, когда в человеке формируется понимание собственной телесности. Само по себе это понимание пришло к человеку довольно поздно⁸. А осознание того, что тело – это фактически единственное, что у человека есть, на фоне разрушения в XX в. всех личных связей, умственных и душевных, характеризует современный тип художественного сознания, прежде всего западного⁹. Таким подходом характеризуются произведения западной литературы, посвященные физической и нравственной стороне такого явления, как голод. Среди самых из них известных традиционно называются «Голод» (1890) К. Гамсуна и «Фунты лиха в Париже и в Лондоне» (1933) Дж. Оруэлла. Детально описанные физиологические ощущения при длительном голодании (слабость, головокружение, тошнота, перевозбуждение) и неуклонное нравственное падение, находящееся в прямой связи с физиологией, – вот основные особенности восприятия голода в этих произведениях.

По-другому интерпретируется явление голода в македонской литературе XX века. В качестве материала для данной работы были выбраны цикл рассказов Живко Чинго «Пасквелия» («Пасквелија», 1961), повесть того же автора «Большая вода» («Големата вода», 1971) и повесть Луана Старовы «Время коз» («Времето на козите», 1993) из цикла «Балканская сага». Описывая послевоенную действительность, авторы воспроизводят

⁷ П. Сорокин пишет о «пищевых» темах, образах, эпитетах, сравнениях, метафорах как об «одной из популярнейших и постоянно разрабатываемых тем в литературе, живописи, скульптуре, архитектуре и сценическом искусстве... Прямо или косвенно этим темам посвящены сотни и тысячи произведений искусства» (Сорокин П. Голод... С. 237). Действительно, из двучленной оппозиции «еда (изобилие) / голод» в центре внимания традиционно находился только один ее член, т.е. «еда/изобилие».

⁸ См.: Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М., 1995. С. 11.

⁹ Гачев Г.Д. Тело в языке и коммуникации // Телесный код в славянских культурах. М., 2005. С. 6.

македонские исторические события. Необыкновенно тяжелые жизненные условия в Македонии после Второй мировой войны, разрушенная экономика, попытки искоренения «религиозных настроений», проводящиеся представителями новой власти, конфликты между сторонниками нового и старого порядков, голод, в конце концов – все это жизненные реалии новой Македонии¹⁰.

Македонская литература интерпретирует явление голода весьма целомудренным способом – в прозе Старовы и Чинго нет места для ярких физиологических описаний. По мысли Виктора Франкла, в самой нашей физике кроется метафизика¹¹, и эта мысль может служить контекстом для анализа выбранных македонских произведений.

Для Луана Старовы и Живко Чинго голод является ключом – ключом к выходу в сакральное духовное пространство, к избавлению от абсолютной власти физиологии. Голод для македонских писателей – это не просто страдание, это прежде всего урок (в том смысле, в котором писал об этом П. Сорокин). И урок этот может быть усвоен или нет. Голод – это метафора трансформации человека, его духовных изменений. Луан Старова и Живко Чинго, сами перенесшие муки хронического голодания, сумели в своих произведениях дистанцироваться от интимности этого переживания¹² и обобщить его в категориях духовного опыта.

«Пасквелия»: голод и карнавал.

В цикле рассказов Живко Чинго «Пасквелия» сюжет развивается в имажинативном пространстве – выдуманной деревни Пасквелия. С самого начала повествования именно с точки зрения оппозиций «имажинативность – действительность», «выдуманность – реальность» пространство Пасквелии противопоставлено времени – тяжелым послевоенным годам. Реальность воспроизводимого времени (по отношению к никогда не существовавшей Пасквелии) подчеркивается автором при помощи различных исторических подробностей – воспоминаний о партизанской войне, борьбе с вражеским элементом, утверждении коммунистической власти и т.д. А выдуманное, условное пространство Пасквелии, которое одновременно можно охарактеризовать как архетипическое, воспроизводящее

¹⁰ Ясмина Мойсиева-Гушева пишет о такой послевоенной македонской действительности как о типичной (*Мойсиева-Гушева Ј. Живко Чинго како магично реалистичен раскажувач // XXXIV научна конференција на XL меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Охрид, 13–30. VIII. 2007. Скопје, 2008. С. 64*).

¹¹ *Frankl Victor E. Homo patiens. Warszawa, 1998. S. 169.*

¹² Об этой черте голода пишет, например, Ш. Рассел. См.: *Apt Russell Sharman. Głód ... S. 18.*

основные структуры балканского образа мира, принадлежит надисторическому народному мировоззрению. Однако почти сразу это противопоставление реального времени выдуманному пространству размывается, в наррации появляется соотношение «sacrum-profanium», относящееся к хронотопу «Пасквелии» в целом. Таким образом, пространство и время соединяются в художественное целое, сохраняя при этом равновесие элементов реального и воображаемого. Эта особенность структуры хронотопа, свойственная «Пасквелии», что позволяет исследователям называть ее произведением магического реализма, возможна в том числе благодаря нескольким сквозным образам. Среди них самыми важными являются образы голода и еды. Основные культурные категории, структурирующие упомянутые образы, вводятся автором в самом начале посредством эпитафия:

– Помолись, человек, Святому Клименту, пока царят злые времена, – сказала хорошая женщина.

Он пек картошку в пепле костра и пил красное вино – а потом захотел любить.

– Прости меня, святой Климент, – сказала женщина, пока он любил ее, как волк ягненка¹³.

(Легенда юга)

В эпитафие заключено не только важное противопоставление «хорошее («счастливое») время» («среќно време») – «плохое («несчастливое») время» («лошо време»), которое свойственно народному мировоззрению. Как пишет исследовательница А. Бжозовска-Крайка, народная аксиология времени выделяла прежде всего два качества времени: удачное для человека время и неудачное, и в этом заключался характер этого менталитета, замечающего связь между данным явлением и создающей его надпространственной оккультной силой¹⁴. Сакральному разделению времени на «плохое» и «хорошее» в эпитафие соответствует оппозиция

¹³ «Помоли се човеку на Свети Климент додека е лошо времето, рекла добрата жена. Тој печел компири во попелот од огништето и пиел црно вино. Дури посакал и да љуби. Прости ми, Свети Клименте, рекла жената, додека мажот ја љубел како волк јагне (Приказна од југот, 5)». Все цитаты даю в собственном филологическом переводе, оригиналы цитат приводятся по изданию Живко Чинго. Пасквелија. Скопје, 1968.

¹⁴ *Brzozowska-Krajka A. Granica a czas w ludowej wizji świata // Pogranicze jako problem kultury. Materiały konferencji naukowej. Opole 13–14.12.1993, red. naukowa Teresa Smolińska. Opole, 1994. S. 153.*

религиозного, православного контекста («Помолись святому Клименту») и контекста языческого, материального, телесного, связанного с едой, вином и плотской любовью (три этих мотива объединяются в пространстве пира в «Пасквелии»).

Религиозное начало, реализующееся в повествовании «Пасквелии» именно в несчастливые времена:

Жизнь в Пасквелии всегда была связана со святыми; в плохие времена они всегда спасали ее от всякого зла...

(«Праздничный день»)¹⁵

– связывается с женщиной, традиционно воплощающей все христианские добродетели, диаметрально противоположной безбожнику-мужчине¹⁶. В связи с мужским и женским образами в «Пасквелии» вводятся важные метафоры: волка и ягненка. Волк, вечно голодный, воплощающий прожорливость¹⁷, жадность, звериное, животное начало в человеке, еще не раз появится на страницах произведения. Образ волка, соединенный с образами героев-мужчин, характеризующий их неумолимость и жестокость, ярче всего реализуется в рассказе «Неродные» («Одродени»). Метафора голодного волка и его жертвы в этом рассказе является воплощением умерщвляющей традиционной морали, заставляющей людей забыть о милосердии, о родственных и человеческих узах:

¹⁵ «Животот на Пасквел секогаш бил сврзан со светците; во лоши времиња те го избавуваа од секое зло...» («Праздничен ден», 69). Однако продолжение цитаты: «...и за это такая неблагодарность – люди начали верить в Тацка Настейшина, народного комиссара, и отмечали эти проклятые весенние праздники» («...и за сето тоа каква неблагодарност – луфето повеќе веруваа во Тацко Настејшин, народен комисар, и ги прославуваа овие проколнати пролетни празници», 69) отменяет «народную аксиологию» и вводит представление о новых временах с новыми святыми.

¹⁶ Свойственная женщинам склонность к добродетели, приписываемая им традиционным мировоззрением, находит свою трактовку и в богомильской легенде о том, что изначально женщина была сугубо духовным существом, а мужчина – сугубо животным. В процессе общения, однако, в женщине все больше проявлялось животное начало, а в мужчине – духовное. Подобное развитие женского образа можно наблюдать и в «Пасквелии», в частности, в рассказе «Семья Огулинов», где женщины изображены как не знающие жалости ваханки. Таким образом, языческое, материальное пространство быстро утрачивает заданную ему в эпиграфе принадлежность к мужскому миру и включает в себя женское начало.

¹⁷ *Tresidder Jack. Symbole i ich znaczenie. Warszawa, 2001. S. 41.*

Нет... больше ее у меня нет... Мы теперь навсегда неродные...¹⁸

Кто знал, где блуждал его голодный, как волк, взгляд...¹⁹

...Казалось, она убегала от стаи волков...²⁰

(«Неродные»)

Помним, что во многих традиционных мифологических системах волк – это воплощение принципиального зла²¹. Однако, с другой стороны, образ волка может трактоваться и как активное, мужское, сексуальное начало, и в целом как материальный, телесный низ (пользуясь категориями М. Бахтина), как воплощение физической силы. Образ волка в эпиграфе вводит карнавальный элемент в повествование²², получающий развитие в первом же рассказе цикла – «Семья Огулинов» («Семејството Огулиновци»). В этом же рассказе впервые появляется карнавальное пространство праздника, пира как пространства еды и даже обжорства.

Ягненок, символ Христа, а также олицетворяющий беззащитность, чистоту, невинность, кроткость, смирение и идеальную жертву, вводится в повествование «Пасквелии» как составляющая женского ряда образности. Он также характеризует и территорию, семантически принадлежащую детям, особенно дочерям (кротость, жертвенность и покорность дочерей в рассказах «Дочь» и «Неродные»²³). Помимо уже упомянутых воплощенных положительных ценностей (в основном христианского характера), образ ягненка, овечки (и вообще неопределенного небольшого беззащитного, кроткого животного) показан в контексте библейской метафоры «овцы и пастыря». В тексте «Пасквелии», однако, эта метафора переосмысливается как «овца без пастыря» – т.е. в образе ягненка, кроме того, появляется еще и семантика одиночества, обреченности (в том числе и на голодную смерть).

¹⁸ «Не... јас ја немам веќе неа... Одродени ние сме за навек» («Одродени», 119).

¹⁹ «Кoj знае каде луташе неговиот како волк гладен поглед» («Одродени», 121).

²⁰ «...Се чинеше како да бега пред глутница волци ...» («Одродени», 123).

²¹ *Eduardo Cirlot Juan. Słownik symboli. Kraków, 2006. S. 451.*

²² А в сочетании со словами «прости меня, святой Климент» – и элемент народного юмора, высмеивающего излишнюю (возможно, притворную) добродетельность.

²³ В то же время в рассказе «Дочь Фрома» представлена истинная близость и родственная любовь отца и дочери, которые не являются друг другу родными, – в отличие от отцов из перечисленных рассказов, несущих своим родным дочерям страдания и смерть, приносящих их в жертву.

Как и мужской, языческий, материальный элемент, женский, православный элемент в «Пасквелии» является неоднородным. Помимо животворящего, теплого, материнского начала, связанного с православно-женским контекстом, в цикле рассказов существует и мертвая, мертвящая женственность (рассказ «Иногда, когда подует южный ветер»²⁴), и связанный с ней посредством этой смертоносности (и уже не только женский²⁵) круг религиозных, православных значений.

Карнавальная, языческая сфера значений в рассказах «Пасквелии» связана прежде всего с пространством пира, праздника²⁶. Яркие картины ритуальных сельских праздников, связанные с событиями жизненного цикла (рождение, свадьба), появляются в рассказах «Семья Огулинов» и «Самый прекрасный день Зурла» (а также в рассказах «Праздничный день» и «Пожар»). Метафизическое пространство пира, изобилия (прежде всего еды) соответствует физическому пространству сада/двора, т.е. пространству за пределами дома²⁷. Двор и особенно сад (огород) – это пространство, в котором расцветает жизнь, пространство щедрости этой жизни, дающей надежду:

Мы будем жить, пока в огородах (садах) созревают помидоры...²⁸

(«Самый прекрасный день Зурла»)

Пир – это также звучащее пространство, на пиру шумно, раздаются песни («о птицах и помидорах», как в рассказе «Самый прекрасный день Зурла»). В то время как в домах неизменно царит тишина, дом – это «глухое» место («глувотија»).

²⁴ Отец, отправившийся на заработки «за хлебом», возвращается к своей голодающей семье в деревянном ящике. В рассказе присутствуют два сквозных мотива: вечный голод и постоянные молитвы, инициируемые матерью.

²⁵ Подобно проникновению женского начала в языческую сферу значений, мужское начало проникает в религиозные, православные образы.

²⁶ Впрочем, образ праздника тоже является неоднородным: это может быть праздник, связанный с торжеством жизненного начала, карнавальной атмосферой, и праздник, относящийся к идеологической, коммунистической сфере (если в первом случае праздник – пространство взрослых, то во втором – пространство юных). Кроме того, праздник в рассказах «Пасквелии» является неотъемлемым элементом гротескных, зловещих, апокалиптических картин («новых времен» (например, в рассказе «Пожар»).

²⁷ Как будет показано ниже, пространство за пределами дома тоже является неоднородным, подразделяясь на сад/двор и землю/поле.

²⁸ «Ќе живееме додека зреат патлицаните во градините» («Најубавиот ден на Зурло», 18).

Особенно резкое противопоставление сада и дома в контексте еда, изобилие, радость, жизнь/голод, тишина, смерть представлено в рассказе «Самый прекрасный день Зурла», когда Зурло возвращается из солнечной стихии садов в тихий, «глухой» дом, где его ожидают голодные дети.

Пир неизменно связан с мотивами вина, выпивки, телесного раскрепощения:

Пьяны и женщины, и мужчины... Женщины выставили грудь вперед и нежно, нежно качались направо и налево...²⁹

(«Семья Огулинов»)

Кроме вина как метафоры дионисийского, вакхического начала, к пиру также относится еда, причем ее определенный род, т.е. мясо:

Мужчины требовали вина и жареных свиных ребер³⁰.

(«Самый прекрасный день Зурла»)

Старик Огулин вдруг вскричал:

– Я все же заколю теленка, добрые люди, за это дитя! ...Такой приятный аромат наполнил всю окрестность. Зашкворчало молодое телячье мясо, кипит и растапливается на раскаленных углях...³¹

(«Семья Огулинов»)

Поедание мяса подразумевает убийство, заклятие чужой жизни³². О зачарованности людей умерщвлением и поеданием других живых существ, а также об амбивалентном характере самого явления пишет И. Брах-Чайна: «Воспринимая другие творения как еду, мы осуществляем трансформацию смерти в жизнь. Пока что это смерть другого существа, а жизнь – наша, но со временем мы сравниваемся»³³.

²⁹ «Пијани се и жени и мажи...Жените ги испрчија градите напред и нежно, нежно се лулејеја леводесно» («Семејството Огулиновци», 8).

³⁰ «Мажите бараа вино и печено свинско ребро» («Најубавиот ден на Зурло», 22).

³¹ «Стариот Огулин наеднаш провикна: – Ама ќе го заколам јас јуничено, добри луѓе, за ова детеце! ...Толку пријатен мирис исполнуваше целата околина. Зацрца младото јунечко месо, кипи и се топи на жарта...» («Семејството Огулиновци», 8).

³² Культурную наполненность образов готовящегося на огне мяса рассматривает Массио Монтанари: «...Образ еды, которая жарится на открытом огне, связан совсем с другими культурными понятиями, чем те, которые вызывает образ воды, кипящей в котле: с понятиями насилия, напора, воинственности, более тесного сближения с «дикой» природой» (Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб., 2009. С. 38).

³³ *Brach-Czajna J. Metafizyka mięsa // Antropologia ciała. Zagadnienia i wybór tekstów. Warszawa, 2008. S. 83.*

Многозначность процесса поедания мяса, среди отличительных особенностей которого исследовательница упоминает и полнейшее отсутствие каких-либо чувств у человека-субъекта, отражена и в текстах Живко Чинго. Посредством этого образа в пространство пира, языческого торжества проникает смерть, а также создается метафорический образный ряд убийства невинного, бессловесного животного как убийства собственных детей, который во всей полноте раскроется в рассказе «Неродные».

Образ смерти, неизменно появляющейся в разгар торжества, поедания, выпивки, реализуется на сюжетном уровне в исчезновении (=смерти) Огулинов и смерти Зурла.

Пространство пира, игры, готовое трансформироваться в пространство смерти, убийства, также присутствует в рассказе «Смерть садовника». Уже в самом названии рассказа два эти пространства оказываются объединены. История старого садовника Грула и его жены Грулицы сначала передается в категориях игры, объединенной со смертью:

Каждый год, каждый август в году, когда созревают фиги, Грулови приходили в сад, чтобы наблюдать за маленькими зрелыми фигами... Люди Пасквелии знали тоску стариков и никогда не осмеливались отговорить их от этой игры, которая закончится только с их смертью³⁴.

(«Смерть садовника»)

Потом нарратор раскрывает печальную тайну стариков, заключающую в себе парадокс на сюжетном уровне: их сын давно убит, а они все живут и каждый август приходят в сад наблюдать за созреванием фиг в надежде, что он вернется:

Они ждали своего сына, хотя знали, что он уже никогда не вернется... Может быть, он вернется, шептал им август, обещали светлые глаза фиг³⁵.

(«Смерть садовника»)

Старики, которых командир караула считает безумными, ведут себя как дурачки в народной традиции: бесстрашно насмеваются над своими

³⁴ «Секоја година, секој август во годината кога ќе зазреат смоквите, Груловите доаѓаа во градините за да ги чуваат малите зрели смокви...Луѓето од Пасквелија ја знаеја тагата на старите и никогаш не се осмелува да ги одвратат од оваа игра што секако ќе потрае до нивната смрт» («Смртта на градинарот», 33).

³⁵ «Тие го очекуваа и својот син, иако знаеја дека то никогаш веќе нема да се врати... Можеби ќе се врати, им шепнеште август, им ветуваа светлите очи на смоквите» («Смртта на градинарот», 34).

врагами, которые «не любят фиг»³⁶, и оказываются убитыми. Однако эта смерть, как и каждая смерть в контексте карнавала, как и смерть Зурла и Огулинов, оказывается по сути своей оптимистической, возвращением в настоящую жизнь и единственным выходом из конфликтной ситуации с представителями власти, которые символизируют господство жизни поддельной, профанной.

Впрочем, как смерть, которая не всегда бывает амбивалентной, так и смех и игра в «Пасквелии» имеют разные ипостаси. Иногда смех звучит во время деревенских праздников. Но, как правило, они принадлежат детской и женской сферам и отнюдь не всегда являются выражением витальности. Это может быть безумное хихиканье девушки, притворившейся беременной, чтобы получить помощь от партии и спасти от голода младших детей семьи:

Смеялась долго и без остановки, корчилась от смеха...³⁷

(«Дочь»)

Это может быть слабый смех умирающих от голода детей³⁸ и их страшные игры в нищего, молящего о корке хлеба («Самый прекрасный день Зурла»):

Он [ребенок] протянул свою слабую ручку и прерывающимся голосом нищего стал просить...³⁹

Другие дети корчились от смеха... Дети весело смеялись и показывали свои пустые руки⁴⁰.

(«Самый прекрасный день Зурла»)

³⁶ «Я шучу надо всеми мужчинами, которые не любят фиг. Это очень странно...» – «Јас шегувам со сите мажи што не сакаат смокви. Тоа е многу чудно...» («Смртта на градинарот», 33). Л. Медоньской показана игра значений, которая вводится в наррацию словом «фига». Исследовательница отмечает, что в македонском жаргоне это слово означает женский половой орган, поэтому данный фрагмент на польском языке, где слово «фига» имеет другие оттенки значений, теряет свой изначальный смысл, и игровой, телесный контекст полностью пропадает (*Miodońska L. Polski przekład «Paskveliji» Živka Činga // XXXIV научна конференция на XL меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, Охрид 13–30. VIII. 2007. Скопје, 2008. С. 87–93*).

³⁷ «Се смееше долго и непрестајно, се превиткуваше од смеа...» («Керка», 62).

³⁸ Смерть, относящаяся к детскому пространству, утрачивает свое карнавальную, амбивалентную природу и становится необратимой, трагичной, реальной.

³⁹ «То ја протегнуваше својата слабичка рака и со зарипнат глас на питач ќе почнеше да моли...» («Најубавиот ден на Зурло», 14).

⁴⁰ «Другите деца се превиткуваа од смеа... Децата весело се смееја покажувајќи ги своите празни раце» («Најубавиот ден на Зурло», 15).

Этот слабый детский смех принадлежит пространству дома, которое противостоит пространству сада/двора как материальному, витальному пространству (к тому же принадлежащему взрослым). Впрочем, дом тоже является пространством взрослых, воплощением метафоры «родительский дом», и потому дети оказываются в их полной власти. Дом родителей характеризуется как место, где царит пустота и тишина, это пространство смерти и голода:

Комната была опустошена, так пуста...⁴¹

В доме было глухо и пусто⁴².

(«Самый прекрасный день Зурла»)

Все предметы в комнате чадят, сгорают⁴³.

(«Пламя пустой земли»)

В это время обычно весь дом был охвачен тяжелой глухотой и пустотой⁴⁴.

(«Борьба против пожаров»)

Голод, голодание как характерная черта домашнего пространства не всегда обозначен в тексте Чинго лексически. На семантическом уровне голод синонимичен с пустотой, глухостью и замкнутостью домашнего пространства. Дом является местом закрытым, герметичным:

Закрылся в своей хижине, и с тех пор не было слышно в долине его веселого голоса⁴⁵.

(«Самый прекрасный день Зурла»)

...Этот дом, немой и закрытый...⁴⁶

(«Могила в поле»)

Посредством этой закрытости, немоты пространство дома соединяется с семантическим полем могилы:

⁴¹ «Во собата беше така празно, пусто» («Најубавиот ден на Зурло», 15).

⁴² «Во куката беше глуво и пусто» («Најубавиот ден на Зурло», 16).

⁴³ «Сите предмети во собата чадат, изгоруваат» («Пламенот на пустата земја», 85).

⁴⁴ «Во тие часови, обично, целата куќа ја опфаќаше тешка глувотија и пустелија» («Борба проти пожарите», 189).

⁴⁵ «Се затвори во својата колиба и оттогаш не се случуваше да се чуе неговиот весел глас во долината» («Најубавиот ден на Зурло», 18).

⁴⁶ «Онаа куќа, нема и затворена...» («Гробишта во полето», 206).

Могилы были домами, полными темноты и тишины⁴⁷.

(«Могилы в поле»)

Эта неподвижность, отсутствие жизни (как синоним голода) проникает в образ самих детей, которые описываются как находящиеся в пограничном состоянии:

... – Посмотри, – сказал он [отец], показывая рукой на пол, где, как мертвые, лежали дети, – почему эти проклятые ангелы мертвы во сне... Они высохли, как будто их спалил огонь. Это твои братья!⁴⁸

(«Дочь»)

Отец из рассказа «Дочь», вынуждающий Евдокию притвориться беременной, чтобы спасти от голода младших детей, воплощает абсолютную, садистскую власть родителей (и вообще взрослых) над детьми. Эта власть находит в тексте «Пасквелии» двойное выражение: как власть любящего родителя, от чьей воли зависит, будут ли жить дети или умрут – от голода или по другой причине («Самый прекрасный день Зурла», «Когда подует южный ветер»), и как власть родителя, который сам находится во власти собственной беспомощности или старых традиций и представлений о чести («Дочь», «Неродные»). Традиционные отношения детей и родителей разрушены – по причине «плохого времени», голода, нищеты. Однако и сам голод может рассматриваться как результат разрушения родственных и духовных связей между людьми, их обособления и одиночества.

Таким образом, дом – отчужденное, идеологизированное пространство. Неважно, что за идеология – коммунистическая («Борьба против пожаров»⁴⁹) или традиционная патриархальная («Неродные»). Дом больше не охраняет детей, он забирает их силы и приговаривает их к смерти.

В рассказе «Самый прекрасный день Зурла» оба мотива власти родителей (и дома) переплетаются. Зурло, могущий спасти своих детей от

⁴⁷ «Гробишта беа куќи полни со темница и тишина» («Гробишта во полето», 206).

⁴⁸ «... – Гледај, – рече то покажувајќи со рака на подот од собата каде што во мртвило лежеа децата, – тие проклети ангели пошто се мртви во својот сон... Тие се исушија како оган да ги изгоре. Тоа се твоите браќа!» («Керка», 63).

⁴⁹ В рассказе «Борьба против пожаров» мать отнимает еду у собственных детей, чтобы накормить коммунистов: «Они [стоя] сзади... тайком запускали руку в скороду, чтобы схватить крошку еды. Мать напрасно их ругала...» («Тие одзади... скришно ја пуштаа раката во тавата за да грабнат по некоја ронка од јадењето. Мајката попусто ги караше...» – «Борба против пожарите», 191–192).

голодной смерти, отказывается играть на свадьбе у кмета, находясь во власти памяти о совершенных проступках. Односельчане осуждают его:

Господи, человек сошел с ума. Детей живыми закапывает в землю⁵⁰.

(«Самый прекрасный день Зурла»)

Образ детей, закопанных живьем в землю, одновременно воплощает всевластие отца и вводит в повествование новые типы пространства. Так гибельное для детей пространство дома оказывается связанным и с пространством вне дома, т.е. с землей. Земля (в частности, поле⁵¹), сама по себе будучи «плодородной» («плодна Барса» в рассказе «Легенда о пасквельских юношах» – «Легенда за пасквелските момчиња», 78), в то же время является источником голодной смерти:

...Как те [проклятия], которые посылали матери плодородной Барсы, когда люди умирали от голода⁵².

(«Легенда о пасквельских юношах»)

Земля в рассказах Чинго не может накормить человека, только желает поглощать сама⁵³. Она требует человеческих жертв, только таким образом позволяя вырваться из абсолютного смертельного пространства голода и зимы в пространство праздника, пира, карнавала, свадьбы:

Как только мы похоронили товарища Спасе Шикалоского, сыграли свадьбы. Потом, только потом пришла весна⁵⁴.

(«Пламя пустой земли»)

⁵⁰ «Господе, поулавел човекот. Живи си ги закопува децата в земја» («Најубавиот ден на Зурло», 18).

⁵¹ Которое оказывается «пустым» или засеянным «дурным семенем», порождающим «изпоганенный хлеб» («Не хотим такого хлеба... Не хотим испоганенного хлеба... Лучше умрем голодными») («Пламя пустой земли») – «Не сакаме таков леб, не сакаме испоганет леб... Подобро ќе умреме гладни» (Пламенот на пустата зема, 90).

⁵² «...Како тоа што правеа мајки од плодната Барса кога луѓето умираа од глад» («Легенда за пасквелските момчиња», 79).

⁵³ Образ хлеба, связанный с семантикой поля/земли, также меняет свою традиционную коннотацию. В рассказах Живко Чинго хлеб не только маркирует пространство голода и смерти (см. диалог о хлебе и смерти из «Самого прекрасного дня Зурла» (16), но и связан с мотивами богоборчества, кощунства, торжествующего материального начала, утрачивая свое значение дара Божьего («Кто возьмет в руку икону – уже ее зажигает, печет хлеб на святом лике!») («Пожар») – «Ко икона в рака да фати, а уште да ја гори, леб да пече на светиот лик!») («Пожар», 44).

⁵⁴ «А откако го закопавме другарот Спасе Шикалоски, ги направиме и свадбите. Потоа, потоа дури дојде пролетта» («Пламенот на пустата зема», 91).

Таким образом, голод в цикле рассказов «Пасквелия» Живко Чинго не только организует пространство повествования. Голод – впрочем, как и в реальной жизни, – оказывается экзистенциальным фактором, он меняет значение ценностей, составляющих традиционную картину мира. Голод – в том числе и взаимодействуя со своей противоположностью – изобилием, является источником амбивалентности рассмотренного ряда образов в тексте Живко Чинго.

«Время коз» – поэтика объединения.

Африм А. Реджепи, автор пока единственной существующей на данный момент монографии, посвященной творчеству Луана Старовы, подчеркивает метафоричность, присущую наррации «Балканской саги». Артистическое воображение автора не только является источником выдуманного, фантастического мира, но и воссоздает мир реальный⁵⁵. Согласно А.Реджепи, метафоры в повестях Старовы служат для передачи глубоких и важных истин, а именно – для освещения сущности истории Балкан⁵⁶. Более того, метафоры – это один из ключей к прочтению произведений Луана Старовы. Как я постараюсь показать далее, анализ «...саги» в контексте метафоричности как ее наиболее характерной черты позволит прийти к выводам об особенностях писательского мастерства и художественного мировоззрения этого писателя. Также важно учитывать роль традиционного балканского образа мира, который в повестях македонского автора подвергается деконструкции и демифологизации.

Прежде чем перейти непосредственно к роли голода в метафорической структуре «Балканской саги», необходимо рассмотреть некоторые образы и сюжетные линии, которые обнаруживают свою амбивалентную природу именно в связи с голодом и телесностью.

В центре цикла повестей Луана Старовы находится драматичная история албанского семейства «без корней», начало которой теряется в «глубинах» времени Османской империи, а настоящее замкнуто в «коммунистическом», «янычарском» времени и пространстве.

Мария Проскурнина характеризует главных героев «Балканской саги» как эмигрантов, «людей, лишенных личного, закрепленного, пространства жизни вообще»⁵⁷. Не имея материального личного пространства,

⁵⁵ *Рецепти Африм А. Балканска сага (сагата во романескниот циклус на Луан Старова). Скопје, 2005. С. 7.*

⁵⁶ Там же. С. 67.

⁵⁷ *Проскурнина М.Б. Балканская клаустрофобия. Поэтика пространства македонского романа 2000-х годов. URL: <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2006/vol2/18.pdf>.*

вечно переселяясь с место на место, гонимые не только катаклизмами балканской истории, но и внутренним экзистенциальным беспокойством главы семейства, главные герои «Балканской саги» все же обладают духовным личным пространством. Это символический дом, творцами которого для детей становятся мать и отец. Книги отца, ключи матери являются для нарратора «Балканской саги» исходными точками в воссоздании структуры этого духовного домашнего пространства. Эти образы, несомненно, обладают положительными коннотациями, однако одновременно их можно охарактеризовать как неоднозначные, амбивалентные, т.е. реализующие в некоторых ситуациях свой негативный потенциал. Можно сказать, что это открытые, динамичные образы, лишенные абсолютной, неподвижной, неизменной положительной ценности.

На первый взгляд действительно кажется, что в понимании автора дом⁵⁸ и семья являются единственными стабильными пунктами в балканском хронотопе, который чаще всего характеризуется в книгах Старовы как «проклятый лабиринт». В традиционной балканской (и в целом каждой народной) символике образ дома – это центр вселенной, воплощение представлений о родине, предках, самой жизни, дом имеет позитивную коннотацию. Дом – первоначало памяти, источник всех знаний о мире и о себе. Человек, лишенный дома, – человек маргинальный, исторгнутый из традиционной системы ценностей и знаний, существующий в своего рода «антимире» по «антизаконам». Отсутствие дома, кроме того, неразрывно связано с категорией движения. Бездомный человек непременно заключен в порочный круг вечных странствий, на которые он обречен как раз по причине отсутствия духовных корней, каких-либо привязанностей. Традиционно бездомный, скиталец в литературе характеризуется либо как несчастный и проклятый герой, либо как (что скорее является альтернативной трактовкой) «божий человек» в духовных поисках, целью которых также является возвращение в оставленный дом⁵⁹.

Интересно, что в повести Старовы единственными подробно описанными материальными признаками дома являются уже упомянутые книги

⁵⁸ Дом идеальный, т.е. оставленный семейством, единственным напоминанием о котором служат ключи, и дом реальный, в котором семейство находится на данный момент. Идеальный дом существует вне реального времени и пространства, ибо является точкой исхода и одновременно точкой грядущего (но так и не случившегося) возвращения.

⁵⁹ Даже слова Иисуса: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. 36, И враги человеку – домашние его» (Матф. 10, 35–36) – направлены на обретение человеком истинного дома, дома Отца своего.

отца (и связанный с ними ряд образов – шкафа, желтой лампы и т.д.) и ключи матери. Предметность дома в повествовании «Балканской саги», таким образом, можно охарактеризовать как «недовоплощенную», коррелирующую с полупризрачностью⁶⁰ существования самих героев:

Козар маало погружалось в неспокойный сон. Все сны были разными, но во всех главными героями были наши козы. Мы были между сном и явью.⁶¹

Основным материальным (телесным в прямом смысле слова) воплощением дома можно считать саму семью героя. Это и настоящий дом, единственное, чем обладает нарратор и герои повествования:

Но единственное, что точно: богатство бедных семей – это дети, жизнь. Здесь у наших родителей были только мы, у нас – они...⁶²

Однако семантика исключительности, единства, неразрывной зависимости, связи друг с другом как главных черт семьи претворяется в герметизм, замкнутость, противопоставление себя всему окружающему миру, который вполне однозначно характеризуется как окруживший со всех сторон, угрожающий, готовый нанести очередной удар. Это происходит с появлением образам острова или осажденной крепости, которые также относятся к семейному кругу значений:

Пришельцы, с иными языком и верой, под давлением такой же идеологии, с книгами в необычной путанице этого всего, просто как брошенные

⁶⁰ Экзистенциальная полупризрачность, вызванная как уже упомянутым скитальчеством и отсутствием корней, и полупризрачность, истонченность, слабость, «иссушенность» («иссохшая грудь» матери) как характеристика телесная, результат «хронического голодания» (с. 29).

⁶¹ «Козар маало тонеше во немирен сон. Сите соништа беа различни, но во сите главни јунаци беа нашите кози. Ние бевме помеѓу сонот и јавето» (117). Категория сна играет особенную роль в повестях Л. Старовы. Сон объединяет людей, стирает границы, установленные государством и даже самой природой. Во сне человеческие сознания сливаются воедино.

⁶² «Но единствено е сигурно оти богатството на сиромашните семейства се децата, животот. Нашите родители не имаа овде само нас, ние ги имавме нив...» (41). Все цитаты далее даю в собственном филологическом переводе, оригиналы цитат – по изданию: *Луан Старова*. Времето на козите. Скопје: Матица Македонска, 2001. – В последующих цитатах без указания названия повести приводится только номер страницы.

в городе на реке в эти времена козы, мы, наша семья, долго оставались словно недоступным островом⁶³.

Мы, и без коз, окажемся первыми под ударом!⁶⁴

Семья эмигрантов противостоит не только «вихрям балканской истории», не только находится под подозрением у партийных властей:

Мой отец, человек непартийный, знал, что если бы купил козу, то первым оказался бы под ударом, когда бы власть запретила иметь коз...⁶⁵

А мой отец, будучи пришлецом, чужим в этом городе, не был мигрантом, как все пастухи, только эмигрантом, человеком, который пересек границу, а потому должен был явно показывать лояльность...⁶⁶

– но и одновременно вызывает недоверие и чувство отчужденности у простых жителей города, жалеющих отца, который не в состоянии прокормить свое многочисленное семейство, и в то же время подозревающих его в излишней лояльности по отношению к новому режиму:

Но эти люди смотрели на моего отца с большим сожалением, на то, как он тащит черную сумку с книгами и не может прокормить своих слабеньких детей...⁶⁷

А посему они заключили, что он – большой партийный фанатик, готовый смотреть, как умирают его дети, только бы не отклониться от линии партии в связи с козьим вопросом.⁶⁸

Такая замкнутость и обособленность семьи в сочетании с активным противостоянием различным враждебным силам, атакующим его извне,

⁶³ «Дојденци, со друг јазик и вера, под иста идеологија, со книги во необична мешаница на сето тоа, просто како уфрлени во градот крај реката во ова време на козите, ние, нашето семејство, останавме долго како недостапен остров» (51).

⁶⁴ «Ние, и без козите, ќе бидеме меѓу првите на удар!» (116).

⁶⁵ «Татко ми, како непартиец, знаеше дека ако купи коза прв би бил на удар, доколку дојде од власта строгата забрана за чување кози» (37).

⁶⁶ «А татко ми, како дојденец, туѓинец во овој град, не беше мигрант како сите козари, туку эмигрант, човек што ја минал границата, па мораше да биде видливо лојален...» (37–38).

⁶⁷ «Но овие луѓе го гледаа татка ми со големо сожалување како сеvezден ја влече црната чанта со книги и не стигнува да ги прехрани своите слабички деца» (42).

⁶⁸ «Па заклучуваа оти е голем партиски фанатик, готов да го види умирањето на своите деца, само да не скршне од линијата на партијата во врска со прашањето на козите» (43).

и скрытым противостоянием соседям⁶⁹ создает особенное семантическое поле, в котором взаимодействуют традиционные и новые культурные значения. Находясь в этом поле, образ семьи, вырванный из традиционного метафорического ряда стабильности, укорененности, источника всего живого, меняется и обогащается. В результате он развивается, осложняется, становится амбивалентным, приобретает новые, зловещие характеристики. Образ семьи-дома, представленный в народной картине мира как идиллический, деформируется за счет введения черт, относящихся к семантическому полюю смерти. Дом в повестях Старовы – это закрытое пространство, куда пытаются проникнуть голод, смерть, многочисленные несчастья.

Впрочем, сначала образ смерти/голода вводится в повествование при помощи приема персонификации, и смерть представляется как агрессор, внешний враг или просто некто, находящийся за пределами дома-семьи и «стучащийся» в его двери. Этот яркий пластичный образ неоднократно повторяется в тексте повести:

Голод стучался в двери почти всех семей...⁷⁰

[Мой отец] все более напоминал какого-то балканского Дон Кихота, не умеющего найти выход для семьи, в двери которой все сильнее стучался голод...⁷¹

Но тогда, во время голода, когда смерть впервые стучалась в двери нашей семьи...⁷²

⁶⁹ Первоначальное противопоставление семьи всему окружающему, в том числе ближайшим соседям, переродится в дальнейшем в настоящую близость, сплоченность с ними. Таким образом, активизируется очень важная на Балканах мифологема соседства, коллективности, возникновение которой Старова объясняет, между прочим, и пережитыми вместе страданиями (126). Впрочем, в этой интерпретации Старова далек от какой-либо идеализации, и в его текстах реализуется также негативный потенциал этой мифологемы (см. рассуждения о балканской поговорке «Чтоб у соседа сдохла коза» – 54).

⁷⁰ «Гладот тропаше на вратите на речиси сите семејства» (19).

⁷¹ «...сè повеќе личеше на некаков балкански Дон Кихот, кој не умее да најде никаков излез за семејството, на чии врати сè посилно тропаше гладот...» (28).

⁷² «Но тогаш, во времето на гладот, кога смртта првпат тропаше на вратите на нашето семејство...» (29).

Хотя мы и утешались словами матери о том, что вместе [пережитое] несчастье – меньшее несчастье, в двери нашего дома определенно стучалась смерть.⁷³

Посредством этого персонафицированного образа два семантически связанные понятия – смерть и голод – сливаются воедино. Таким образом, «голод», изначально будучи явлением социальным и экономическим, в контексте столь тесного сосуществования со смертью становится явлением экзистенциальным, онтологическим и потому еще более грозным и вызывающим ужас. Голодная смерть – главный и постоянно ожидающий «за дверями» семейства враг. При этом подчеркивается внутренняя сплоченность и одновременно одиночество семьи героя в этом мире – им неоткуда ждать помощи, они не могут положиться на окружающих, у них нет друзей⁷⁴, их надежда на спасение ничтожна. В отделенности семьи от остального мира – причина ее слабости и нестабильности, эта отделенность – залог и источник ее несчастий.

Смерть/голод в повести Старовы – это также и неотъемлемая часть жизни семьи. Смерть не только «стучится в двери семейства» снаружи. Смерть оказывается внутренней характеристикой самого семейства (впрочем, как и рождение⁷⁵). Как раз через рождение новых детей и вечное голодание уже родившихся смерть оказывается сильнее всего связанной с фигурой матери:

Смерти и рождения составляли календарь нашей семьи. Все было [проклято, роковым образом] перепутано. Частые смерти своих детей моя мать возмещала новыми родившимися.⁷⁶

⁷³ «Колку и да се тешевме со мајчината изрека дека заедничката несреќа е помала несреќа, на портата на нашата куќа тропаше сигурно смртта» (103).

⁷⁴ Появление друзей в жизни семьи связано с появлением в семье козы, которая символизирует преодоление замкнутости и одиночества, дает надежду на избавление от голода и на выживание.

⁷⁵ Рожаящая мать оказывается в сюжетном центре «Времени коз». В тексте подчеркивается традиционная многочисленность семьи, и одним из самых печальных является связанный с этой многочисленностью образ детской смерти. Именно ранняя детская смерть, неспособность детей «укорениться» в этом мире является одновременно причиной и результатом порочного круга постоянных рождений и смертей, в который оказываются вовлечены балканские матери (о чем подробнее см. далее). Это также может рассматриваться как параллель к отсутствию настоящего дома и постоянным скитаниям семейства.

⁷⁶ «Умирањата и раѓањата го сочинуваа календарот на нашето семејство. Сè беше проклето измешано. Честите умирачки на своите рожби, мајка ми ги надополнуваше со нови раѓања» (36).

Моя мать, придавленная тяжестью приближающихся родов и голодом других детей...⁷⁷

Рождение было каким-то антиударом судьбе, каким-то выходом, новой надеждой, после стольких смертей. Словно Бог удерживал балканских матерей при жизни дольше, чем их детей... Бог давал их душам новые силы, чтобы они выдержали. Никто не мог понять смысл этого несчастного черного круговорота жизни...⁷⁸

Именно голод в виде голодной смерти, разъединенности с миром, закрытости семьи – причина этого повторения. Как вырваться из проклятого замкнутого круга⁷⁹, преодолев голод и собственную отчужденность? Появление в семье козы дает ответ на этот вопрос.

Сюжетно образ коз вводится в структуру текста еще на первых страницах: дети, сидя на вершине крепости Кале, с высоты наблюдают триумфальное прибытие пастухов с козами в город и их появление на главной площади:

Мы, наверху на Кале, не могли понять, что происходит, но нам было понятно, что происходит нечто великое, взрослые говорили – историческое, что должно объясниться после, с течением времени...⁸⁰

Кале, «крепость, в которой заперто балканское время», представляет собой вертикальное сакральное пространство и является противоположностью

⁷⁷ «Мајка ми, прикештена од тежестите на скорешната рожба и гладот на другите рожби...» (36). Стоит отметить, что в повести Старовы жертвы голода – по преимуществу дети. Есть только одно упоминание о том, что был голоден также и отец (36). Мать же, главной целью жизни которой является счастье ее детей, описывается только как святая, защитница, кормилица – и физиологический голод во «Времени коз» ей не свойственен.

⁷⁸ «Раѓањато беше некаков протиудар на судбината, некаков излез, обнова на надејта, по толку умирачки. Небаре Бог ги одржуваше овие мајки балкански, подолго во живот отколку нивните рожби... А бог им внесуваше нова сила во црните души за да издржат. Никој не можеше да ја разбере смислата на ово црн круг на животот...» (70).

⁷⁹ Замкнутый круг, вечное повторение – определения, даваемые Старовой различным явлениям, свойственным, по его мнению, именно для культурно-исторической территории Балкан. В «Балканской саге» эти явления (например, вечные переселения, путаница – в различных контекстах, феномен соседства и т.д.) становятся движущими механизмами сюжета. Поиск выхода из этого вечного балканского дежавю – основное направление художественной мысли автора.

⁸⁰ «Ние, боти на Калето, не можевме да разбереме што се случуваше, но ни беше јасно дека се работи за нешто големо, повозрасните велеа историко, што требаше да ни се разјасни после, со текот на времето...» (8).

площади, горизонтальному пространству, профанному, историческому, пространству парадов, митингов, выступлений и т.д. (с.8). В приведенной цитате закладывается противопоставление «взрослого» – «исторического» мышления и «детского» – надисторического. Не напрасно в тексте «Времени коз» крепость Кале принадлежит детям, а дети принадлежат Кале:

Еще когда мы поселились около реки, Кале пленила наши взгляды и вселилась в наши души⁸¹.

Так вводится контекст для появления образа коз, коррелирующего, с одной стороны, с образом балканских матерей, а с другой стороны – с образом голодных, городских/накормленных, деревенских детей. Козы, по мысли Старовы, принадлежат к балканскому надисторическому, сакральному пространству и времени, козы – это единственное постоянное, что есть на Балканах (113).

Образ коз в связи с детским пространством голода описывается в таких категориях, как «защита», «спасение»:

...Коза, несмотря на все, что давала людям, особенно бедным, спасая их от голода, болезней, смерти, для многих осталась наименее ценным домашним животным.⁸²

...божья посланница, защитница бедных...⁸³

– которые, наконец, сочетаются в определении «святость». Святость в балканском народном представлении – понятие функциональное. Святой должен быть для чего-нибудь полезен, т.е. защищать (в том числе и от голода), помогать и т.д. В таком практическом контексте объединяются мать и козы, которые характеризуются как «святые» и «защитники» семейства⁸⁴:

⁸¹ «Уште кога се населивме крај реката, Калето ги плени нашите погледи и се всели во нашите души» (5).

⁸² «...Козата, и покрај сите добрини што им ги нудеше на луѓето, особено сиромасите, спасувајќи ги од глад, болести, смрт, за многумина остана и најпотценуваното домашно животно» (47).

⁸³ «...божја пратеница, заштитница на сиромасите...» (55).

⁸⁴ Что особенно отчетливо проявляется на фоне фигуры отца – «балканского Дон Кихота», «Сизифа», «вавилонца» (описания отца из разных книг «Балканской саги») – интеллектуала, человека, оторванного от реальности и погруженного в вечные размышления на исторические темы, человека, не способного позаботиться о своем большом семействе.

– И для нас козы – святые! – ответила ему мать.⁸⁵

Эта любовь между людьми и козами на Балканах была чистая, всеобъемлющая, святая.⁸⁶

Козы – «белые солнца», «белые божества». Козел Сталин в микросюжете об оплодотворении козы Сталинки называется «белым божеством любви» (с.82). Козы – воплощение языческого, божественного, телесного, физиологического, витального, это сама жизнь и ее источник. Это такая телесность, которая полностью реализуется лишь в сочетании с духом, а дух олицетворяют во «Времени коз» именно дети. Согласно мысли Старовы, в балканском культурном контексте дух и тело не могут разделяться, дух без тела также обречен на исчезновение, как и тело без духа. Дух и плоть – категории связанные и взаимопроникающие.

Посредством коз категория телесности появляется в образе детей, а именно та телесность, которая передается от коз детям через молоко и которая накрепко соединяет детей с козами:

Посмотрите... на наших крупных детей, с лицами как красные яблоки, по сравнению с вашими хрупкими, словно недокормленными городскими детьми. За каждым нашим ребенком стоит коза. Спасенный со спасительницей.⁸⁷

Мы были частью этой белой материи, которая в судьбоносное время нашего рождения и роста вливалась в нас невидимым потоком молока.⁸⁸

При утрате связи с козами (после исчезновения коз вместе с пастухом Чангой) дети начинают быстро терять приобретенную связь с физической жизнью и возвращаются в состояние «недокормленности», голодания, что в тексте выражается описанием их слабости, бледности:

⁸⁵ «– И за нас козите се свети! – го пречека мајка» (94).

⁸⁶ «Оваа љубов меѓу луѓето и козите на Балканот беше чиста, целосна, света» (98).

⁸⁷ «– Ги гледате ли...нашиве јадри чеда, со лица црвени како јаболко, наспроти вашите крешки, небаре недохранети градски деца. Зад секое наше дете стои една коза. Спасениот со спасителката» (13).

⁸⁸ «Ние бевме и дел од оваа бела материја, која во пресудното време на нашето раѓање и растење се влеваше во нас низ невидливиот поток на млекото» (102).

Еще не прошло и трех дней, а недостаток козьего молока был очевиден: лица детей уже были бледны, потому что молоко коз было главной, если не единственной пищей многих семей в Козар маало...⁸⁹

Кроме того, после исчезновения хрупкой гармонии телесного и духовного, воплощенного в общности детей и коз, слабость оставшегося в одиночестве духа начинает парадоксальным образом трансформироваться в категорию звериного, животного:

Без наших коз мы кружили, словно звери в клетке...⁹⁰

Во что перерастет эта метафора в контексте противостояния исторического и надисторического, разделения и объединения, вечных блужданий по балканскому лабиринту и возможности выхода из него – станет ясно в конце повести.

Таким образом, благодаря козам дети не только оказываются спасены от голода, но и привязаны к жизни физически, плотски. Старова утверждает существование рая на земле – это духовное, метафизическое (и в то же время очень плотское, физическое) пространство детства, откуда изгнаны смерть и голод и которое создано козами-кормилицами:

Детство часто путается с раем. Мы были там с козочкой.⁹¹

Этого чувства [смертности] нет [как у животных, так] и у детей, пока они не узнают ее существования. До тех пор они живут в своем раю. Когда кончается детство, исчезает и рай!⁹²

Также козы, спасая людей от голода, наделяя их физическими силами, способствуют возникновению между ними прочной связи, нарушением герметичности, замкнутости их существования:

Для детства в бедной семье всегда существует долго, долго ожидаемый, желанный миг, когда откроется дверь судьбы, ведущая в другое будущее.

⁸⁹ «Не минаа ни три дни, а недостигот од козјо млеко беше очигледен: образите на децата веќе беа бледи зашто млекото од козите беше главната, ако не единствената храна на многу семејства во Козар маало...» (155–156).

⁹⁰ «Без нашите кози – кружевме како сверови во кафез» (133).

⁹¹ «Често детството се меша со рајот. Ние со козлото бевме таму» (40).

⁹² «Го немаат тоа чувство ни децата, сè додека не дознаат дека смртта постои. Дотогаш тие живеат во својот рај. Кога завршува детството, исчезнува и рајот!» (61).

Для нас, детей, для нашей семьи, эту дверь отворила коза, которую купил мой отец...⁹³

Молоко коз в эти тяжелые волчьи времена становилось эликсиром солидарности.⁹⁴

Никогда люди этого города не были так близки друг другу...⁹⁵

Однако с самого начала козы вступают в противостояние с новой властью, коммунистической партией. Козы не только оказываются пособницами врагов новой власти, козы противостоят истории, времени в профанном понимании, которое описывается как «волчье время»⁹⁶ (21). Партийная риторика привносит в «козий» дискурс новые коннотации. Это характеристики коз как «белых дьяволов»:

...Козы, эти белые дьяволы, которых использует наш классовый враг. Мы забрали их имущество, магазины, у них нет ничего, кроме злого духа, и понятно, их другом стали козы...⁹⁷

Какие козы, какие белые дьяволы...⁹⁸

Коза как дьявол, «князь мира сего», соблазняющая слабых детей плотским, сытым, живым раем, привязывающая дух человека к его плоти, препятствует прогрессу и воцарению истинного, партийного рая на земле. Партия стремится отделить детей (людей) от коз, как стремится отделить дух от тела.

⁹³ «Име секогаш во детството на сиромашните семејства еден долго, долго посакуван, очекуван миг кога се отвора вратата на судбината што треба да води кон подруга иднина. За нас, децата, за нашето семејство, тоа вратиче ни го отвори мизантроп што ја купи татко ми ...» (40).

⁹⁴ «Млекото на козите во тие тешки волчји времиња стануваше еликсир на солидарноста» (21).

⁹⁵ «Никогаш луѓето од овој град не биле толку блиски меѓу себе» (22).

⁹⁶ Метафорическое противостояние коз и волков реализуется также в центральном мета-текстуальном эпизоде, когда в повести появляется «чужой» текст – «Козочка господина Сегена» А. Доде. Сцена, когда Чанга вслух читает пастухам «Козочку...», и эмоциональная реакция пастухов могут показаться преувеличенными, если интерпретировать эту сцену в отрыве от метафорического контекста целой повести. Как пишет А. Реджепи, «принесение в жертву коз – значит принесение в жертву людей» (*Рецепти А. Балканска сага ...* С. 67). Намеченный сюжет позже реализуется в рассказе об учителе и козе (109) и в злощестном гротескном повествовании о пастухе, укрывающем козленка в овечьей шкуре (121).

⁹⁷ «...Козите, тие бели ѓаволи, со кои се служи нашиот класен непријател. Им ги одзедовме имотите, дуќаните, немаат ништо, освен злобниот дух, па разбирливо, нивни пријатели станаа козите...» (100).

⁹⁸ «Какви козите, какви бели ѓаволи...» (129).

В этом контексте партийный лозунг «Смерть козам, свобода народу!» может быть интерпретирован также как стремление партии избавиться («освободить») людей от неконтролируемого телесного, витального начала, железной рукой загнать их в иной рай на земле – рай коммунистический, рай машин («большие фабрики» – 99, «тракторы, локомотивы» – 129) и счастливого будущего. В этом раю нет голода – по причине отсутствия в нем телесности, но, однако, нет места и для живой жизни и старых (устаревших, вражеских) традиций:

Когда мы уничтожим коз...освободится невиданная энергия, мы превратим страну в райский сад⁹⁹.

Голод оказывается также союзником (хотя и временным, ибо в коммунистическом «райском саду» голода не будет) и воплощением «янычарской» политики партии «Разделяй и властвуй». Стремление разделять одновременно в сочетании с тенденцией быть разделенным в текстах Луана Старовы является основным смыслом, которым он наделяет понятие «янычар», «янычарство».

Противостояние коз и коммунистических «янычаров», волков заканчивается победой партии. Козы и пастух Чанга прячутся и исчезают там, откуда пришли, – в сакральном времени и пространстве. А именно – в крепости Кале. Это дает надежду¹⁰⁰, но в то же время и свидетельствует о победе партии – победе как внешней, так и внутренней, в душах людей. Уже упомянутый мотив звериности, животного начала в людях, появившийся в образе главных героев с исчезновением коз, получает логическое завершение в их поступках и словах:

Принесенные в жертву пусть останутся принесенными в жертву. Что мы можем?¹⁰¹

Это торжество политики разделения, сложения с себя личной ответственности, т.е. победа янычарства (пусть и временная), воплощение «волчьего времени» по принципу «человек человеку волк» и «каждый сам за себя». Тем более знаменательными становятся эти слова, что их

⁹⁹ «Кога ќе уништите козите...ќе се ослободи невидена енергија, земјата ќе ја претвориме во рајска градина» (99).

¹⁰⁰ В образном ряду «Времени коз» надежда является синонимом жизни. С другой стороны, надежда бывает и напрасной, бессмысленной, «пустой», воплощением вечного повторения и бесконечности как балканского проклятия (164).

¹⁰¹ «Жртвуваните нека останат жртвувани. Што можеме?» (157).

произносит мать – хранительница и защитница семьи и жизни. Урок голода и коз остался неусвоенным, и герои продолжают свое путешествие по балканскому лабиринту.

Приложение

«Большая вода» Живко Чинго: метафизика детства.

Отмеченная ранее двойственная природа голода – как явления реальной жизни и как экзистенциального фактора – находит особенно четкое отражение в произведениях Живко Чинго. Возможно, именно эта контаминация реального и экзистенциального компонентов в явлении голода породила аналогичную двойственность времени и пространства в повести «Большая вода» и цикле рассказов «Пасквелия». Реальность отображаемого времени – тяжелые послевоенные годы, а в «Большой воде» даже указывается точная дата: «Была весна 1946 года, первая послевоенная весна»¹⁰² – присуща обоим текстам. Однако для хронотопа этих произведений характерно также присутствие другого измерения – надисторического, сакрального. Образ голода можно рассматривать в том числе и как источник возникновения этого измерения, существующего за пределами реальности. В анализе цикла рассказов «Пасквелия» мною было показано, каким образом оппозиция голод/изобилие помогают структурировать такое художественное пространство и время в повествовании.

Повесть «Большая вода» обладает, на первый взгляд, более четко определенными принципами организации повествования. Отдельные аспекты нравственной проблематики в «Пасквелии» (например, проблема милосердия и прощения (главным образом на материале внутрисемейных отношений), появляющаяся в некоторых рассказах цикла – «Дочь», «Неродные», «Сын») в повести «Большая вода» являются основным идейным содержанием. Можно сказать, что «Большая вода» – это повествование в определенном смысле более традиционное, опирающееся на гуманистические традиции литературы XIX в. (особенно социальный пафос русской литературы). Посвященное общественным и моральным проблемам, оно находится в русле произведений о «маленьком человеке», его незаметной, но тяжелой жизни и сочувствия

¹⁰² «Беше пролетта 1946 година, првата пролет по војната» («Големата вода», 9). Все цитаты даю в собственном филологическом переводе, оригиналы цитат приводятся по изданию: Живко Чинго. Големата вода. Скопје, 1971.

к нему со стороны автора. Все это усугубляется еще и тем, что «маленькие люди» повести Чинго – маленькие в прямом смысле, это дети, более того – дети-сироты. Само появление на страницах книги героя-сироты запускает в действие целый культурологический механизм¹⁰³, всю предшествующую книжную и культурную традицию, включающую народные и литературные сказки, и Диккенса, и сентиментальные рождественские истории. Учитывая столь богатую традицию, достаточно сложно сказать новое слово, тем более что сам материал «Большой воды» великолепно вписывается в эту традицию на уровне образов и мотивов: несчастные, голодные дети, жестокие воспитатели, тяжелые времена и т.д.

Однако этой морализаторской традиции сопутствует традиция притчи-параболы, метафорического повествования, ставшего особенно актуальным в XX в. поисков ответов на главный вопрос: «Я человек – кто я?». Писательское мастерство Чинго заключается в том числе в способности соединять реалистичность и метафоричность повествования таким образом, чтобы оба эти элемента были уравновешены. Подобным способом действует в «Большой воде» образ голода, голодания¹⁰⁴, который можно рассматривать не только как неотъемлемую часть образа сироты, но и как культурный концепт, организующий реальное и надральное пространство в произведении.

Сирота Лем (и имплицитно другие дети-сироты) на протяжении всей книги перемещается из одного пространства в другое. Сначала с детьми связано открытое природное пространство:

[Дети,] пойманные в полях, садах, лесах, сараях, скалах, по большому снегу¹⁰⁵.

Так посредством образа детей, которых ловят воспитатели, в повествование вводится семантика охотника и преследуемой добычи, т.е. с первых же страниц появляется скрытый, потенциальный образ убийства и поглощения (пищи). Описание детей как добычи придает им статус объекта, на который направлено действие, т.е. значение пассивности уже

¹⁰³ Сирота – это сама по себе культурная метафора, по утверждению Магдалены Йонцы (см.: *Jonca M. Sierota w literaturze polskiej dla dzieci w XIX wieku*. Wrocław, 1998. S. 16).

¹⁰⁴ Как уже было продемонстрировано при рассмотрении цикла рассказов «Пасквелья», в произведении Чинго голод является частью оппозиции, второй элемент которой – еда/поглощение еды/изобилие. Эта оппозиция присутствует и в «Большой воде».

¹⁰⁵ «Уловени по полињата, по градините, по шумите, по плевните, по карпите, по големиот снег» (9).

появилось, но все же объект еще обладает собственной жизнью, волей и имеет какую-то индивидуальность. Пусть эта индивидуальность описывается нарратором как что-то отвратительное, в категориях голода и нечистоты (которые отождествляются друг с другом), а сами дети сравниваются с «гадами»¹⁰⁶:

Мы были печальной толпой голодных и нечистых, бездомных детей.
Злые, черные маленькие гады, как нас называли наши добрые воспитатели¹⁰⁷.

– тем не менее она существует и выражается прежде всего в активном сопротивлении:

Будь я проклят, мы не давались¹⁰⁸.

Голодные бездомные дети на открытом пространстве, тем не менее, свободны. Этой голодной свободе в «Большой воде» противопоставляется, во-первых, образ дома, где ребенка ожидает еда:

Мы, конечно, не знали, что нас отнесут в дом, под крышу, в кровать, что нам дадут теплый кофе с джемом и куском хлеба, что это [«охота» на бездомных детей] делается для нашего блага...¹⁰⁹

Однако, как это становится ясно из дальнейшего повествования, такой дом, который предлагает ребенку еду, – это дом фальшивый, дом поддельных родителей. Пространство фальшивого дома на страницах «Большой воды» связано с образом дяди Иле Костадиноского и «золотой» тетушки Колы Костадиноской. Фальшивый характер этих

¹⁰⁶ Образы детей, отождествляемые с образами нечистоты, вызывающими отвращение, также реализуются в дальнейшей наррации посредством образов мышей, ящериц: «Тогда все дети сходили с ума, они убегали как безумные, прятались как мыши во всем доме» – «Децата тогаш одред избезумуваа, гледате како поштукнати бегаат, се кријат како глувци насекаде во домот» (26); «Наверное, много времени понадобилось сыну Кейтена, чтобы найти меня среди остриженных мышей» – «Сигурно долго време му требало на Кејтеновиот син за да ме изнајде меѓу истрижените глувци» (84); «Господи боже, я ползал под стеной как маленькая черная ящерка» – «господи боже, лазев крај сидот како некоја гуштеричка, малечка, црна» (84). Все это – хтонические символы, означающие темные силы, бессмысленное движение (Купер Дж. Энциклопедия символов. М., 1995. С. 212).

¹⁰⁷ «Ние бевме една тажна толпа гладни и нечисти деца, бездомни. Лоши, црни малечки гадови, како што нè викаа добрите воспитувачи» (9).

¹⁰⁸ «Проклет да бидам, ние не се дававме» (9).

¹⁰⁹ «Сигурно не знаевме дека ќе нè носат во дом, под покрив, во кревет, дека ќе ни дадат топло кафе со џем и парче леб, дека тоа го прават за наше добро...» (10)

ненастоящих родителей подчеркивается частотностью употребления позитивных эпитетов: «добри», «златна». Сцена прощания дядюшки с Лемом, которого, наконец, поймали и ведут в детский дом, полна иронии:

– Клянусь этим золотым солнцем, я спасу тебя, Лем... Верь мне, Лем, мой дорогой, я тебя спасу.¹¹⁰

Дядюшка Костадиноски, клянущийся, что спасет Лема, и одновременно боящийся своей жены, является ярким примером снижения и иронической травестики эпического героя. В свою очередь, тетушка Костадиноска представляется более однозначно как негативный персонаж, прежде всего, именно как пародия на фигуру Матери, Большой воды, пародия на божественное начало.

Костадиносские показаны как воплощение ненастоящих родителей также по причине их подчеркиваемой автором сексуальности. Эта сексуальность травестирует родительскую любовь и ласку, только имитируя эти чувства, и, как и в «Пасквелии», тоже связана с едой:

Я знаю и про собак, и про коров, знал, почему иногда тетушка погладит меня по голове, даст хлеба с сыром, чтобы только я вышел из дома во двор...¹¹¹

Попав в пространство детского дома, дети оказываются в беспредельной власти воспитателей и, самое главное, «папочки» Аритона Яковлеского. «Вечный голод» на этот раз уничтожает в детях активное, сопротивляющееся начало, забирает их свободу. Дети начинают существовать или как однородная масса, или как предметы:

Все дети стояли как статуи¹¹².

Как старые выброшенные вещи, их можно было видеть в куче под стеной¹¹³.

Большинство детей как подкошенные лежали на земле, все равно, день или ночь... Целый двор потемнел от лежащих как подкошенные детских тел¹¹⁴.

¹¹⁰ «Жими ова златно сонце, Леме, ќе те спасам... Верувай ми, Леме, вујчино, ќе те спасам» (9–10).

¹¹¹ «Знам и за кучињата и за кравите, знам зошто вујна понекогаш ме мазни по глава, ми дава лепче со сиренце само да за излезам надвор од куќи...» (11).

¹¹² «Сите деца стоеја како кипови» (36).

¹¹³ «Како исфрлени стари предмети можеа да се видат на куп децата во тој предел крај ѕидот» (58).

¹¹⁴ «Повеќето от децата како покосени лежеа наземи, сеедно веќе дали беше ден или ноќ... Целиот двор потемне од изнапаѓани, покосени детски тела» (80).

Торжество абсолютной, садистской¹¹⁵, тоталитарной власти взрослых – это реализация образов «дети – еда» и «дети – жертва»:

– Сладкие птенчики, что я вижу... слетелись мои голубки, продолжал шутить папочка, страшным был Аритон Яковлески, рожденный шутить¹¹⁶.

Как ягнята, мы покорно ложились под ножницы...¹¹⁷

Слышишь, как тихой, глухой ночью, во сне, взвизгнет какой-нибудь из детей, словно кто-то поднес к его горлу нож¹¹⁸.

Однако одновременно это абсолютное исчезновение субъектного начала в детях и концептуализация мотивов жертвы и самопожертвования, нашедшие самое яркое выражение в образе сына Кейтена, как раз позволяет интерпретировать их полное умаление (в том числе и физическое – описанное как голод, слабость, сонность, постоянная лихорадка, нечистота и т.д.) и унижение как залог воскрешения в метафизическом пространстве настоящего дома. Пройдя через страдания, апогей которых связан с образом дерева¹¹⁹, воплотившим мечту детей о матери, Исак Кейтен откроет источники милосердия не только для себя, но и для «папочки» Яковлеского:

Будь я проклят, никто не знал, что произошло с папочкой. Клянусь, никто не знает, что происходит с человеческим сердцем... Будь я проклят, если мы в своей жизни молились за кого-нибудь больше, чем за нашего папочку... товарища Аритона Яковлеского¹²⁰.

Большая вода – территория снов, мечты, абсолютной материнской любви и тепла, воплощение детского рая, где нет голода, поскольку нет

¹¹⁵ О феномене садизма взрослых по отношению к детям в тоталитарной культуре см.: *Неделя Аркадий*. Размещаясь в неизбежном. Эскизы ставинской метафизики детства. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_3/05_2.htm

¹¹⁶ «– Пиленцава слатки, гледај што гледам...слетале гулапчињата мои, уште се шегуваше татенцето, страшен беше Аритон Јаковлески, роден за шега» (61).

¹¹⁷ «Како јагнија, покорно легнувавме под ножиците» (83).

¹¹⁸ «Слушаш некое од децата во сонот, во тихата, глува ноќ вриснува как да му ставил некој нож под грло» (67).

¹¹⁹ Что может ассоциироваться о смертью Иисуса на кресте.

¹²⁰ «Проклет да бедам, никој не знаеше што се случи со татенцето. Се колнам, никој не знае што се случува со човековото срце...Проклет да бедам, ако за некого во животот повеќе сме се молеле на господата отколку за нашето татенцето...другарот Аритон Јаковлески» (155).

нужды в еде. Голод сопровождает детей именно потому, что они одиночки, заброшены. Когда появится Большая вода – голода не будет:

Усталость, тяжелый путь, голод и жажда, которые мучали нас часами, пока нас несли в дом, тотчас исчезли, точно всю нашу муку, несчастья распустила добрая душа Большой воды¹²¹.

Это видение Большой воды, появляющееся в самом начале книги, сопровождает Кейтена и Лема, а также всех детей-сирот на протяжении всего повествования, обещая им выход из детского дома и пространства душевных страданий и голода.

Литература

Старова Луан. Времето на козите. Скопје: Матица Македонска, 2001.

Чинго Живко. Големата вода. Скопје: Македонска книга, 1971.

Чинго Живко. Пасквелија. Скопје: Култура, 1968.

Brach-Czajna J. Metafizyka mięsa // *Antropologia ciała. Zagadnienia i wybór tekstów*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2008.

Brzozowska-Krajka A. Granica a czas w ludowej wizji świata // *Pogranicze jako problem kultury. Materiały konferencji naukowej. Opole 13–14.12.1993 / red. naukowa Teresa Smolińska*. Opole, 1994. S. 153–163.

Cirlot J. E. Słownik symboli. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2006.

Frankl V.E. Homo patiens. Warszawa: Institut Wydawnictwa PAX, 1998.

Jonca M. Sierota w literaturze polskiej dla dzieci w XIX wieku. Wrocław: Wydawnictwo UW, 1998.

Miodońska L. Polski przekład „Paskveliji” Živka Činga // XXXIV научна конференция на XL меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, Охрид 13–30.VIII.2007. Скопје, 2008. S. 87–93.

Russell S.A. Głód. Historia nienaturalna. Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 2011.

Tresidder Jack. Symbole i ich znaczenie. Warszawa: Świat książki, 2001.

Гачев Г.Д. Тело в языке и комуникации // *Телесный код в славянских культурах*. М., 2005. С. 6–18.

Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008.

¹²¹ «Уморот, тешкиот пат, гладот и жедта што не следеа со часови додека не носеа во домот завчас исчезна, божеме сета наша мака, несреќи ги стопи добрата душа на Големата вода» (16).

- Купер Дж.* Энциклопедия символов. М., 1995.
- Монтанари М.* Голод и изобилие. История питания в Европе. СПб.: Alexandria, 2009.
- Недель А.* Размещаясь в неизбежном. Эскиз сталинской метафизики детства. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_3/05_2.htm.
- Подорога В.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995.
- Проскурнина М.Б.* Балканская клаустрофобия. Поэтика пространства македонского романа 2000-х годов. URL: <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2006/vol2/18.pdf>.
- Сорокин П.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia, 2003.
- Мојсјева-Гушева Ј.* Живко Чинго како магично реалистичен раскажувач // XXXIV научна конференција на XI меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Охрид, 13–30.VIII.2007. Скопје: Литература, 2008. С.61–70.
- Реџепи А.А.* Балканска сага (сагата во романескниот циклус на Луан Старова). Скопје: Институт за македонска литература, 2005.

Содержание

<i>Никифоров К.В.</i> Вместо предисловия.....	3
<i>Ристовский Б.</i> Россия/СССР и Македония от АСНОМ до независимости (1944–1991)	7
<i>Игнатъев Р.Н.</i> Македонцы и этнографическое знание в СССР (России)	17
<i>Учаева Н.А.</i> Советская историография о Балканских войнах 1912–1913 гг.	25
<i>Гуськова Е.Ю.</i> Положение национальных меньшинств в Македонии в первые послевоенные десятилетия после Второй мировой войны	35
<i>Поповский В.</i> Македонский вопрос в политике СССР (1922–1940 гг.)	47
<i>Иваноский В.</i> Советская дипломатия о ситуации в Македонии в 1945 г.	65
<i>Терзиоский Р.</i> К вопросу об основании и деятельности Общества советско-македонского культурного сотрудничества (1945–1948)	79
<i>Шкарич С.</i> Политическая система Македонии в 1945–1953 гг. (Взгляд из XXI века)	91
<i>Мирчевская К., Янчева Л.</i> Помощь Советского Союза в восстановлении Скопье после землетрясения 1963 г.	113
<i>Траяновский А.</i> Московская всеправославная конференция (1968) и попытки признания автокефальности Македонской православной церкви Охридской архиепископии	121
<i>Валева Е.Л., Исаева О.Н.</i> Македонистика в СССР: к истории политических табу	141
<i>Сквозников А.Н.</i> Политическая борьба между балканскими государствами за македонские земли в конце XIX – начале XX вв.	159
<i>Усатенко О.А.</i> Македония в 1989–1992 гг.: «подаренная независимость» или политическое искусство?	173

<i>Колосков Е.А.</i> Россия и «новый македонский вопрос»: российско-македонские отношения в 1991–1994 гг.	189
<i>Ристовский Б.</i> Роль российской славистики в кодификации современного македонского литературного языка и орфографии (по поводу 100-летия со дня рождения проф. С.Б. Бернштейна)	199
<i>Усикова Р.П.</i> Этапы развития македонского литературного языка (1945–1991)	213
<i>Пандев Д.</i> Македонский язык в советской лингвистике (1945–1991)	223
<i>Каранфиловский М.</i> Русистика в Македонии (1945–1991)	231
<i>Боронникова Н.В.</i> «Грамматика македонского литературного языка» Б. Конеского и «Русский язык (грамматическое учение о слове)» В.В. Виноградова (влияние и традиции)	235
<i>Макарийоская Л.</i> Македонская православная церковь и македонский язык в богослужении (1945–1991)	247
<i>Ганенкова Т.С.</i> Предлоги со значением траектории движения в современном македонском языке	261
<i>Прасолова Н.В.</i> История сотрудничества Македонии и Библиотеки Российской Академии наук	271
<i>Косик В.И.</i> Учитель пения	277
<i>Лужина Е.</i> Культ К.С. Станиславского и македонский театр 1945–1970-х гг.	283
<i>Спасевский М.</i> Российские авторы в македонских исследованиях о литературе. 1970–1990 гг.	293
<i>Куглерова М.</i> Образ голода в македонской литературе XX века (на материале прозы Луана Старовы и Живко Чинго)	305

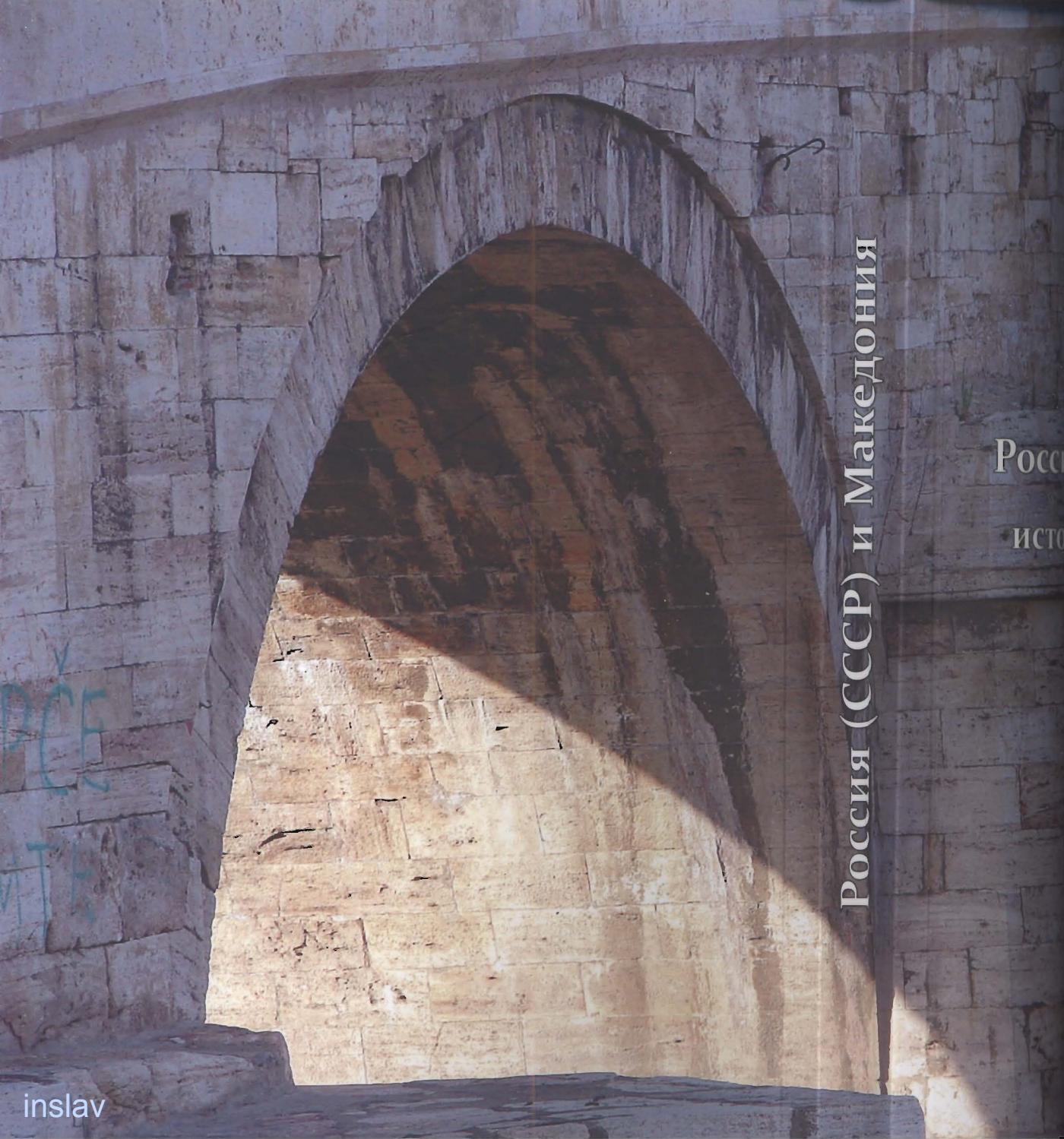
Научное издание

**Россия (СССР) и Македония:
история, политика, культура
1944–1991 гг.**

Ответственный редактор
К.В. Никифоров

Оригинал-макет: Ю.А. Созиной

Подписано в печать 4 июня 2013 г. Объем 21,25 п. л.
Тираж 500 экз. Формат 60 x 90/16.

Россия (СССР) и Македония

Росси
исто

У
РСЕ
ИТЕ